

18+

Увлекательное чтение,
проливающее свет
на эпоху Ренессанса
— Элисон Уэйр —

ИГРА КОРОЛЕВ

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ
ИЗМЕНИЛИ ИСТОРИЮ ЕВРОПЫ

— САРА ГРИСТВУД —

Сара Гриввуд
Игра королев
Женщины, которые изменили историю
Европы

*Посвящаю своей старшей племяннице
Эмили Уэст*

Гриствуд с поразительным изяществом переплетает многочисленные повествовательные линии... Плотный насыщенный захватывающими фактами, этот масштабнейший проект с триумфом достигает поставленной цели.

Literary Review

Великолепное исследование выдающейся группы людей. Гриствуд дает нам точный анализ с острым вниманием к деталям, прекрасным слогом описывая поистине потрясающих женщин и их жизнь, полную отваги, страданий и целеустремленности. Просто не оторваться.

Кейт Уиллиамс, автор The Storms of War

Гриствуд вплетает в драму монархии семейные детали.

Telegraph

Автор создает детальное описание, которое раскрывает сложность взаимодействий и отношений между этими необыкновенными, теперь уже легендарными, женщинами, их семьями и странами, которые внесли значительный вклад в политические, интеллектуальные и культурные достижения, а также в саму атмосферу эпохи Возрождения. Захватывающая работа о мире и истории женщин.

Booklist

Гриствуд делает их всех живыми благодаря характерному для нее сочетанию глубокого исследования характеров и легкого слога»

History Revealed

Живое хронологическое повествование с захватывающим сюжетом.

Publishers Weekly

Sarah Gristwood

GAME OF QUEENS

The Women Who Made Sixteenth-Century Europe

© Sarah Gristwood, 2016

© Строганова О. В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2024

КоЛибри®

Игра королев: Кто есть кто

Испания и империя Габсбургов

Изабелла I Кастильская (1451–1504)

Правящая королева Кастилии с 1474-го до своей кончины в 1504 году. Бракосочетание Изабеллы с Фердинандом II Арагонским (1452–1516) объединило два основных испанских королевства, они успешно правили вдвоем как могущественные Католические монархи. Супруги имели только одного недолго прожившего сына, но несколько влиятельных дочерей. После смерти Изабеллы Кастилию унаследовала старшая из ее выживших дочерей Хуана Безумная (1479–1555), однако Фердинанд не хотел терять власть над этим королевством.

Максимилиан I, император Священной Римской империи (1459–1519)

Женившись на Марии Бургундской (1457–1482), правящей герцогине земель, которые впоследствии будут известны как Нидерланды, Максимилиан задался целью собрать в руках семьи Габсбургов как можно больше европейских территорий. В браке его сына Филиппа Бургундского (1478–1506) с Хуаной, дочерью Фердинанда и Изабеллы, родился (кроме других детей) будущий Карл V.

Маргарита Австрийская (1480–1530)

У Максимилиана и Марии Бургундской была и дочь. После помолвки с юным королем Франции Карлом VIII ее в детском возрасте отправили на воспитание ко французскому двору. После расторжения этой помолвки французской стороной Маргарита вышла замуж за сына и наследника Изабеллы и Фердинанда Хуана, а после его ранней смерти вступила в брак с герцогом Савойским. Когда герцог тоже умер, она возвратилась в Нидерланды, где много лет правила в качестве регента своего племянника Карла. При ее дворе служила

двенадцатилетняя Анна Болейн.

Карл V (1500–1558)

Карл унаследовал австрийские земли от деда по отцу Максимилиана, как и выборный пост императора Священной Римской империи, который тоже занимал Максимилиан; получил бургундское наследство от своего отца Филиппа (Нидерланды); Кастилию от матери Хуаны и Арагон от деда по материнской линии Фердинанда, не говоря уже о землях в Новом Свете. Карл такое наследство нашел обременительным и в конечном счете уступил австрийские земли, власть в Восточной Европе и со временем власть над Священной Римской империей своему младшему брату Фердинанду (1503–1564). Подобное сосредоточение территорий в руках одного семейства обеспечило господство Габсбургов в XVI веке.

Мария Австрийская (1505–1558)

Другая сестра Карла V и Фердинанда Мария была женой короля Венгрии, пока в результате битвы при Мохаче не стала молодой вдовой. Тогда она держала власть Габсбургов от имени Фердинанда против наступления турок Османской империи. Как племянница Маргариты Австрийской, которая ее воспитала, она затем стала преемницей Маргариты на посту регента Нидерландов. Три сестры Марии были королевами, супругами правящих монархов: Элеонора (1498–1558) – королевой сначала Португалии, затем Франции; Изабелла (1501–1526) – Дании, Норвегии и Швеции; Екатерина (Каталина, 1507–1578) – Португалии, которой она впоследствии правила как регент.

Кристина Датская (1521–1590)

Дочь Изабеллы и ее мужа короля Дании Кристиана II. После свержения отца Кристину воспитывали родственницы Изабеллы: ее тетя Маргарита Австрийская и сестра Мария Австрийская. Сначала она вышла замуж за герцога Миланского, затем была супругой герцога Лотарингского, а потом рассматривалась в качестве возможной невесты Генриха VIII. Кристина, решительный игрок на европейской политической сцене, пыталась вернуть скандинавские королевства своего отца и являлась главным участником переговоров по

заклучению важного Като-Камбрезийского мира.

Маргарита Пармская (1522–1586)

Внебрачную дочь Карла V Маргариту тоже воспитывала Мария Австрийская, которой она в свою очередь наследовала в 1555 году в качестве регента Нидерландов, управляя от имени единокровного брата Филиппа II. Сын Маргариты Алессандро Фарнезе, герцог Пармский, был выдающимся генералом Филиппа.

Филипп II (1527–1598)

Филипп II, кроме прочего, был наследным монархом Нидерландов, а также территорий Нового Света, значение которых все больше возрастало. Женившись в молодые годы на Марии Тюдор, он стал королем-консортом Англии, затем по линии матери унаследовал Португалию. Конечно, он известен – печально известен – тем, что в 1588 году направил Непобедимую армаду против Елизаветы Английской.

Франция

Анна де Божё (Анна Французская) (1461–1522)

Старшая дочь короля Франции Людовика XI (1423–1483) Анна фактически правила Францией как регент в период малолетства своего младшего брата Карла VIII (1470–1498). Сильная и влиятельная личность, автор книги для аристократок, которую сравнивали с работой Макиавелли «Государь», она участвовала в воспитании и Маргариты Австрийской, и Луизы Савойской.

Анна Бретонская (1477–1515)

Унаследовав от отца независимое герцогство Бретань в 1488 году, Анна надеялась сохранить независимость Бретани перед лицом давления со стороны Франции. После нескольких месяцев вооруженного противостояния в 1492 году она оказалась вынуждена согласиться на брак с французским королем Карлом VIII, который с помощью своей сестры Анны де Божё практически лишил ее власти. По условиям брачного договора после смерти Карла ей пришлось

выйти замуж за его преемника, следующего короля Франции Людовика XII (1462–1515).

Луиза Савойская (1476–1531)

Изначально Луиза была бедной родственницей Анны де Божё. Однако ее статус неуклонно повышался, поскольку несколько французских королей умирали один за другим, не оставляя наследника, и ее сын от графа Ангулемского Франциск оказался ближайшим к трону. В 1515 году Франциск I (1494–1547) стал королем Франции, а Луизу многие считали неофициальной властью.

Маргарита Наваррская (Маргарита Ангулемская, 1492–1549)

Кроме сына Франциска, у Луизы была дочь Маргарита. Все трое были так близки, что их называли «троицей». Оба брака Маргариты (с герцогом Алансонским и Генрихом II Наваррским) не сказались на ее привязанности к брату и власти при его дворе. Писательница, мыслитель и реформатор католической церкви, Маргарита, вероятно, стала образцом для юной Анны Болейн.

Гуфье де Бониве (Гийом Гуфье, сеньор де Бониве, ок. 1488–1525)

Воин и аристократ Бониве воспитывался вместе с будущим Франциском I, наставником которого был старший брат Бониве Артус Гуфье. Получив чин адмирала Франции в 1515 году, он благодаря благосклонности Франциска командовал несколькими важными военными и дипломатическими кампаниями. Его называли прототипом «опасного» героя нескольких фрагментов «Гептамерона» Маргариты Наваррской.

Екатерина Медичи (1519–1589)

Отпрыск богатого флорентийского семейства банкиров, Екатерина пережила много горестей во время войны в начале XVI века. Брак с будущим французским королем Франции Генрихом II (1519–1559) сделал ее королевой-консортом Франции. Однако только после смерти супруга в 1559 году она обрела фактическую власть при трех своих сыновьях, которые последовательно занимали французский трон: Франциске II (1544–1560), Карле IX (1550–1574) и Генрихе III (1551–

1589).

Гиз (Франсуа, герцог де Гиз (1519–1563); Генрих, герцог де Гиз (1550–1558) и семейство Гиз)

Главными соперниками Екатерины Медичи в борьбе за власть были члены могущественного семейства де Гиз. Приходясь дядями королеве Шотландии Марии Стюарт, военный деятель герцог Франсуа и его брат кардинал Лотарингский оказывали большое влияние на Марию и ее мужа, французского короля Франциска II. После убийства Франсуа де Гиза в 1563 году его сын Генрих возглавил католическую Священную лигу во время Религиозных войн во Франции.

Жанна д'Альбре (1528–1572)

Жанна, дочь Маргариты Наваррской, в 1555 году унаследовала королевство своего отца Наварру. Воспитанная в реформатской традиции матери, она в 1560 году открыто перешла в протестантскую веру и стала первой выдающейся героиней Реформации. В браке с Антуаном Бурбонским (1518–1562) Жанна родила сына Генриха Наваррского (1553–1610), который впоследствии стал королем Франции Генрихом IV.

Шотландия

Маргарита Тюдор (1489–1541)

Старшая сестра Генриха VIII. Маргариту выдали замуж за короля Шотландии Якова IV (1473–1513), однако супруг погиб в сражении с армией брата при Флоддене, и Маргарита осталась регентом при своем малолетнем сыне Якове V (1512–1542). Решив удержать власть, она тем не менее сомневалась в собственных возможностях справиться самостоятельно и еще дважды неудачно вступала в брак.

Ангус (Арчибальд Дуглас, 6-й граф Ангус, ок. 1489–1557)

В 1514 году Маргарита Тюдор вышла замуж во второй раз – за Ангуса, по всей видимости, рассчитывая на поддержку могущественного клана Дугласов. Вскоре их брак разладился, и Ангус стал одним из главных соперников Маргариты в борьбе за контроль

над сыном, юным королем Шотландии. В этом браке родилась и дочь, леди Маргарита Дуглас (графиня Леннокс, 1515–1578), чья линия дала будущих монархов объединенных Британских островов.

Олбани (Джон Стюарт, 2-й герцог Олбани, ок. 1481–1536)

Взращенный во Франции и женатый на богатой французской наследнице, Олбани тем не менее был внуком шотландского короля XV века Якова II. Соответственно он являлся очевидным претендентом на замещение Маргариты Тюдор в качестве регента при ее несовершеннолетнем сыне Якове V. Олбани довольно сносно действовал как правитель Шотландии с 1515 года, но так никогда и не смог наладить свои отношения со страной.

Мария де Гиз (1515–1560)

Французская аристократка из могущественного Дома Гизов, Мария в 1538 году вышла замуж за шотландского короля Якова V. Он умер в 1542 году, через несколько дней после рождения их единственного ребенка Марии, будущей королевы Шотландии. С этого момента Мария де Гиз посвятила свою жизнь стараниям сохранить за дочерью шотландский трон.

Арран (Джеймс Гамильтон, 2-й граф Арранский и герцог Шателъро, ок. 1519–1575)

Родословная Аррана восходит к шотландскому королю Якову II: именно это убедило его в праве играть ведущую роль в шотландских делах. Испытывая сомнения (или, возможно, прагматично оценивая действительность) после смерти Якова V, он все равно боролся за власть с Марией де Гиз и испортил много крови ее дочери Марии Стюарт.

Джеймс Стюарт (1-й граф Морей, 1531/1532–1570)

Внебрачный сын Якова V, лорд Джеймс до возвращения в страну молодой единокровной сестры королевы Марии занял в Шотландии высокое положение и не имел желаний от него отказываться. Будучи убежденным протестантом, он прошел путь от советника Марии до одного из пособников ее свержения и регента при сменившем Марию

на троне ее малолетнем сыне.

Мария Стюарт (Мария, королева Шотландии, 1542–1587)

Мария была королевой Шотландии с раннего младенчества, но практически все детство провела во Франции, ожидая брака со старшим сыном Екатерины Медичи Франциском. После ранней смерти супруга она в 1561 году возвратилась в Шотландию и начала попытки править этой беспокойной страной. Ошибки Марии печально известны, и все они мужского пола: Риччо, Дарнли и Ботвелл. Не менее важной причиной ее окончательного краха и казни в замке Фотерингей стало происхождение Марии: оно делало ее католической претенденткой на английский престол, который занимала Елизавета Тюдор.

Дарнли (Генри Стюарт, лорд Дарнли, 1545–1567)

Дарнли был сыном леди Маргариты Дуглас, дочери Маргариты Тюдор, и, соответственно, имел основания претендовать на трон Англии. Возможно, в этом крылась основная причина его брака в 1565 году с королевой Шотландии Марией. Однако личность Дарнли заставила Марию осознать, что их брак был ошибкой, а его убийство в доме на Кирк-о-Фильд запятнало репутацию королевы и косвенно привело к ее свержению.

Ботвелл (Джеймс Хепберн, 4-й граф Ботвелл, ок. 1534–1578)

Непосредственной причиной краха Марии Стюарт стал ее третий брак с графом Ботвеллом, состоявшийся в мае 1567 года, когда Ботвелла по-прежнему активно подозревали в убийстве Дарнли. Весьма вероятно, что Ботвелл добился согласия Марии, похитив и изнасиловав ее. После ее поражения на поле боя и низложения он бежал за границу и умер в датской тюрьме, по общему мнению, потеряв рассудок.

Яков VI (1566–1625)

Сына Марии Стюарт и лорда Дарнли Якова (как несколько его предшественников на шотландском троне) короновали еще младенцем, вынудив его мать отречься от престола. Мальчика воспитывали в суровых традициях шотландской реформатской церкви и учили видеть

в Марии пример плохого управления и, вероятно, женской слабости. Яков поддерживал хорошие отношения с Елизаветой I, после ее кончины в 1603 году он стал королем Англии Яковом I.

Англия

Генрих VII (1457–1509)

Первый монарх из династии Тюдоров завоевал английскую корону в битве при Босворте в 1485 году. Его брак с наследницей Йорков Елизаветой объединил стремления Йорков и Ланкастеров, положив конец войне Алой и Белой розы, хотя казалось, что даже йоркисты не рассчитывали, что Елизавета Йоркская сама может принять корону. Брачный союз его наследника принца Артура с дочерью Фердинанда и Изабеллы Екатериной был удачным шагом для укрепления хрупкой новой династии Генриха.

Екатерина Арагонская (1485–1536)

Младшая дочь Фердинанда и Изабеллы Испанской. Сначала она стала женой старшего сына Генриха VII Артура, затем, после его ранней смерти, Екатерина вступила в известный спорный брачный союз с младшим братом Артура Генрихом VIII. Это был брак по любви, который продлился более десяти лет правления Генриха, но распался, потому что она не смогла родить королю сына.

Генрих VIII (1491–1547)

Наиболее известный тем, что имел шесть жен и порвал с Римом, потому что страстно желал получить наследника мужского пола, Генрих был монархом эпохи Возрождения. Соперник Франциска I и Карла V, он жаждал играть важную роль на более широкой европейской сцене. Когда Генрих взойшел на трон в 1509 году, его старшая сестра Маргарита уже была замужем за королем Шотландии, но он организовал брак своей младшей сестры Марии (1496–1533) с французским королем Людовиком XII и допустил ее второе замужество с собственным фаворитом Чарльзом Брэндоном (лордом Лайлом, герцогом Саффолкским, 1484–1545).

Томас Вулси (кардинал, ок. 1473–1530)

Стремительный взлет по церковной карьерной лестнице привел Вулси, сына мясника, к могущественному положению в правление Генриха VIII. Как лорд-канцлер Англии, а после 1515 года кардинал, он контролировал политику королевства в первую часть правления Генриха, однако пал так же быстро, как и поднялся, поскольку не сумел обеспечить королю развод с Екатериной Арагонской.

Томас Кромвель (ок. 1485–1540)

Протеже Вулси, Кромвель пережил отставку своего покровителя и поднялся с еще более низкого уровня до такого положения, что смог отщипнуть от национального пирога даже больше Вулси. Преданный религиозной реформе мирянин, Томас Кромвель получил исключительную власть над формирующейся англиканской церковью и использовал свою власть, чтобы распустить монастыри. Поначалу Кромвель поддерживал Анну Болейн, но потом порвал с ней и внес свою лепту в ее низвержение. Опала же Кромвеля произошла из-за другой жены Генриха: король отказался от своей четвертой жены, Анны Клевской, браку с которой способствовал Кромвель.

Анна Болейн (ок. 1501–1536)

В отношении даты рождения Анны существует некоторая неопределенность. Воспитывалась она сначала под руководством Маргариты Австрийской, а затем при французском дворе. Несмотря на опалу и в конце концов смерть на плахе, у Анны Болейн осталось непреходящее наследие – английский протестантизм и правление ее дочери Елизаветы.

Эдуард VI (1537–1553)

Третья жена Генриха VIII Джейн Сеймур в конце концов родила королю долгожданного сына, однако Эдуард прожил лишь шесть лет после того, как занял отцовский трон в возрасте девяти лет. Ревностный протестантизм его правления достиг кульминации, когда юный король попытался завещать трон не единокровным сестрам, Елизавете или Марии, а двоюродной сестре леди Джейн Грей (1537–1554), внучке младшей сестры Генриха VIII Марии.

Мария Тюдор (1516–1558)

Дочь Екатерины Арагонской и Генриха VIII, Мария глубоко страдала от разрушения брака своих родителей и отказалась вслед за отцом принимать протестантизм. Она перенесла большие невзгоды, пока в 1553 году смерть младшего брата Эдуарда не возвела ее на трон. Однако получив власть, Мария пыталась восстановить католичество и вышла замуж за испанского короля Филиппа, что принесло ей прозвище Кровавая Мария.

Елизавета Тюдор (1533–1603)

Дочь Анны Болейн прошла такой же тернистый путь к английскому трону, однако в результате своего продолжительного правления она осталась в памяти народа как величайший монарх Англии. История много говорит о продолжительном соперничестве Елизаветы со своей родственницей Марией Стюарт, королевой Шотландии, но гораздо реже мы рассматриваем отношения английской королевы с другими европейскими правительницами.

Роберт Дадли (1-й граф Лестер, 1532–1588)

Сын человека, который способствовал появлению на английском троне леди Джейн Грей, Роберт Дадли тем не менее стал главным фаворитом Елизаветы I, ходили слухи, что и любовником, а также самым долгим претендентом на ее руку. Их репутация пострадала, когда жена Роберта Эми Дадли умерла при подозрительных обстоятельствах, однако Роберт Дадли остался близким советником и другом королевы.

Уильям Сесил Берли (1-й барон Берли, 1520–1598)

Крупный государственный деятель правления Елизаветы Тюдор, Сесил сразу после ее восшествия на престол стал государственным секретарем, а впоследствии лордом-казначеем. Как и его соперник Дадли, Сесил был убежденным протестантом, побуждал Елизавету поддерживать своих единоверцев в Европе и был особенно непреклонным врагом католички Марии Стюарт.

Реформаторы

Мартин Лютер (1483–1546)

Считается, что немецкий теолог и бывший монах Мартин Лютер положил начало протестантской Реформации, когда в 1517 году он, предположительно, прибил свои 95 тезисов с критикой мздоимства в католической церкви на двери храма в Виттенберге. Его отказ покаяться вызвал глубокий раскол в Европе, однако воззрения Лютера (по-прежнему включавшие некоторые основные принципы католической доктрины) будут отвергнуты во многих землях новым и более критично настроенным поколением, в основном состоявшим из швейцарских реформаторов.

Жан Кальвин (1509–1564)

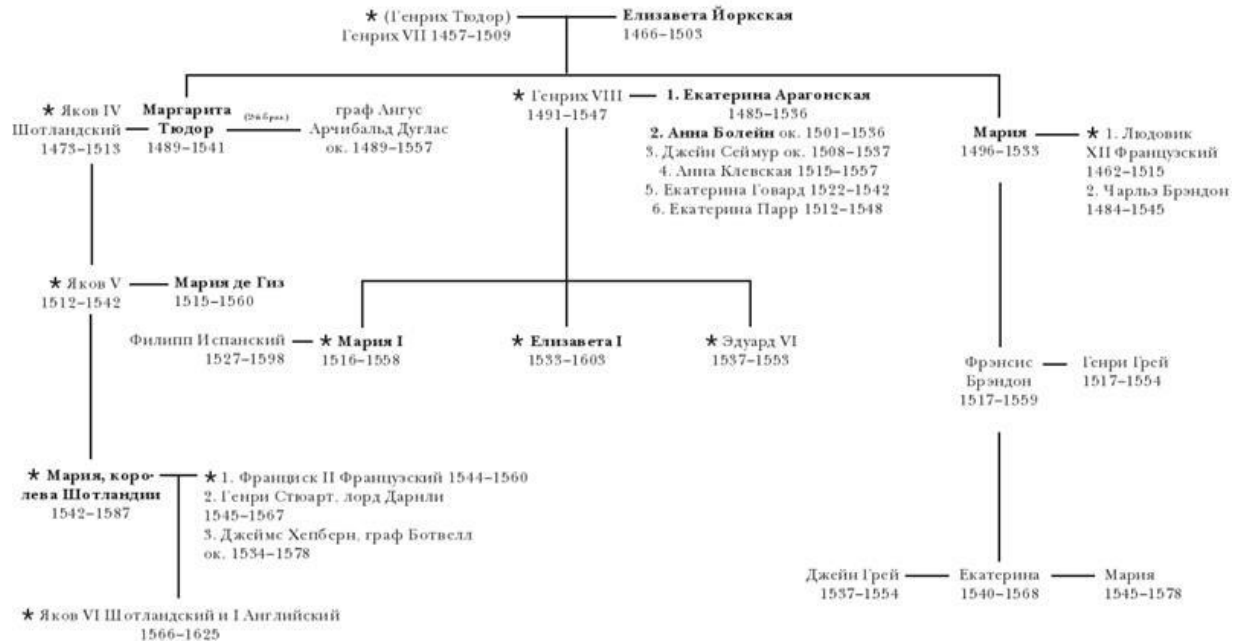
Наиболее известный как лидер протестантской церкви Женевы, Кальвин родился во Франции, но бежал из страны после преследований в 1534 году, вызванных противоречиями между теми, кто стремился к реформам внутри католической церкви, и теми, кто отвергал главные догматы католицизма. Учение, ставшее известным как кальвинизм, включает в себя доктрину, согласно которой судьба каждой человеческой души предопределена Богом, спасение души находится в полной Божьей власти и не зависит от исполнения церковных обрядов или количества благочестивых дел.

Джон Нокс (ок. 1513–1572)

Шотландский реформатор и бунтарь, некогда был приговорен к работам на французских галерах за участие в восстании. Жизнь в ссылке в Англии и континентальной Европе укрепила яростный антикатолический настрой Джона Нокса. Являясь открытым критиком шотландской королевы католички Марии Стюарт, он написал свою самую знаменитую работу «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» (*The first blast of the trumpet against the monstrous regi-ment of women*), которая восстановила против него и протестантку Елизавету Тюдор.

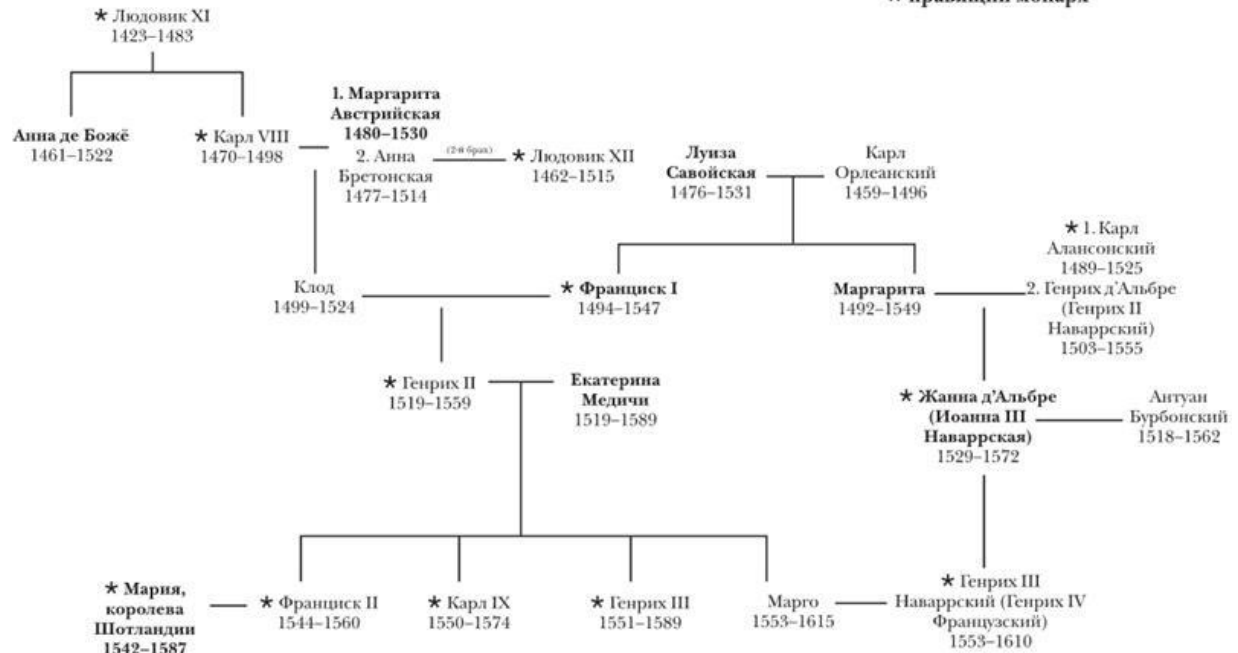
Англия и Шотландия

★ правящий монарх

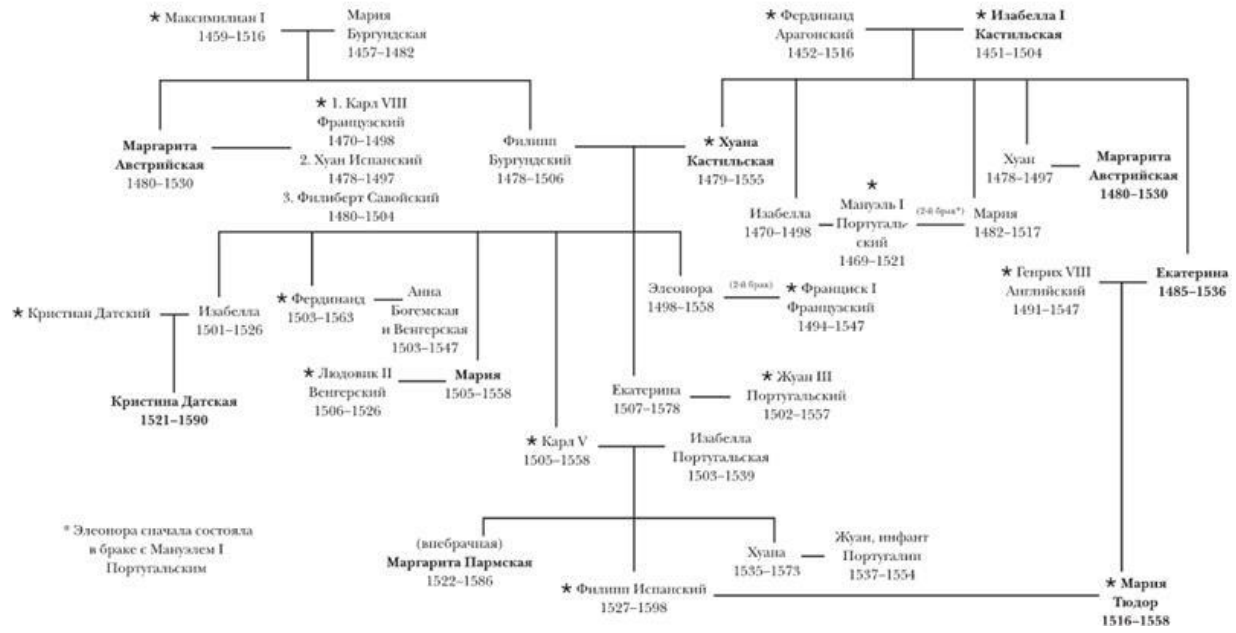
Франция

★ правящий монарх

Испания и империя Габсбургов

★ правящий монарх

Хронология событий

1474, 11 декабря. Изабелла I становится правящей королевой Кастилии, наследуя своему единокровному брату, чья предполагаемая дочь Хуана «Бельтранеха» тоже претендовала на трон.

1479, 20 января. Супруг Изабеллы Кастильской Фердинанд становится королем Арагона, наследуя трон отца. Он и Изабелла успешно вместе правят как «католические короли» Испании.

1482, 27 марта. Умирает Мария, правящая герцогиня Бургундии, престол переходит ее молодому сыну Филиппу.

1483, 30 августа. Карл VIII становится королем Франции, наследуя трон своего отца Людовика XI. Сестра Карла Анна де Божё фактически является регентом, поскольку королю только 13 лет.

1486, 16 февраля. Максимилиан I (Максимилиан Австрийский), супруг усопшей Марии Бургундской, избирается императором Священной Римской империи.

1491, 6 декабря. Анну, правящую герцогиню Бретани, вынуждают заключить брачный союз с королем Франции Карлом, положив начало связи Бретани с интересами Франции, которая впоследствии станет постоянной.

1492. Фердинанд и Изабелла завоевывают Гранаду (2 января), прекращая правление мавров в Южной Испании. По настоянию великого инквизитора Томмазо де Торквемады они изгоняют испанских евреев (31 марта), 17 апреля подписывают договор с итальянским мореплавателем Христофором Колумбом, позволявший ему заявлять права от их имени на все открытые им земли.

1498, 7 апреля. Людовик XII становится королем Франции, наследуя своему родственнику Карлу VIII.

1504, 26 ноября. Хуана Безумная официально становится правящей королевой Кастилии, наследуя своей матери Изабелле. Ее отец Фердинанд и муж Филипп Бургундский соперничают за контроль над страной.

1506, 22 сентября. Филипп Бургундский умирает, его вдова Хуана остается в многолетнем заточении, а контроль над Кастилией переходит Фердинанду Арагонскому. Нидерландские территории Филиппа переходят к его шестилетнему сыну Карлу.

1507, 18 марта. Маргариту Австрийскую назначают регентом Нидерландов при ее племяннике Карле.

1509, 21 апреля. Генрих VIII становится королем Англии, наследуя своему отцу Генриху VII. Он незамедлительно женится на Екатерине Арагонской.

1513, 9 сентября. Битва при Флоддене между Англией и Шотландией. Король Шотландии Яков IV погибает, ему наследует младенец Яков V, а его мать Маргариту Тюдор оставляют регентом.

1515, 1 января. Франциск I становится королем Франции, наследуя своему двоюродному брату и тестю Людовику XII.

1516, 23 января. После смерти Фердинанда Арагон остается его внуку Карлу, уже имевшему Испанские Нидерланды. 14 марта объявляется, что Карл примет управление всеми испанскими территориями, формально разделяя власть со своей лишенной свободы матерью Хуаной, законной правящей королевой Кастилии.

1517, 31 октября. Мартин Лютер вывешивает 95 тезисов на дверях храма Виттенбергского замка, осуждая порочные порядки католической церкви.

1519, 28 июня. Карла V избирают императором Священной Римской империи, вслед за его дедом Максимилианом.

1521, 3 января. Папа Лев X (первый римский папа из флорентийской семьи банкиров Медичи) отлучает от церкви Мартина Лютера.

8 апреля. Карл V передает контроль над своими наследными австрийскими землями Габсбургов брату Фердинанду (а также правление в Священной Римской империи), оставляя за собой испанские, нидерландские территории и Новый Свет.

18 апреля. Лютер предстает перед Вормским рейхстагом, но отказывается отречься.

1525, 24 февраля. В битве при Павии армия Карла V наносит сокрушительное поражение французам и захватывает в плен короля Франции Франциска.

1526, 29 августа. Битва при Мохаче: армия Османской империи под командованием султана Сулеймана Великолепного разбивает венгерские силы, что становится причиной распада государства. Турецкая угроза на востоке становится как никогда важным фактором европейской политики в последующие десятилетия.

1527, 6 мая. Имперские войска захватывают и разоряют Рим, папа Климент VII (второй папа римский из рода Медичи, дядя Екатерины Медичи) вынужден бежать. Поскольку император Карл V был племянником Екатерины Арагонской, разорение Рима имело серьезные последствия для решения папой вопроса о законности ее брака с Генрихом VIII.

1529, 3 августа. Маргарита Австрийская (от имени своего племянника Карла V) и Луиза Савойская (от имени ее сына Франциска I) подписали в Камбре «Дамский мирный договор».

1 октября. Марбургский диспут между Мартином Лютером и более радикальным швейцарским реформатором Ульрихом Цвингли проявляет важные теологические расхождения разных ветвей новой

реформатской веры. В следующем, 1530 году «протестантские» правители Германии создают Шмалькальденский союз, оборонительный альянс против власти императора Священной Римской империи Карла V.

1531, 3 января. Карл V просит свою сестру Марию Австрийскую принять на себя правление Нидерландами после кончины их тети Маргариты Австрийской.

Ок. 1533, январь. Король Англии Генрих VIII тайно заключает брак с Анной Болейн, ее коронуют 1 июня, 7 сентября рождается дочь Елизавета.

1534, 23 марта. Первый Акт о престолонаследии закрепляет английский престол за детьми Генриха от Анны Болейн, а принцессу Марию называет незаконнорожденной. В ноябре Актом о верховенстве Генриха объявляют «единственным верховным главой на земле» английской церкви.

1536, 7 января. Умирает Екатерина Арагонская, первая жена Генриха VIII.

19 мая. Казнят Анну Болейн, вторую жену Генриха VIII.

30 мая. Генрих VIII заключает третий брак с Джейн Сеймур.

13 октября. «Паломничество благодати» выступает против разрыва Генриха с Римом и роспуска монастырей. Выступления жестко подавляют.

1542, 15 апреля. Погибает король Шотландии Яков V, королевой становится его новорожденная дочь Мария, начинается медленное восхождение к власти вдовы Якова Марии де Гиз.

1545, 13 декабря. Папа римский Павел III созывает Тридентский собор, 25 сессия которого завершится лишь в 1563 году. Этот Вселенский собор подтвердит догматы католической церкви и осудит

идеи протестантизма. Его можно рассматривать как отправную точку Контрреформации.

1547, 28 января. Генрих VIII умирает, на трон Англии восходит его сын Эдуард VI.

31 марта. Генрих II становится королем Франции, наследуя своему отцу Франциску I.

1553, 6 июля. После ранней смерти Эдуарда VI английский трон всего на девять дней переходит к леди Джейн Грей, а затем им овладевает единокровная сестра Эдуарда Мария Тюдор. Коронованная как Мария I, она ставит себе целью вернуть Англию к католической вере.

1555, 25 мая. Жанна д'Альбре становится правящей королевой Наварры.

1555, 25 октября. Мария Австрийская отказывается от правления Нидерландами.

1556, 16 января. Карл V отрекается от престола Испании в пользу своего сына Филиппа II, которому он уже передал Нидерланды в октябре предыдущего года.

1558, 17 ноября. Елизавета I становится королевой Англии, наследуя своей единокровной сестре Марии.

1559, 3 апреля. Като-Камбрезийский договор, организованный Кристиной Датской, ставит точку в продолжавшихся 65 лет военных действиях, значительная часть которых заключалась в соперничестве за Нидерланды.

2 мая. Джон Нокс возвращается из изгнания в Шотландию. В Женеве, где он тесно сотрудничал с Джоном Кальвином, Нокс публикует памфлет «Первый трубный глас против чудовищного

правления женщин».

10 июля. Франциск II (супруг Марии Стюарт, королевы Шотландии) становится королем Франции, наследуя своему отцу Генриху II. Семейство де Гиз поднимается к власти.

1560, 5 декабря. Карл IX получает корону Франции, наследуя своему брату Франциску II. Его мать Екатерина Медичи принимает власть на время его малолетства, соперничая с Гизами.

1561, 9 августа. Королева Шотландии Мария возвращается в свою страну, чтобы принять на себя реальное правление.

1562, 1 марта. Резня в Васси, массовое убийство французских протестантов солдатами герцога де Гиза, знаменует начало Религиозных войн во Франции.

1564, 25 июля. Максимилиан II становится императором Священной Римской империи после своего отца Фердинанда.

1567, 10 февраля. Убивают лорда Дарнли, второго мужа королевы Шотландии Марии Стюарт.

15 мая. Мария Стюарт вступает в брак с лордом Ботвеллом, которого многие считают ответственным за убийство Дарнли.

24 июля. Мятежные аристократы вынуждают Марию Стюарт отречься от престола в пользу своего годовалого сына Якова VI.

5 сентября. Герцог Альба, прибывший в Нидерланды, чтобы подавить выступления иконоборцев, создает «Совет по делам о мятежах». Маргарита Пармская отказывается от регентства, а следствием жестокости Альбы становится продолжительное восстание нидерландцев против испанского владычества.

1568, 16 мая. Мария Стюарт бежит на юг в Англию, где почти 20 лет проведет в неволе.

1571, 7 октября. Битва при Лепанто приносит лиге европейских католических держав крупную морскую победу над силами Османской империи.

1572, 9 июня. Умирает Жанна д'Альбре, правителем Наварры становится ее сын Генрих.

24 августа. Празднества по случаю бракосочетания Генриха Наваррского с дочерью Екатерины Медичи, которое было задумано, чтобы сгладить религиозные противоречия в стране, напротив, подали знак к ужасному массовому убийству гугенотов – Варфоломеевской ночи.

1574, 30 мая. Генрих III становится королем Франции, наследуя своему брату Карлу IX.

1581, 26 июля. Семь северных (в основном протестантских) провинций Нидерландов официально объявляют независимость от Испании.

1587, 8 февраля. Королеву шотландцев Марию Стюарт казнят в замке Фотерингей.

1588, 8 августа. Приближение флота Непобедимой армады, направленного королем Испании Филиппом против Англии, заставляет Елизавету I обратиться с речью к войскам в Тилбури. Значительная часть испанского флота пострадала от неблагоприятной погоды.

1589, 2 августа. Генрих Наваррский становится королем Франции Генрихом IV, наследуя своему кровному родственнику и зятю Генриху III. Это событие означает пресечение королевской династии Валуа и начинается династия Бурбонов.

1603, 24 марта. Умирает Елизавета I, оставляя английский престол королю Шотландии Якову VI, сыну Марии Стюарт.

Пролог

Ум государыни столь жив,
Что ходит, как по нраву ей.
Не пощадит того, кто лжив:
Изменник скор, она – скорей.
Такую мощь в бою хранит:
Кого ни встретит – поразит^[1].

***Николас Бретон. Игра в шахматы
(The Chess Play, 1593)***

В восточных землях, где родились шахматы, все очеловеченные фигуры были мужского пола. Рядом с королем стоял его генерал или главный советник – визирь, ферзь. С распространением игры в Европе после арабского завоевания в VIII веке ферзь превращается в шахматную «королеву». Сначала она была по-прежнему относительно слабой фигурой, за один ход перемещалась лишь на одно поле по диагонали, однако в Испании при Изабелле Кастильской шахматная королева получила почти неограниченные возможности перемещения, которыми эта фигура обладает до сих пор.

В двух книгах, созданных в Испании в последние годы XV столетия, описываются новые правила как «дамские шахматы» или «шахматы королевы». Правда, в 1493 году итальянский переводчик книги Якобуса де Цессолеса «Игра в шахматы» (*Game of Chess*) выражал сомнение в том, что королева в реальности может брать на себя королевскую власть, «потому что для женщин нехарактерно носить оружие вследствие их хрупкости». Дважды десятилетиями раньше английский перевод, напечатанный Уильямом Кекстоном, особенно подчеркивал «стыдливость» и целомудрие королевы.

Однако переводчики могли никогда не сталкиваться с «королевой-воительницей» Изабеллой, которая и сама страстно увлекалась

шахматами. Весьма вероятно, что именно пример Изабеллы и реальных правительниц до нее в итоге отразился на шахматной доске^[2].

Для современников аллегорический смысл шахматной игры не вызывал сомнений: она олицетворяла, как подтверждают многочисленные иллюстрации, основную идею игры в куртуазную любовь. Однако изменение правил не могло проходить без споров. Новый вариант шахматной игры стал известен под названием шахматы безумной королевы – *scacchi de la donna* или *alla rabiosa* по-итальянски, *eschés de la dame* или *de la dame enragée* на французском. Тем не менее они стали привычными.

Период с восшествия на престол Изабеллы Кастильской в 1474 году до Варфоломеевской ночи почти столетие спустя (ужаса, разрушившего общественный порядок на всем Европейском континенте) – это Эпоха королев. Тогда во власти было больше женщин, чем даже в XX веке. Те годы видели рождение новой реформатской веры и новую зарю мира, каким мы знаем его теперь, а значительные пространства Европы находились под твердой рукой правящей королевы или регентши. Их сообщество ценило и свою женскую общность, и способность управлять особым женским образом.

В этой книге прослеживается передача власти от матери к дочери, от наставницы к воспитаннице. От Изабеллы Кастильской к ее дочери Екатерине Арагонской, от Екатерины к ее дочери Марии Тюдор. От французской вдовствующей Луизы Савойской к ее дочери, писательнице и реформатору Маргарите Наваррской; от Маргариты не только к собственной дочери Жанне д'Альбре, но и к ее почитательнице Анне Болейн, а от нее к Елизавете Тюдор.

По ходу столетия дочери первых могущественных женщин столкнулись с мучительными религиозными разногласиями, сотрясавшими XVI век. Большинство из них, хотя и не все, старались сохранять долю религиозной терпимости, пока их надежды не рушились перед лицом других, более радикальных, мнений.

Религия помогла многим из них выйти на первый план; религия в конечном счете и разобщила их, и положит конец Эпохе королев. Однако сам масштаб власти, которую имели женщины XVI века (а

также вызовы, стоявшие перед ними), и впечатляет, и предостерегает по сей день.

На протяжении всего столетия Габсбурги будут решительными, хотя и неожиданными, сторонниками женской власти. За некоторыми значительными исключениями, империя Габсбургов, которая в течение века распространилась от Средиземноморья до Ла-Манша, от великолепной Альгамбры до серых небес Антверпена, знала скорее женщин-регентов, чем правящих королей. Нидерланды перешли из рук правящей герцогини к практически непрерывной последовательности полномочных правительниц, каждая из которых была племянницей предшественницы, и это продолжалось 60 лет. Франция, великий соперник Габсбургов в Европе, придерживалась Салического закона, не позволявшего женщинам наследовать престол. Однако во Франции существовала устойчивая традиция правления женщин от имени отсутствующего мужа или несовершеннолетнего сына.

В начале этой эпохи Англия среди всех европейских держав была, наверное, наименее дружественна в отношении женщин. Страна не знала Салического закона; однако когда Генрих Тюдор стал королем Англии Генрихом VII, он присвоил себе кровные права двух женщин: своей матери Маргариты Бофорт и своей жены Елизаветы Йоркской. Похоже, никому, включая самих этих женщин, этот поступок не показался странным. Тем не менее именно в Англии женщина – Анна Болейн – привела страну к религиозной революции. Именно в Англии появилась женщина – дочь Анны Болейн, – которая станет, пожалуй, самой обожаемой королевой в английской истории.

Всё это послужило импульсом к созданию этой книги. Я написала о двух Елизаветах королевских кровей – Елизавете Йоркской и Елизавете I – и хочу дойти до конца: разобраться, какие уроки извлекла Англия за те 70 лет, когда смогла принять правящую королеву? (И, в качестве следствия, почему тогда прекратила эту практику?) Ответ, вероятно, находится в истории континентальной Европы.

Правительницы Европы признавали сестринские узы, преодолевающие государственные границы, а иной раз даже противоречившие интересам собственных стран. Они сознательно

пользовались своим статусом женщин, чтобы вести дела по-другому. В 1529 году знаменитый «дамский» Камбрейский мир, прекращение длительной войны между Испанией и Францией, заключили Маргарита Австрийская, тетя и регент императора Габсбурга, с Луизой Савойской, матерью французского короля. Государи могли опасаться потерять честь при переговорах о мире, а (как писала Маргарита) «дамы прекрасно могут выступить вперед» в подобном предприятии.

Этот мир стал образцом, который будет давать о себе знать в течение всего столетия. В последующие десятилетия несколько раз предпринимались попытки, с разной степенью успешности, возродить идею «Дамского мира»^[3]. За 16 лет до Камбре, накануне битвы при Флоддене, стоившей жизни ее мужу, королю Шотландии, Маргарита Тюдор хотела встретиться со своей невесткой Екатериной Арагонской, которая тогда правила Англией, пока ее муж Генрих VIII был в отъезде: «Если мы встретимся, кто знает, что может сделать Господь нашими руками?» Мария Стюарт тоже надеялась, что Англия и Шотландия смогут достичь прочного мира, если она и Елизавета Тюдор увидятся.

Линия наследования от матери к дочери, биологической или духовной, проходит как главная артерия через весь XVI век Европы. Отношения между женщинами образуют сложную сеть. Маргариту Австрийскую, дочь правящей герцогини Бургундской, ребенком отправили к французскому двору, где она попала под влияние могущественной Анны де Божё, а затем, подростком, ко двору Кастилии, там она стала невесткой Изабеллы и Екатерины Арагонской. Уже взрослой, Маргарита сама принимала участие в воспитании Анны Болейн.

Однако в последние десятилетия XVI века влиятельные женщины оказались совсем не в той обстановке, какую имели их предшественницы. Елизавета I, в конце нашей истории, поначалу имела много общего с Маргаритой Австрийской; но если Маргарита Австрийская к своим 20 годам пожила в четырех королевствах, то Елизавета Тюдор никогда не бывала за пределами собственной страны. Ни одна из них не имела детей, тем не менее Маргарита станет

известной как *La Grande Mère de l'Europe* (бабушка Европы), а Елизавете больше нравилось называться королевой-девственницей.

Реформация разделила Европу и принесла этим женщинам известность более прочную, чем они завоевали бы в иных обстоятельствах. Эта книга зародилась, пусть я и не осознавала того, когда подростком прочла классическую работу Гаррета Маттингли «Разгром испанской Армады» (*The Defeat of the Spanish Armada*) и обратила внимание на его замечание, что к 1587-му, году казни Марии Стюарт, прошло уже 60 лет с начала формирования религиозных групп, борьбы старого с новым, «и всегда какими-то происками судьбы одну или другую группу, а зачастую и обе спланивала и возглавляла женщина».

В так называемой гинократической дискуссии по поводу способности женщин управлять два писателя повлияли на политическое мышление своего времени в такой степени, что заслуживают особого упоминания. Один, разумеется, Никколо Макиавелли, чье сочинение «Государь» впервые неофициально распространилось в 1513 году. Вторая – Кристина де Пизан, франко-итальянская писательница и, по распространенному мнению, родоначальница феминизма: первая женщина, ставшая профессиональной писательницей. Ее произведение начала XV века «Книга о Граде женском» не утратила своего значения к XVI столетию (и даже, наверное, к XXI), и доказательством этого послужит интерес к ней со стороны некоторых женщин в нашей истории. Анна де Божё и Луиза Савойская получили в наследство экземпляры работы Кристины, а трехтомный комплект издания Маргариты Австрийской перейдет к ее племяннице Марии Австрийской. Анна Бретонская и Маргарита Австрийская, кроме того, имели наборы гобеленов на сюжеты из «Града женщин», как и Елизавета Тюдор. Прекрасно зная о церковном изображении женщин как слабых и, по существу, не заслуживающих доверия дочерей Евы, Кристина вкладывает в уста Правосудия отповедь «некоторым авторам», которые «сильно порицают женщин», подчеркивая, что «редко встретишь хулу женщинам в житиях святых и словах Иисуса Христа и его апостолов», вопреки всем высказываниям последующих слуг Христовых.

Макиавелли, изобразивший непостоянную Фортуна в виде женщины, рассматривал войну как первостепенную задачу и удовольствие государя. Эталон добродетельного правителя Кристины, напротив, приглушал роль государя как военачальника (практическую сложность для правительницы, не говоря уж о прирожденных миролюбивых устремлениях) и подчеркивал «благоразумие», которое, в концепции Аристотеля, является основой всех остальных достоинств. Благоразумие – добродетель, характерная для большинства описанных в «Граде женском» женщин, которые успешно правили народами и странами и в древности, и в более близкой истории Франции.

Непрерывность опыта – повторение лейтмотивов и идей на протяжении всего столетия – своего рода тема этой книги. С большинством из них вы познакомитесь в процессе повествования, но один из них настолько настойчив, что требует отдельного разговора: вопрос о том, как часто обсуждения облеченных властью женщин сосредотачивались на физических возможностях их тела. Каждая из этих женщин докажет, что ее роль выходит за рамки обычной функции супруги производить наследников, однако история изобилует спорами о девственности и способности родить, о том, что женщин легче всего обидеть сомнениями в их целомудрии и желанности. Обсуждаются и такие догматические вопросы, как разделение тела государя на физическое и политическое и то, является ли это достаточным основанием возможности женского правления. Возможно, именно эта мысль стоит за словами Елизаветы I в ее знаменитой речи в Тилбури: «Я знаю, что имею тело слабой женщины, но у меня сердце и характер короля...»

Хотя сильные женщины Италии XV века, к великому сожалению, остались за рамками нашего повествования, Катерина Сфорца, возможно, один из самых поразительных примеров «тех, кто вырвался» (а также другой предполагаемый прототип новой шахматной королевы). Макиавелли, встречавшийся с Катериной, когда его отправили с посольством, описал, как она, осажденная, со взятыми в заложники детьми, подняла юбки и показала осаждавшим «свои половые органы» со словами, что, если нужно, она имеет возможность родить еще детей. Катерина, возможно, была исключительной натурой

даже среди современниц, но тем не менее акцент на телесные особенности могущественных женщин есть нечто постоянное.

Сравнения с современностью зачастую некорректны, и в этой книге мы будем их главным образом избегать. Однако игнорировать их полностью невозможно. Примерно десять лет назад – 19 января 2006 года, если быть точной – the New York Times сделала двусмысленный комплимент международному собранию женщин. Было сказано: «самая интересная и профессиональная группа лидерш» из когда-либо собиравшихся – «возможно, за исключением тех случаев, когда королева Елизавета I обедала в одиночестве».

За последние десять лет многое изменилось в отношении роли женщин на международной арене. Однако многое осталось *неизменным* – в том числе неизвестность значительной части истории женщин. За исключением Елизаветы и ее родственниц, правительницы Европы XVI века не всегда знакомы массовому читателю англоязычных стран. В попытке изменить такое положение вещей прошу рассматривать эту книгу как своего рода «гамбит королевы»^[4]. По крайней мере, одной цели мы точно надеемся достичь: доказать, что Елизавета I могла обедать в замечательной компании.

Примечание автора

Из 16 главных героинь этой книги четырех зовут вариантами имени Маргарита, еще четырех – вариантами имени Мария. По этой причине я не извиняюсь за стремление обозначить их как можно яснее, даже ценой потери последовательности. Соответственно, Маргарита Австрийская сохраняет данное от рождения имя, несмотря на три ее замужества. Маргарита Наваррская называется так и до брака с королем этой небольшой страны, поскольку под этим титулом она наиболее известна, к тому же именно под этим именем ее сочинения публикуются по сей день. Кроме того, в интересах доходчивости иной раз орфография и пунктуация даются в современном виде.

Часть I

1474–1513 гг

«Поскольку вы дали женщинам и образование, и умение владеть собой, и благородство, и способность к самоограничению, то я лишь удивляюсь, почему вы еще не позволили им управлять городами, писать законы и возглавлять армии...»

Магнифико отвечает, тоже улыбаясь:

«Наверное, даже это будет неплохо... Разве вы не думаете, что есть много женщин, которые бы справились с городами и армиями не хуже мужчин? Я не возложил на них такие обязанности только потому, что наставляю придворную даму, а не королеву».

Бальдассаре Кастильоне
«Придворный»

1

Начало пути

Нидерланды, 1513 г.

Девочка, появившаяся при дворе Нидерландов летом 1513 года, была дочерью придворного, обученной понимать движения опасного придворного танца; жизнь, в которой капитал меняли на услуги, благосклонность завоевывали лестью. Она знала, как пышные одеяния рождественной маски могут служить зашифрованным посланием, как благосостояние семьи может вырасти или уменьшиться по прихоти правителя и что в большой шахматной игре европейской политики даже она может сыграть определенную роль.

Никто, разумеется, не имел представления, насколько значительной будет эта роль.

Она прибыла последней из 18 фрейлин свиты Маргариты Австрийской, правительницы Нидерландов. В возрасте всего 12 лет ее передали незнакомцу (одному из эсквайров регента), который увезет ее из родного поместья в английском лесном графстве Кент и сопроводит в удивительном путешествии за море. Наверное, она была взбудоражена до предела и, конечно, испугана. Вероятно, ни один приезд в ее жизни, даже приезд в лондонский Тауэр спустя 20 лет, не был таким же пугающим, как этот.

12 лет от роду или около того. Нам не известна точная дата рождения Анны Болейн. На самом деле мы вычисляем ее, исходя из того, что Анна прибыла ко двору Маргариты Австрийской в 1513 году, а 12 лет – минимальный возраст, в котором девочка обычно начинала выполнять подобные обязанности.

«Она настолько умна и мила для своего возраста, что я больше обязана вам за то, что вы мне ее прислали, чем вы мне», – писала Маргарита отцу Анны. Подарок с ее стороны состоял, прежде всего, в том, что сама Маргарита имела опыт в европейской политике, беспримерный даже для XVI века. В 33 года, после шести лет управления Нидерландами от имени своего отца Максимилиана и его внука, ее племянника Карла, она стала влиятельной фигурой

международного масштаба. Следить за началом карьеры Маргариты Австрийской – все равно что читать справочник «Кто есть кто» в Европе XVI столетия. В итоге она сыграет значительную роль в жизни двух самых обсуждаемых королей английской истории.

«Чем бы ты ни занималась, служи в свите леди, которая уважаема, последовательна и здраво судит», – советовала одна из руководительниц Маргариты, французская правительница Анна де Божё, в книге наставлений своей дочери. Если Анне Болейн предстояло усвоить урок, что женщина может выдвигать идеи, управлять людьми и определять собственную судьбу, она едва ли могла попасть в лучшие руки.

Немецкий ученый Корнелиус Агриппа посвятил Маргарите Австрийской свой труд «Речь о достоинстве и превосходстве женского пола». Агриппа считал, что различия между мужчинами и женщинами чисто физические: «женщина имеет такие же умственные способности, как у мужчины, такое же благоразумие и манеру речи, она идет к такому же блаженству, где нет никаких различий», а единственная причина, по которой женщины угнетены, – это недостаток образования и злая воля мужчин.

На «школьном» французском (французский был выбран языком двора Маргариты Австрийской) Анна Болейн написала отцу о своей решимости максимально использовать полученные возможности. Она писала с заметными особенностями грамматики и орфографии (она приложит все усилия, писала Анна в этом письме, чтобы научиться хорошо говорить «и писать без ошибок» по-французски), но под присмотром учителя. Двор Маргариты, наверное, был центром и власти, и развлечений, но кроме того он являлся лучшей в Европе школой. Французский дипломат Ланселот де Карл позже описывал, как юная Анна «внимательно слушала речи благородных дам, поставив себе целью подражать им во всем, и так быстро все схватывала, что очень скоро овладела французским языком».

Портреты женщины, с которой Анна Болейн встретилась в 1513 году, заключают в себе искусное сочетание посланий. После своего третьего и последнего замужества Маргарита Австрийская считала обязательным, чтобы ее изображали только в облике вдовы, черный цвет на полотнах облегчали только белый чепец и рукава одеяния. На

первый взгляд, сложно было представить более грустный образ. Однако наружность могла вводить в заблуждение. Внешне такой облик являлся заявлением о самоотречении, почти слабости, мольбой о сострадании, но на деле он давал женщине и моральные, и реальные права. Роль вдовы была единственной ролью, которая позволяла действовать самостоятельно, а не как ребенок или чья-то собственность.

В геральдике черный цвет – символ *loyauté* (надежности). Маргарита Австрийская славилась своей надежностью, но один итальянский гость отметил, что при «ее величественной манере» она «очень мило смеялась». Черная ткань, требовавшая большого труда и очень дорогого красителя, чтобы обеспечить глубину цвета, в XVI веке была предметом роскоши. К тому же на портрете, сделанном уже в Вене, рукава Маргариты отделаны роскошным мехом горностая. Двор, при котором оказалась Анна Болейн, и в летнем дворце в Вёрне (*La Veuren*), и в основной резиденции Маргариты в Мехелене, славился как место культуры и роскоши. Среди иллюстрированных книг, которые Анна Болейн могла видеть в библиотеке Маргариты, находился уже известный «Прекраснейший часослов герцога Беррийского» (*Trés Riches Heures du Duc de Berry*), наследство от последнего мужа Маргариты, а также более современные книги, на полях украшенные цветами. Впоследствии Анна будет обмениваться записками с Генрихом VIII на полях именно такой книги.

Эразм Роттердамский являлся лишь одним из многих приглашенных в Мехелен художников и философов. На вид большое, но по дворцовым стандартам скромное кирпичное здание, дом Маргариты стал местом, где благочестивые работы соседствовали с обнаженной натурой Ренессанса. *Mapa mundi* (карта мира), изготовленная Ван Эйком для ее прадеда Филиппа Доброго, находилась рядом с недавними приобретениями. Одно из них, которое числилось в описях Маргариты как *Ung grant tableau qu'on appelle Hernoul-le-fin* (Большая картина под названием Эрнул-ле-фин), теперь называют портретом четы Арнольфини. Произведение, говорит опись 1516 года, «передал дон Диего». Дон Диего де Гевара, испанец, служивший роду Маргариты, тоже устроил свою юную родственницу при герцогском дворе, и портрет четы Арнольфини (*fort exquis*, изысканный, как о нем говорится в одной из последующих описей Маргариты), возможно,

был знаком его благодарности и свидетельством того, насколько высоко ценились такие места.

Стены Мехелена были затянуты синей и желтой узорчатой камчатной тканью, зеленой тафтой или украшены легендарной коллекцией гобеленов Маргариты, которыми славились Нидерланды. Позже, после возвращения конкистадора Кортеса из Мексики, в коллекцию Маргариты вошли плюмаж Монтесумы, мозаичные маски ацтеков и чучело райской птицы. Как северный пионер в коллекционировании редкостей, столь любимых итальянскими меценатами, она наняла хранителя и двух помощников для ухода за своей коллекцией.

Ответственным за девочек, писала Анна де Божё, следует «обеспечить, чтобы они служили Господу, каждый день посещали мессу, соблюдали часы^[5] и другие обряды, молились о прощении своих грехов, ходили на исповедь и регулярно подавали милостыню. Чтобы успокоить их, украсить их юность и поддерживать их симпатию к вам, необходимо время от времени позволять им веселиться, петь, танцевать и развлекаться в свое удовольствие, но с достоинством, без прикосновений, столкновений и раздоров»^[6].

Fille d'honneur (фрейлины) не имели определенных обязанностей, поэтому еще более вероятно, что Анна наблюдала, а возможно, и участвовала в развлечениях Маргариты Австрийской. Маргарита всегда держала под рукой краски в коробке, изготовленной в виде книги, покрытой пурпурным бархатом, и часто ими пользовалась. Музыка была также важным видом досуга. Хор Маргариты стал легендарным, а она сама прекрасно играла на клавишных инструментах и сочиняла песни. Ее нотные книги составляли мессы, церковные песнопения и *chansons* (песни) тех композиторов, которых впоследствии выбирала Анна, когда ее интерес к музыке привлек к ней Генриха VIII.

Маргарита любила играть в шахматы. Они были изготовлены из халцедона, яшмы и серебра с позолотой. (Ее крестная мать Маргарита Йоркская, владевшая Мехеленом до нее, хранила книги о шахматной игре в кабинете, обитом лиловой тафтой.) Однако Маргарита Австрийская к тому же вела подобную игру в более широком масштабе, так в последующие годы будет поступать и Анна Болейн.

В процветающем торговом сообществе Нидерландов существовала традиция социальной мобильности. На портрете Арнольфини запечатлена не аристократическая, а зажиточная купеческая семья. Это обстоятельство, по всей видимости, тоже не прошло мимо внимания Анны. Сами Болейны, можно сказать, представляли собой пример английской социальной подвижности. Не то чтобы Анна принадлежала к столь скромной семье, как часто утверждается. Семье Болейн принадлежали капиталы от торговли, но это прадед Анны создал состояние и стал лорд-мэром Лондона. В эпоху предпринимательства Тюдоров многие знатные семейства были теснее связаны с торговлей, чем Болейны. По происхождению Анна превосходила двух других жен Генриха; ее мать, старшая дочь графа Суррея, впоследствии герцога Норфолка, происходила из влиятельного рода Говардов, а ее отец Томас принадлежал к ирландской знати, его мать входила в число наследников состояния графа Ормонда.

Тем не менее службу при королевском дворе Томас начал как сравнительно небогатый молодой человек. Однако он быстро шел по карьерной лестнице. В 1501 году он присутствовал на свадьбе Екатерины Арагонской с наследником Генриха VII, а в 1503 году входил в свиту старшей дочери короля Маргариты Тюдор, сопровождавшую ее на бракосочетание с королем Шотландии. К моменту вступления на престол Генриха VIII в 1509 году Томасу Болейну было немного за тридцать, возможно, слишком много для того, чтобы стать одним из близких друзей короля, но Генрих был рад иметь его рядом с собой как хорошего бойца на турнирах, а также умного и владеющего иностранными языками придворного.

В 1512 году Томаса отправили с первой дипломатической миссией ко двору Маргариты Австрийской. Назначение в свиту Анны Болейн служило доказательством того, насколько хорошо английский посланник поладил с правительницей Нидерландов в течение своей десятимесячной миссии. Есть свидетельство, что они заключили пари, что смогут продвинуться в переговорах за десять дней, и оба поставили лошадей: она – свою испанскую скаковую против его пони. В письме Томасу об успехах Анны Маргарита писала, что если девочка продолжит учиться так же хорошо, как сейчас, то «по вашем возвращении нам не потребуется посредника, кроме нее».

Кроме общего, с сексуальным оттенком, упоминания о ее космополитичном лоске и офранцузенных манерах, на нашем понимании Анны в должной мере не отразился ее ранний опыт за границей. Гораздо чаще ее изображают в обстановке Хивера, прекрасного замка в лесах графства Кент, купленного и перестроенного ее прадедом, унаследованного отцом Анны Томасом в 1505 году. Именно в Хивере она провела почти все свое детство. Там – готовясь к поездке за границу, которая могла продлиться годы, – она гуляла по восхитительным весенним садам и лужайкам, бросая последний взгляд с серьезностью умного подростка.

Однако хотя Мехелен при Маргарите тоже окружали прекрасные сады, для современников образ дворцовой жизни был сопряжен с ловушками и искушениями. Приобретающие влияние классы эпохи Тюдоров и опасались королевского двора, и нуждались в нем. Двор являлся единственным местом, где можно было добиться светской выгодной должности, но любая ошибка в словах или поведении, излишнее честолюбие или неверный выбор покровителя могли привести к смертоносным, в буквальном смысле слова, последствиям. Таков был мир, в который родственники отправили Анну Болейн, нацелив как какой-то метательный снаряд.

С одной стороны, она оказалась там в качестве представителя и посланника семьи, как ее отец был посланником Англии. С другой – каким образом долгая разлука могла сказаться на ее взаимоотношениях с семьей? Она будет время от времени видеться с отцом и другими родственниками в предстоящее десятилетие, когда служба тоже приведет их за Ла-Манш. Однако очень долго она, должно быть, была вынуждена рассчитывать на собственные силы. Впоследствии считалось, что она не доверяется советам своей семьи – роду Говардов в широком смысле, – как этого ждут от женщины, но после десяти лет опоры только на себя как она могла доверяться?

При дворе, где Маргарита Австрийская каждый день проводила совет, Анна – с ее сообразительностью, целеустремленностью и, главное, наблюдательностью, которую отметил де Карл, – конечно, научилась не только французскому языку. Она могла видеть женщину, которая обладает властью и даже, возможно, в тщательно определенных пределах, наслаждается своей сексуальностью.

Был еще один урок, который Анна Болейн могла усвоить в блистательном, утонченном кругу Маргариты. Нидерландский (старый бургундский)^[7] двор был домом для всех видов церемоний и демонстраций куртуазной любви; эта большая игра в сексуальные роли всецело поглощала высшее общество Европы 300 лет и по-прежнему определяет наше поведение и сегодня. В эту игру Анна тоже научилась играть.

«Сэр, – писала Анна отцу, – из вашего письма я поняла, что вы хотели бы, чтобы я была женщиной с хорошей репутацией [*toufs onette fame*], когда буду при дворе...» Однако ей предстояло очень многое узнать. Английский двор долгое время заимствовал из Бургундии лучшие идеи. Прежде всего, Маргарита поддерживала строгий этикет. За Анной и ее подругами хорошо присматривали. Кроме того, Маргарита написала поэму для молодых фрейлин, предостерегая их принимать любовные игры слишком серьезно:

Доверяйте тем, кто предлагает вам помощь,
И в итоге, мои девы,
Вы окажетесь в рядах тех,
Кого обманули.

Лучшая защита девушки заключалась в ее уме и непоколебимости. В игре «Красивые слова» двое участвовали на равных. Разумеется, в этой игре Анна Болейн стала мастером, никто в Европе не играл в нее более умно.

Маргарита, несмотря на ее вдовый вид, позволяла окружающим играть в куртуазную любовь, что, пожалуй, могло быть неправильно истолковано людьми менее адаптивной культуры. Однако – как вскоре покажут события – Маргарита хорошо понимала, когда игру следует остановить. Анна Болейн, должно быть, обратила на это внимание.

15 лет спустя Европа услышит об Анне Болейн как сопернице Екатерины Арагонской, королевы Англии и бывшей золовки Маргариты Австрийской. В борьбе этих двух женщин сила личности (и личной привлекательности) являлась второй стороной медали политических разногласий.

Время, проведенное Анной при королевских дворах Нидерландов, а потом Франции, придало ей особый лоск, который покорило Генриха VIII. Кроме того, опыт сделал Анну достойной соперницей Екатерины и в другом смысле. Наблюдая женщину, правившую в стиле, еще незнакомом Англии, она приобрела европейский вкус, который имела и Екатерина, поскольку была дочерью Изабеллы, правящей королевы Кастилии.

История Анны Болейн и Екатерины Арагонской вместе с их дочерьми являлась частью более широкой европейской картины. В последующие годы королевские особы Британских островов будут связаны, иной раз по собственной инициативе, сетью соперничества и взаимопомощи с такими же яркими, как они сами, женщинами домов Габсбургов, Валуа и Медичи. Но чтобы это осознать, необходимо сначала взглянуть на предшествовавшие десятилетия.

«Наставления дочери»

Испания, Франция, 1474–1483 гг.

13 декабря 1474 года – следующий день после того, как Изабелла Кастильская получила известие о кончине короля Энрике, своего единокровного брата. Она вошла в храм кастильской столицы Сеговии, одетая в траурное белое платье, и после мессы появилась, блистая драгоценностями и сияя яркими тканями. На крыльце, на поспешно возведенном помосте, затянутом парчой, ее объявили королевой Кастилии. Изабелла станет первой, и наиболее знаменитой, из двух женщин, создавших прецедент для правительниц XVI века.

Во время коронационной процессии по улицам столицы Изабелла I Кастильская сидела верхом на коне, и пешие аристократы несли шлейф ее мантии. Впереди скакал единственный всадник, держа острием вверх обнаженный меч, традиционный символ королевской власти. Когда новость дошла до далекой Сарагосы, даже муж Изабеллы Фердинанд Арагонский возмутился тем, что она «присвоила» символический меч. Советники убеждали Фердинанда, что он может укротить свою жену, «усердно удовлетворяя потребности супружеской любви», но тот в ярости заявлял, что никогда не слышал, чтобы королева присваивала себе этот мужской символ.

После пяти лет супружества Фердинанду следовало лучше понимать свою Изабеллу. В конце концов, она нарушила существующий порядок, самостоятельно устроив их брак. Как наследник престола соседнего королевства по границе Пиренеев он был полезным союзником в борьбе Изабеллы за собственный оспариваемый трон.

По рождению Изабелла не могла наследовать Кастилию. Перед ней было два наследника мужского пола: первый – единокровный брат Энрике, а затем родной брат Альфонсо. Однако когда Энрике оказался на троне без надежд произвести на свет наследника, а Альфонсо неожиданно умер во время правления Энрике, положение Изабеллы изменилось. Именно тогда она заключила союз с Фердинандом, составив брачный договор таким образом, чтобы в Кастилии ей

оставалось главенствующее положение. Фердинанд был опытным воином, способным сражаться за нее, а также обеспечить появление детей. Брак по расчету тем не менее стал одним из самых успешных партнерств в христианском мире.

Потенциал Фердинанда как отца подтвердился, хотя, когда Изабелла взошла на престол, пара имела только дочь, но не сына. Его способности военачальника тоже оказались полезны, поскольку Изабелла была не единственной кандидаткой на роль правящей королевы Кастилии. Ее невестка, жена Энрике, в итоге родила дочь Хуану, однако ходили слухи, что она забеременела от любовника Бельтрана, а не от Энрике. Это обстоятельство предоставило Изабелле возможность укрепить свои притязания относительно шансов ребенка, «Бельтранихи», которая в итоге проиграет эту битву и еще подростком уйдет в монастырь. В 1470-х годах в Испании (как в Англии примерно на 70 лет позже) изменения в престолонаследии привели к тому, что две женщины претендовали на трон, и не снимался вопрос, одержит ли победу женщина, бросающая вызов мужчине. Однако Изабелла также получила официальную поддержку одного ученого, Фрая Мартина де Кордовы, в его трактате «Сад благородных доний» (*Jardin de nobles doncellas*):

Некоторые люди, миледи... считают скверным, когда королевство или другое государство уходит под управление женщины. Однако, как я изложу далее, я с этим не согласен, поскольку от Сотворения мира до наших дней мы видим, что Господь всегда возлагал на женщин ответственность за спасение человечества, чтобы жизнь возникала из смерти.

Борьба со сторонниками «Бельтранихи» (Война за кастильское наследство) продолжалась еще пять лет, и только в конце 1470-х годов Фердинанд и Изабелла смогли успокоиться по поводу Кастилии. К этому времени Изабелла уже родила сына Хуана. Затем последуют три дочери: Хуана, Мария и Екатерина.

Теперь началась «Священная война», чтобы изгнать мавров, которые много лет владели южной частью Испании. Современники расходились во мнениях по поводу того, Фердинанд или Изабелла наиболее значимый партнер в их союзе – Фердинанд унаследовал в

1479 году Арагон. Несмотря на брачный договор, Фердинанд имел больше власти в королевстве Изабеллы, чем она имела в его. (В Арагоне Фердинанда, в отличие от Кастилии, действовал вариант Салического закона, запрещающий женщине править, хотя он позволял наследовать по женской линии, чего не допускал французский закон.) Однако подвластная Изабелле территория была значительно больше и богаче, а один венецианский дипломат говорил, что королева не сходила у людей с уст^[8].

Фердинанду и его советникам потребовалось некоторое время, чтобы принять эту непривычную ситуацию, но в итоге пара действительно постаралась соответствовать своему знаменитому девизу: они будут «командовать, управлять, контролировать и править как единое целое». Их девиз звучал так: «*Tanto monta, monta tanto, Isabel como Ferdinand*» (Один важен, как другой, Изабелла как Фердинанд).

Общеизвестно, что Изабелла Кастильская выезжала со своей армией на поля сражений – в доспехах и на боевом коне, – хотя и не вступала в бой. Она прекрасно организовывала снабжение провиантом и вооружением, нанимала тысячи рабочих для строительства дорог, по которым подтягивались артиллерийские орудия. Королева ввела передвижные больницы, однако особое значение имел ее вклад в двух других направлениях. Первое – она играла для своих солдат роль талисмана: говорили, будто она вдохновляет кастильские войска на победу. (Интересно, что солдаты называли ее «королем» Изабеллой.) Второе – ее роль в качестве тактика, но такие действия Изабеллы сложно оценить, поскольку в военных делах королева старательно уступала супругу, по крайней мере публично.

Изабелла без колебаний возила с собой дочерей из одной осады на другую, хотя только ее сын Хуан, и только он один, получал подготовку будущего правителя. Возможно, Изабелла (как после нее Елизавета Тюдор) считала себя исключением из обычно отводимой женщинам роли, а не стремилась к общему ее расширению. Тем не менее XV век подходил к концу, и Изабелла уже вошла в историю как великолепный пример женщины-монарха.

В 1483 году на первый план европейской политики вышла еще одна женщина: Анна де Божё, управлявшая страной от имени своего

тринадцатилетнего брата, нового короля Франции. Во Франции женщины монаршей крови традиционно брали на себя правление от имени родственника мужского пола. «Книга о граде женском» Кристины де Пизан была написана в начале века как довод в пользу того, что французской королеве Изабелле Баварской следует позволить править во время приступов безумия ее супруга. (Более того, в «Книге о граде женском» Дева Мария изображена как правительница от лица своего Сына небесного.)

Анна де Божё (также известная как Анна Французская), родившаяся в 1461 году, не могла наследовать трон, поскольку Франция придерживалась Салического закона. В 13 лет ее выдали замуж за брата герцога де Бурбона, кроткого человека, на 21 год старше ее. Анна в свои 22 года избежала вреда близкородственных браков, которые подорвали здоровье многих членов ее семьи. Отец Анны Людовик XI называл ее «наименее глупой женщиной», не допуская и мысли, что на свете могут быть умные женщины. Однако перед смертью он нарушил традицию, поручив дочери (и формально ее супругу) заботиться о юном короле Карле VIII. Он предпочел именно дочь обычной группе, в которую вошла бы вдова, мать мальчика, в качестве опекуна и ее родственники-мужчины, составляя регентский совет. Вместо того вдове Людовика королеве Шарлотте были запрещены все контакты с сыном.

Хотя Салический закон отказывал женщинам в праве наследовать трон и даже передавать по наследству такое право, в ограниченной сфере закон некоторым образом поддерживал женское правление. Как сформулировал писатель того времени Жан де Сен-Желе, малолетнего короля следует отдавать в руки «ближайших к нему людей, которые не имеют прав [*non capables*] на трон». Возможно, представлялось более безопасным передавать определенную долю власти родственнику не мужского, а женского пола, поскольку в этом случае не могло быть и речи о полном захвате власти над монархией.

Анна де Божё – *Madame la Grande* – была противоречивой натурой, истинной дочерью своего отца, которого она боготворила^[9]. Людовик многое сделал, не без ущерба для французского народа, чтобы расширить власть и увеличить территорию французской короны. Анна, несомненно, тоже обладала такими способностями, действуя в рамках своего положения, что не всегда было легко. Один современник назвал

ее «амазонкой... женщиной, поистине превосходящей женский род... которая по решительности и отваге не уступала мужчине». Она была бы рождена для высшей власти, «если бы природа наделила ее подходящим полом».

Снова и снова незаурядных женщин будут восхвалять за то, что они мало похожи на женщин, а иной раз они и сами, казалось, соглашались с этим мнением. Кристина де Пизан, овдовев, писала о себе, что превратилась в мужчину, чтобы обеспечивать свою семью. Однако отмечалось, что одним из наиболее эффективных приемов Анны де Божё было не афишировать собственное высокое положение, обычно удовлетворяясь негласными действиями.

Кроме прочего, она замечательно играла в шахматы.

Написанная Анной в зрелости книга советов «Наставления дочери» (*Enseignements*) предупреждает девушку: «Тебе следует иметь глаза, чтобы все замечать, но ничего не видеть; уши, чтобы все слышать, но ничего не знать; а язык, чтобы всем отвечать, но никому не говорить ничего предвзятого». Держи при себе, писала она, то, «что может задеть твою честь», а если «тебе тяжело это скрывать», признайся только домашним.

Анна проповедовала добродетели, к которым подталкивают женщин, – благочестие и покорность, но не столько ради них самих, сколько как прием. Возможно, именно поэтому «Наставления дочери» сравнивают с макиавеллиевским «Государем». Достоинства и уловки, предпочтительные для мужчин и женщин, могут различаться, но обе книги вышли из-под пера писателей, которые рассматривают добродетель как инструмент^[10].

В последующем столетии Франция увидит несколько замечательных образцов правления женщин, которые прямо или косвенно извлекли пользу из примера Анны де Божё. И на Анну, и на Изабеллу Кастильскую ссылались, когда обсуждали успешных правительниц в знаменитом «Придворном» Бальдассаре Кастильоне (опубликован в Венеции в 1528 году), потому что окажется, что их влияние распространится далеко за пределы собственных стран.

3

Опыт юности

Нидерланды, Франция, 1483–1493 гг.

И Анна де Божё, и Изабелла Кастильская были наставницами другой значительной женщины – Маргариты Австрийской. Маргарита вырастет и станет третьим примером успешного женского правления, который приводил Кастильоне. Однако Маргарита была еще ребенком, когда в 1483 году попала под опеку Анны де Божё, как и другая девочка, Луиза Савойская, с которой, уже взрослой, она сядет за стол переговоров.

Мать Маргариты Мария, правящая герцогиня Бургундии, наследовала эту территорию от своего отца Карла Смелого холодной ранней весной 1477 года. Перед девятнадцатилетней Марией встали серьезные проблемы. Сразу после кончины ее отца французский король Людовик XI заявил права на значительную часть ее владений, а города-государства Фландрии воспользовались шансом затребовать расширения своей автономии. Однако Мария имела поддержку со стороны мачехи, вдовы Карла Маргариты Йоркской, сестры короля Англии Эдуарда IV и будущего короля Ричарда III. Две женщины вместе предпринимали шаги, чтобы воспрепятствовать французским захватчикам. Они достигли соглашения с парламентом Бургундских Нидерландов, Генеральными штатами, несмотря на то что ранее Штаты арестовали и жестоко казнили нескольких самых доверенных советников обеих женщин. В итоге им удалось осуществить давно запланированный брак Марии с Максимилианом, эрцгерцогом Австрии и сыном императора Священной Римской империи^[11].

Бракосочетание состоялось летом того же года, брачный союз принес двух здоровых детей: Маргариту Австрийскую и ее брата Филиппа. Однако в марте 1482 года Мария Бургундская умерла в результате падения с лошади. Она оставила своих детей попечению мачехи, Маргариты Йоркской. Герцогиня Мария писала, что Маргарита всегда относилась к ней, «нашим землям и нашему поместью с такой глубокой любовью и добротой, что мы никогда не

сможем в достаточной мере вознаградить ее». Младшая Маргарита – крестница старшей – тоже ее полюбит. При этом род герцогов Бургундии являлся королевским во всем, кроме названия, а у отпрысков королевской крови, особенно девочек, жизнь никогда не была легкой и простой.

Герцогиня Мария завещала земли своим детям, поручив регентство до их совершеннолетия супругу Максимилиану. Однако то, насколько Нидерланды были готовы принять господство чуждого Габсбурга, станет источником нарастающего конфликта. Город Гент не признал Максимилиана регентом малолетнего Филиппа, нового герцога Бургундии. Что касается маленькой Маргариты Австрийской, то за два дня до Рождества 1482 года был заключен Аррасский договор, по которому объявлялся мир между Францией и Бургундией, а она становилась невестой тринадцатилетнего Карла VIII, будущего короля Франции при регентстве его сестры Анны. Территории, такие как Макон (*Mâcon*), переходили в собственность Франции в качестве приданого Маргариты при условии, что она не будет претендовать на другие земли матери. Девочка, разумеется, была слишком мала, чтобы протестовать. Ее отец – честолюбивый, решительный и чрезвычайно враждебно настроенный к экспансии Франции – был в ярости, видя, как земли уходят в чужие руки. Однако Максимилиана лишил власти на территориях его умершей жены регентский совет, назначенный на время малолетства его сына.

Всего через год после смерти матери трехлетнюю Маргариту, одетую в великолепный черный бархат «для взрослых» и усыпанную жемчугом, повезли во Францию, до границы девочку сопровождала большая свита. Однако для триумфального проезда по Франции ей разрешили оставить лишь несколько жемчужин. На границе Маргариту встречала Анна де Божё, чей статус просто дочери во время правления отца по-прежнему был ниже, чем у Маргариты. Трехлетней Маргарите устроили торжественный въезд в Париж, в чем самой Анне отказали всего два месяца назад.

22 июня 1483 года в замке Амбуаз на реке Луара, который станет ее главной резиденцией, Маргарита Австрийская встретилась и формально обручилась со своим предполагаемым мужем, за которого на самом деле официально вышла замуж уже на следующий день. Теперь она стала женой дофина Франции. Через два месяца, 30

августа, старый король Людовик XI скончался. Маргарита превратилась, формально, в королеву Франции, а Анна де Божё – в правительницу страны, не просто опекуна несовершеннолетнего короля, а, по сути, регента страны.

Приняв на себя власть, Анна де Божё встретила сопротивление. Кроме прочего, она опасалась, что недовольная французская знать попытается похитить юного короля. В донесениях сообщалось, что принцы Франции договариваются отправить Анну обратно к домашнему хозяйству. Однако постепенно ей удалось склонить на свою сторону большинство и закрепить текущее положение вещей, при котором хотя и заявлялось, что Карл VIII в своем возрасте достаточно зрел, чтобы не нуждаться в регентстве, тем не менее Анна и ее супруг сохранили контроль за королевской персоной^[12].

Однако одним из несогласных оставался герцог Орлеанский (*Duc d'Orléans*), который, вероятно, в противном случае рассчитывал возглавить регентский совет. Он был родственником короля и к тому же женат на горбатой младшей сестре Анны Жанне. Этот брак цинично устроил старый король, чтобы таким образом оставить амбициозный Орлеанский род без наследника, жестоко сказав, что на «содержание детей, которые у них появятся, не потребуется много денег».

Зимой 1484/85 года, предлагая освободить юного короля Карла от «оков» его сестры Анны, герцог Орлеанский поднял восстание. Анна де Божё и королевские войска успешно подавили выступления, всегда под номинальным руководством молодого короля, чтобы не вызывать неприятных мыслей о том, что женщина возглавляет военную кампанию. Жена герцога Орлеанского Жанна (как и Анна де Божё, дочь усопшего короля Людовика) встала на сторону сестры против мужа, а их мать королева Шарлотта, вдова короля Людовика, поддержала герцога. Тем не менее наступило время обуздать амбиции орлеанской ветви дома Валуа всеми доступными средствами. Одним из подходящих средств являлся брак. К месту было и то, что Анна де Божё воспитывала не только Маргариту Австрийскую, но и других девочек аристократических кровей, чьи семьи были связаны с ней родственными или личными узами.

В круг воспитанниц входила восьмилетняя Луиза Савойская, впоследствии соперница и союзница Маргариты Австрийской, а сейчас пешка в игре против орлеанской ветви. Луиза родилась в 1476 году в семье младшего сына герцога Савойского, которого современники знали как *Monsier sans terre* (Безземельного). Ее мать умерла, когда девочке было семь лет, Луиза (и ее младший брат Филиберт) отправилась на воспитание к Анне де Божё, двоюродной сестре со стороны отца, а также некровной тете с материнской стороны.

В этой большой семье Луиза Савойская вовсе не была важным членом, и, конечно, с ней обращались совсем не так, как с Маргаритой Австрийской. Если в расходных книгах Маргариты говорится о подобающей королеве обстановке: 20 фрейлин и шесть камергеров, священник и казначей, врач и помощники, пони и попугаи, соколы и охотничьи собаки, одежда даже для ее кукол, то другие дети имели гораздо более низкое положение. Луизе выдавалось 80 ливров в год на покупку платьев для торжественных случаев. Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день Маргарита и Луиза как равные сядут за стол переговоров?

В два года Луизу Савойскую официально обручили с Карлом Ангулемским, младшим отпрыском орлеанской ветви, почти на 20 лет старше ее. Связывая его с не имеющей средств Луизой (еще одно унижение для нее), французский король Людовик подрезал крылья орлеанским соперникам. Когда в 1487 году Ангулем последовал примеру родственника, присоединившись к другому восстанию (попытка была настолько бесперспективной, что стала известна под названием «Безумная война»), ему, чтобы умирить пыл, приказали вступить в брак с Луизой на условиях, исключительно выгодных для юной невесты. Церемонию провели 16 февраля 1488 года. Сохранившееся письмо от странствующего отца Луизы, редко появлявшегося возле дочери, обнаруживает опасения одиннадцатилетней девочки.

Ее отец весело пишет своей новой жене, что Луиза расспрашивала его о первой брачной ночи с большим рвением. Однако при внимательном чтении раскрывается более мрачная картина:

Моя дочь говорит, что она еще слишком маленькая и не знает, не умрет ли она от этого. Она так заинтересована, что каждый день спрашивает, насколько большой и насколько длинный этот орган и такой же он большой и длинный, как ее рука. Это показывает, что у нее уже зудит заняться делом других давно замужних женщин...

Когда ее наконец отправили жить с мужем в его замок в долине Луары и в городке Коньяк, Луизе Савойской пришлось смириться с тем, что домом Карла Ангулемского управляет его любовница, дочь одного из служащих Жана де Полиньяка, а все его незаконнорожденные дети от разных женщин будут расти вместе с собственными детьми Луизы. Однако хозяйка Ангулема, похоже, взяла его юную жену под свое крыло, а Луиза приняла ее дружбу: уроки Анны де Божё по благоразумию и прагматизму были прекрасно усвоены. Существовали и вознаграждения. Луиза выросла в семье, где ценили книги, а образованный Карл имел по меньшей мере пару сотен великолепных томов. В его библиотеке были романы, богословские труды, Боэций, Овидий и сочинения вездесущей Кристины де Пизан, к тому же двор Карла служил домом для художников, в частности для миниатюриста Робине Тестара, и писателей, таких как братья Сен-Желе.

Однако каждая девушка аристократических кровей хорошо знала: чтобы повысить свой статус в доме супруга, ей нужен наследник мужского пола. Всего через три года, все еще подростком, она уже забеспокоилась. Луиза обратилась к праведному отшельнику, чтобы тот помолился о наследнике. Праведник заверил ее не только в перспективе родить сына, но и (говорила она впоследствии) в его блестящем будущем.

В следующем, 1492 году Луиза родила девочку, Маргариту, а в 1494 году появился долгожданный мальчик. Как позже записала Луиза в своем *Journal* (дневнике): «Франциск, милостью Божией король Франции, мой миролюбивый монарх, впервые увидел свет в Коньяке примерно в десять часов вечера 12 сентября 1494 года»^[13].

К этому времени перемена произошла и для самой известной из подруг детства Луизы Савойской. В 1491 году неожиданно пришел конец безопасной и роскошной жизни Маргариты Австрийской в

качестве королевы Франции. Три года назад важное герцогство Бретань перешло в руки юной правящей герцогини, как когда-то мать Маргариты Мария унаследовала Бургундию. Анне Бретонской еще не было и 12 лет, когда она получила трон, но тем не менее она решила править. Идя к этой цели, она по доверенности вступила в брак с отцом Маргариты Австрийской Максимилианом. Он был старше ее на десятки лет, но с радостью нанес по ненавистным французам удар, который даст Габсбургам территории на востоке и западе Франции, позволив захватить страну в тиски.

Однако Анна де Божё, по-прежнему главная сила во Франции, имела на Бретань другие планы. Она твердо решила заполучить это герцогство – или силой оружия, или каким-либо иным способом. Анну Бретонскую убедили – или вынудили, окружив французскими войсками герцогство, – объявить недействительным брак с Максимилианом и выйти замуж за Карла VIII, правда, отмечалось, что свадьба получилась не очень-то радостная. (Наверное, неудивительно после того, что невесту якобы заставили предстать обнаженной перед советниками жениха, чтобы показать ее пригодность к деторождению.) Существующий брак с Маргаритой Австрийской аннулировали; обычное дело, когда брак между двумя малолетними не был консумирован.

От Маргариты Австрийской избавились ради более богатой наследницы, она стала жертвой раздора Франции с ее отцом Максимилианом. Тем не менее Маргариту держали во Франции еще два года, ведь стоял вопрос, что станет с землями, которые она принесла в качестве приданого. В итоге в мае 1493 года ее отец Максимилиан возвратил земли по условиям нового договора, но за прошедшее время Маргариту перевели из королевского Амбуаза в условия, которые явно казались ей оскорбительными. Она привязалась к Карлу, а он к ней, и теперь девочка чувствовала себя одиноко. Сохранилось отчаянное письмо Маргариты к Анне де Божё с жалобой на разлуку с кузеном и товарищем: «Я не знаю, что буду делать».

Анна Бретонская тоже привяжется к своему хладнокровному мужу Карлу, но окажется на вторых ролях. Ей не оставят права голоса в делах ее герцогства, принимать послов она будет только вместе с Анной де Божё. В то время Анна де Божё с супругом имели меньше влияния, чем прежде, и тратили больше времени на собственные

имения. Тем не менее когда Карлу пришлось отправляться на войну в Италию, снова именно Анну де Божё призвали к власти и оставили Анну Бретонскую под ее контролем. По всей видимости, сохранялись опасения по поводу того, что может сделать безнадзорная молодая королева-герцогиня, всегда сохранявшая мечту о независимости Бретани.

Анна Бретонская быстро родила Карлу VIII сына, и когда тринадцатилетнюю Маргариту Австрийскую наконец отправили домой, будущее Франции во всяком случае казалось обеспеченным. Маргарита взяла с собой прощальный подарок, сделанный самыми искусными вышивальщицами Анны Бретонской. Обе женщины поддерживали отношения, но Маргарита долго держала обиду на страну, которая ее отвергла. По дороге домой, когда ей предложили жалкое вино с *sarment* (однолетней лозы), она горько пошутила. Этот напиток, сказала Маргарита, прекрасно соответствует королевской *serment* (клятве).

Маргарита Австрийская испытала повороты судьбы, имевшие немалое значение в сознании человека позднего Средневековья. «Всегда помни, говорит Блаженный Августин, что нельзя быть уверенным даже в едином часе», – писала Анна де Божё. На тот момент судьба, казалось, благоволила Луизе Савойской, ставшей теперь матерью влиятельного сына, но, вероятно, она тоже усвоила, что женщине сложно управлять собственной участью.

Маргарита Австрийская и Луиза Савойская теперь – молодые женщины, которые стремились найти свое место в этом мире. Однако будущее Маргариты еще не определилось. В июне 1493 года в Камбре (месте нескольких важных встреч в будущем) она снова увидела свою мачеху и крестную мать Маргариту Йоркскую, в честь которой ее называли. Следующие несколько лет пройдут в компании старшей Маргариты. Не за горами было и новое замужество.

В 1493 году отец Маргариты Максимилиан наследовал своему отцу на посту императора Священной Римской империи. Маргарите, как и ее брату Филиппу, предстояло послужить воплощению его великого замысла – созданию антифранцузского союза. Филипп должен был жениться на Хуане, дочери правителей Испании^[14] Фердинанда и Изабеллы; Маргарита – выйти замуж за Хуана, их наследника. Замысел

предполагал и брачный союз младшей дочери испанских монархов Екатерины Арагонской с наследником английского трона, таким образом создавался еще один полезный альянс.

«Судьба очень жестока к женщинам»

Испания, Савойя, Франция, 1493–1505 гг.

5 ноября 1495 года в Мехелене Маргарита Австрийская вступила в брак по доверенности с испанским инфантом. Споры, следует ли посылать ее в Испанию до того, как во Фландрию прибудет Хуана, напоминают, в переводе на современный язык, не что иное, как обмен заложниками. Тем не менее в конце января 1497 года она отправилась в путь. Погода была настолько плохой, что ее кораблю пришлось искать убежища на английском побережье в Саутгемптоне, к радости короля Англии Генриха VII, который послал ей письмо, убеждая побыть в городе достаточно долго, чтобы он смог навестить ее, а она избежала «волнения и рева моря». Возможно, она пожалела, что не согласилась, потому что в Бискайском заливе ее корабль попал в такой страшный шторм, что Маргарита сочинила горестную эпитафию:

Здесь лежит Марго, усердная невеста,
Дважды замужем – но девственницей умерла.

Cy-gist Mapro la gentil' damoiselle
Qu'ha deux marys et encor est pucelle.

Благополучно сойдя на берег в Испании, Маргарита познакомилась со своей новой свекровью Изабеллой Кастильской. Это была возможность своими глазами увидеть женщину, обладавшую настоящей королевской властью. Это была женщина, которая с годами стала чувствовать себя комфортнее всего в грубом одеянии францисканского монаха, а на публике могла появиться украшенной рубинами размером с голубиное яйцо. Изабелла нанимала преподавательницу латинского языка, чтобы исправить пробелы

собственного образования, но тем не менее своим дочерям дала образование супруг короля, а не правительниц.

Пять лет тому назад, в 1492 году, за единственный триумфальный год Изабелла Кастильская въехала во дворец Альгамбра, победила наконец мавров, долгое время владевших Южной Испанией, изгнала из страны евреев и открыла Новый Свет, покровительствуя Христофору Колумбу. Однако, наверное, еще важнее была деятельность Изабеллы по поддержке – но также и по преобразованию – католической церкви в Испании.

В 1478 году Изабелла обратилась к римскому папе за разрешением создать в Испании инквизицию. Инквизиторы Изабеллы и Фердинанда действовали настолько жестоко, что папа счел необходимым вмешаться. По иронии судьбы их сменил печально известный Томмазо де Торквемада, который вскоре не только ввел авторитарное церковное правление, но и учредил эффективную сеть судов во всех владениях католических монархов. Этот толчок добавил энергии действиям против мавров и евреев. Кастилия Изабеллы являлась пограничной территорией, где на всех границах исповедовали ислам. Однако усилия королевы окажутся своего рода превентивным ударом, объясняющим, почему протестантство никогда не получит реальных шансов укрепиться на Пиренейском полуострове.

Побуждение к перемене исходило от самой Изабеллы. Она гордилась, что в порыве искоренить чужие, еретические вероисповедания «принесла большие беды и опустошила города, земли, провинции и королевства». Человеческая цена ее действий была высокой. Священник, видевший, как изгоняли евреев, чьи семьи веками жили в Испании, отмечал, что они падали от изнеможения, рожали и умирали на обочинах дорог, «поэтому не было христианина, который бы не жалел изгнанников». Тем не менее после ее кончины предпринимались шаги причислить Изабеллу к лику святых.

Этот дух и опыт ее дочери несли за границу, поскольку их отдавали туда замуж, чтобы распространить влияние династии Изабеллы и Фердинанда. Прибыв в Испанию, Маргарита Австрийская имела возможность познакомиться по крайней мере с некоторыми из своих новых золовок. Старшая – названная Изабеллой в честь матери, чьей наследницей она была, – несколько лет назад стала женой наследника короля Португалии. Ее молодой супруг погиб в результате падения с

лошади после всего семи месяцев брака, а после многих лет уговоров семья вынудила Изабеллу выйти замуж в 1497 году за Мануэля, заменившего ее первого супруга на троне Португалии. Когда Маргарита Австрийская добралась до страны, Изабелла уже уезжала, а Хуана еще раньше уехала в Нидерланды^[15].

Маргарита Австрийская, конечно, встретила с самой младшей золовкой, которая тоже готовилась со временем покинуть испанский двор. Брак Екатерины Арагонской с английским принцем Артуром становился все более насущным вопросом. В июле 1498 года испанский посланник в Англии писал:

Королева и мать короля [Елизавета Йоркская и Маргарита Бофорт] желают, чтобы принцесса Уэльская [Екатерина] всегда говорила по-французски с принцессой Маргаритой [Австрийской], которая сейчас в Испании, чтобы выучить язык и уметь говорить на нем, когда она приедет в Англию. Это необходимо, поскольку леди не понимают латинский язык, а еще меньше испанский.

Маргариту тепло приняли в Испании, несмотря на определенное расхождение культур. Иезуитский автор XVII века Педро Абарка в своей работе «Короли Арагона» (*Reyes de Aragon*) писал, что, хотя Маргарите позволили сохранить всех привычных слуг, свободу и развлечения, ее известили, что с грандами не следует вести себя «с фамильярностью и прямоотой, обычной при дворах Австрии, Бургундии и Франции, нужно общаться с серьезностью и сдержанным достоинством королей Испании».

Всего через несколько месяцев после свадьбы с Маргаритой, осенью 1497 года, болезненный мрачный Хуан умер, и Маргарита («настолько переполненная скорбью», как она сама описывала себя, «что не оставалось места для другой боли») потеряла ребенка, которым была беременна. Придворный поэт Маргариты Жан Лемер в произведении «Венец Маргариты» (*Couronne Margaritique*) позже писал, что она мучилась в родах 12 суток без еды и сна^[16].

Маргарита говорила своему отцу, что королева Изабелла никогда не оставляла ее, и она бы умерла без заботы свекрови. Фердинанд и Изабелла писали Максимилиану, что Маргарита «сильна и

мужественна, как вам хотелось бы, а мы стараемся утешить ее... мы заботились и будем заботиться о ней, как делали бы это, будь жив ее супруг». Благородная реакция, учитывая, что многие современники считали, что Хуана убило чрезмерное усердие в «супружеских удовольствиях» со страстной Маргаритой.

Маргарита Австрийская теперь не играла реальной роли в Испании – точно как и во Франции после того, как Карл VIII отказался от нее. Однако снова Маргарита оставалась на некоторое время в стране, где приобрела большую популярность. Ее отъезд откладывался, пока свекор и отец торговались по поводу ее приданого, возможностей будущего замужества, наилучшего использования в продолжающейся борьбе с Францией и, наконец, по поводу маршрута и времени поездки. Тем не менее в начале 1499 года – проехав через земли Франции, где ее когда-то называли королевой, – Маргарита возвратилась во Фландрию. 19 лет от роду и опять обманутая замужней жизнью.

Она прибыла как раз вовремя, чтобы стать крестной матерью (рядом с собственной крестной матерью Маргаритой Йоркской) сыну своего брата Филиппа Бургундского от Хуаны Арагонской, возможному наследнику и испанских, через мать, и отцовских нидерландских территорий. Для династии Габсбургов рождение младенца Карла было успехом, но на человеческом уровне брак Филиппа и Хуаны можно назвать несчастьем. Виной тому, возможно, был не столько муж, который с самого начала относился к жене с презрением, граничащим с жестокостью, сколько Хуана, отвечавшая Филиппу на грубое отношение настолько подобострастной преданностью (а если верить рассказам врагов, то и истеричной ревностью), что это стало почвой для утверждений о ее безумии.

Трудно сказать, на чьей стороне была Маргарита. В любом случае вскоре ей предоставили собственную резиденцию в замке Ле-Кесной, отдельно от королевского двора. В политическом отношении в марте 1501 года испанский посол Фуэнсалида имел основания недовольно сообщить, что мадам Маргарита «во всем просто следует прихотям своего брата». Когда впоследствии испанцы попросили ее помирить конфликтующую пару, она написала Фердинанду, что ничего не может сделать. Как предсказуемо докладывал испанский посол, «она вернулась к себе, не имея сил выносить то, что происходит...».

Маргарита Австрийская не собиралась навсегда оставаться в Нидерландах. Когда она еще была в Испании, ее отец и брат начали обсуждать ее новое замужество. Упоминались герцог Миланский, короли Шотландии, Венгрии и даже Франции, поскольку Карл VIII умер и на французский престол взошел новый король. В итоге выбор следующего мужа Маргариты пал на молодого герцога Савойского Филиберта, брата подруги детства Маргариты Луизы Савойской.

Герцогство Савойя служило воротами в Италию, пространством борьбы между крупными европейскими державами, поэтому этот брак предоставлял родственникам Маргариты Австрийской доступ к стратегически важной территории. Кроме того, хотя Филиберт формально являлся вассалом Максимилиана, его французское воспитание, данное Анной де Божё, означало, что он находится под сильным влиянием этой страны. По всей видимости, отец и брат Маргариты стремились изменить сложившуюся ситуацию.

Маргарита не выказывала желания снова выходить замуж. Однако хотя третье замужество окажется наименее значимым на большой европейской сцене, для нее оно станет самым счастливым. Веселый безрассудный Филиберт, всего на несколько месяцев моложе ее, носил, как брат Маргариты, прозвище Красивый. Брачный контракт подписали в Брюсселе 26 сентября 1501 года, и в октябре Маргарита Австрийская отправилась в путь (ее провожала Маргарита Йоркская, и больше они не увидят друг друга). В начале декабря неподалеку от Женевы ее с энтузиазмом встретил Филиберт. Впервые Маргарита имела супруга, разделявшего ее живость. Вместе объезжая герцогство, весной 1503 года они выбрали для жизни замок Пон-л'Эн под Боргом.

Однако у жизнерадостного нрава Филиберта была и другая сторона. Он проводил время в охоте, рыцарских поединках и танцах, но совсем не занимался делами герцогства. Всем руководил его незаконнорожденный единокровный брат Рене, пока не приехала Маргарита, которая не имела желания оставлять власть «Савойскому бастарду». Справедливо то было или нет, но она использовала против него все имевшиеся в ее распоряжении средства, даже привлекла своего отца, чтобы лишить Рене документов, дававших ему, незаконнорожденному, права на собственность.

Мотивы Маргариты могли быть как политическими (она должна была следовать интересам семьи), так и личными. Возможно,

прошлый опыт разочаровал ее во власти (как правило, мужской). А может, судьба зловки Хуаны показала ей, что происходит, когда супруга короля отказывается от ответственности за государство. В любом случае бастарда объявили изменником. Он бежал во Францию, где его приняла единокровная сестра Луиза Савойская.

Пока Филиберт охотился, Маргарита Австрийская взяла бразды правления в свои руки, в сущности, сказав ему не забивать свою красивую голову. Она собрала совет, назначила чиновников, когда приехал ее брат, обсудила с ним внешнюю политику и одобрила его планы по восстановлению отношений с Францией. Маргарита никогда не отказывалась от приемов и охоты; есть описание того, как она выступала в спектакле в роли королевы амазонок, в малиновом головном уборе, кирасе с драгоценными камнями и обнаженным мечом в руке (всплывает образ Изабеллы Кастильской). Однако опыт в Савойе был последним этапом ее политического ученичества, репетицией действий на более широкой европейской сцене, к которой судьба скоро ее вернет.

Летом 1504 года стояла изнуряющая жара, даже Филиберт не имел сил охотиться, поэтому в первые дни сентября он с новым энтузиазмом вернулся к любимому занятию. После бурного утреннего преследования дикого кабана он упал в тени, напился из холодного родника и простудился. Во дворце собрали докторов, но те опустили руки. Маргарита приказала растереть свои драгоценные жемчужины, чтобы приготовить лекарство, но ничего не помогало; Филиберт умер утром 10 сентября. Рассказывают, что слугам Маргариты пришлось удерживать ее, чтобы она не выбросилась из окна.

Маргарита с головой погрузилась в перестройку фамильной церкви, где похоронили Филиберта, чтобы вырезать там девиз ее сочинения: *FORTUNE. INFORTUNE. FORT. UNE*. Слова можно истолковать как «судьба очень жестока к женщинам» или, наоборот, «Счастье. Несчастье. Укрепляет. Ее». То есть речь идет о конкретной женщине^[17]. В последующие годы отличительной чертой дворца Маргариты Австрийской в Мехелене станут деревянные бюсты ее и Филиберта. Хотя она заказывала их после смерти супруга, Маргарита изображена с распущенными волосами невесты, а не во вдовьем чепце. В 24 года она уже в третий раз осталась одна. Отец и брат поначалу хотели снова выдать ее замуж, но после трех таких

неудачных попыток супружества Маргарита объявила, что «совсем не расположена пробовать еще раз».

При этом вместе с мужем она потеряла и недавно обретенную роль. Или нет? Филиберту наследовал восемнадцатилетний единокровный брат, чье малолетство, казалось, могло на некоторое время оставить за Маргаритой долю власти. Однако новый юный герцог не пошел на договор, что привело Маргариту в ярость. Если он думал, что «подобным невежливым отношением он сможет унижить нас и осуществить свои замыслы, то он ошибается, – писала она позже. – При том что я женщина, мое сердце совсем другой природы...»^[18]

Во Франции Луиза Савойская теперь тоже была молодой вдовой. Маленький дофин, которого Анна Бретонская родила французскому королю Карлу VIII в начале их супружества, умер в 1495 году. Супруг Луизы Карл Ангулемский заболел лихорадкой и скончался по пути на похороны дофина. Противостоя, как поразительное количество таких женщин, попыткам снова выдать ее замуж, Луиза сосредоточилась на своем сыне Франциске.

Как главный родственник мальчика, герцог Орлеанский объявил, что Луиза Савойская не может принять на себя опеку над своими двумя детьми, поскольку сама несовершеннолетняя – во Франции правовое совершеннолетие для женщин наступает в 25 лет. Однако молодая вдова доказывала, что в Коньяке, где родился Франциск, женщины получают права опекунства в 14 лет. Королевский совет принял решение до известной степени в ее пользу, а герцог Орлеанский (при условии, что Луиза снова не выйдет замуж) получил всего лишь надзорную роль.

Луиза Савойская поселилась в Коньяке, чтобы управлять своими обширными землями. Там она начала воспитывать двоих детей в здоровых научных традициях, в которых ее учили при дворе Анны де Божё. «К тому же, дочь моя, если в какой-то момент в будущем Господь заберет твоего супруга, оставляя тебя вдовой, тогда ты понесешь ответственность за своих детей, как многие другие молодые женщины; будь терпелива, поскольку это угодно Богу, и управляй разумно», – писала Анна в «Наставлениях дочери». На стене комнаты в Ангулеме Луиза написала свой заимствованный у Лоренцо де Медичи девиз: *libris et liberis* (книги и дети).

Ее дочь Маргарита имела тех же учителей, что и сын. Дети учились испанскому и итальянскому языку у матери, латыни и библейской истории – у двух ученых-гуманистов, а на миниатюре Маргарита с братом изображены за шахматной игрой. При этом не оставалось никаких сомнений, кто из двоих детей получал больше внимания матери.

Луизу Савойскую упрекают за то, что она сосредоточилась на Франциске, но и Маргарита вела себя так же. Наверное, это было естественно, поскольку бездетность ряда рано умиравших французских королей стремительно приближала Франциска к престолу Франции. Когда в 1498 году неожиданно скончался Карл VIII, ударившись головой о притолоку двери, трон перешел к Людовику, герцогу Орлеанскому, двоюродному брату Ангулема, супруга Луизы. К тому же Людовик по-прежнему не имел детей – циничные прогнозы по поводу его супружества с калекой Жанной полностью оправдывались^[19].

После смерти Карла VIII его вдова Анна Бретонская погрузилась в истеричную скорбь, однако безотлагательно предприняла шаги к восстановлению прав на собственное герцогство. Ее первый брачный договор предусматривал, что в случае смерти короля Карла она может снова выйти замуж только за следующего короля Франции – способ продолжить французскую аннексию Бретани. Новый король Людовик XII принял меры, чтобы отказаться от имеющейся супруги, бесплодной Жанны, под предлогом отсутствия консумации. От Жанны потребовали пройти унижительный физический осмотр, папа выдал разрешение, и Жанна удалилась в монастырь, в итоге ее причислили к лику святых.

Хотя брак Людовика с Анной Бретонской был чрезвычайно выгоден политически обеим сторонам, не было гарантий, что он разрешит проблему престолонаследия. Тридцатилетний жених не отличался хорошим здоровьем, а неоднократные беременности Анны от Карла наследника так и не принесли.

Если, или пока, у короля Людовика и его новой королевы не родится сын, мальчик Луизы Савойской Франциск оставался вероятным наследником престола. В этих обстоятельствах Луизе приходилось бороться за разрешение самой растить Франциска. Ее вынудили привезти сына поближе к Людовику, в Амбуаз на Луаре, где Франциск

и группа приставленных к нему молодых людей могли наслаждаться охотой и шуточными рыцарскими турнирами, которые ему очень нравились. Ей также пришлось согласиться на надзор доверенного человека Людовика сеньора де Ги, чье грубое представление о собственных обязанностях порой заставляло семью чувствовать себя пленниками. Дети Луизы спали в ее спальне, а офицер должен был присутствовать при *lever* – церемонии утреннего туалета юного наследника. Однажды, когда Луиза объявила, что ее дети еще спят, чиновник даже вышиб дверь.

Анна Бретонская то и дело была беременна, и дневник Луизы не скрывает ее чувств. В 1502 году «Анна, королева Франции, 21 января, в День святой Агнессы, родила в Блуа сына. Однако, как мертворожденный, он не угрожает подъему к власти моего Цезаря». Живого мальчика по-прежнему не было. В 1499 году Луиза с детьми находилась в Роморантене, где к ее уединению присоединилась королева Анна, чтобы избежать чумы. Там королева родила дочь, Клод. Может, идея о браке между этой королевской дочерью и сыном Луизы Франциском тоже родилась в Роморантене?

Наверное, ни одна из матерей не желала этого брака. Анна Бретонская – потому что тайно надеялась выдать Клод, наследницу Бретани, в семью имперских Габсбургов (Анна поддерживала отношения с Маргаритой Австрийской) и таким образом сохранить независимость своего герцогства. А Луиза Савойская, возможно, помнила, что Клод принадлежит к роду с плохой способностью к деторождению и к тому же немного деформирована, как многие в ее роду с близкородственными браками, включая первую жену Людовика Жанну. Луиза и Анна всегда испытывали неприязнь друг к другу, хотя в 1504 году некоторое время действовали сообща, чтобы избавиться от деспотичного сеньора де Ги.

Однако в 1505 году, когда Людовик XII сильно заболел, то, что долго обсуждалось, стало настоящим: брак двенадцатилетнего Франциска, наследника престола, с дочерью короля Людовика Клод. Завещание Людовика назначало опекуном Клод ее мать Анну, но вместе с ней включало в регентский совет и Луизу. Обе женщины поклялись исполнить волю короля, приложив руки к частице Голгофского Креста. Король Людовик поправился, но церемония помолвки продолжилась, потом пару разделили для взросления.

Следующей весной на официальной церемонии Франциска признали наследником Людовика.

Маргарита Австрийская и Луиза Савойская теперь обе были молодыми вдовами. Однако если Маргарита снова оказалась в неопределенности, то перед Луизой лежал ясный путь вперед.

Принцессы-невесты

Англия, Шотландия, 1501–1505 гг.

Долей принцессы было выйти замуж в интересах своей семьи. Ее личное счастье, или несчастье, находилось в руках судьбы. За Ла-Маншем, в Англии и в Шотландии, две другие девушки королевских кровей начинали осознавать тяжесть этой ноши.

Екатерина Арагонская прибыла в Англию в 1501 году. Ее бракосочетание с наследником престола этой страны принцем Артуром отмечали грандиозными празднествами. Изабелла Кастильская и ее супруг испытывали некоторые сомнения, отправляя младшую дочь в далекую Англию, где правление Тюдоров еще только утверждалось, однако Изабелла была не из тех женщин, которые позволяют чувствам препятствовать интересам династии.

Каждая иностранная принцесса сталкивается с пугающей перспективой, когда обессиленной ступает на берег чужой страны после долгого и опасного путешествия, зная, что все ее будущее зависит от того, понравится ли она мужчине (или мальчику), с которым вот-вот встретится. В лучшем случае ей предстоит балансировать между преданностью мужу и обязательствами перед родной страной. Должно быть, Екатерине Арагонской пришлось держать на лице ритуальную улыбку на протяжении всех празднеств – рыцарских турниров и выступлений акробатов, пышных шествий и парадов между дворцами на реке. К тому же ее как дочь Изабеллы, наверное, поразило, как ограничена власть английской королевы.

Да, мать Генриха VII, Маргарита Бофорт («Миледи, мать короля») имела значительное влияние, но этого нельзя было сказать о его жене Елизавете Йоркской. Кроме того, и Маргарите Бофорт, и Елизавете Йоркской потребовалось отказаться от собственных кровных прав, чтобы позволить Генриху взойти на трон. Не допускалось и мысли, что женщина может править в Англии, как это происходило в Кастилии, хотя Екатерина пока не знала, как это обстоятельство будет мучить ее в будущем.

В январе 1502 года молодая чета отправилась в Ладлоу, резиденцию Артура как принца Уэльского. Однако меньше чем через пять месяцев произошла трагедия. 2 апреля 1502 года принц Артур умер после непродолжительной болезни. Родители были безутешны, а жена оказалась в ситуации самой болезненной неопределенности. Еще одна королевская невеста рано овдовела; еще одна принцесса осталась в затруднительном положении в чужой стране без ясных перспектив.

Однако замужество за границей было обычным уделом принцесс. При английском дворе одна из новых тюдоровских золовок Екатерины готовилась к такой роли. Маргарита Тюдор родилась в 1489 году, она была старшей дочерью Генриха VII и Елизаветы Йоркской. Ей не исполнилось и четырех, когда ее старшего брата Артура в шестилетнем возрасте отправили в Ладлоу, чтобы он принял на себя роль наследника английского престола, принца Уэльского. Маргарита осталась воспитываться вместе со своими младшими братом Генрихом и сестрой Марией. Королевские дети почти все время проводили в Элтемском дворце неподалеку от Лондона. Эразм Дезидерий Роттердамский, великий гуманист из Нидерландов, сопровождавший английского ученого Томаса Мора в 1499 году, чтобы выразить соболезнования, описывает их как счастливых детей, хотя из его рассказа явствует, что восьмилетний Генрих («уже с явно королевскими манерами») ожидал – и получал – предпочтения над двумя девочками.

Перспективы Маргариты Тюдор уже начинали обсуждать. В 1498 году испанский посол докладывал Фердинанду и Изабелле о предполагаемом браке восьмилетней Маргариты с двадцатипятилетним королем Шотландии Яковом IV, но добавил, что существуют некоторые «неудобства» в связи с этим браком. Генрих VII говорил, что его жена и мать Маргарита Бофорт объединили силы, чтобы защитить маленькую Маргариту:

Королева и моя мать выступают против этого брака. Они говорят, что если бракосочетание состоится, то мы будем обязаны сразу отправить принцессу в Шотландию, а в таком случае они опасаются, что шотландский король не станет ждать, воспользуется ею и поставит под угрозу здоровье девочки.

Нужно ждать, чтобы отложить вступление в брачные отношения. В этом случае Маргарита Бофорт слишком хорошо знала, о чем говорит. Ее выдали замуж в 12 лет, в 13 она стала матерью, и роды подорвали ее и так слабое здоровье. Если названная в ее честь внучка унаследовала хрупкое телосложение Маргариты Бофорт, это было бесспорной и ясной проблемой. Тем не менее 25 января 1502 года (всего через несколько недель после отъезда Артура и Екатерины в Ладлоу) в Ричмондском дворце состоялось официальное празднование бракосочетания Маргариты Тюдор с королем Шотландии. Представители обеих стран подписали три соглашения, которые составили документ, оптимистично названный Договором о вечном мире, нацеленный на завершение разногласий между постоянно враждующими соседями и оговаривающий детали брака Маргариты, а также ее приданое в 10 000 фунтов стерлингов^[20].

На следующий день после мессы, проведенной в новой королевской капелле, в большом зале королевы прошла свадебная церемония по доверенности, отсутствующего короля Якова представлял граф Ботвелл. Генриха, его жену Елизавету и саму Маргариту спросили, не существует ли каких-либо препятствий и действует ли Маргарита «без принуждения и по собственной свободной воле». Девочка подтвердила, что «если это угодно милорду моему отцу-королю, а также миледи моей матери-королеве», то она согласна. Это – полное и безоговорочное подтверждение с позиций XVI века.

После того как дело было закончено и отзвучали фанфары, королева Елизавета «немедленно» (как описывает происходящее хронист того времени) взяла дочь за руку, и две королевы «вместе отобедали из одного покрытого блюда»; покрытое блюдо обозначало их королевский статус. Последовали рыцарский поединок и званый ужин, в соборе Святого Павла пропели *Te Deum*^[21]. На следующее утро двенадцатилетняя королева Шотландии вошла в большой зал матери и «голосом герольда» поблагодарила всех благородных рыцарей, участвовавших в турнире ради нее, а потом раздала награды «по рекомендации придворных дам». Награду получил и один молодой дворянин по имени Чарльз Брэндон, о котором мы услышим несколькими годами позже. Было согласовано, что Маргариту отправят на север не позднее сентября 1503 года, а пока она должна оставаться на попечении своей матери.

Рассказывают, что принц Генрих рыдал от бешенства, когда понял, что его сестра, став королевой, теперь превосходит его по статусу. Однако очень скоро Генриху предстояло стать гораздо более важной персоной в «Табели о рангах». Едва прошло два месяца после бракосочетания Маргариты Тюдор, как пришло известие о смерти их брата Артура в Уэльсе. При этом худшее было впереди. Как только мрачные траурные одежды Маргариты смягчат рукава белого, а потом оранжевого цвета, она узнает, что ее мать снова беременна. Елизавета Йоркская полагала, что годы ее беременностей остались позади, но с уходом Артура не осталось запасного наследника. В феврале 1503 года, всего через несколько дней после рождения не прожившей долго дочери королева Елизавета скончалась.

Маргарите Тюдор пришлось уже наступающим летом ехать на север, навстречу своей новой жизни, не имея за своей спиной матери. 8 июля она отправилась, как пишет Somerset Herald, «роскошно одетая, верхом на светлой лошади... с прекрасной свитой в полном порядке», чтобы короноваться как королева Шотландии в Эдинбурге. Ей тогда не исполнилось и четырнадцать лет.

Маргарита встретила со своим тридцатилетним супругом в Хаддингтоне, уже в Шотландии. The Herald с редкой ясностью описал этапы знакомства двух людей в таких сложных обстоятельствах. Когда Якова IV ввели в зал, который теперь стал большим залом Маргариты, она встретила его у дверей, и оба «глубоко поклонились друг другу, король был с непокрытой головой. Они обменялись поцелуями, потом, поприветствовав остальных членов ее свиты, «отошли в сторону и разговаривали на большом расстоянии друг от друга».

Возвратившись на следующий день, Яков застал Маргариту за игрой в карты в ее комнате, и она поцеловала его «по доброй воле». Когда ему принесли хлеб и вино, он сначала подал ей и сыграл для нее на клавикордах и лютне, «что ей очень понравилось». На следующий день, заметив, что стул, на котором она сидела за обедом, «ей неудобен», он отдал Маргарите собственный. Письмо отцу Генриху в Англию, отправленное в первые дни ее замужней жизни, дышит тоской по дому и неуверенностью подростка, которая пытается найти свой путь в борьбе за власть при иностранном дворе. «Я бы хотела быть сейчас и еще много раз с вашей Милостью», – писала она своему отцу, как, должно быть, хотели бы многие другие принцессы. Тем не

менее похоже, что, по стандартам того времени, Маргарите повезло.

Положение Екатерины Арагонской, напротив, ухудшилось со смертью доброжелательной свекрови Елизаветы Йоркской, хотя какое-то время казалось, что могут открыться новые, пусть и неоднозначные, возможности. Король Генрих овдовел, как и жена его сына Екатерина Арагонская. Брак между ними выглядел хорошим способом восстановить баланс и сохранить приданое Екатерины, а также связи с Испанией: хорошим, по крайней мере, для Генриха. Однако мать Екатерины Изабелла Кастильская пришла в ужас, когда до нее дошли такие слухи; брак свекра и невестки был бы «ужасным делом – невиданным никогда прежде, даже простое упоминание о нем оскорбляет человеческий слух – мы ни за что на свете не допустим такого».

Вместо этого в июне 1503 года семнадцатилетнюю Екатерину Арагонскую обручили с одиннадцатилетним братом Артура принцем Генрихом, при некотором сомнении по поводу того, обручать ли ее как вдову брата в полном смысле слова или как оставшуюся девственницей вследствие нереализованного брака. Состоялся новый продолжительный раунд переговоров между Генрихом VII и Фердинандом по вопросу о приданом Екатерины, и она оказалась в ловушке дипломатии отца и свекра. Кроме того, события в Испании могли уменьшить привлекательность Екатерины как невесты.

В ноябре 1504 года умерла Изабелла Кастильская, оставив под вопросом будущее своей страны. С точки зрения Англии, это означало, что союз с Екатериной теперь представляет собой альянс только с Арагоном ее отца без более важной Кастилии. В июне 1505 года отец приказал принцу Генриху отказаться от помолвки с ней. Если ее золовка Маргарита Тюдор казалась в относительной безопасности в Шотландии, то Екатерина снова осталась без ясных перспектив в чужой стране.

За Ла-Маншем были другие женщины, чье положение на политической доске вследствие кончины Изабеллы Кастильской изменится еще заметнее. Одна из них – бывшая невестка Екатерины Арагонской Маргарита Австрийская, вторая – сестра Екатерины Хуана.

Хуана являлась наследницей своей матери Изабеллы, однако с самого начала она не выказывала стремления брать бразды правления в собственные руки. Шла борьба между мужем Хуаны Филиппом Бургундским (братом Маргариты) и ее отцом Фердинандом Арагонским, супругом усопшей Изабеллы, не желавшим уступать значительную часть территории, где он многие годы был соправителем.

Известие о наследстве дошло до Хуаны, когда она с мужем находилась в Нидерландах, и пара начала готовиться к возвращению в Испанию. Шторм заставил Филиппа с Хуаной зайти в гавань на английском побережье, и у Екатерины Арагонской появилась волнующая возможность повидаться с сестрой. Однако Филипп умышленно не допускал Хуану до двора Генриха, пока не добился для себя статуса главного гостя, поэтому Екатерине осталось всего несколько часов провести с сестрой, которую она, по всей вероятности, больше никогда не увидит.

Изменение положения

Нидерланды, Испания, Англия, Шотландия, 1505–1512 гг.

По дороге в Испанию, в сентябре 1506 года, Филипп Бургундский неожиданно умер от лихорадки. Поведение его вдовы Хуаны помогло ее родственникам мужского пола обойти наследницу. Ее вскоре объявят недееспособной (душевнобольной), хотя в наше время ее диагноз подвергается сомнению. Хуана сама писала отцу, что хотя кастильцы «хотят доказать, что я не в своем уме... если я действительно выходила из себя и не могла сохранять должное чувство собственного достоинства, то хорошо известно, что единственной причиной такого поведения была ревность». Однако возможно, что написать это письмо ее заставил муж.

Хуана не примет участия в игре королев. Значительная часть ее жизни пройдет в заточении; остается неясным, действительно ли это было неизбежно. Конечно, она, по сути, стала жертвой предательства, в котором ее муж участвовал, по крайней мере, не меньше, чем ее отец. Впоследствии состоялась сделка, по которой Кастилией будет править отец Хуаны Фердинанд, пока ее сын Карл не достигнет совершеннолетия.

Но что же с Нидерландами, которые Карл тоже унаследовал после смерти отца, и где Филипп с Хуаной оставили мальчика, когда отплыли в Испанию? Регентство Нидерландов перешло к другому деду Карла Максимилиану, но Максимилиан жил в собственных, австрийских, землях. Он, с согласия всех вовлеченных, передал фактическую власть своей рожденной в Нидерландах, недавно овдовевшей (и поэтому случайно свободной) дочери – Маргарите Австрийской. За несколько недель до смерти Филиппа Бургундского представитель Максимилиана рассказывал, как он «целый месяц ежедневно уговаривал» Маргариту согласиться на брак с королем Англии Генрихом VII. Максимилиан заверил английского короля, что сам поедет в Савойю убеждать ее. Однако теперь семья нашла для нее иное применение, и в 27 лет Маргарита обрела роль, для которой родилась на свет.

Когда судьба и смерть ее брата отдала правление Нидерландами в ее руки, она умело взялась за дело. Маргарита Йоркская скончалась в 1503 году, но Маргарита Австрийская расположила двор в городе своей крестной матери, Мехелене. Там дважды в неделю собирался совет, хотя большинство из 150 человек ее двора жили за городом^[22].

После принятия присяги в качестве главной правительницы в марте 1507 года Маргарита повезла своего племянника Карла в поездку по его владениям. Она от его имени пообещала сохранить права и привилегии каждой из 17 провинций, приняла от них клятву верности и созвала Генеральные штаты, чтобы повысить налог для выкупа заложенных земель Карла, поскольку Филипп оставил свои территории в очень плохом состоянии. Значительную часть ее времени занимала международная дипломатия и реализация политики ее отца.

Собственная рука оставалась пешкой, которую Максимилиан все еще пытался разыграть. Однако Маргарита Австрийская не поддавалась уговорам. Она решительно отказывалась выходить замуж за короля Англии Генриха VII, хотя отец заверял ее, что Маргарита сможет каждый год возвращаться в свои владения на три-четыре месяца и таким образом «не чувствовать себя в Англии пленницей... со своевольным мужем». Правда, ее убедили написать Генриху несколько лестных писем, чтобы поддержать альянс отца с Англией.

Кончина Филиппа Бургундского несла потенциальные выгоды еще одной женщине. Генрих VII теперь стремился заключить брак с вдовствующей Хуаной. Как сообщал испанский посол, он не обращал внимания на ее душевное расстройство, «особенно после того, как я убедил их [англичан], что расстройство рассудка не мешает ей рожать детей». По просьбе Генриха Екатерину Арагонскую привлекли к переговорам как сестру Хуаны. У Екатерины были все основания желать союза Хуаны и Генриха: это могло не только помочь ей выйти из состояния неопределенности, но и освободиться от бесконечных денежных затруднений. Споры по поводу ее приданого затягивались, и она посылала отцу отчаянные жалобы, что тратит деньги не на развлечения, а только на самое необходимое. (Испанский посол де Пуэбла славился тем, что питался при дворе, чтобы сэкономить деньги.) Именно тогда она могла вручить своему свекру «верительные грамоты», чтобы стать официальным послом своего отца Фердинанда.

Однако Фердинанд не собирался передавать Генриху VII контрольный пакет в испанских делах, который он мог бы получить, став супругом Хуаны. Несмотря на незначительные победы Екатерины Арагонской, отчаянный тон ее писем в последние годы правления Генриха VII вызывает сострадание больше, чем все остальное в ее последующей жизненной истории.

Жизнь Маргариты Тюдор в Шотландии, напротив, некоторое время продолжалась на той же приятной ноте, с которой началась, и, вероятно, благодаря ее супругу. Яков был неоднозначной натурой – увлекающейся и романтической. Он собирался рано или поздно идти в Крестовый поход, но пока отвлекался разными занятиями, включая лечение зубов^[23]. Однако Яков IV также пылко увлекался искусством любви, и с самого начала Маргарите пришлось мириться со свидетельствами его неверности. Осенью Яков взял ее (и ее фрейлин, музыкантов и 18 повозок вещей) в поездку по ее наследным землям из приданого. Путешествие началось с романтического дворца Линлитгоу на берегу озера. Однако когда они переехали в Стерлинг, Маргарита обнаружила, что ее наследный замок служит яслями для полудюжины внебрачных детей короля.

При этом продолжительная привязанность Якова к своей любовнице Дженет Кеннеди, возможно, облегчила ему воздержание в других направлениях. Прошло более трех лет после приезда Маргариты в Шотландию, и в 1507 году, когда ей исполнилось 17 лет, она родила сына. Яков был на седьмом небе от счастья и не забывал о Маргарите, которая после родов опасно заболела. Король отправился в паломничество к усыпальнице святого Ниниана на побережье Гэллоуэя молиться о ее выздоровлении: за семь дней пешком он проделал путь в 120 миль. В тот самый момент, когда он преклонил колени перед гробницей, Маргариту отпустила лихорадка. Во всяком случае, так рассказывали во всех христианских странах.

Печально, но всего через год младенец умер, а Маргарита Тюдор снова была беременной. Однако когда в июле 1508 года она родила (девочку), ребенок умер в тот же день. Конечно, еще невозможно было знать, насколько точно события в Англии будут повторять эту историю, но плодовитость Маргариты, или ее отсутствие, имели последствия

для Англии. После смерти принца Артура она стала второй по очереди на английский престол.

Маргарита Тюдор являлась, как многие другие принцессы, живым залогом международного союза, и англо-шотландский договор поначалу, казалось, действовал эффективно. Однако к 1508 году Яков IV начал принимать посольства французского короля Людовика XII, чей альянс с Максимилианом против растущей мощи Венеции не включал Англию. Кроме того, Яков возмутился, когда тесть арестовал его двоюродного брата графа Арранского за проезд через английское королевство без официального разрешения. Генрих VII отправил на север для примирения способного молодого чиновника по имени Томас Вулси. Маргарите дали задание добиться для Вулси аудиенции, поскольку ее супруг угрожающе заявил, что он слишком занят «пристреливанием орудий и изготовлением пороха». Через пять дней ей удалось справиться с заданием, хотя по неопытности она нарушала плавное течение дипломатического процесса, возражая каждому шотландцу, который говорил, что ее отец в Англии сделал что-то не так.

Когда 21 апреля 1509 года Генрих VII скончался, Маргарита Тюдор (снова беременная) стала наследницей английского престола. В то время как Яков и новый король Генрих VIII подтвердили Договор о вечном мире, ребенка Маргариты, рожденного в октябре в Холирудском дворце, крестили под именем Артур, которое имело большое значение в недавней и древней истории Англии. Этому Артуру суждено было умереть в годовалом возрасте, но, конечно, к этому моменту Генрих VIII и его новая королева имели все основания надеяться иметь собственных детей.

После кончины Генриха VII Английского его сын Генрих VIII незамедлительно отметил свое восхождение на престол бракосочетанием с Екатериной Арагонской, вдовой брата. Генрих писал Маргарите Австрийской в Нидерланды (правдиво или нет), что брак состоялся по «прямому распоряжению» умирающего Генриха VII. Бракосочетание прошло быстро и неофициально, но их совместная коронация, меньше чем через две недели, была пышной и публичной. Церемонию провели 24 июня 1509 года. Несмотря на то что неожиданный ливень заставил промокшую королеву укрыться под

тентом носилок, тоскливые годы Екатерины закончились – во всяком случае, на ближайшее время.

В ее мире настал солнечный день. На первый взгляд, это была сказочная романтическая история. Екатерина в свои 24 года по-прежнему имела яркую приятную наружность, отмеченную, когда она впервые появилась в Англии. Послы описывали ее как пышущую здоровьем, любезную и веселую, склонную улыбаться даже при неприятностях. Однако интересно, что переписка Екатерины Арагонской с ее отцом Фердинандом до свадьбы наводит на мысли о более прагматичной повестке за браком по любви и более активной роли для Екатерины. Фердинанд советовал дочери использовать «все свое мастерство и благоразумие», чтобы побыстрее «закрыть сделку»^[24]. Екатерина, в свою очередь, благополучно выйдя замуж, говорила Фердинанду, что любит своего нового супруга прежде всего потому, что он «истинный сын Вашего Высочества, который желает быть полезным Фердинанду «с более сильной любовью и послушанием», чем даже родной сын. Такое отождествление Екатерины Арагонской с интересами Испании являлось потенциальным источником опасности. И все же этот брак дал молодому Генриху супругу, более искушенную в устройстве мира, чем он сам.

Наверное, первым предвестием несчастья стал выкидыш, который случился у Екатерины в январе 1510 года. Такие события сами по себе не были редкостью. Гораздо тревожнее (учитывая историю гинекологических проблем и Екатерины, и ее дочери Марии) было то, что доктора, похоже, убедили Екатерину в том, что она потеряла только одного близнеца, а второго еще носит, хотя даже испанский посол сообщал, что у нее восстановился менструальный цикл. Екатерина осталась в уединении, готовясь к рождению ребенка, пока весной ей не пришлось осторожно выйти в свет. Однако к этому времени она уже имела возможность объявить, что снова беременна.

Утром первого дня нового 1511 года Екатерина ко всеобщей радости родила мальчика, его окрестили Генрихом. Всего через семь недель младенец умер, но, опять же, подобные несчастья в XVI веке происходили часто. Отношения Екатерины Арагонской с Генрихом, несомненно, оставались крепкими; настолько прочными, что в 1513 году она смогла повлиять на своего супруга и направить его страну к

альянсу с Габсбургами и своей родной династией. Она явно не забыла о своих связях с Маргаритой Австрийской, которая была крестной матерью того усопшего младенца Генриха.

Роль Маргариты Австрийской в качестве правительницы Нидерландов нередко оказывалась тяжелой ношей; она даже писала, что часто хотела бы вернуться в лоно матери. Ей приходилось дипломатично осторожничать с собственным отцом. «Я знаю, что мне не следовало бы вмешиваться в упомянутые вопросы, поскольку я неопытная женщина в таких делах, но мой большой долг перед вами дает мне смелость просить вас... позаботиться об этом, пока еще есть время», – написала она в одном случае. («Грубо и оскорбительно» – так он отозвался об этом столь острожно сформулированном совете.) Кроме того, она должна была отстаивать интересы самих Нидерландов, а они не всегда соответствовали грандиозному замыслу отца. Однако Маргарита вскоре отпраздновала победу, когда ей удалось отменить крайне невыгодное для ее подданных торговое соглашение с Англией – «Злой договор» (*Malus Intercursus*).

К тому же за пять лет до приезда Анны Болейн в Нидерланды Маргарита Австрийская играла главную роль в Камбрейской лиге, в 1508 году ей доверили представлять отца, императора Максимилиана, и бывшего свекра Фердинанда на переговорах об альянсе с французами для поддержки папского престола в борьбе с захватами Венеции. Максимилиан советовал дочери арендовать все дома в одной части Камбре^[25], оставив другую часть городка представителям французского короля. Между тем король Франции Людовик сам с преданностью написал ей, напоминая о том, как играл с ней в Амбуазе, когда она была маленькой девочкой. Даже римский папа, еще один член альянса против захватнических действий Венецианской республики, имел обыкновение посылать Маргарите религиозные вещицы и реликвии большой ценности, а Генрих VII поручил своему посланнику поговорить с Маргаритой об интересах Англии. Как выразился о ней придворный поэт Жан Лемер, «Мадам Маргарита в ее молодом возрасте видела и испытала больше... чем любая другая известная дама за всю жизнь».

Наблюдатели говорили о ее «учтивых и мягких манерах». Несмотря на то что Маргарита писала своему послу в Англии, что от

переговоров у нее болит голова и что она с противной стороной часто «досаждали друг другу», ей хотелось бросить в бой все свои разнообразные способности. Не при дворе ли Маргариты Австрийской Анна Болейн узнала, что ее пол (и ее женственность) может служить оружием; может быть гамбитом в большой игре, в которой она встанет против другой женщины – другой королевы, как черные и белые стоят друг против друга на шахматной доске?

Однако Камбрейская лига просуществовала недолго, поскольку папа решил, что Франция сама представляет угрозу большую, чем Венецианская республика. В 1511 году римский папа создал против Франции Священную лигу, в которую вовлек Максимилиана и Фердинанда, Венецию и Генриха VIII. Отец Маргариты писал, что французское вероломство преподнесет ей урок: «Мы получше узнали французов, чем ты... и мы бы предпочли, чтобы их учтивые речи обманули тебя, а не нас, чтобы ты была осторожнее в будущем».

Столкнувшись с продолжительным конфликтом (восстанием герцога Гелдерского, желавшего отвоевать независимость своей провинции) в конце 1510 года, Маргарита в смятении написала отцу: «Вы знаете, я женщина, и не мне заниматься войной... Заклинаю вас, милорд, посоветуйте, что делать...» Однако через несколько месяцев пришло такое письмо: «Милорд, я готовлюсь... чтобы возглавить свою армию. Армия прекрасно выглядит, как и артиллерия...» Отец сказал Маргарите, что она сражалась «с отвагой мужчины, а не женщины».

1512 год выдался особенно сложным. Герцог Гелдерский получил поддержку французов, а у Маргариты не осталось средств вести ни собственную кампанию, ни разные кампании отца. Однако в 1513 году сложилась новая антифранцузская коалиция, и Маргарита сыграла в этом процессе важнейшую роль, о чем говорит само название «Мехлинский договор». Маргарита (в отличие от своей бывшей золовки Хуаны) была в центре европейской дипломатии.

«Ложные обвинения»

Франция, Нидерланды, 1513 г.

«Женщина, – писал Кастильоне, – не имеет так много способов защитить себя от ложных обвинений, сколько находится в распоряжении мужчины». Маргарита Австрийская принадлежала к тем немногим женщинам, которые почти доказали правдивость этого суждения. Первые шесть лет своего правления она выглядела женщиной, которая твердо держит все под своим контролем. Можно назвать ее прекрасной ученицей Анны де Божё; тот тип женщин, которых Анна имела в виду, когда писала, что аристократки были и «должны быть образцом и примером для остальных во всех отношениях».

Однако значительная часть советов Анны де Божё касалась одной конкретной темы:

Не позволяй никакому мужчине касаться твоего тела, кто бы он ни был... ни одна из тысячи не выходит из этой ситуации без посягательств на свою честь или обмана, как бы ни была «сильна» или «истинна» любовь. По этой причине для наибольшей уверенности я советую тебе избегать любых встреч наедине, как бы приятны они ни были...

Даже малейший промах может навлечь осуждение. Слова Анны де Божё станут печальным пророчеством:

Не существует достойного мужчины, как бы знатен он ни был, который не опускается до предательства, которому не представляется своего рода видом спорта обмануть или скомпрометировать даму высшего света... не существует мужчины, который в любовных делах честен и держит слово.

В истинности этих постулатов почти убедились сама Маргарита Австрийская, а также, по всей вероятности, во Франции дочь протезе

Анны де Божё, бывшей подруги по детским играм Маргариты, Луизы Савойской.

О детстве дочери Луизы Маргариты, естественно, известно по преимуществу из рассказов о ее брате Франциске, на котором строились все надежды семейной «троицы»^[26]. Однако брак Маргариты долго обсуждался. Еще ребенком ее предлагали в качестве невесты будущему Генриху VIII, но предложение отклонили, поскольку сочли, что наследник английского престола достоин дочери короля Франции, а не просто его двоюродной сестры.

Как только вероятное восшествие Франциска на престол и его брак с дочерью короля Людовика XII Клод были подтверждены, Англия вернулась со встречным предложением: Маргарита действительно может стать супругой Генриха, если Луиза Савойская выйдет замуж за его отца, вдовствующего Генриха VII. Однако Людовик Французский боялся, что такой двойной альянс принесет слишком большое английское влияние в его страну. Тогда англичане предложили, чтобы сама Маргарита выходила замуж за стареющего Генриха VII, но она ответила решительным отказом: «Когда мой брат станет королем, я выйду за молодого, богатого и знатного человека, без необходимости пересекать Ла-Манш!» Тем не менее на деле в 1509 году Маргариту выдали за ничего собой не представляющего Карла, герцога Алансонского, урегулировав таким образом длительный территориальный спор между домом Алансона и Ангулемским домом Маргариты.

В 1513 году не Маргарита Наваррская, а англичане пересекли Ла-Манш, причем по делам войны, а не любви. По крайней мере в теории, Англия стремилась вернуть власть над территориями, которыми она владела на Европейском континенте почти на всем протяжении Средних веков и потеряла только в XV столетии. Однако фактически война считалась главным делом и удовольствием правителя (Макиавелли очень пространно говорил об этом), и Генрих VIII радостно разминал свои мускулы как король-воин, когда его альянс с римским папой и императором Максимилианом против Франции привел его за границу во главе мощной армии.

В августе того года за падением городка Тербуан у границы Франции с Нидерландами последовала осада и триумфальный захват богатого

окруженного стеной города Турне. Когда же договор, заключенный Маргаритой Австрийской между ее отцом Максимилианом и Генрихом VIII, привел Генриха за Ла-Манш, она была там. Ее отец по-донкихотски объявил о намерении пойти добровольцем в английскую армию. Он пригласил Маргариту приехать к нему в осажденный город Турне, но она ответила, что приехала бы в случае необходимости, «а если необходимости нет, то не пристало вдове бегать и появляться в войсках ради развлечения...». Не резковаты ли ее возражения? Может быть.

Позже Маргарита Австрийская все-таки привезла племянника Карла в Лилль, чтобы он встретился с ее отцом и Генрихом VIII, а потом проехала в Турне, со значительными последствиями. Хотя этот инцидент, по всей видимости, сочли не заслуживающим записи в хрониках великих европейских событий, но небольшая драма, разыгравшаяся летом 1513 года и в последующие месяцы, стоит рассмотрения. Ее следует проанализировать не только потому, что она дает возможность лучше понять характеры участников (включая Генриха VIII), но и как контрольный пример, каким образом можно манипулировать могущественной женщиной через ее сексуальность; как личное (особенно когда дело касается женщин) становится политическим.

Тюдоровский хронист Эдвард Холл описывает, что Генрих встретил Карла с Маргаритой у Турне и ввел их в город «с большим триумфом. Ходили слухи, что лорд Лайл сделал предложение леди Маргарите... предлагал он жениться или нет, но она ему очень благоволила». Лордом Лайлом был Чарльз Брэндон, недавно возведенный в дворянство известный волокита, уже имеющий живописную брачную историю.

Родившись в среде джентри, Брэндон вырос при дворе. Его отец погиб в битве при Босворте: он был знаменосцем Генриха на поле боя, который принес Генриху VII его корону. Такая жертва отца обеспечила королевское покровительство его сыну. Звезда рыцарских турниров, Брэндон впервые публично состязался по случаю бракосочетания Екатерины Арагонской с Генрихом VIII и быстро стал, что критически важно, собутыльником молодого человека. Брэндон был обручен в юности с одной из фрейлин Елизаветы Йоркской, а когда она забеременела, отказался жениться, чтобы вступить в брак с ее богатой

вдовствующей тетей. Молодой человек продал многие земельные владения тети и аннулировал брак на основании кровного родства, затем вернулся к более молодой женщине и женился на ней. В 1510 году она умерла, Брэндон снова был свободен. В апреле 1513-го Брэндон стал кавалером ордена Подвязки, а уже в мае получил титул виконта Лайла, когда обручился с восемнадцатилетней Элизабет Грей, наследницей баронетства Лайл.

Для кампании 1513 года Брэндон собрал пятнадцать сотен солдат, при осаде Турне возглавил успешный штурм городских ворот, и в награду за смелые действия Генрих передал ему ключи от капитулировавшего города. Представитель Маргариты Австрийской в английской армии докладывал ей, что Брэндон был «вторым королем»; а она внимательно наблюдала за ним.

Маргарита с племянником Карлом провели в английских войсках десять дней, десять дней «большого утешения». (В честь победы Маргарите преподнесли гобелен из шести картин, на которых изображались сцены из «Книги о граде женском» Кристины де Пизан.) Весьма вероятно, что в свите Маргариты Австрийской была Анна Болейн, наблюдавшая такой феномен, как молодой Генрих VIII. Очевидцы сообщали, что однажды Генрих танцевал «со времени окончания банкета почти до рассвета в одной рубашке [то есть без камзола]» с Маргаритой и «придворными дамами» Маргариты.

Однако Маргарита Австрийская, судя по всему, восхищалась не только Генрихом. Перед ее глазами в те десять дней предстали Брэндон и король Генрих – они сражались со всеми, кто выходил на рыцарский турнир, ходили в одинаковых костюмах из пурпурного бархата с золотой отделкой, а на представление, которое показывали после банкета из сотни блюд, они пришли в масках. 20 октября Маргарита с племянником возвратились в Лилль, а их поездку в Турне продолжали обсуждать.

Затем Брэндона возвели в достоинство герцога Саффолка. Возможно, это было наградой за его доблесть во Франции, однако такой взлет для человека подобного происхождения вызвал широкий резонанс за рубежом. Среди шокированных был и Эразм Роттердамский. Некоторые говорили, что Брэндона так стремительно вознесли, чтобы сделать его достойной партией Маргарите: «Ходят слухи, что дочь Максимилиана Маргарита выходит замуж за нового

герцога, которого король недавно превратил из помощника конюха в пэра». В мае Брэндон и Генрих снова выступали на турнире, их девиз гласил: «*Who can hold that will away*» (Кто может держать, будет далеко), возможно намекая, что Брэндон собирается в зарубежное путешествие.

Если Брэндон действительно претендовал на руку Маргариты Австрийской, то выглядело так, будто Генрих поощрял их отношения. Однако король считал разумным выразить свою досаду в письме Маргарите: он пообещал примерно наказать сплетников. Тем не менее он признал, «что в разных местах обычно говорят, что обдумывается брак между вами и нашим очень дорогим и верным сподвижником и советником герцогом Саффолком». Чувства Маргариты проявляют два ее длинных письма, подписанные одной буквой «М» [см. *Комментарий к источникам*]. «М» не рискнула писать прямо королю или герцогу, как она сказала, «поскольку боюсь, что мои письма могут ненадежно храниться». Во главе угла стояла осторожность, но при всем том уже было поздно что-либо предпринимать, и у Маргариты то и дело проскальзывали истеричные нотки.

За несколько дней пребывания в Турне ее, как она заявила, поразила симпатия короля Генриха к Брэндону, а также «храбрость и достоинства» личности Брэндона («каких, мне кажется, я не встречала в других мужчинах»). Поскольку «он всегда выражал желание услужить мне», она заставила себя «проявить к нему полное доверие и расположенность». Королю Генриху, по всей видимости, это было «очень приятно», он действительно «много раз спрашивал меня, может ли такая благосклонность... перейти в обещание брака». В изложении Маргариты выглядит так, будто именно Генрих убеждал ее в том, что это (то есть брак по любви, когда женщина делает собственный выбор?) есть «образ действий дам Англии и... там не считается грехом». Маргарита отвечала, что «здесь такое не принято, и я буду скомпрометирована, меня сочтут глупой и легкомысленной».

Однако Генрих VIII не принял такого аргумента. Маргарите Австрийской пришлось найти другую причину: она указала, что англичане скоро покинут континент. Этот довод Генрих понял, но предупредил Маргариту, что ей все равно придется выходить за кого-то: «что я еще слишком молода, чтобы оставаться одной; что в его стране дамы снова выходят замуж в 50 и 60 лет». Маргарита

настойчиво утверждала, что не собирается опять вступать в брак: «Я перенесла слишком много несчастий с мужьями». Однако Генрих и Брэндон не желали ей верить. Еще дважды, в присутствии Брэндона, Генрих уговаривал Маргариту, снова и снова повторяя, что ее могут просто принудить к браку. Неубежденный ее возражениями, «он заставил меня пообещать, что, как бы ни настаивал мой отец или кто-либо иной, я не пойду под венец [с] господином мира, по крайней мере, до его возвращения или конца этого года».

Что это было? Искренне ли Генрих играл роль Купидона, азартно помогая своему закадычному другу устроить столь выгодный брак? Или он старался не допустить, чтобы Маргарита сделала другой выбор, возможно невыгодный для Англии? А что же чувствовали два главных участника этого дела?

На встрече, похожей на трехсторонние переговоры, «в Турне в моей комнате, однажды вечером после ужина, совсем поздно», Брэндон сказал Маргарите (как она пишет), что он никогда не женится и не заведет «жену или любовницу без моего приказа, а всю свою жизнь будет моим верным покорным слугой». Все эти слова – фигуры речи куртуазной любви; Маргарита Австрийская, выросшая именно в такой культуре, вероятно, увлеклась. Она пообещала «быть для него такой госпожой всю свою жизнь, поскольку он, мне казалось, жаждет всячески мне служить». Однако теперь, сердито проговорила Маргарита, нет и не должно быть никаких разговоров об этом деле, разве что о судьбе нескольких «любезных писем», которые недостаточно надежно хранились.

Все же она не совсем потеряла голову, не настолько, чтобы интересоваться у короля Генриха, не превосходит ли его активность (по любым мотивам) как «*trwchewan*», или свата, чувства самого Брэндона, или заметить, что многие вопросы, задававшиеся по поводу известного по слухам брака, похоже, больше касаются роли Генриха в нем, чем ее собственной.

Маргарите рассказали, пишет она, что Брэндон похвалялся ее кольцом с бриллиантом, «чему я не могла поверить, поскольку высоко ценила его как человека добродетельного и мудрого». Однако однажды в Турне, «после пира он встал передо мной на колени и, за разговорами и игрой, снял с моего пальца кольцо, надел на свою руку и стал мне показывать, а я засмеялась».

Маргарита заявила Брэндону, что он – *laron* (вор) и что она никогда не думала, что король держит в своей компании воров. Брэндон не знал слова *laron*, поэтому Маргарита попробовала фламандское слово *dieffe* и попросила его (один раз тем вечером, когда он, похоже, не понял ее, и второй раз на следующее утро через короля) вернуть ей кольцо, «поскольку оно слишком известно». Вместо кольца она дала ему один из своих браслетов; менее уличающее известностью ювелирное изделие.

Однако Брэндон снова забрал у нее кольцо в Лилле и не хотел отдавать, говоря, что подарит ей другие кольца, еще лучше. Он «не хотел» понимать ее возражений, и Маргарита могла только просить, чтобы он никогда и никому не показывал эту драгоценность. Она забыла об осторожности. Однако все равно, по сути, дело с кольцом было, или должно было быть, лишь куртуазной игрой: вне всякого сомнения, развлечением, флиртом для женщины, которая еще, как постоянно напоминал ей Генрих VIII, была слишком молодой, чтобы забыть о любви, а вовсе не свидетельством серьезных отношений.

Серьезная часть изложена во втором письме, в котором Маргарита Австрийская обещает продемонстрировать «все неудобства, которые может вызвать это дело». Ее ужасало, что об этом говорят дома, за границей, даже в Германии «совершенно открыто обсуждают торговые гости». Один английский купец осмелился устраивать по этому поводу пари. Хотя она была благодарна Генриху за все, что он сделал, чтобы прекратить разговоры, «тем не менее я вижу, насколько слухи запечатлелись в фантазиях людей... [что] живу в постоянном страхе».

Письмо показывает ее не как могущественную правительницу, способную решать проблемы, а как очень смущенную, все еще юную женщину. Тем не менее Маргарита Австрийская сделала свой выбор: власть выше чувств. Однако в той же ловушке, в которую попала даже уверенная в себе и опытная Маргарита Австрийская, по всей вероятности, в том же году оказалась и более уязвимая Маргарита Наваррская.

Умная, сложная, самокритичная и конфликтная Маргарита была автором большого количества опубликованных сочинений, в высшей степени необычных для ее времени по погружению, почти всепоглощающему, во внутренний мир женщины. Наиболее известен

ее «Гептамерон», цикл рассказов о любви и страсти, которые якобы рассказывает друг другу в дороге группа путешественников. Маргарита написала его в зрелом возрасте. Хотя сочинение и построено по образцу (как и «Книга о граде женском» Кристины де Пизан) «Декамерона» Боккаччо, фрагменты «Гептамерона» содержат столько отголосков реальной жизни, что нельзя полностью отрицать мысль о некоторой автобиографичности произведения [*см. Комментарий к источникам*].

Почти ровесник Маргариты Наваррской писатель Брантом отождествляет Маргариту и молодого дворянина по имени Гийом Гуффье, сеньора де Бонниве, с главными действующими лицами одного рассказа, в котором описывается сексуальное насилие. Хотя значительная часть сочинений Брантома непристойна до уровня порнографии, его мнение заслуживает внимания, поскольку и его мать, и его бабушка были фрейлинами Маргариты.

Главные герои десятой новеллы «Гептамерона» – Флорида и Амадур: цветочное имя Маргариты и влюбчивый Бонниве? В новелле Амадур был женат на любимой служанке Флориды Авантураде, которая рано умерла – в реальной жизни Бонниве женился на фрейлине Маргариты Бонавентур, и она тоже умерла молодой. Флорида знала Амадура с детства, точно так же реальный Бонниве появился в кругу семьи Маргариты, когда его старшего брата назначили заниматься образованием ее брата Франциска. Это было в юности Маргариты, а в 1513 году Маргарита уже четыре года как состояла в браке, что делало ее идеальным партнером для практически адюльтерного спорта куртуазной любви.

В декабре 1513 года Маргарита с мужем Алансоном приехали к Луизе в Коньяк. Неудачливый Алансон упал с лошади и сломал руку, когда к ним присоединился Франциск со свитой, в которую входил Бонниве. Если события «Гептамерона» в каком-то смысле автобиографичны, то Бонниве встал на путь, «ведущий к запретной цели чести дамы». У персонажей новеллы произошла встреча, на которой Амадур хватает Флориду за руки и «порочно» стискивает ее ступни. «Когда он заговорил, вся его фигура, лицо и выражение глаз страшно изменились. Доброе благородное лицо с нежным румянцем побагровело и исказилось от неистовой жестокости, как будто пламя охватило его сердце и отразилось в глазах». Когда Флорида отвергает

его притязания, он заявляет, что просто проверял ее, – знакомый прием куртуазной любви^[27].

У Маргариты была сложная и драматичная эмоциональная история^[28]. Одно письмо к ее духовному наставнику говорит нам, что в детстве Луиза Савойская так «била и ругала» Маргариту за какие-то «глупые проступки и ложь», что девочка не могла поверить, что мать действительно любит ее. Однако широкое распространение сексуального насилия в сочинениях Маргариты может указывать и на особую проблему или травму. Рассказчица в «Гептамероне» Парламента предупреждает своих слушательниц о вероломстве мужчин: «Любовь женщины зиждется на Боге и чести... А у большинства [мужчин] ищет удовольствия, до такой степени, что женщины, не понимающие греховных намерений мужчин, иногда позволяют завлечь себя слишком далеко».

Наверное, как Маргарита Австрийская, Маргарита Наваррская получила болезненный урок. Конечно, здесь был урок и для Анны Болейн тоже, хотя лишь время покажет, хорошо или не очень она его усвоила.

8

Флодден

Шотландия, Англия, 1513 г.

Та же борьба Франции с соседями, которая привела Чарльза Брэндона за Ла-Манш, шла и на Британских островах, и она будет продолжаться всю первую часть XVI столетия. Куда шла Франция, туда обычно следовала и ее старая союзница Шотландия, тогда как в Англии Екатерина Арагонская была одним из главных сторонников войны против Франции, старинного врага ее отца из Арагона.

Как сформулировал венецианский посол, «король решительно настроен на войну, а Тайный совет против; королева хочет войны, и самые мудрые советники в Англии не могут противостоять королеве». Однако возобновление многовекового конфликта между Англией и Шотландией сильно поссорит Екатерину Арагонскую с сестрой мужа Маргаритой Тюдор, супругой короля Шотландии.

Когда Генрих VIII отправился воевать во Францию летом 1513 года, Екатерину оставили «регентом и правительницей» Англии, пусть и при Совете пэров, который должен был ей помогать. Назначение Екатерины, вполне вероятно, вызывало сомнения. Полвека назад, когда жена Генриха VI Маргарита Анжуйская попыталась взять на себя правление во время его недееспособности, результатом стала борьба за власть, которая вылилась в гражданскую войну – началась война Алой и Белой розы.

«К тому же большое извращение / ставить женщину правительницей страны», – говорилось в популярной песенке, а описания Маргариты Анжуйской как «опытной и смелой женщины» сочетались с оскорбительными инсинуациями по поводу ее сексуального поведения. Однако процесс восшествия на престол уже Генриха VIII (как написали в The Garter Herald) «контролировался матерью покойного короля» – матерью Генриха VII Маргаритой Бофорт. Влияние Екатерины на политику ее супруга являлось признанным, пусть и не очень желательным, фактом. В любом случае теперь еще и замаячила война.

Шотландский «старый альянс» с Францией тоже поставил страну на курс, грозящий конфликтом со Священным союзом, в который входила Англия, втягивая два соседних острова в войну друг с другом. Екатерина сама – точно так же, как ее мать Изабелла Кастильская – сопровождала английскую армию на север, когда шотландцы воспользовались отсутствием Генриха и вторглись в пределы Англии. Педро Мартир де Англериа, историк и учитель при испанском дворе, слышал, что, «подражая своей матери Изабелле», Екатерина произнесла волнующую речь, чтобы сплотить войска. Она говорила, что солдаты «должны быть готовы защитить свои земли, что Господь улыбается тем, кто защищает свою собственность».

Она писала в Нидерланды (ее письмо было адресовано приобретающему вес Томасу Вулси, который находился там с королем Генрихом), что занимается «изготовлением штандартов, девизов и отличительных знаков». Она также написала Маргарите Австрийской и попросила отправить к Генриху доктора. Как ее мать Изабелла до нее, Екатерина с головой погрузилась в серьезную подготовку к войне. Она собрала войска и деньги для похода на север – артиллерию, продовольствие и корабли – и заметила Вулси: «Мое сердце радуется такой работе».

Граф Суррей держал первую линию обороны на севере, вторая волна войск стояла в Центральных графствах Англии. Однако сама Екатерина (она везла в багаже легкий золотой шлем с короной) подготовилась при необходимости командовать третьей волной, находившейся дальше на юге, несмотря на тот факт, что снова была на первых месяцах беременности. События не потребовали применения ее войск, но такая вероятность казалась достаточно реалистичной венецианскому послу в Лондоне, чтобы он доложил, что «наша королева тоже выступила против шотландцев с большим войском примерно в ста милях отсюда».

Пыл Екатерины Арагонской резко контрастировал с чувствами Маргариты Тюдор, которую Екатерина знала с десятков лет назад, когда впервые приехала в Англию, и к которой испытывала теплые чувства.

Маргарита Тюдор всегда серьезно относилась к идее, что ее миссия – установить более близкие отношения между Англией и Шотландией, но эта мечта становилась все слабее с самого начала правления ее

брата. Супруга Маргариты Якова IV ужасал антифранцузский альянс, сформированный Англией и ее союзниками, включая Испанию, Священную Римскую империю и папский престол. Яков писал – и настоял, чтобы Маргарита написала, – коронованным особам Европы, заклиная их сохранять мир.

Желанным событием весной 1512 года стало рождение второго сына. Однако надежды Маргариты Тюдор на англо-шотландский союз казались далекими от воплощения и стали еще более эфемерными, когда французская королева Анна Бретонская прислала Якову свою перчатку и письмо с просьбой быть ее сторонником. Маргариту шокировало, что супруг слишком серьезно принял этот жест из рыцарских игр. Впоследствии рассказывали, что она видела во сне, как его сбрасывают со скалы, а ее брильянты прямо на глазах превращались во вдовий жемчуг.

Какие-то семейные связи поддерживались; посланник, приехавший на север поговорить с Яковом, также привез письмо от Генриха Маргарите. Не так давно, когда Маргарита была беременна выжившим мальчиком, Генрих и Екатерина прислали ей пояс Богоматери из Вестминстерского аббатства. Однако когда за обедом Маргарита засыпала посланника вопросами о брате, которого она не видела десятков лет, и рассказывала, с каким энтузиазмом и муж, и брат строят флот, этот человек подумал, что муж поручил ей выведать военноморские секреты. Неудивительно, что посланник сообщал, что Маргарита «с трудом» завершила встречу.

Провал Договора о вечном мире между Англией и Шотландией – к этому моменту совершенно неизбежный – был тем более удивителен, что Маргарита Тюдор и ее шотландский сын по-прежнему являлись престолонаследниками Генриха VIII. Английский король находился во Франции, когда прибыл шотландский посланник с декларацией об объявлении войны. Генрих взревел, что Яков IV предатель, что «истинный владелец» Шотландии он сам, намекая на претензии многовековой давности, а Яков управляет страной только как вассал, по феодальной присяге. Это ему «придется, женатому на сестре короля Англии, снова назвать английского короля своим союзником, – кричал Генрих. – Меня ничего не заботит, кроме плохого отношения к моей сестре, пусть бы Божьей волей она была в Англии на условиях, что не будет стоить шотландскому королю ни пенни».

Предусмотрительный Яков IV, не дожидаясь ответа Генриха VIII, начал собирать армию. По дороге к войскам он заехал в Линлитгоу увидеться с Маргаритой, которая (как и Екатерина) переживала первые муки следующей беременности. Он не принял во внимание снов Маргариты о его гибели и ее мольбы не ехать на войну: «Это не сон. Вам придется воевать с большим народом». Если она действительно произнесла эти слова, то сделала это не только с ужасом, но и с гордостью, поскольку англичане были и ее народом тоже. В Линлитгоу есть башня, с которой, как говорит еще одна романтическая история, Маргарита с напряжением смотрела на юг, чтобы увидеть возвращение Якова. Однако также говорят, что она настолько была уверена в том, что случится в тот день, что даже не послала осмотреть поле сражения у Флоддена, где 9 сентября сошлись две армии.

Потери шотландцев были ужасающими; по всей вероятности, погибло не меньше 10 000 человек. Екатерина из Англии с ликованием писала Генриху о победе, послав супругу плащ убитого шотландского короля Якова IV. Она отправила бы и самого короля (в качестве пленника или в виде трупа?), писала она, «но сердца наших англичан не вынесут такого».

Когда известие о гибели мужа, преодолев 140 миль, добралось до Маргариты Тюдор в Линлитгоу, двадцатитрехлетняя беременная вдова не стала терять времени, она действовала и быстро, и решительно. Хотя боевые действия шли значительно южнее границы, английская армия вполне могла пойти внутрь Шотландии. Маргарита увезла полуторогодовалого сына, нового Якова V, подальше, в свой замок Стерлинг, где каменистые скалы позволяли чувствовать себя в большей безопасности. В замке Якова V короновали 21 сентября, уже через 12 дней после гибели отца. Церемония стала известна под названием «Траурная коронация».

После трагедии при Флоддене в живых осталось только 15 светских лордов и горстка епископов, которые могли помочь Маргарите управлять страной. На собранном совете, всего из 23 человек, спешно зачитали и утвердили завещание Якова, составленное им перед отъездом из Линлитгоу, в котором Маргарита назначалась регентом своего сына. В конце концов, всего полвека назад Шотландия видела другую королеву-консорта – Марию Гелдерскую в роли регента сына, девятилетнего Якова III. Маргарите предстояло стать «опекуном по

завещанию» новому Якову V, хотя она не должна была действовать без полномочного представительства лордов, которые постоянно будут рядом, чтобы обсуждать все вопросы.

Во время крушения страны Маргарита Тюдор и Шотландский совет стремительно предпринимали меры, чтобы восстановить порядок. В октябре было разослано королевское воззвание, запрещающее грабить дома и домогаться женщин, оставшихся там без защиты мужчин (а таких оставалось очень много). Стерлинг и другие крепости укрепили, но, несмотря на все усилия, вряд ли у шотландцев хватало солдат для гарнизонной службы.

Однако очень быстро в рядах шотландской власти стали проявляться разногласия. Когда Маргарита написала папе римскому письмо с предложением своих кандидатов на несколько епархий, оставшихся без епископов, после их гибели в сражении при Флоддене, возникло раздражение, что она не обсудила свой выбор с лордами. Еще более серьезные расхождения обнаружились по поводу политики в отношении Англии, войска которой по-прежнему (в качестве карательной меры) жгли поля и опустошали селения вдоль шотландской границы. Некоторые более молодые лорды желали продолжать войну и отомстить за своих родственников. Чтобы выполнить задуманное, они рассчитывали на помощь своей традиционной союзницы – Франции. Кроме того, им требовался военачальник, а само собой разумеющимся кандидатом являлся человек, который сейчас (поскольку у малолетнего Якова V не было родных братьев и сестер) считался наследником престола Шотландии.

Джон Стюарт, герцог Олбани, кузен Якова IV, всю свою жизнь провел в изгнании во Франции, его отца сослали за попытку захватить шотландский трон. Теперь многие лорды полагали, что следует его вернуть. 26 ноября совет обратился к французскому королю с просьбой отправить Олбани домой в Шотландию «для защиты страны». Предполагалось, что Маргарита продолжит быть правительницей страны и опекуном маленького короля, за которым необходимо «наблюдать, как предусмотрено в завещании покойного короля». Этот ход привел в ужас Генриха VIII. Английский король был убежден, что Олбани легко может свергнуть беззащитного младенца-монарха; может тайно увезти его на Внешние острова, а там сделать с ним что угодно, как, по общему мнению, его двоюродный дед Ричард похитил

своих племянников, «принцев в Тауэре». Генрих считал себя кровным защитником своего шотландского племянника. Однако шотландцы смотрели на ситуацию совсем иначе.

Маргарита Тюдор, по всей вероятности, испытывала конфликт лояльности; конфликт, знакомый многим королевам-консортам, но в этом случае конфликт был острее, чем у других, поскольку ее супруга убили солдаты брата. Тем не менее в обстоятельствах, сложившихся для нее столь неожиданно, Генрих оставался единственным человеком, который мог бы защитить ее саму и ее сына. Шотландцы, в свою очередь, должно быть, смотрели на Маргариту с двойственным чувством. С одной стороны, она была их королевой, супругой некогда любимого шотландского короля и матерью их теперешнего правителя. С другой – она была сестрой Генриха VIII, который стал причиной гибели того самого шотландского короля, нанес всем шотландцам поражение и унизил их. Послание Генриха сестре было тактично опосредованным – золовка Маргариты Екатерина Арагонская посылает ей привет – но чем больше Маргарита Тюдор, казалось, ждала от брата помощи, тем сильнее нарастал раскол во мнениях о ней.

Несмотря на свой триумф, Екатерина выражала личную симпатию Маргарите. «Королева Англии из любви к королеве Шотландии с радостью отправит слугу, чтобы поддержать ее». Маргарита ответила просьбой к Екатерине напомнить о ней Генриху. Через несколько недель после сражения при Флоддене Екатерина действительно отправила в Стерлинг монаха Бонавентура Лэнгли, чтобы обсудить перемирие. Как можно видеть снова и снова, личное, женское было прикрытием политического. По одной из версий, Маргарита считала, что война могла бы не произойти, если бы она имела возможность встретиться с золовкой, которую знала при английском дворе: «Если бы мы увиделись, кто знает, что Господь сделал бы нашими руками?» Однако дружеские отношения с королевой Англии все же могли сослужить плохую службу шотландской королеве.

Маргарита Тюдор испытывала и другие затруднения. В отличие от ее европейских современниц, в том числе Екатерины, Маргариту воспитывала женщина, Елизавета Йоркская, которую не допускал к власти ее супруг, Генрих VII. Маргарита боролась за положение, на

которое, как представительница Тюдоров, она предъявила права, но к которому жизнь ее не подготовила.

В предстоящие годы она попадет в другую ловушку; капкан, который подстерегает всех могущественных женщин. В этой западне оказались и Маргарита Наваррская, и Маргарита Австрийская, и в ней же (при дворе не Франции или Нидерландов, а Англии) разыграется последняя смертельная игра. Тем временем главная героиня этой легендарной драмы вскоре перейдет из орбиты Маргариты Австрийской в круг Маргариты Наваррской, когда меняющийся ландшафт европейского театра определит молодой Анне Болейн ее путь.

Часть II

1514–1521 гг

Что касается управления собственными делами, [вдовы] должны полагаться только на себя; когда речь идет о верховной власти, они не должны передавать власть никому. Кроме того, им необходимо защитить себя от коварных и дерзких поклонников, особенно тех, с которыми часто имели дело, поскольку могут возникнуть подозрения...

*Анна Французская (Анна де Божё)
«Наставления дочери»
(опубликовано в 1517–1521 гг.)*

9

Колесо Фортуны

Франция, Нидерланды, 1514–1515 гг.

Макиавелли представлял себе Фортуну в женском образе. Однако события, последовавшие сразу после драматичного 1513 года, ясно показали, что дух женской солидарности не сподвигает Фортуну облегчать жизненный путь своим сестрам. И Луиза Савойская во Франции, и Маргарита Австрийская в Нидерландах – обе пострадают от ее колеса.

9 января 1514 года накануне своего тридцать седьмого дня рождения умерла Анна Бретонская, королева Людовика XII. Ее хоронили с пышными церемониями, соответствующими не столько королеве, сколько королю, скорбь народа тоже не знала границ. И то и другое, по всей вероятности, говорило о признании ее мужества, с которым она боролась за сохранение независимости своего герцогства.

Однако кончина Анны Бретонской напоминала брошенный в озеро камень: круги, расходящиеся от падения этого камня, затронут семьи и Маргариты Австрийской, и Луизы Савойской.

В похоронной церемонии значительную роль сыграла Анна де Божё, а также Луиза Савойская и ее дети. Дочь Луизы Маргарита будет вести себя как старшая сестра для двух оставшихся без матери дочерей Анны Бретонской: четырнадцатилетней Клод (теперь полноправной герцогини Бретани благодаря брачному договору, который Анна заключила с Людовиком XII до их бракосочетания) и маленькой Рене, которая усвоит некоторые идеи Маргариты. Луиза отметила в дневнике:

Анна, королева Франции, переходя от жизни к смерти, оставила мне управление своим имуществом, состоянием и дочерьми... поручение, которое я приняла достойно и с добрым сердцем; это известная всем, признанная и очевидная истина, подтвержденная общественным мнением.

Все произошло, как договаривались. 14 мая Франциск прошел обязывающую брачную церемонию с Клод; этот брак сделал его герцогом Бретани. Друг Франциска Флеранже писал, что Клод унаследовала от матери Анны Бретонской неприязнь к Франциску и его роду: «не проходило и дня, чтобы эти два дома не поругались». Однако личная совместимость не являлась целью, и Франциск, должно быть, чувствовал уверенность в себе, поскольку на следующий день отправился на охоту.

При этом все надежды Луизы и ее семьи строились на неспособности королевской четы произвести на свет сына. Смерть Анны Бретонской (открывшая путь для более молодой невесты короля Людовика XII) давала им основания для беспокойства.

Младшая сестра Генриха VIII, восемнадцатилетняя Мария Тюдор, давно была помолвлена с племянником Маргариты Австрийской Карлом. Совсем недавно Мария переписывалась с Маргаритой по поводу стиля одежды, который предпочитают фламандские дамы. Однако раньше, в 1514 году, когда Маргарита Австрийская как никогда отчаянно убеждала своего отца поторопиться с браком племянника и английской принцессы, жизненно важным для укрепления мира на нидерландских территориях, ее отец Максимилиан и бывший свекор Фердинанд договаривались скрыть от нее совсем другие планы.

В 1514 году Фердинанд написал своему послу (не для того ли, чтобы он показал Маргарите это письмо?), что она «важнейшая персона в христианском мире, поскольку действует как посредник почти во всех переговорах между европейскими правителями». В другом письме он писал, что «мадам Маргарита – личность, от которой больше, чем от кого-либо еще на земле, зависят вопросы войны и мира». Однако лесть, вероятно, имела целью удержать ее в нужном направлении.

Они с Максимилианом теперь предполагали, что Карл вместо женитьбы на Марии Тюдор, как было условлено, чтобы укрепить альянс между Англией и Габсбургами, женится на младшей дочери французского короля Рене. Фердинанд также предлагал недавно овдовевшему Людовику XII новую невесту: либо саму Маргариту, либо племянницу Маргариты Элеонору. Людовик выбрал юную Элеонору, и уже подготовили брачный договор.

«Мадам Маргариту, – говорил Фердинанд, – смущает большая разница в возрасте между королем Франции [51 год] и мадам Элеонорой [17 лет]. Лануза [посол] должен сказать ей, что в брачных союзах великих королей разница в возрасте никогда не принимается во внимание... Мадам Маргарита ошибается, если считает помехой худощавость мадам Элеоноры. Стройные женщины обычно... рожают больше детей, чем дородные...»

Как яростно написала Маргарита Максимилиану, Испании, конечно, очень нужно заключить мир с Францией. Испанию защищают горы, а Англию – море. Нидерланды же, давний объект алчности Франции, не имеют такой природной защиты. Однако ничто не могло помешать объединить империю, Францию и Испанию в одну будущую «семью», главой которой Максимилиан представлял себя. Когда же Англия тоже заключила мир с Францией, брачные планы снова изменились. От задуманного брака Людовика XII с Элеонорой отказались. Вместо того король Франции женится на женщине, обещанной племяннику Маргариты Карлу, – сестре короля Англии Генриха VIII Марии.

Кроме поспешно собранного приданого и огромного бриллианта «Зерцало Неаполя», присланного французским королем в качестве свадебного подарка, Мария Тюдор, конечно, возьмет с собой и свиту из нескольких английских фрейлин, а Болейны никогда не упускали такого шанса. В августе 1514 года Томас Болейн написал Маргарите Австрийской письмо с просьбой освободить его дочь от обязанностей фрейлины – ее французский, благодаря Маргарите, уже прекрасен! – чтобы отправить к французскому двору. Место, которое Маргарита предоставила Анне Болейн как большое одолжение, требовалось оставить ради еще более многообещающей перспективы.

Имя Анны не фигурирует в списке сопровождавших Марию во время путешествия из Англии, и во Франции она появилась не сразу. О ее местопребывании в течение тех нескольких месяцев ничего не известно. Маргарита Австрийская и ее двор находились в Зиленде, когда пришло послание Томаса Болейна, возможно, это стало причиной задержки. Хотя не исключено, что Маргарита не поторопилась или из нежелания даже в малейшей степени способствовать этому англо-французскому браку, или просто от обиды. К тому же, как пронизательно почувствует Маргарита, свадьба Марии

Тюдор будет далеко не единственным королевским бракосочетанием в тот год.

В мае племянницу Маргариты Австрийской Марию вызвали ко двору Максимилиана в Вене готовиться к свадьбе с сыном короля Венгрии. В июне Маргариту призвали организовать, очень быстро, бракосочетание племянницы Изабеллы, которой еще не было даже 13, с королем Кристианом Датским, который был на 20 лет старше Изабеллы. Его послы прибыли в среду, а в воскресенье объявили о желании, чтобы венчание состоялось на следующий день, в день коронации Кристиана. «Однако месье, – писала Маргарита отцу, – очень сложно подготовить столь торжественную церемонию за такой короткий срок... но стремясь угодить им и удовлетворить ваши пожелания, я согласилась... и постаралась все организовать в полном порядке». По крайней мере, на невесту, трогательно писала Маргарита, «было приятно посмотреть». Этот брак окончился бы плохо, если бы на следующий год Изабеллу, как и ее старшую сестру Элеонору (теперь обрученную с наследником престола Португалии), не пришлось оставить на попечение Маргариты^[29].

В это время Маргарита Австрийская столкнулась и с проблемами внутри Нидерландов. Ее племянник Карл уже подрос и начал тяготиться контролем властной тети. Маргарита давно не ладила с Гийомом де Кроем, сеньором де Шьевр, дворянином, которого оставляли правителем страны в отсутствие ее брата, пока она его не заменила. Шьевр оставался воспитателем и первым камергером юного Карла, достаточно активно сотрудничал с Маргаритой, пока его франкофильские взгляды не оскорбила Лига против Франции, которую она помогла создать. Дело дошло до критической точки из-за вопроса, казалось бы, не имеющего непосредственного к ним отношения. Кастилия – одна из территорий, правителем которой будет Карл, – была охвачена националистическим движением; кастильцы волновались и по поводу текущего правления Фердинанда Арагонского, и по поводу своего будущего при юнце, который воспитывался только в Нидерландах. Кастильскую фракцию при дворе Маргариты Австрийской возглавлял дон Хуан Мануэль де ла Серда, политический подстрекатель, которого Фердинанд страстно желал заполучить в свои руки. Маргарите казалось сравнительно

незначительным делом арестовать дону Хуана с намерением выслать его в Арагон, однако оказалось, что она зашла слишком далеко.

Дон Хуан являлся рыцарем ордена Золотого руна, прославленного рыцарского ордена Бургундии, принадлежать к которому почитали за честь даже такие привилегированные иностранцы мужского пола, как Генрих VIII. Тут рыцари – во главе с Карлом как своим титулованным лидером и Шьевром – явились депутацией к Маргарите, яростно потрясая статутами, провозглашающими, что члена ордена могут судить только его братья-рыцари. Маргарита не поняла и возмутилась: «Ах, монсеньоры, если бы я была таким мужчиной, какая я женщина, то заставила бы вас принести мне ваши статуты и громко зачитать отрывки из них!» (Наверное, она знала, что ее бывшая свекровь Изабелла Кастильская уговорила папский престол даровать ей управление тремя подобными рыцарскими орденами, хотя не обошлось и без некоторого мужского ропота, что это «чудовищная ситуация».)

Дело разрешилось, когда Максимилиан (сам бывший глава этого ордена) доставил дону Хуана для расследования в Германию. Однако Маргарита Австрийская потеряла значительную часть благосклонности местной аристократии.

Под влиянием Шьевра Генеральные штаты потребовали объявить Карла совершеннолетним, предложив Максимилиану крупную сумму денег за его согласие. Максимилиан даже не предупредил Маргариту, что планирует согласиться. Неудивительно, что в письмах к нему она сетует на его недоверие, потому что иностранные послы, кажется, больше знают о происходящих событиях, чем она.

Весной 1515 года в посланиях Карла различным провинциям Нидерландов было объявлено, что «подобающе и разумно, если все дела, касающиеся наших привилегий, власти, поместий, и даже отправлен правосудия и другие наши вопросы впредь будут вестись нашим именем и по нашему праву».

Сам Максимилиан написал Карлу (и выслал копию своего письма Маргарите): «Поскольку вы питаете почтение и любовь к нашей дорогой дочери, вашей тете, Мы не сомневаемся, что главные и самые сложные дела вы будете обсуждать с ней и воспользуетесь ее хорошими советами...» Однако Максимилиан скоро обнаружит, что и

сам уже не играет в стране Карла столь значительной роли, как прежде.

Теперь, когда Маргариту Австрийскую сместили с должности, во множестве посыпались недовольства ее правлением. Маргариту обвиняли в том, что она не смогла сохранить альянс, который создала с нидерландским торговым партнером Англией, и потратила деньги Нидерландов на чужие войны – хотя точнее было бы говорить, что она не смогла в полной мере не позволить отцу делать этого, – и даже в том, что незаконно обогатилась.

Несмотря на такие оскорбления, Маргарите пришлось делать вид, что всё в порядке, сопровождая племянника в продолжительной поездке по стране, обозначающей передачу власти. Однако в письмах отцу она писала, что задается вопросом, не стоит ли удалиться на юг, в свои владения, и посвятить время «личным интересам». Вскоре после совершеннолетия Карла (хотя Максимилиан все равно продолжал засыпать ее делами) она ответила отцу, что переслала его письмо Шьевру и не может больше ничего сделать, «поскольку теперь я не вмешиваюсь ни в какие дела».

На самом деле время покажет, что Маргарита Австрийская была слишком целеустремленным, слишком проницательным политиком, чтобы долго оставаться в тени. Да, ее можно было заманить в ловушку, но все равно рядом с ней даже самые главные альфа-самцы действовали осмотрительно. После шестимесячного объезда провинций с племянником Маргарита на заседании совета вслух зачитала Карлу меморандум, опровергающий выдвинутые против нее обвинения. Обвинения, сказала она, спланированы, «чтобы вызвать у вас подозрения в отношении меня, вашей смиренной тети, чтобы лишить меня вашего расположения и доверия, что, конечно, было бы плохим вознаграждением за помощь, которую я оказывала вам до сих пор...».

«Главный пункт: Мадам ссужала собственные деньги на государственные дела и значительно сократила расходы на содержание своего двора... В течение трех лет она не только не получала вознаграждения за свою работу, но и тратила свое приданое, пока оно не закончилось». По окончании ее речи было признано, «что с Мадам полностью снимаются все обвинения». Маргарита Австрийская «величаво» удалилась на время к своим книгам, имениям,

незаконченному плану построить в Бру гробницу своему супругу Филиберту. Однако она сделала все это, уже не омраченная тревогой за свою судьбу.

«Прекрасный новогодний подарок»

Франция, 1514–1515 гг.

Еще одна королевская кончина во Франции вскоре ознаменует новый поворот колеса Фортуны. На этот раз звезда Маргариты Австрийской, казалось, должна была уйти с горизонта, а ее давней подруги детства Луизы Савойской – наконец засиять. И всё же путь Луизы будет не так прост.

Приезд во Францию Марии Тюдор – молодой, привлекательной и, вероятно, способной родить – не мог радовать Луизу и ее семью, которые меньше всего хотели, чтобы рождение сына старому королю сократило шансы Франциска занять престол. Однако пожилой Людовик XII казался очарованным новой невестой и заявил, что совершил большие подвиги в спальне.

Наверное, никто особенно не верил его словам. Приятель Франциска, любитель приключений придворный Флеранже, рассказывал, что Франциск говорил ему: «Если люди не слишком врут, то я знаю, что у короля с королевой нет возможности иметь детей». Однако существовали другие основания для беспокойства. Как зять и предполагаемый наследник короля, Франциск возглавлял свиту, встречавшую Марию Тюдор, и сыграл главную роль в рыцарских состязаниях в ее честь. Он наладил прекрасные отношения со своей красивой девятнадцатилетней новой родственницей. Вскоре Луизу стали предупреждать, чтобы она внимательно присматривала за сыном, а то как бы он сам не породил мальчика на свой престол. Однако тревогам Луизы не суждено было затянуться.

По словам Флеранже, в народе говорили, что король Англии прислал французскому королю молодую кобылу, чтобы она загнала его в рай или в ад. Толки оказались точны до пророчества. Меньше чем через три месяца после бракосочетания Марии Тюдор, 1 января 1515 года, ее супруг Людовик XII скончался.

Флеранже описывал, как новый Франциск I надел траурную одежду и «поспешил во дворец, чтобы сообщить об этом всем господам и

дамам королевства, в особенности своей матери мадам Луизе. Это был прекрасный новогодний подарок, должен сказать...». Луиза записала: «В первый день января я потеряла мужа, и в первый же день января мой сын стал королем Франции».

Формально оставалось неясным, является ли Франциск королем, пока не выяснится, не беременна ли Мария Тюдор. Однако принцип «король мертв – да здравствует король» восторжествовал, тем более что никто не верил в вероятность появления ребенка, рожденного после смерти отца. Официальный период траура сократили, и в конце месяца Франциска короновали.

Новой французской династии Мария Тюдор, вдова прежнего короля, была не нужна. Однако Мария найдет собственное решение; еще одна сестра Тюдора приготовилась поставить чувство выше политики. Вулси с самых первых дней ее вдовства настойчиво предупреждал ее не обращать внимания на новые «брачные предложения», которые могут ей поступать. «Я уверяю, что мой брат-король и вы не заметите за мной такого ребячества», – негодующе ответила она из своего вдовьего уединения.

Однако «предложения» были, и немало. Ходили слухи о герцоге Лотарингском; о том, что сам Франциск отказался от Клод, чтобы жениться на ней; о ее брате, который создает другой зарубежный союз, на сей раз с Габсбургами, с помощью ее руки. Возможно, именно такие слухи, а также понимание, что споры по поводу ее приданого в значительной степени определяют ее будущее, если будут происходить между двумя королями, привели Марию Тюдор к решению действовать.

Перед отъездом из Англии Мария добилась от брата неофициального обещания, что если она выйдет замуж за пожилого короля Людовика, то сможет сама выбрать себе следующего мужа. Причем она знала, на кого падет ее выбор. Чарльз Брэндон сопровождал ее во Францию; в январе его отправили вести переговоры о ее возвращении в Англию. Уже существовало общепризнанное влечение пары друг к другу, и когда Брэндон приехал, Мария послала за ним. «Я никогда не видел, чтобы женщина так рыдала, – впоследствии писал Брэндон, оправдываясь перед Вулси 5 марта. –

Королева никак не давала мне покоя, пока я не пообещал жениться на ней. По правде говоря, я охотно женился и возлег с ней».

Это было больше чем *lèse-majesté* (оскорбление величества), однако пара могла рассчитывать на некоторую защиту от французов, для которых их брак являлся удобным способом и избавиться от расходов на вдовствующую королеву, постоянно живущую во Франции, и не допустить использования ее для скрепления какого-то нежелательного политического альянса. Для брата Марии Генриха ситуация выглядела иначе. Однако даже он не был слишком разгневан, чтобы не умиротвориться обещанием пары передать ему приданое Марии и имущество, полученное ею в результате брака с королем. (К ярости Франциска, она подсластила сделку, контрабандой переправив брату в Англию потрясающий брильянт «Зерцало Неаполя».) По возвращении домой ее брачный союз подтвердили публичной английской церемонией, и Мария Тюдор посвятила себя домашней жизни. Многие из ее английских фрейлин вернулись с ней домой, а Анна Болейн (возможно, поскольку так хорошо выучила французский язык) осталась во Франции^[30]. В первые дни своего пребывания во Франции Анна стала (если верить последующим рассказам) свидетельницей краткой связи своей сестры Марии с чувственным Франциском, а также собственными глазами наблюдала пагубное воздействие этой связи на репутацию Марии Болейн. Уроки любви и опасности, которым они подвергают женщин, сыпались со всех сторон.

Не все женщины королевских кровей выбрали бы будущее Марии Тюдор. Луиза Савойская спокойно отметила в дневнике, что Мария в последний день марта вышла замуж за Брэндона, «человека низкого происхождения». Наверное, по натуре Луиза имела больше общего с Маргаритой Австрийской. Она тоже могла подтвердить привлекательность Брэндона, но встретила предложение о таком незаконном браке по любви с полным непониманием, как нечто, писала она Максимилиану, настолько глупое, что такая идея никогда не пришла бы ей в голову.

Луиза Савойская в свои почти 40 была еще в полном расцвете сил, когда ее сын Франциск I унаследовал французский трон. С самого начала кажется, что дела управления (по крайней мере, на первых этапах правления Франциска) были в одинаковой степени заботой и матери, и сына. Выражение «Лучший друг мальчика – его мать» могло

бы быть лозунгом первых монархов Нового времени. Англия не так давно знала двух молодым правителей – Эдуарда IV и Генриха VII, которые относились к своим матерям как к руководителям (и в отличие от этих двоих, Франциску не пришлось сражаться за свою корону).

После утверждения главных государственных должностных лиц (зять Франциска Алансон, муж его сестры Маргариты, был объявлен вторым человеком в государстве, а Бонниве – адмиралом Франции) несколько доверенных чиновников Луизы тоже заняли важные места. Ей самой пожаловали владения – герцогства Ангулем и Анжу, графства Мен и Бофорт, а также поместье Амбуаз, и она стала чрезвычайно состоятельной.

Не забыли и прежнюю наставницу французской королевской семьи Анну де Божё. Ее зятя герцога де Бурбона сделали констеблем Франции. Это назначение будет иметь последствия, поскольку в результате объединения собственных земель Бурбона с владениями дочери Анны Сюзанны, которые ей полагались в качестве приданого, появилась огромная и потенциально спорная территория прямо в центре Франции. Анна, как и Луиза с Маргаритой, но в отличие от жены Франциска, беременной Клод, сопровождала Франциска на коронацию в Реймс.

Луиза Савойская записала в дневнике:

В день Обращения святого апостола Павла 1515 года моего сына миропомазали и рукоположили в церкви Реймса. За это я благодарю Божественную Милость, которая щедро вознаградила меня за все несчастья и стеснения, павшие на меня в детстве и в расцвете юности. Смирение было постоянно со мной, и Терпение тоже никогда не оставляло меня.

Ее смирение замечали не все. Чарльз Брэндон писал о Луизе Генриху VIII: «Именно она всем управляет, и, похоже, неплохо, поскольку я никогда не видел такой женщины, как она, и по уму, и по достоинству. Она играет важную роль во всех делах своего сына короля».

Венецианский посланник спрашивал бывалого маршала Тривульцио, кто реально правит на земле, кто контролирует короля? Тот ответил, что Луиза Савойская «претендует на управление всеми

делами, не позволяя королю действовать без ее согласия... именно его мать с мадам де Бурбон [все еще деятельной Анной де Божё] и Буази [бывший наставник Франциска, брат Бонниве] реально всем управляют. Очень жаль видеть его под женским каблуком. Однако чего же можно ожидать при таком его образе жизни? Он не поднимается из постели почти до полудня. Потом одевшись и прослушав мессу, идет прямо на обед. Отобедав, сразу удаляется к своей матери. Затем, проведя некоторое время с советом, король отдается развлечениям, которые не заканчиваются до самого ужина».

Теперь венецианцы знали, с кем иметь дело. «Прославленнойшая мать наихристианнейшего короля» вскоре заверяла венецианцев, что ее сын будет «лучшим и самым надежным другом» в истории их города.

За год до вступления ее сына на престол Луиза Савойская была в Блуа, когда обрушился потолок ее комнаты. «Я сочла это знаком, что всему этому дому предназначено лечь на мои плечи, — писала она впоследствии в дневнике, — что Бог назначил меня заботиться о нем». Однако во многих отношениях это станет для Луизы не только благоприятной возможностью, но и бременем. Венецианский посол добавил, что мать Франциска « всю свою энергию направляет на накопление денег », такая слава прилипнет к Луизе. Правда, возможно, подобное поведение было следствием того, что один писатель назвал скупостью по соображениям безопасности; нечто объединяющее Луизу с матерью Генриха VII леди Маргаритой Бофорт. Однако Генрих разделял скупость своей матери, тогда как Луиза столкнулась с весьма реальной проблемой — ее сын щедро тратил деньги, в особенности на дорогостоящую страсть к войне.

На Луизу Савойскую неизбежно легла основная часть задачи по улаживанию сложных взаимоотношений времен правления Франциска I. Его связь с Карлом V как правителем Нидерландов, похоже, быстро обеспечила помолвку Карла с четырехлетней дочерью Людовика XII Рене (еще один королевский брак, которому не суждено было состояться). Луиза также надеялась привлечь на свою сторону папу римского, организовав брак его брата Медичи со своей сводной сестрой Филибертой Савойской.

Однако трехсторонние отношения между французской короной, папством и органами светской и церковной власти Франции долгое время оставались напряженными. В 1516 году Франциск, явно не без

участия Луизы, в конце концов заключил с римским папой Львом X соглашение, известное как Болонский конкордат. По конкордату Франциск получил право назначать своих церковных иерархов, но это поставило короля в конфликт с парижским парламентом и факультетом богословия университета, которые прежде участвовали в таких назначениях^[31]. Парламент также возмущало, что сестра короля Маргарита и ее супруг Алансон получили ежегодное содержание в 20 000 ливров и выгодную привилегию назначать глав всех французских торговых гильдий, а также герцогство Арманьяк, которое парламент считал неотъемлемой частью самой французской короны.

Роль Маргариты в разногласиях брата и с парижским парламентом, и с церковными властями позже будет иметь последствия, прежде всего для самой Маргариты. Однако в тот момент щедрость Франциска означала, что ее муж Алансон согласился с тем, что теперь ее место будет в основном при дворе брата, где она приняла на себя многие церемониальные обязанности королевы, так же как ее мать, взяла основную работу короля. Герой четвертой новеллы «Гептамерона» Маргариты – молодой государь («любитель женщин, охоты и всевозможных других развлечений»), чья жена «была сложным человеком и не разделяла его радостей, поэтому ему приходилось обычно брать с собой и сестру». Свои письма брату она зачастую подписывала «покорнейшая подданная и сестра Франциска» или *et mignonne* (дорогая).

Королева Клод была робкой, простодушной, прихрамывающей и почти постоянно беременной. Она рожала в 1515, 1516, 1518, 1519, 1520, 1522 и 1523 году, хотя только двое детей пережили родителей. Однако представляется, что Луиза Савойская – и, конечно, Маргарита тоже – ценили Клод за то, что она могла делать для Франциска, чего они не могли. Хотя хронист практически того времени сеньор де Брантом писал, что Клод обижала ее свекровь и игнорировал супруг, нет свидетельств, что ей не нравилось их обращение; в конце концов, она выросла под крылом Маргариты и Луизы.

Связь матери и сына была настолько близкой, что когда Франциску в ногу воткнулась колючка, Луиза написала, что «настоящая любовь заставила меня испытывать такую же боль». Соответственно, природная отвага сына вызывала у нее смешанные чувства. Она страшно испугалась, когда он выпустил во двор Амбуаза пойманного

кабана, чтобы самому убить его одним ударом меча. Стало еще страшнее, когда выяснилось, что Франциск решил добиться своего в споре за территорию Милана, на которую он имел наследственные притязания.

Уезжая на Итальянскую войну, Франциск взял с собой всю знать своей крови и объявил мать регентом во время своего отсутствия:

Мы решили оставить управление нашим королевством нашей любимой и дорогой леди и матери, герцогине Ангулема и Анжу, которой мы полностью доверяем, и она по своим добродетелям и благоразумию знает, как оправдать это доверие.

Хотя Итальянские войны окажутся бесконечно долгим делом, усилия Франциска в 1515 году принесли впечатляющий успех. В сентябре сражение при Мариньяно было, по словам одного участника, битвой гигантов, в которой войска Франциска достигли ошеломительной победы над армией швейцарских наемников, собранных правителем Милана того времени, Массимилиано Сфорца, в союзе с папским государством. Мир никогда не видел такой горячей и жестокой битвы, хвастался Франциск матери. Луиза вместе с Клод немедленно отправились в паломничество в Нотр-Дам де ла Гиш, чтобы возблагодарить за защиту «его, кого я люблю больше себя, моего мальчика, славного и победоносного Цезаря, покорителя швейцарцев». 10 октября Франциск с победой вошел в Милан как настоящий образец молодого короля-воина.

Когда пришла весть о возвращении Франциска из Мариньяно, Луиза Савойская, Маргарита и Клод выехали встречать своего «победоносного Цезаря», как описывала его Луиза в дневнике. «Бог знает, как я, бедная мать, была счастлива видеть сына целым и невредимым после всего, что он выстрадал и перенес на службе общему благу». В январе 1516 года женщины были с ним, чтобы вместе триумфально вступить в Марсель.

В первой половине XVI века лицом Европы мог бы быть один из трех молодых людей, предававшихся своим юношеским страстям: Франциск I, Карл Габсбург и Генрих VIII Английский. За каждым из них стояла женщина – мать, тетя или жена. И если в последние годы несколько женщин пытались балансировать запросы власти со своими

женскими интересами, то, похоже, Луиза Савойская преуспела больше остальных.

У старшей сестры Генриха VIII Маргариты Тюдор дела долго шли плохо. Однако такое событие, как смерть Людовика XII во Франции, имело последствия далеко за пределами собственной страны французского короля, даже в далекой Шотландии, «старой союзницы» Франции.

Еще осенью 1513 года Генрих в Англии получал донесения своих агентов о том, что шотландские лорды «недовольны, что будет править королева, поскольку они боятся, что Маргарита слишком подчинится Англии». Даже когда в феврале 1514 года королеве удалось добиться ненадежного мира с Англией, не все члены ее совета были этому рады.

Однако в марте 1514 года, когда во время созыва шотландского парламента Маргарита была представлена народу на восьмом месяце беременности, ее приветствовали чрезвычайно горячо, еще и потому, что в своей великодушной речи она оставила подавляющую часть реальных дел этой сессии другим и позволила парламенту взять под контроль все основные крепости страны. Страна была рада ей как мадонне, матери, вдове усопшего короля. С трудностями она сталкивалась именно тогда, когда пыталась выйти за пределы этих ролей.

«Одна из самых пострадавших леди»

Шотландия, Англия, 1515–1517 гг.

30 апреля Маргарита родила второго сына Александра, герцога Росса. В Англии у Генриха и Екатерины Арагонской, которая, по всей вероятности, предыдущей осенью перенесла выкидыш, по-прежнему не было выживших детей. Вероятность того, что отпрыск Маргариты Тюдор взойдет на трон Англии, выглядела как никогда высокой. Летом она оправилась от родов, и 12 июля шотландские дворяне единогласно подписали петицию в поддержку ее регентства. «Мадам, – говорилось в этом документе, – мы разделяем единое мнение и волю поддержать со всеми лордами нашего королевства на радость нашему господину Королю, вашей Милости и ради общего благосостоянии...» Тем не менее в течение всего нескольких недель ситуация радикально изменилась.

14 августа на тайной церемонии Маргарита Тюдор вступила в брак во второй раз с графом Ангусом. Он был примерно одного с ней возраста (24 года), принадлежал к могущественному, но не популярному клану Дугласов, и большинство остальных дворян его ненавидели.

История нередко предпочитает видеть в Маргарите влюбленную дурочку, соблазненную смазливый лицом, и, возможно, это так. Однако не исключено, что она, как другие женщины в нашем повествовании, решила не позволить своим родственникам мужского пола снова выдать ее замуж из собственных соображений. Возможно также, что она таким образом пыталась укрепить свою власть^[32]. На протяжении последнего столетия Дугласы пытались оспорить шотландскую корону. Тем не менее если ею двигало именно такое желание, то она едва ли могла сделать более неразумный выбор.

26 августа совет потребовал, чтобы Маргарита Тюдор призвала из Франции Джона Стюарта, герцога Олбани, для управления Шотландией; по существу, на свое место. Значительная часть советников полагали, что она должна отдать Большую государственную печать и больше не издавать прокламаций. К

середине сентября они уже задавались вопросом, уместно ли оставлять ее ответственной за сына, маленького короля Якова V. Условия завещания ее супруга предусматривали, что королева больше не выйдет замуж. Теперь же она изменила статус, как язвительно сформулировал лорд Хьюм:

Прежде мы выказывали готовность почитать королеву вопреки древнему закону и традиции нашего королевства. Мы подчинялись ее власти, пока она хранила свое право, оставаясь вдовой. Теперь, вступив в брак, она отказалась от этого права, почему же нам не выбрать другого на то место, которое она покинула по собственной воле?

Главу королевских герольдов отправили известить Маргариту, что она лишится регентства. Он назвал Маргариту не «Ваша королевская Милость», а «миледи Мать короля», титулом, который с большой гордостью носила ее бабушка и тезка Маргарита Бофорт. Маргарита Тюдор восприняла обращение менее благожелательно. Дед и наставник ее нового супруга старый лорд Драммонд, нарушив правила приличий, залепил посланнику пощечину.

Маргарита не осудила оскорбление, нанесенное Драммондом главе герольдов, и, более того, назначила сорегентом своего супруга Ангуса, которого даже собственный дядя называл круглым молодым дураком. Ангус подтвердил справедливость дядиной характеристики: он напал на старого лорд-канцлера, открыто не одобрявшего этот брак, и захватил Большую государственную печать. Возмущенная родовая знать прекратила арендную плату за вдовью часть наследства Маргариты, а лорд-канцлер с соратниками поскакал в Эдинбург и взял столицу под свой контроль.

Это была гражданская война или нечто, очень на нее похожее. Маргарита и Ангус поспешно бежали с сыновьями Маргариты в замок Стерлинг. Брату Генриху VIII она представила дело так: «Партия моих врагов продолжает злодействовать и проводит в парламенте узурпацию власти короля, а меня и моих лордов лишают доброго имени, объявляя бунтовщиками».

Шотландские лорды готовы были позволить ей заботиться о своих сыновьях при условии, что она откажется от полномочий регента, но

Маргарита Тюдор не соглашалась. Ее сыновья «очень энергичны» (живы), заверила она Генриха. Однако свое письмо закончила таким выражением: «Если вы в ближайшее время не поддержите людьми и деньгами, мне будет очень трудно». Она побуждала брата послать армию туда, где ее супруг пытался прорвать осаду замка Сент-Эндрюс. Эту армию предполагалось объявить миротворческими силами, и шотландцам говорили, что «их земли и имущество не пострадают, а убытки будут возмещены вдвое и втрое». По существу же Маргарита приглашала врага оккупировать свою страну.

«Брат, все благополучие и мое, и моих детей находится в твоих руках», – писала она. Маргарита предупредила, что ее враги подделывают ее подпись, и Генрих может считать подлинными только те письма, что подписаны не просто *Margaret R*, а *Your loving sister Margaret R* (Ваша любящая сестра Маргарет Р). В конце января 1515 года Генрих VIII дал ей знать, чтобы она бежала к границе, но Маргарита испугалась практических трудностей поездки, а также последствий для своей власти и власти сына.

«Дай Бог мне быть такой женщиной, что сможет ехать с детьми на руках», – ответила она. Если так, то «скоро я буду с вами». Однако она была королевой, а кончина старого французского короля Людовика XII, сделав ее сестру Марию веселой вдовой, резко ухудшила положение Маргариты, лишив ее семейной связи с французским тронном.

Обещание, данное королем Людовиком брату его невесты Генриху VIII, – держать во Франции герцога Олбани подальше от соперничества с Маргаритой в Шотландии, – умерло вместе с королем. 2 апреля 1515 года Олбани покинул французский двор.

После отъезда Олбани в Шотландию в ответ на призыв совета разлучить Маргариту с сыном-королем, вину «за эту жестокость», как писал венецианский посол, вероятнее всего, возложат на Франциска I. Французский посланник в Лондоне написал матери Франциска Луизе Савойской прошение отозвать Олбани и предупредил, что на улицах Лондона считают, что Генрих VIII должен объявить Франции войну, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его сестре.

Когда Олбани достиг Шотландии, естественно, началась борьба за контроль над маленьким королем. Олбани был образованным

человеком и, вследствие женитьбы на богатой французской наследнице, состоятельным. Он плохо говорил по-английски, а по-шотландски даже хуже, чем сама Маргарита, но тем не менее он добросовестно и искусно приступил к выполнению своих обязанностей.

Олбани нужно было назначить четырех опекунов из ряда выбранных Советом пэров, а Маргарите – проверить его выбор. Публичная сцена передачи ребенка новым воспитателям была драматичной. Во дворе замка Стерлинг Маргарита Тюдор стояла, держа маленького короля за руку, Ангус был рядом, младший сын – на руках няни. Когда представители совета приблизились, Маргарита официально потребовала, чтобы они объявили причину своего прихода, и приказала опустить решетку у них перед носом. Запросив шесть дней на обдумывание парламентского плана и не обращая внимания на уговоры мужа подчиниться, она укрылась в мощной, выгодной для обороны части крепости, а ее напуганный муж Ангус бежал в собственные владения.

Олбани, естественно, последовал за королевой, решив взять Стерлинг осадой, сколько бы она ни продлилась. Когда Маргарита увидела войска и тяжелые артиллерийские орудия, собранные Олбани против нее, она так испугалась, что уступила. Даже в этом случае она поручила передавать ключи от замка маленькому королю: проигрыш с достоинством. Пока Олбани преследовал Ангуса и его семью, Маргариту под охраной доставили обратно в Эдинбург. 2 августа она подписала заявление, подтверждающее ее желание, чтобы Олбани действительно «взял на себя ответственность и заботу» за обоих ее сыновей. Позже она заявляла, что Олбани заставил ее сделать это «коварным и хитрым образом».

Представители ее брата Генриха VIII снова убеждали ее бежать на юг, выехать из Эдинбурга, употребив «все возможные политические приемы и мудрость». На этот раз Маргарита согласилась. Она уже была на большом сроке беременности ребенком Ангуса и сказала Олбани, что предполагает «воспользоваться комнатой» для рождения ребенка в Линлитгоу. Оказавшись там, Маргарита сказала, что больна, чтобы Ангусу позволили навестить ее. Когда стемнело, они бежали с горсткой слуг, долго скакали, несмотря на состояние Маргариты.

Перед рассветом они добрались до замка Дугласов Танталон недалеко от границы.

Поскольку Олбани их преследовал, королеве и ее отряду пришлось исчезнуть столь стремительно, что не удалось собрать с собой одежду Маргариты и даже ее драгоценности. Когда они оказались в Англии у ворот замка Бревик, рискованное предприятие скатилось до уровня фарса, поскольку комендант крепости отказался впустить их без приказа. В конце концов прибыл представитель Генриха VIII лорд Дакр и сопроводил Маргариту в свою штаб-квартиру в замке Харботтл.

Это была военная крепость без достойного места для королевских родов. Оказалось, сложно найти даже повивальную бабку в малонаселенной, но полной разбойников местности. Однако именно там, прибыв в полном упадке сил, после длительных родовых мук Маргарита родила дочь^[33].

Маргарита впоследствии обвинит Олбани, что он вынудил ее «из страха и с угрозой моей жизни» бежать в Англию «беременной и накануне родов», поэтому через восемь дней после пересечения границы «я родила ребенка на 14 дней раньше срока, что было для меня очень рискованно и нанесло большой ущерб моему здоровью». Действительно, только через десять дней она смогла сидеть достаточно долго, чтобы читать письма от брата Генриха и Екатерины Арагонской, и лишь в ноябре она смогла перенести чудовищно долгое путешествие, чтобы переехать в более удобный замок Морпет.

В Морпете, когда придворные начали готовиться к Рождеству, Маргарите наконец показали все подарки, которые Генрих и Екатерина пытались послать ей в Харботтл: платья, пологи для кровати, все, чтобы снова украсить ее как королеву. Когда ее принесли на стуле из спальни в большой зал посмотреть разложенные там платья, она воскликнула: «Посмотрите, мой брат-король не забыл меня, он не хотел бы, чтобы я умерла от недостатка одежды». Конечно, одежда являлась важным показателем статуса, безотносительно ко всем вопросам удовольствия или практичности.

Маргарита все еще страдала от того, что, по всей видимости, было воспалением седалищного нерва, и не могла наслаждаться великолепными рождественскими празднествами. Повар леди Дакр приготовил миндальное молоко и бульоны для больных помимо

рождественских блюд: запеченного мяса, дичи и разнообразных студней, но (писал сэр Кристофер Гарниш, которого Генрих отправил на север со своими подарками), «у Ее светлости так болела правая нога, что эти три недели она не могла сидеть, пока заправляли ее кровать, и когда Ее светлость поднимали, любое человеческое сердце сжималось от жалости, слыша, как она вскрикивает и стонет». Тем не менее, добавил он, Маргарита «очень любила разглядывать подарки», заставляя своих слуг один-два раза в день показывать присланные Генрихом платья.

Когда ей стало легче, в первые месяцы нового года, она узнала ужасные новости. Ее второй сын, герцог Росс, умер в Шотландии от детской болезни, находясь на попечении Олбани. Принимавшие Маргариту хозяева знали о смерти мальчика еще с Рождества, но решили не сообщать ей, пока она была очень больна. Тем более что, как сообщал сэр Кристофер, Маргарита любила говорить об этом маленьком мальчике, хвалила его «даже сильнее, чем старшего сына – короля». Сэр Кристофер добавил: «Я считаю ее одной из самых пострадавших леди».

Настроение Маргариты не поднял и тот факт, что ее супруг Ангус, возвратившись в свои владения в Шотландии, решил остаться там. Он предпочел договориться с Олбани, а не становиться нищим изгнанником, сопровождая Маргариту, когда она приготовилась бежать на юг к английскому двору.

«Когда речь идет об управлении своими землями и делами, [вдовы] должны полагаться только на себя», – писала Анна де Божё. Маргарита Тюдор – в отличие от Луизы Савойской и Маргариты Австрийской – не следовала этому мудрому совету. Однако она, в отличие от них, не имела преимущества получить уроки Анны.

В «глубокой подавленности», как сформулировал Дакр, Маргарита Тюдор 8 апреля выехала на юг. Гонцы из Шотландии добрались до Лондона раньше Маргариты, но Генрих VIII отказался встречаться с ними, пока не увидится с сестрой. Из Стони-Стратфорда она написала Генриху: «Нахожусь в добром здравии и радуюсь, что еду к тебе, как любая женщина радовалась бы поездке к брату» и что она стремится «явиться перед твоими глазами и увидеть тебя». Она вступила в

Лондон 3 мая в триумфальной процессии верхом на белой лошади, присланной королевой Екатериной.

Теперь при английском дворе с сестрой Генриха VIII Марией Тюдор, вдовой французского короля, было три королевы. Впервые с 1503 года отпрыски Тюдоров собрались вместе и, несмотря на недавние испытания Маргариты, новости от двух других означали, что настало время праздновать. В марте в своем лондонском доме Мария Тюдор родила Брэндону сына, а в феврале Екатерина Арагонская впервые родила Генриху здорового ребенка, «веселую маленькую дочь», как написал итальянский корреспондент Эразму Роттердамскому: принцессу Марию.

Венецианский посол Джустиниани прямо написал домой, что рождение всего лишь девочки «вызвало огорчение, поскольку никогда все королевство так страстно не желало чего-либо, как оно желало принца. Все считают, что государство будет в безопасности, если Его Величество получит наследника мужского пола, тогда как сейчас, без принца, подданные не уверены в будущем».

Однако Екатерина Арагонская ликовала, а Генрих был убежден, что дочь, по крайней мере, свидетельствует о хороших перспективах. Он говорил Джустиниани: «Мы оба молоды». Хотя Екатерина хотела сама заботиться о ребенке, Генрих настоял, чтобы вместо того немедленно привезли на место все вещи, одобренные его бабушкой Маргаритой Бофорт, чтобы младенцем с момента крещения занималась леди воспитательница и все было в соответствии с традицией, вплоть до горностаевого одеяла на «государственной колыбели» младенца.

Весь май продолжались праздники с рыцарским турниром, на котором Генрих и его люди выступали в пурпурном бархате с вышитыми золотом розами. Однако за кулисами празднеств нарастало напряжение. Обеим сестрам Тюдор серьезно не хватало денег. Мария Тюдор и ее муж Чарльз Брэндон выяснили, что для того, чтобы ответить на ожидания государства от бывшей королевы Франции, она в основном должна жить в уединении в их загородных владениях. Маргарита Тюдор, в ожидании договоренностей по поводу дохода от своих шотландских земель, зависела от доброй воли брата. Ходили слухи, что ее жизнь в Шотландии закончилась навсегда. Джустиниани слышал, что Генрих ищет предлог, чтобы аннулировать ее брак с Ангусом и выдать сестру за императора Максимилиана.

На самом деле Генрих VIII вел переговоры с Олбани и шотландскими властями, и в качестве первого пункта сделки Маргарите вернули ее гардероб и драгоценности, включая платья из малинового атласа, украшенные брильянтами, из белой тафты с нашитым жемчугом, золотые ожерелья и красную шелковую шляпу с брильянтом, подаренным ей королем Франции. Шотландские лорды даже обещали достать из хранилища в Стерлинге меха, которые преподнес Маргарите ее покойный супруг Яков. Кроме того, они обещали помочь уполномоченным Маргариты рассмотреть дело по ее арендным выплатам. Однако так или иначе, никаких денег не поступало. Перед Рождеством 1516 года Маргарита написала, что ей не на что сделать подарки слугам на Новый год в ущерб собственной чести и чести брата.

Из трех королев в Англии даже Екатерина Арагонская испытывала трудности, несмотря на рождение дочери. Екатерина давно страдала от политики своих родственников на континенте; англичане отдалялись от Фердинанда и императора Максимилиана, видя, что Генрих выдает свою сестру замуж во Францию. Испанский посол жаловался на «странные слова», которые ему кидают, когда он идет по городу, и писал, что чувствует себя словно бык, в которого все бросают дротики. Саму Екатерину ужасали резкие перемены лояльности ее отца. Или (как надеялся испанский посол) она считала благоразумным делать такой вид:

Причина странного поведения королевы состоит в том, что ее духовник, брат Диего, сказал ей действовать так, будто она забыла Испанию и все испанское, чтобы завоевать любовь английского короля и англичан. Она так привыкла к этому, что не будет меняться.

В свое время политическая необходимость снова вернула Фердинанда и Генриха VIII к пусть и напряженному, но союзу, и Екатерина Арагонская опять оказалась в положении примирителя, стараясь пояснять их поведение друг другу. Однако в январе 1516 года, всего за несколько недель до рождения Екатериной дочери, Фердинанд скончался. Его жизнь сократило безрассудство, с которым он «больше

следовал советам своих сокольничих, чем докторов». К тому времени политическое положение Екатерины, во всей видимости, уже становилось менее значительным, чем прежде.

Король Генрих всегда искал поддержки в ежедневных политических делах и теперь нашел ее в величавой фигуре кардинала (каковым он стал осенью 1515 года) Томаса Вулси. Взлет Вулси был стремительным: в свои немного за 40 он достиг власти, которую будет удерживать более десятка лет.

Родившись в семье мясника, Вулси после учебы в Оксфорде был посвящен в духовный сан и поступил на службу к Генриху VII, который назначил его королевским капелланом, а затем деканом Линкольна. После восшествия на престол Генриха VIII король отвел ему должность подателя милостыни, но даже это не объясняло последующий взлет. Подъем Вулси в церковной иерархии был ослепительно быстрым: декан Йорка, епископ Турне (за работу по организации там армии Генриха), епископ Линкольна в марте 1514 года и архиепископ Йоркский в сентябре того же года. Годом позже он стал кардиналом, а через четыре месяца после этого его назначили лордом-канцлером. Всего шесть лет спустя после коронации Генриха Вулси играл значительную роль во всех международных и внутренних делах. Кроме того, уже стало очевидно, что его представление об интересах Англии не всегда совпадает с естественной для Екатерины Арагонской испанской политикой.

Разумеется, Вулси активно участвовал в переговорах с шотландскими лордами в интересах Маргариты Тюдор, добиваясь соглашения, по которому (всего через год после того, как она приехала ко двору брата) Маргарита вернется на север. Однако сначала предстояло разыграть небольшой спектакль. Весной 1517 года произошло событие, известное под названием «Ужасный майский день», когда несколько сотен лондонских подмастерьев, разгоряченных до ксенофобского неистовства безответственным проповедником, устроили на улицах беспорядки с избиением живших в Лондоне иностранцев.

Выступления быстро подавили, больше дюжины бунтовщиков повесили, утопили или четвертовали, но еще несколько сотен оставались в лондонских тюрьмах. Сострадание общества вызывал тот факт, что некоторым из «бедных юнцов» было всего 13 лет. 7 мая их

доставили на суд в зал заседаний Вестминстера, связанных и с петлей на шее ожидающих страшной судьбы. Когда Вулси попросил короля помиловать их, Генрих сурово отказался (как, несомненно, было заранее согласовано), тогда Екатерина Арагонская с двумя своими золовками рода Тюдоров драматично обратилась к королю с той же просьбой. Три королевы опустились перед Генрихом на колени. Сцена, как Генрих согласился, и заливающихся слезами узников освободили, будто прямо сошла со страниц рыцарского романа. Функция заступничества, конечно, была традиционна для королев, от ветхозаветных Есфири и Вирсавии до Девы Марии.

Примерно неделю спустя Маргарита Тюдор покинула столицу Англии. Ее сподвигло и нежелание брата вечно ее содержать, и оптимистичная уверенность, что она сможет вернуть себе всю потерянную в Шотландии власть. Надежды Маргариты подпитывал тот факт, что, когда она достигла шотландской границы, ее заклятый враг Олбани отплывал во Францию повидаться с женой. Перед отъездом он согласовал с Генрихом VIII и Вулси, что (по крайней мере, на следующие несколько месяцев) Маргарита получает замок Стерлинг и свободный доступ к своему сыну. У границы ее приветствовали супруг Ангус и вельможи, выполняющие обязанности Олбани, так что она, должно быть, чувствовала оптимизм по поводу своего возвращения.

Первая проверка произошла, когда Маргарита, не откладывая, приехала в замок Эдинбург, чтобы встретиться с сыном, которого она не видела почти два года. Ей не позволили войти, сказав, что ее сына отвезли в замок Крейгмиллар, потому что в городе чума. Несомненно, некоторые лорды опасались, что она попытается увезти сына обратно в Англию, поскольку в итоге она имела весьма ограниченный доступ к нему.

Олбани совсем не торопился возвращаться к утомительным обязанностям в Шотландии. Он написал Маргарите, намекая, что лорды могут позволить ей возобновить регентство. Однако Маргарита хотела, чтобы ее муж правил с ней в качестве сорегента, а эту идею лорды категорически отвергли. Она снова получила шанс на определенную власть, но снова упустила возможность из-за собственного глупого решения.

В конце концов, лорды знали больше, чем она. Пока Маргарита находилась в Англии, ее супруг Ангус жил с дамой, с которой некогда был помолвлен, леди Дженет Стюарт. К тому же он делал это на ренту с земель Маргариты Метвен и Эттрик-Форест. Более того, он проявлял неготовность возмещать захваченные доходы, и значительная часть энергии Маргариты в последующие несколько лет уйдет на попытки их истребовать.

Всего через три месяца после возвращения в Шотландию она писала Генриху, умоляя разрешить вернуться в Англию и развести ее с Ангусом. В ответ Генрих отправил на север одного монаха, чтобы тот разъяснил ей значимость брака^[34]. Сами шотландские лорды соглашались с английскими наблюдателями, что с ней плохо обращаются, «не соблюдают обещаний», как докладывал представитель Генриха лорд Дакр. Однако если, как она жаловалась, шотландцы не дали ей «ничего, кроме комплиментов», то же самое справедливо и в отношении ее брата. Поскольку главным союзником Англии в Шотландии, судя по всему, был клан Дугласов, Генрих решил, что Маргарита должна оставаться женой Ангуса.

В какой-то момент Маргариту, похоже, волновало не столько незаконное использование Ангусом ее доходов от Эттрик-Фореста, сколько тот факт, что он живет с любовницей. Однако жалобы на такое оскорбление в конечном счете не могли вызвать большого сочувствия, поскольку Екатерина Арагонская в то время была вынуждена мириться со связью своего мужа с некой Элизабет Блаунт. Изымание доходов являлось более серьезной обидой.

Распря Маргариты Тюдор с супругом имела роковые политические последствия, тем более что Олбани не собирался возвращаться в Шотландию. Он сказал второму герольдмейстеру, что лучше сломает себе обе ноги, чем когда-либо ступит на шотландскую землю. В Англии Генрих и Екатерина – оба пришли в ужас, услышав, что теперь Маргарита добивается официального развода с Ангусом, на что он не соглашается, предпочитая пользоваться правом супруга на ее доходы.

Следующей осенью Маргарита будет писать брату, что она и Ангус не были вместе «последние полгода» и ей пришлось закладывать свои драгоценности и серебро. «Я намереваюсь, по Божьему закону и ради своей чести, расстаться с ним, поскольку хорошо понимаю, что он меня не любит, как ежедневно мне показывает». Ее сына держали

отдельно от нее; она получила личное оскорбление и жила в нужде. Последующие годы покажут, что Маргарита Тюдор, всегда мечтавшая вернуть какую-то часть власти, сочетала энергичные и изобретательные действия с совершенно глупыми поступками.

В Нидерландах другая Маргарита, Австрийская, более умело планировала свое возвращение к власти. Ряд событий покажет, что — хочет она того или нет — ее никогда не оставят в покое надолго. Первое такое событие произошло очень скоро.

В январе 1516 года умер Фердинанд Арагонский, и его внук Карл присоединил территории Фердинанда к Кастилии, правителем которой он являлся *de facto* (в течение постоянной изоляции его матери Хуаны). Поскольку он также правил Нидерландами, перед ним встала задача попытаться управлять двумя отдельными странами на разных концах континента.

Карлу обязательно требовалось отправляться в Испанию, причем срочно, потому что испанский кортес (сословное собрание) проявлял признаки неприятия правителя, которого испанцы никогда не видели и который ни слова не говорил на их языке. Чтобы уехать безопасно, Карлу было необходимо оставить Нидерланды не только в мире с соседями, Францией и Англией, но и в опытных руках. Максимилиан знал, чьи руки посоветовать, написав Карлу о достоинствах его «столь добродетельной и деятельной тети», а также о том, что Карл, Маргарита и сам Максимилиан буквально одно целое, имеющее *une même chose correspondant à une même désir et affection* (одно желание и одну страсть). По сути троица; если не по уровню страстей, которые разделял только француз, то, по крайней мере, по практичности.

«Бесценная и достойная восхищения помощь»

Нидерланды, Франция, 1516–1519 гг.

В феврале 1517 года Максимилиан лично приехал в Нидерланды. Его целью было обеспечить полное примирение тети и племянника, а также обсудить будущее, поскольку к обширным землям, которыми уже управлял Карл, могло прибавиться еще больше после смерти Максимилиана; причем не только его наследные австрийские земли, но и Священная Римская империя, о которой тоже мечтали Франциск и Луиза. Отправившись в Испанию в 1517 году, Карл оставил беспокойные Нидерланды (северные части страны восстали против правления Габсбургов) в руках регентского совета, формально возглавляемого Максимилианом. Однако одно место в совете отводилось Маргарите, которая очень постепенно возвращалась к власти.

В начале 1518 года умерли два члена нидерландского совета, которые были решительными противниками Маргариты. В июле из Сарагосы Карл даровал своей «дражайшей леди и тете» право подписывать «собственной рукой все письма, акты и документы, издаваемые для нас», объявив, что только она «одна» будет «обеспечивать и контролировать назначения в этой нашей стране». Однако это все еще не было полным регентством, но Максимилиан имел все основания написать Маргарите в декабре о своих надеждах, что «как хороший племянник, он [Карл] будет расширять твои полномочия больше и больше».

Неуклонное увеличение территорий и титулов Карла и династии Габсбургов привело к изменениям в европейской дипломатии. В течение предстоящих лет Франциск I и Карл будут большими соперниками, и это вынуждало Англию вести щекотливую, но зачастую полезную дипломатическую игру, налаживая равновесие в отношениях этой пары. Однако в 1518 году – пока Габсбурги временно находились в мире с Францией – безотлагательной работой в

английском международном календаре стало улучшение отношений Англии со старым английским врагом.

Соответственно, в октябре 1518 года настало время снова праздновать англо-французскую помолвку, как четыре года назад. На этот раз принцессой Марией, которая должна была породниться с Францией, стала не сестра Генриха VIII, а его и Екатерины двухлетняя дочь. Ее обручали с сыном и наследником Франциска I, восьмимесячным французским дофином. Как Маргарита Австрийская четыре года назад чувствовала себя обманутой, когда английский союз ее племянника заменили французской помолвкой, так и Екатерина Арагонская могла испытывать лишь смятение, когда ее единственную дочь обещали старому врагу ее родной страны. Однако в качестве супруги Генриха и королевы Англии ее задачей было делать хорошую мину при плохой игре, и она превосходно справилась.

В Большом зале королевы в Гринвиче 5 октября Екатерину спросили, как того требовал протокол, одобряет ли она эту партию для маленькой Марии, сидящей перед ней. «С большим удовольствием мы даем наше королевское обещание», – отважно ответила она. Возможно, ее успокаивали мысли, что до реальной свадьбы еще много лет, и ничего нельзя загадывать.

Французских представителей – возглавляемых не кем иным, как тем же Бонниве, которого изобразила в своих сочинениях Маргарита Наваррская, – принимали с большими почестями. Вулси за два дня до официальной церемонии развлекал их в Йорк-Хаусе. Он устроил «самый роскошный обед, подобного которому, я думаю, не давали и Клеопатра с Калигулой, – писал венецианский посол Джустиниани, – весь банкетный зал украсили огромными вазами из золота и серебра, и мне казалось, будто я в цитадели Креза». Джордж Кавендиш, помощник и биограф Вулси, отметил, что целью было «настолько восхитить французов, чтобы они удивлялись не только здесь, но и дали великолепный отзыв в своей стране». Когда после пира 12 джентльменов и леди в масках начали танцевать, в двоих узнали Генриха и его сестру Марию – очевидная аллегория, поскольку король Англии танцевал с вдовствующей королевой Франции. Екатерина Арагонская, оправдавшись новой уже заметной беременностью, рано удалилась в постель.

Встречу королей Англии и Франции договорились провести в 1519 году. (Ее отложат до 1520-го.) Однако Екатерина тем временем питала большие надежды; как написал даже венецианский посол, «даст Бог, она родит сына». Она с Генрихом провела лето, уравнивая разные потребности своего здоровья: уезжать из Лондона, пока там бушевала «потливая горячка», но во время (как писал Генрих) «опасных моментов» двигаться как можно меньше. Увы, большие надежды не оправдались. В ноябре 1518 года Екатерина разрешилась дочерью, которая либо родилась мертвой, либо прожила совсем немного.

Еще мучительнее Екатерина Арагонская переживала другое событие. Летом 1519 года Генрих VIII наконец дождался здорового мальчика. Однако матерью сына короля была не Екатерина, а любовница Генриха Элизабет («Бесси») Блаунт. Король признал младенца и назвал его Генри Фицрой. Это служило доказательством – если таковые требовались, так как в том столетии предполагалась «вина» женщины, – что не король, а королева не могла родить мальчика. Однако также возможно, что это давало Генриху возможность сделать другой выбор при назначении наследника, если недовольства полом Марии окажутся более серьезными, чем претензии к внебрачности.

Тем временем на другой стороне Ла-Манша в большой европейской борьбе за власть и еще одном сражении за престолонаследие обнаружился новый фактор.

Борьба за то, кто станет следующим императором Священной Римской империи, не являлась чем-то новым. Чтобы избежать длительного междуцарствия, осторожная подготовительная кампания начиналась до кончины действующего на тот момент императора. Следующий Габсбург на место Максимилиана был наиболее вероятным кандидатом, хотя формально не существовало причин считать такой исход бесспорным. Уже в начале правления своего сына Луиза Савойская установила контакт со своим родственником, выборщиком от Баварии, продвигая кандидатуру Франциска.

Вопрос имел жизненно важное значение. Карл опасался вторжений в свои наследные немецкие государства и даже в Нидерланды, если Франциск I получит имперскую корону. Тем не менее еще убедительнее звучали опасения Франциска. Он писал, что «видя

величину королевств и земель, которыми он [Карл] владеет, он может, со временем, нанести мне неизмеримый вред». Если Карл получит контроль над Германией, а также Испанией, Австрией и Нидерландами, Франция окажется полностью окруженной.

Гонка должны была скоро начаться. 12 января 1519 года император Максимилиан заболел и умер, приказав своим слугам не лить слезы по поводу столь естественного и неизбежного события и пожелав быть похороненным рядом с Марией Бургундской. Его дочь Маргарита выразила личное горе, как часто происходило в ее жизни, большой поэмой. Максимилиан был, писала она, ее Цезарем, *mon seul seigneur et pere* (моим единственным господином и отцом). Однако Маргарита активно работала. Сражение за титул Максимилиана (и попытки оказать влияние на семь выборщиков) резко приобрело накал и интенсивность.

Летом 1518 года Маргарита Австрийская занималась новой кампанией, на этот раз с банковской семьей Фуггер. Даже самого Карла шокировало, как много денег его тетя тратила на эту кампанию: больше миллиона золотых гульденов, вдобавок к полумиллиону, который Максимилиан, за свою жизнь, бросил на дело внука. (Однако купцам Антверпена, весьма расчетливо, запрещалось ссужать деньги иностранным державам.) Карл, как иносказательно сформулировала Маргарита, «написал нам, что лошадь, на которой он хочет приехать к нам, очень дорога. Мы хорошо знаем, что это дорого; однако, если он не хочет ее держать, есть покупатель, готовый забрать товар, а поскольку он уже объездил эту лошадь, жаль отказываться, во сколько бы она ни обходилась».

Франциск I (заявляющий, что им движет не личное честолюбие, а желание возглавить христианский мир в борьбе против турок) тоже откровенно решил добиваться имперской короны *soit par amour, soit par argent, soit par force* (любовью, деньгами или силой). Требовалось собрать войска и укрепить приграничные города; один из собственных посланников Маргариты говорил, что низость тайных происков заставляла краснеть от стыда даже самих взяточдателей. Чтобы пресечь попытки Франции действовать с помощью *amour*, или завоевывать дешевую популярность, Маргарита переписывалась с выборщиками, одаривала их родственников и слуг, а также присылала своего секретаря Марникса с обещаниями и предостережениями.

Борьба за империю затмила все события, происходившие в течение этих месяцев, и сказалась даже на реакции церковных правящих кругов на появление новой угрозы.

31 октября 1517 года впоследствии стали отмечать как «День Реформации». Как считается, в этот день немецкий монах Мартин Лютер вывесил на церковных воротах в Виттенберге свои 95 тезисов, или спорных вопросов. Так или не так это было в действительности, но его упреки по поводу церковной практики индульгенций вызвали целый хор протестов^[35].

Однако на тот момент взгляды Лютера были значительно менее радикальными, чем те, что позже определяют Реформацию. Он, например, по-прежнему верил в чистилище, соглашался, что добрые дела и покаяние могут помочь спасению человека, и первым шагом Ватикана стало наставление немецкому августинскому ордену, к которому принадлежал Лютер, устранять проблему внутри себя, а не призывать к безрассудным реформам.

В целом перед папством стояло много задач, учитывая нависшую на востоке Европы турецкую угрозу. В частности, папские увещевания Лютера смягчала необходимость не провоцировать гнев покровителя Лютера, Фридриха Мудрого Саксонского. Именно в месяц выборов императора Священной Римской империи, июнь 1519 года, Лютер приедет в университет Лейпцига на публичный диспут, и там его вынудят занять позицию, которая поссорит монаха со всей западной церковью. Однако тогда имперские выборы представлялись более захватывающим сражением.

Утверждения Франциска, что между ним и Карлом нет личного конфликта, что имперская корона – это дама, за которую они соперничают, и они в состоянии конкурировать за ее руку со всем рыцарским дружелюбием, казались, мягко выражаясь, неубедительными. При этом существует любопытное предположение, что позиции женщин – Маргариты Австрийской и Луизы Савойской – были не такими непоколебимыми, как у мужчин, в пользу которых они вели кампании. Они обе мучительно осознавали издержки этих выборов.

Приятель Франциска Флеранже рассказывал о встрече союзника Луизы с испанским послом Натурелли, на которой они обсуждали возможность найти третью кандидатуру, приемлемую для обеих

сторон. Такой кандидат (как сформулировал испанский посол) «был бы выгоден не одной или другой стороне, а всему христианскому миру, и послужил бы объединению Германии». Наверное, это чистый идеализм, но обе женщины, похоже, приветствовали идею, что их юноши прекратят конфликт, считая, что прийти к пониманию лучше, чем одержать настолько дорогостоящую победу. Натурелли написал Маргарите Австрийской: «Я представил Мадам [Луизе] все аргументы, о которых вы мне писали». Однако все было напрасно. Даже Генрих VIII входил в список кандидатов, хотя и унижительно оказался в конце, не получив ни одного голоса.

Кампанию Франциска вел его старый друг Бонниве, не брезговавший никакими электоральными приемами. Когда в июне во Франкфурте начались выборы, он даже изменил внешность, чтобы проникнуть туда, поскольку во время выборов иностранцам запрещалось находиться в городе. Однако его кампания прославилась своей провальностью. Римский папа (только его руки в конечном счете могли короновать императора) поначалу обещал поддержать Франциска, но потом передумал. Карла единогласно избрали «Карлом V», наверное, благодаря не столько его более мощным семейным корням в этом регионе, сколько тому факту, что, отвечая на мольбы выборщиков защитить их от Франции, он мог продемонстрировать большую армию наемников, окружавшую город.

Луиза Савойская описала это событие в своем дневнике со стоицизмом, сославшись на волю Божью. Однако она понимала, что Франция теперь в опасной близости к окружению территориями Габсбургов, при том что предвыборная кампания стоила сумасшедших денег обеим сторонам.

В октябре венецианец Джустиниани сообщил домой, что Луиза Савойская и ее сын «так непопулярны во всей Франции, что не выразить словами». Предполагают, что Луиза «вложила много денег по всей стране и намеревается делать запасы, чтобы, говорят, помочь королю, если возникнет неожиданная необходимость». Бонниве (по всей вероятности, заразившийся сифилисом) разумно отправился на лечение, прежде чем появиться при французском дворе. Его положение в качестве одного из закадычных друзей Франциска – а также как главного переговорщика и посредника – было слишком хорошо

упрочено, чтобы его поколебать. Однако наступил конец первого периода расцвета Франциска.

В Нидерландах Маргарита Австрийская приказала зажечь праздничные костры, устроить пиры и проводить молебны в честь того факта, что «сподвигнутые Святым Духом» выборщики проголосовали за ее племянника. Единогласно. Что касается самого племянника, он не остался в долгу. 1 июля в Барселоне, принимая во внимание ее «большую, бесценную и достойную восхищения помощь», он подписал документы, назначив свою «дорогую леди и тетю» регентом и правительницей Нидерландов, чтобы ей подчинялись, как он сам. Мир увидит, что Маргарита Австрийская победила.

Однако назревало еще одно великое международное соперничество.

13

Поле золотой парчи

Кале, 1520 г.

Чем было это «Поле золотой парчи»? Празднованием англо-французской дружбы (официальная теория)? Возможность для двух молодых европейских титанов столкнуться лицом к лицу под неубедительной маской дружбы? Франциск I стремился обеспечить английский нейтралитет в возможной войне с Карлом V; Генрих VIII наслаждался тем, что его обхаживают обе стороны. Наверное, и то и другое. Однако одно было неоспоримо: в этой партии столетия женщинам отводилась особая роль.

Генрих приедет на предложенную встречу с французским королем в сопровождении своей супруги Екатерины Арагонской и сестры Марии Тюдор, бывшей королевы Франции. Франциск, конечно, привезет жену Клод, но и свою мать Луизу Савойскую, а также сестру Маргариту. Есть и заслуживающее доверия предположение, что на встрече присутствовала Анна Болейн, поскольку высоко ценились владеющие французским языком люди. К тому же там, несомненно, были ее родители, а также ее сестра и, по всей вероятности, ее брат Джордж.

Неудивительно, что семейство Болейн участвовало в полном составе. Там были все, кто что-то собой представлял. Английскую свиту составляли почти 6000 человек более чем с 3000 лошадей. Несмотря на то что о численности французской стороны сведений не сохранилось, были предприняты все возможные усилия, чтобы оба короля и обе страны поддерживали равный статус во всех отношениях.

Екатерина Арагонская начала подготовку заранее; ей требовалось произвести сильное впечатление. Посол Генриха во Франции с тревогой писал, что «королева Клод и мать короля активно собирают самых прекрасных леди и юных красавиц... Я надеюсь, сэр, что Ее Величество королева привезет с собой, по крайней мере, не хуже, и представительство Англии, которое всегда хвалили, на этот раз тоже поддержит свое реноме».

Как это могло получиться с испанкой Екатериной, которая, несмотря на ее «прекрасный цвет лица», в холодных ясных глазах европейской дипломатии выглядела «некрасивой»? Однако Екатерина Арагонская, кроме прочего, действовала иным образом: работала со своим племянником и бывшей золовкой Маргаритой Австрийской, создавая рамки для «Поля золотой парчи», которые предоставят Генриху совсем другие возможности в Европе. Она мечтала об альянсе с новым императором Карлом, а не с Францией. Как отметил венецианский посол, она, «как испанка», радовалась успеху племянника в имперских выборах.

Мать французского короля тоже прекрасно знала о влиянии Екатерины. Несколько месяцев назад Генрих и Франциск договорились не сбривать бороду, пока не встретятся. Генрих нарушил договор, «по желанию королевы», как уверял Томас Болейн Луизу Савойскую, возможно, стараясь убедить ее в том, что это несерьезно. В конце концов, королева и раньше много раз «настоятельно просила» Генриха избавиться от бороды. Однако Луиза Савойская восприняла это событие иначе. «Разве Ее Величество королева не тетя королю Испании [Карлу]?» – многозначительно спросила Луиза Томаса Болейна. Она, казалось, приняла заверения Болейна, вежливо подтвердив, что «их любовь не в бородах, а в их сердцах».

Однако позже Луиза Савойская спрашивала другого английского посланника, проявляет ли Екатерина Арагонская «какую-то заинтересованность в этой встрече», «Поле золотой парчи». Посланник смог лишь, запинаясь, ответить, что Екатерина не знает «другой радости и утешения в этом мире», кроме содействия всему, что может доставить удовольствие ее мужу.

На самом деле в докладах сообщалось, что Екатерина Арагонская не скрывает недовольства запланированной встречей и находит благодарных слушателей для своей критики среди традиционно настроенных против Франции англичан. «Нет сомнений, что встреча с французами противоречит желаниям королевы и всей знати», – сказали Карлу. Однако встреча была дорога сердцу Вулси, теперь ставшему (по словам одного итальянца) «человеком, который правит и королем, и всем королевством». К тому же международная ситуация до известной степени играла на руку Екатерине. Положение Генриха в качестве противовеса между Францией и Священной Римской империей –

человека, который в состоянии определять образ Европы, – было слишком ценно, чтобы им не воспользоваться.

Когда Карл V выразил горячее желание встретиться со своим «дядей» Генрихом (и тетей Екатериной), другая его тетя, Маргарита Австрийская, отправила в Англию солидную депутацию, куда входили и несколько самых близких к ней людей. Они прибыли в начале апреля и подчеркнули, что Генрих может стать первым европейским монархом, с которым встретится Карл после вступления в должность императора. Именно в апартаментах Екатерины Арагонской на встрече с Генрихом и Вулси Англия решила принять предложение. Трепетные заверения Генриха своей жене наводят на мысль о значительной роли Екатерины в принятии решения.

Вскоре после того посланник Генриха VIII во Франции спрашивал, нельзя ли отложить встречу с Франциском на неделю. Франциск отказал, сказав, что Генрих должен быть в Кале не позже 4 июня, поскольку его жена Клод будет на седьмом месяце своей пятой беременности. Однако встреча с Карлом почти провалилась из-за времени года, его плавание из Испании в Англию отсрочили встречные ветра. Как написал Карл Екатерине из Коруньи:

Нам рассказали об усилиях и энергии, которые вы вложили в организацию этих встреч. Однако поскольку море так переменчиво, что человек не всегда имеет возможность делать, что желает... мы просим вас, если будет задержка, учитывая, что вы уже сделали, постарайтесь убедить нашего брата и дядю, короля Англии, подождать сколько возможно.

В итоге Карл V прибыл к английским берегам 26 мая, на следующий день после того, как Генрих и Екатерина приехали в Кентербери на пути к южному побережью, в день, когда они должны были отплыть во Францию. Однако, поскакав в замок Дувра, чтобы приветствовать гостя, Генрих заставил всю свою огромную кавалькаду ждать четыре дня. Карла встретил архиепископ в Кентерберийском кафедральном соборе, затем привел его в расположенный рядом архиепископский дворец, где ожидала Екатерина в полном королевском уборе. Она расплакалась, обнимая Карла, представителя ее семьи. Его большую свиту, включавшую 200 дам, одетых по испанской моде (это зрелище

вызывало у Екатерины Арагонской ностальгические воспоминания), три дня развлекали в Кентербери: три дня банкетов, танцев и игр куртуазной любви, в которой испанские гранды особенно отличались. (Один зашел так далеко, что упал в обморок от красоты одной леди, и его пришлось выносить за руки и за ноги.) Поскольку две свиты, английская и испанская, отправились из Кентербери на южное побережье, их встреча послужила репетицией того, что ожидало англичан впереди, англо-французская королевская встреча.

Екатерина и Генрих отплыли из Дувра 31 мая и уже через несколько кратких часов плавания сошли на берег в Кале. Сама встреча должна была произойти в долине Валь-д'Ор между английской крепостью Гине и французским городком Ардри, чтобы каждый король мог спать на собственной территории. Через четыре дня они выехали в Гине. Первую встречу двух королей назначили на 7 июня, День Святых Тайн.

Потрясающее зрелище радовало их взор. Его готовили несколько месяцев, Англия направила больше 6000 работников. 2000 из них возводили временный дворец Генриха – фантазию с *trompe l'oeil* (оптической иллюзией): каменные фундаменты и ослепительный ряд новомодных стеклянных окон покрывала крыша из парусины, расписанной под металл. Это было сочетание невиданной роскоши и практичности, или расчетливости. Как заметил один современник, строение можно было полностью разобрать, доставить домой и снова использовать, затратившись только на перевозку. Однако перед дворцом располагались фонтаны со статуями Купидона и Бахуса, из которых били струи крюшона и мальвазии, а по краям стояли серебряные кубки для питья. (Ни одного не украли, как отмечали современники.)

Ряды шатров – синих с золотом, золотых с алым, увенчанных геральдическими животными – соединялись покрытыми переходами, чтобы напоминать планировку дворца. Как залы постоянного дворца, их наполнили ароматами цветов и украсили гобеленами, а в королевскую капеллу доставили священные реликвии. В молельне Екатерины в центре разместили большой щит с гербами Англии и – возможно, дерзкий шаг, учитывая обстоятельства, – Испании.

Поставили еще примерно 300 шатров, в полоску тюдоровских цветов зеленого и белого для кухонь и слуг, и расписанных или

расшитых для придворных. Однако и этих помещений всем не хватило; даже некоторые «рыцари и дамы» были вынуждены спать под открытым небом на сене.

Французская сторона подошла к вопросу размещения иначе. В Ардри построили королевский дворец, от которого вела аллея из аккуратно стриженных самшитовых деревьев к большому павильону для банкетов с потолком, расписанным под ночное небо. Однако французы также привезли искусных мастеров, чтобы возвести потрясающие творения на самом «Поле». Павильоны были из прочной парусины, задрапированные более роскошными тканями: синими, лиловыми и малиновыми шелком, бархатом и дамастом с деталями королевских цветов – темно-желтого, белого и черного. Павильоны королевы Клод и Луизы Савойской украшали золотая и серебряная вуали с вышитыми золотой нитью *fleurs de lis* (геральдическими лилиями) вместе с собственными геральдическими символами обеих дам на лиловом и малиновом атласе, соответственно. Однако нехарактерная для того времени погода снесла много французских шатров.

Между двумя лагерями располагалась площадка для турниров в 900 футов, украшенная искусственным деревом чести, на которое бойцы могли вешать свои щиты с геральдическими символами. Дерево украшали сотни шелковых и атласных цветов, изображающих английский боярышник и французскую малину. Однако дамы не могли играть существенной роли в рыцарских поединках, которые являлись первым пунктом программы дня.

Два короля не сражались друг с другом, по крайней мере официально. Случился импровизированный борцовский бой, в котором Франциск бросил Генриха на землю. (Французский король не упустил возможности еще раз воспользоваться эффектом неожиданности, когда, презрев протокол их обычных встреч, однажды утром появился в спальне Генриха и уверенно заявил, что сам будет камердинером английского короля.) Зять Генриха Чарльз Брэндон не отличился в рыцарских поединках, потому что повредил руку, а Бонниве стал одним из главных организаторов французской стороны.

Дамам в турнире отводилась церемониальная роль. Две королевы встретились 11 июня в королевском павильоне, чтобы принять присягу рыцарей. Королева Клод, одетая в серебряную парчу поверх золотой

нижней юбки, приехала в своем коронационном паланкине, отделанном в соответствии с нарядом. За ней следовали фрейлины в трех каретах, задрапированных серебряной тканью. Весьма вероятно, что в число фрейлин входила и Анна Болейн. Луизу Савойскую в черном бархате сопровождало «несметное количество фрейлин» в платьях малинового бархата с рукавами на золотой подкладке. Говорили, что она скупил «целый склад» великолепных вещей.

Екатерина Арагонская тоже несколько месяцев скупала ткани. Она, конечно, уже поразила свиту племянника нарядами из золотой парчи на подкладке лилового бархата, черного искрящегося шелка – *tilsent*, малиновой материи с золотыми вкраплениями и «роскошным платьем из золотой ткани». Даже ее 55 ливрейных лакеев были одеты в белый шелк и зеленый бархат, на их камзолах красовались вышитые испанские пучки стрел. У семи пажей Екатерины были оранжевые ботинки, черные бархатные плащи, куртки зеленого и красно-коричневого бархата и желтые камзолы. Отмечалось, что Екатерина имела головной убор «по испанской моде», ее волосы ниспадали на плечи. Только так она могла тихо напомнить о своем происхождении.

Несмотря на войну нарядов, дамы взяли свое на территории, не зависящей от турнира. Согласно этикету не короли должны были угощать друг друга, а их дамы. Несколько раз Генрих и Франциск ели вместе в менее официальной обстановке, однако на больших банкетах – 10, 17 и 24 июня – расположение двух королев за одним столом могло дать почву для неудобных вопросов о превосходстве одного из них, чему нельзя было давать ни единого шанса.

Сохранившиеся описания (свидетелей из Франции, Венеции и Мантуи) говорят, что короли выходили из своих дворцов в одно и то же время, возвещаемое пушечным залпом. Они коротко беседовали на турнирной площадке и проходили дальше. Франциска (10 июня, первый случай) в огромных апартаментах принимала Екатерина Арагонская, чтобы отобедать с золотой посуды под парадным балдахинном, окруженным гобеленами. Позади королевской группы длинный зал был разделен на две части, одна половина отводилась для 134 фрейлин, на второй половине обедали примерно 200 вельмож.

Каждая из вероятных трех перемен состояла из 50 блюд, включая сладости и острые закуски, увенчанные изысканным десертом – сложным и зачастую аллегорическим творением из марципана или

карамели. Конторские книги зафиксировали, что в течение этого визита английский лагерь потребил почти 300 000 штук рыбы – в список входил даже дельфин, более 6000 домашней и дикой птицы, а также примерно 100 000 яиц. После пира танцевали в основном зале. Бал возглавляла сестра короля Мария Тюдор в паре с французским аристократом, после чего Франциск (который, как и Генрих, был страстным танцором) принял участие в маскарадном танце, исполненном «в итальянской манере»^[36]. Генриха, в свою очередь, развлекала французская сторона в украшенном розовой парчой зале, где до начала танцев, пока английский король пировал, целых четыре часа играли 24 трубача.

Во второй раз, 17 июня, Луиза Савойская сопровождала своего сына Франциска, а его сестра Маргарита принимала Генриха VIII. Оба короля выскальзывали из зала, чтобы надеть маскарадные костюмы. Франциск со своими партнерами наряжались в длинные мантии с капюшонами для танца «в феррарском стиле». Генрих привез с собой три набора масок: накладные бороды и мантии, как говорили, миланского стиля, для себя и своих товарищей, костюмы докторов из черного бархата для второй группы дворян, а у третьей были кошельки и ремни из кожи тюленя, чтобы изображать гостей из «Русской земли или с Дальнего Востока». Генрих любил переодеваться (дома никто не смел признаваться, что узнал короля), и, узнав об этом, Франциск тоже увлекся маскарадами. На третий и последний банкет королевские особы с самого начала надели маскарадные костюмы. Английскую сторону возглавляли девять знаменитостей – воинские кумиры от Александра Македонского до короля Артура, впереди шествовал Геракл в львиной шкуре, сделанной из золотой парчи, и с палицей, обтянутой зеленым дамастом.

Вся эта долгая международная встреча была поставлена как спектакль театра масок. Когда две королевы встретились на мессе, проводившейся на турнирной арене на открытом воздухе, они некоторое время пытались пропустить друг друга вперед, чтобы приложиться к Евангелию, а потом обнялись и подошли вместе. Современники отметили строгое следование церемониалу; «английский король обедал с французской королевой и герцогиней Алансон в Ардри... встав на одно колено, держа свою шапочку в

руках, он сначала поцеловал руку королеве, потом Мадам [Луизе Савойской], а затем герцогине Алансон [Маргарите Наваррской]».

Тщательно зафиксированы даже подарки: английская королева подарила французской несколько пони и верховых лошадей, а также упряжь к ним, а Луизе Савойской преподнесла седло и сбрую. Клод поднесла Екатерине Арагонской паланкин из золотой парчи («а также мулов и пажей»). Луиза Савойская подарила Вулси распятие с драгоценными камнями, а он ей маленький крест из драгоценного камня с частицей Голгофского креста внутри.

Однако в кулуарах шла серьезная работа. В Гине, еще до того, как короли начали свой поединок, Вулси посетил французский лагерь и договорился, что он с Луизой Савойской должен урегулировать дела между Англией, Францией и Шотландией. Одним из победителей этих торжеств, конечно, был Вулси. Его почитали как собственного представителя папы римского (в этом качестве он мог общаться на равных даже с королем Франциском). Он разговаривал со всеми. Маргарита Наваррская начала называть его «отцом», а он говорил о ней как о дочери или крестной дочери: *filleule d'alliance*. Маргарита Австрийская писала Вулси, называя его своим дорогим сыном.

Стороны попрощались 24 июня, и на следующий день англичане возвратились в Кале. Там Генрих VIII ждал до 10 июля. Франциск тоже оставался неподалеку. Причина состояла в том, что летом 1520 года после «Поля золотой парчи» (как было согласовано еще в мае) следовала другая встреча. Генрих с Екатериной Арагонской отправились в приморский городок Гравлин на границе с Нидерландами и там встретились с Карлом V и Маргаритой Австрийской, потом вместе вернулись в Кале на несколько дней более сдержанных празднеств. Франциск сообщил, что находится всего в одном дне пути верхом и без церемоний приедет поучаствовать в переговорах, если его пригласят. Его не пригласили. Однако несколько французских аристократов прибегли к помощи своих английских друзей, чтобы явиться без приглашения.

Маргарита Австрийская во время своего краткого испанского замужества тесно общалась с Екатериной Арагонской. Теперь они за ужином возобновили связи юности. Карл V показал свой особый характер: если с Франциском Генрих испытывал конкурентное напряжение и не был уверен, что извлек все возможное из их встречи,

то Карл создавал спокойную обстановку и приятно льстил, подчеркивая большое значение Генриха в поддержании баланса сил в Европе. В то время как Вулси добивался давно желанного «всеобщего мира» (поддерживаемого церковью альянса Англии со Священной Римской империей и Францией против неверных турок, которые угрожали восточным границам Европы), Карл хотел союза с Англией против Франции.

Он его не получил, по крайней мере немедленно, но тем не менее можно считать, что встреча в Гравлине, как и на «Поле золотой парчи», прошла хорошо. Возможно, это был триумф хитроумия Вулси. Ему, по всей видимости, удалось пообещать все и всем, формально не нарушив ни единого своего обещания. Насколько нам известно (точной записи разговора не сохранилось), ничто из согласованного в Гравлине не противоречило англо-французской договоренности о браке сына Франциска, французского дофина, с дочерью Генриха Марией.

Настроение при французском дворе, когда все возвратились домой, было хорошим, по меньшей мере у Франциска. Аллегорическая книга выделяла «мудрое знание и божественное умение достигать намеченного нашей леди Согласия» – Луизой Савойской. Сама Луиза делала вид, что все обстоит благополучно. Венецианский посланник докладывал, что слышал, как она говорила иностранным послам, что короли Франции и Англии расстались со слезами на глазах и планируют строить часовню в честь Девы Марии Мирлюбия и дворец, где они смогут встречаться каждый год.

Однако проводя лето в прекрасной обстановке замков Блуа и Амбуаз, Луиза, должно быть, лучше, чем ее сын, осознавала цену недавнего предприятия – наверное, хорошо понимала, что настоящего победителя этого лета еще предстоит определить. Франциск I или Карл V? В итоге (как уже было в соревновании за пост императора Священной Римской империи) победа будет не на французской стороне.

Последствия

Нидерланды, Франция, 1520–1521 гг.

Одним из победителей снова стала Маргарита Австрийская. Осенью 1520 года она с племянником Карлом из Гравлина поехала в Маастрихт, где король вновь назначил Маргариту своим регентом в Нидерландах. 18 сентября Карл отписал ей, пожизненно, город и землю Мехелена с 200 000 золотых флоринов. Затем тетя с племянником вместе поехали на германские территории Карла. 23 октября в Ахене его короновали на должность, на которую его выбрали в предыдущем году, – «короля римлян» и избранного императора Священной Римской империи^[37]. Германские правители принесли ему присягу, а Карл V пообещал отстаивать права империи и католической церкви. На его голову возложили корону Карла Великого и вручили его же меч.

Маргарита Австрийская занимала в соборе видное место, какого и заслуживала. Она даже привезла из дома в Мехелене гобелены и серебряное блюдо, чтобы усилить эффект коронационных торжеств. Флеранже обо всем написал Луизе Савойской.

Тем временем во Франции вся «троица» испытывала растерянность. Зимой 1520/21 года с Франциском произошло три несчастных случая: падение с лошади; шалость, которая привела к пожару, и вышедший из-под контроля учебный бой. Хотя ни одно из происшествий не нанесло ему существенного ущерба, последнее было опасным и заставило Луизу затрепетать от мысли, насколько легко она могла уйти в политическое небытие – стать *femme perdu* (потерянной женщиной).

Эти мысли посетили ее даже раньше того, как Франциск снова отправился на итальянскую войну. Власть в Италии по-прежнему оставалась яблоком раздора для Франции и Священной Римской империи, в особенности контроль над территориями Милана и Неаполя. Франциска, в значительной степени окруженного землями Карла на юге, востоке и севере, беспокоил тот факт, что новый имперский титул Карла предоставил ему еще и итальянский плацдарм.

Весной 1521 года Франция предприняла несколько вторжений на зарубежную территорию, за французской агрессией последовала имперская кара, и стало ясно, что Англию, отказавшуюся от своей позиции нейтралитета, вынудят к участию в конфликте. В августе 1521 года кардинал Вулси пересек Ла-Манш и высадился в Кале, чтобы выступить в качестве посредника между Карлом и Франциском. Французы прислали вина; Маргарита Австрийская (зная его отвращение к верховой езде) отправила ему паланкин красного бархата, внутри обитый зеленым атласом, на фоне которого будет хорошо выделяться кардинальская мантия. Здесь важно то, что обе стороны давно высказывались за его кандидатуру на папский престол. Однако все разговоры о мире оказались тщетными. Вместо этого кардинал отправился в Брюгге на новый раунд дипломатических переговоров с императором.

Неизменно настроенная проанглийски Маргарита Австрийская, *la bonne Angloise*, поспешила к ним присоединиться, дополнив существенные денежные подарки, преподнесенные английским сопровождающим лицам, домашними знаками учтивости, включая ежедневную доставку завтрака из свежих булочек, сахара и вина. Она послала Вулси свечи, чтобы освещать спальню, а его музыканты играли на ее приемах. В итоге Англия вошла в тайный союз с Карлом V. Позднее союз Карла и Генриха должен был скрепить брак Карла с дочерью Генриха Марией, в нарушение предыдущей помолвки Марии с французским дофином. Маргарита Австрийская подписала документ от имени императора. Нет никаких сомнений, что она тщательно обсудила с Вулси все детали. Кроме того, летом 1521 года, когда Карл готовился к войне с Францией, именно его тетя Маргарита своей речью перед руководящим органом Нидерландов собрала для него солдат и деньги.

Эта война, которая будет определять следующие четыре года, станет критически дорогостоящей для обеих сторон. Однако во Франции попросту не было денег. Посещавший страну англичанин Уильям Фицуильям писал, что «король заимствует у любого человека, имеющего деньги, а если человек отказывается давать, он будет наказан, чтобы послужить предупреждением всем остальным... Французы отдали все, что имеют, вплоть до рубашек». В течение этого

кризиса и Франциск, и Луиза Савойская прибегнут к приемам, которые оттолкнут от них влиятельных аристократов, а также даже рассорят их, на краткое время, друг с другом.

Дело было связано со стареющей Анной де Божё. Несмотря на всех девочек знатного происхождения, для которых она была наставницей и заменой матери, сама Анна родила только одного живого ребенка, дочь Сюзанну (адресата ее книги «Наставления дочери»). Она умерла в конце апреля 1521 года. Ее супруг Шарль, великий герцог де Бурбон, остался бездетным вдовцом. Сюзанна была его родственницей, а также женой; ее права на наследство Бурбонов объединялись с правами супруга. Однако теперь встал вопрос, какие земли Бурбонов герцог и его дети от возможного второго брака по-прежнему смогут унаследовать, поскольку Шарль де Бурбон принадлежал к младшей ветви дома Бурбонов, а Сюзанна являлась последней представительницей старшей. В создавшихся условиях право Карла можно было ставить под сомнение, поскольку и Луиза Савойская, и Франциск I тоже имели кровь Бурбонов через мать Луизы, к тому же король мог разумно заявить, что условия, на которых земли были пожалованы, предусматривают, что они будут возвращены короне в случае пресечения мужской линии рода.

Возможно, пытаясь разрубить этот гордиев узел, Луиза Савойская предприняла экстраординарный шаг. Несмотря на то что Луиза всегда отчаянно выступала против нового замужества, она отправила Бурбону посланника с предложением вступить в брак. В этом случае, поскольку она уже прошла детородный возраст, земли в итоге вернулись бы короне сына.

Предложение зафиксировано только в XVII веке, в продолжении хроники, изначально написанной секретарем Бурбона, соответственно нельзя быть уверенными в том, что Бурбон действительно назвал ее «худшей женщиной в нашем королевстве, ужасом всех народов». Он не женился бы на ней даже «за весь христианский мир», добавил Бурбон. Луиза, узнав об этом, поклялась, что эти слова дорого ему обойдутся. Король Генрих в Англии интерпретировал историю на свой лад, рассказывая о ней послу Карла V: «Возникла ссора между королем Франциском и тем Бурбоном, потому что он отказался жениться на Мадам Регентше, которая его очень любит». Более вероятно, что

Шарль Бурбон был недоволен, чувствуя себя лишенным надлежащего положения в королевстве.

Бедра дома наступила одновременно с бедствием за границей, в продолжающейся Итальянской войне. Шесть лет назад битва при Мариньяно обеспечила Франции контроль над Миланом, но в ноябре 1521 года французы снова потеряли город. Вдобавок денег совсем не осталось (об этом сообщал один современник, Жан дю Белле): когда побежденный генерал, ответственный за потерю Милана, пришел объясниться к королю, он яростно утверждал, что проблема состояла в отсутствии денег – он просто не смог заплатить наемникам, и те ушли. Франциск взревел, что посылал деньги на жалованье. Однако казначей Самбланс ответил, что приготовил деньги к отправке, но их забрала Луиза Савойская на оплату долга. Гроза миновала, но уже после сцены столкновения сына с матерью, не имевшей аналогов в истории.

В Нидерландах, напротив, Маргарита Австрийская была готова заложить даже свои драгоценности, чтобы профинансировать племянника, когда весной 1522 года он снова собирался на испанские территории. Там развивалось «Восстание комунерос»: кастильские мятежники поднялись против Карла, человека, в котором они видели иностранца. Кастильцы хотели снова сделать действующей главой государства его лишенную свободы мать Хуану, формально являвшуюся соправительницей сына. Участие в политических делах племянника в начале 1520-х годов и преданность Маргариты не остались без награды: Карл сообщил Генеральным штатам, что во время его отсутствия ими будет управлять его тетя, «которая долгое время своими достойными восхищения незабываемыми делами и большим опытом показывала, что прекрасно знает, как достойно действовать в управлении и контроле». Карл также урегулировал вопрос с правами Маргариты на поместья своего отца Максимилиана: она уступила их в обмен на 250 000 фунтов с выплатой десятью ежегодными взносами^[38].

Задача Маргариты окажется нелегкой. В Нидерландах накопились проблемы – финансовые, структурные и религиозные, – что докажут последующие годы. Тем не менее как женщина, стремящаяся к продвижению своей семьи и желающая власти, она взлетела высоко. Если существовала конкуренция между матерью французского короля

и тетей габсбургского правителя, то Маргарита Австрийская и Габсбурги, похоже, снова одержали победу.

Правда, была одна загвоздка. Габсбургам, даже раньше, чем французской монархии, пришлось столкнуться с неожиданной угрозой, далеко идущие последствия которой определяют все столетие, хотя тогда они вряд ли это осознавали. В 1520 году в ответ Мартину Лютеру, сомневавшемуся во власти папы римского, была выпущена папская булла, или эдикт, объявивший его еретиком. Лютер публично сжег эту буллу вместе с томами церковного права, однако само отлучение его от церкви сподвигло Мартина Лютера развернуть свои мысли в более революционном направлении.

Лютер двигался к идее оправдания только верой. Он заявил, что спасение души человека лежит исключительно в вере, а не в добрых делах, которые может делать человек – главный догмат реформатской веры. В то же время отрицание Лютером папской власти, навязываемой из далекой Италии, уже начинали интерпретировать как политическое недовольство.

В марте 1521 года Карл V предложил Лютеру официальное выступление в рейхстаге Вормса, города на Рейне. Однако это выступление привело не к согласию, а к легализации положения оппозиции. «На том стою и не могу иначе», – якобы сказал Лютер, а Карл, в свою очередь, объявил: «Мои предки... передали священные католические обряды, чтобы я жил и умер, соблюдая их... Поэтому я решил поставить на службу этому делу все мои владения, моих друзей, мое тело и мою кровь...»

Маргарита Австрийская сама принадлежала к знатым дамам, критично настроенным к «бесчисленным злоупотреблениям» католической церкви и попыткам папы осуществлять светскую власть на ее территориях. Она дружила с гуманистами и умеренными реформаторами, приняла ко двору Эразма Роттердамского. Нидерланды, бывшая Бургундия, являлись домом для *devotio moderna* (движения «Новое благочестие»), более духовного образца религии, особенно привлекавшего аристократок, к которому присоединилась крестная мать Маргариты Маргарита Йоркская.

Тем не менее после приезда в Антверпен папского посла осенью 1520 года Маргарита увидела, что таких людей, как Эразм Роттердамский (и некоторых ее советников), публично критикуют в

проповедях; увидела, как сжигают книги. Папскую буллу против Лютера впервые опубликовали в Нидерландах. В 1523 году Маргарита издала указы, по которым в итоге сожгли двух реформатских монахов-августинцев, а их монастырь сровняли с землей. Мартин Лютер был монахом августинского ордена, и монастырь посчитали центром распространения его идей.

«Еретические идеи Мартина Лютера, – как написала Маргарита настоятелю монастыря Бру, – большой грех для нашей священной матери-церкви». Кажется, что ее главным приоритетом было и будет оставаться решительное подавление дискуссий. Однако относительно скоро станет очевидно, что Лютер открыл ящик Пандоры, да и он сам будет шокирован некоторыми убеждениями и новыми вероучениями, которые появятся.

Во Франции Маргарита Наваррская давно интересовалась реформой (не Реформацией) католической церкви. Ее мать Луиза Савойская разделяла этот интерес, как и Анна Бретонская и ее дочери, королева Клод и Рене, а брат Маргариты Франциск на тот момент интересовался всем, что позволяло ему идти на шаг впереди папства. (Папа Лев уже встал на сторону Карла, а в 1522 году ему на смену придет папа Адриан, тот самый прелат, что был наставником Карла V.) Лютеранство никогда не преобладало, но на короткое время в начале 1520-х годов направление ума Маргариты станет целью всей «троицы»: преобразование церкви изнутри, увеличение ее внимания к Библии, к подготовке священников и уменьшение значимости обрядов и заучивания молитв.

Однако с началом 1520-х годов для Маргариты наступило время личного кризиса. С момента восшествия на престол ее брата ей пришлось совмещать крупные церемонии придворной жизни с более личными и духовными делами. После визита короля с королевой к ней домой в 1517 году Маргарита получила в дар богатое герцогство Берри, которое не только сделало ее финансово независимой от мужа, но и (что совершенно необычно для родственника короля женского, а не мужского пола) предоставило ей статус *prince capétien* (принца капетинга) и право участвовать в заседаниях королевского совета. Формулировки пространного документа о пожаловании ясно свидетельствовали, что эта территория отводится под собственное

управление Маргариты, за исключением только вассальной зависимости от Франции. В документе нигде ни разу не упоминается супруг Маргариты.

Во время ответного визита на помолвку маленького дофина с дочерью Генриха VIII Марией в конце 1518 года Маргарита сидела рядом с Франциском во внутреннем дворе Бастилии на помосте, покрытом золотой парчой и затененном цветами и зеленью. Навес синей ткани с разбросанными по ней звездами, подвешенный на золотых шарах, превращал внутренний двор в покрытый крышей зал, а Луиза Савойская и королева Клод сидели на одной из галерей. Когда появился король с мужской группой масок в вышитых золотом мантиях из белого атласа, дамы разнесли конфеты.

Весной 1519 года Маргарита приняла роль крестной матери при крещении ребенка, который окажется важным мальчиком: второго сына ее брата – короля Франциска, названного Генрихом. Держал ребенка перед Маргаритой, представляя своего господина, в честь которого назвали мальчика, новый английский посол во Франции Томас Болейн. Его дочь Анна будет присутствовать на празднествах в честь помолвки (пусть незамеченная или, по крайней мере, не отмеченная в документах). Однако когда Маргарита начала реформировать местный женский монастырь в Альменешезе, добившись от папы назначения новой настоятельницы по ее выбору, она проследила, чтобы на монастырских землях построили небольшое помещение и для нее самой.

В начале правления брата Маргарита посетила Лион с королевской свитой. Именно там, в весьма реформатском Лионе, в соборе Иоанна Крестителя, происходят события 72-й новеллы ее «Гептамерона». По сюжету герцогиня Алансон («которая впоследствии станет королевой Наварры», как случилось и с самой Маргаритой) слышит рыдания прихожанки: беременной монахини, совращенной монахом. В новелле герцогиня обещает взяться за дело монахини и провести реформы, очень напоминающие те, что осуществила Маргарита в реальной жизни.

Возможно, что осенью 1519 года Бонниве совершил еще одну сексуальную атаку на Маргариту, хотя предположения опять практически полностью строятся на литературе. Той осенью Франциск

в сопровождении матери, сестры и группы вельмож, в число которых входили супруг Маргариты и Бонниве, отправился в неспешную поездку в направлении Коньяка. Они останавливались в новом строительном проекте короля замке Шамбор, в Шательро и в январе 1520 года в новом творении Бонниве в итальянском стиле Новиль-о-Буа. Король со свитой уехали всего через четыре дня, а Бонниве оставили.

В четвертой новелле «Гептамерона» героиня лежит в постели, по-видимому, раздетая, когда «без всяких церемоний он прыгнул в кровать рядом с ней». Ее первой мыслью было обвинить своего обидчика и потребовать, чтобы брат приказал отрубить ему голову. Однако фрейлина героини (которую сеньор Брантом в своей работе идентифицирует как мадам де Шатийон, бывшую воспитательницу Маргариты) предупреждает, что все скажут, будто «этот бедный господин... не мог пойти на такое, если бы его не поощряли. Все будут говорить, что вы тоже виноваты». Мадам советует героине впредь быть осторожнее, поскольку «многих женщин, которые вели более строгую жизнь, чем вы, оскорбили мужчины, менее достойные любви, чем он».

Похоже, что примерно в этот период своей жизни Маргарита Наваррская получила какую-то эмоциональную травму. В начале лета 1521 года она написала необычное письмо, первое из многих, Гийому Брисонне, реформатскому епископу Мо. Этот человек боролся со средневековыми предрассудками, при этом тяготел к мистицизму, как и Маргарита. (Город Мо станет центром для группы прогрессивного духовенства. Некоторые из них были связаны с Маргаритой, и все в конце концов подверглись нападкам католической церкви, от которой, однако, на том этапе они и не думали откалываться.) «Я должна заниматься многочисленными вопросами, которые меня пугают, и поэтому прошу вас взяться за мое дело и оказать мне духовную поддержку», – писала Маргарита.

Некоторые вещи в ее письме соответствуют новым догматам религии: «Зная, что есть только одна необходимость, я обращаюсь к вам с мольбой дотянуться до него [Бога] через молитву». Другие имеют более личный характер: во втором письме к Брисонне она пишет, что чувствует себя «очень одинокой... Пожалейте меня... Умоляю вас навещать меня по крайней мере письменно и разжигать в

моем сердце любовь к Богу». Ее неоднократные настояния, что она «недостойная», «бесполезная», «хуже мертвой», необходимо рассматривать в контексте реформистского богословия, которое считало людей недостойными без благодати Божьей. Тем не менее сложно не заметить в ее письмах нечто большее, когда Маргарита просит Брисонне помочь растопить ее «бедное сердце, покрытое льдом и мертвое от холода», и когда Брисонне, несколькими годами позже, поздравляет ее с тем, что она подчинилась его правилу «говорить обо всем без страха».

Она часто писала о своей «бесплодности». 13 лет замужем, и в 30 лет еще не родила ребенка. В 1522 году ей показалось, что она беременна, но надежды не оправдались. К тому же она ухаживала за Луизой Савойской, страдавшей все более сильными приступами подагры. Брисонне (на 20 лет старше Маргариты) предложил себя в качестве приемного сына, и оба отнеслись к этим отношениям всерьез (для человека XVI века самые настоящие, *par alliance* – по свойству). Маргарита подписывалась «ваша бесплодная мать».

Брисонне, однако, поначалу имел другой интерес: он хотел, чтобы Маргарита привлекла мать и брата к своим духовным поискам, и тогда «вы трое будете примером жизни, огнем, пламя которого освещает остальное королевство». Когда же она не смогла достичь цели достаточно быстро, он упрекнул Маргариту: «Вы не сняли перчаток. Я еще не вижу пламени, исходящего из ваших ладоней». На самом деле в конце 1522 года попытки помощника Брисонне Мишеля д'Аранда наставить Луизу Савойскую заставили духовника короля пожаловаться теологам университета – первый красный предупредительный знак будущих бед.

Анна де Божё, последняя представительница своего поколения, скончалась 14 ноября 1522 года, всего через пять недель после того, как Франциск передал подавляющую часть спорных земель Бурбонов своей матери Луизе. В ответ Анна завещала своему зятю Шарлю, герцогу де Бурбону, собственные владения в качестве компенсации за «добрые, большие, достойные похвалы и одобрения одолжения и радости», которые он оказывал ей и ее усопшей дочери Сюзанне. Бурбон теперь имел дерзкий, даже изменнический, план: жениться на

сестре Карла V Элеоноре и таким образом объединиться с врагом Франциска.

Раскол во французских рядах усугублял тот факт, что летом 1522 года Англия выполнила обещание, данное Карлу V (плод всей исключительно напряженной дипломатической работы), и сыграла свою роль в поддержании баланса сил в Европе – объявила войну Франции. В начале года был намек на будущие бури, когда король Франциск поспорил с кардиналом Вулси по вроде бы незначительному вопросу: семья одной из служащих его жены, юной Анны Болейн, решила, что она должна вернуться домой. Что, неужели они полагали, что Франция больше не безопасна для англичанок?

Вулси постарался убедить французского короля, что ничего подобного. Просто согласована свадьба Анны с ее родственником Джеймсом Батлером, ирландским графом Ормондом. Однако будущее Анны Болейн, разумеется, планировалось вовсе не таким.

Часть III

1522–1536 гг

Не следует также впадать в уныние или замешательство, если придется вступать в иностранный или неприятный союз, нужно благодарить Бога и верить, что Он всегда справедлив и делает только то, что разумно. Поэтому, дочь моя, если так предопределено и случится, что тебе выпадет много страданий, имей неизбывное терпение, находя во всем, что ожидает тебя, волю и желание Создателя... если ты хочешь жить в спокойствии духа, защищай себя от попадания в ловушку ревности.

*Анна Французская (Анна де Божё)
«Наставления дочери»
(опубликовано в 1517–1521 гг.)*

15

«Не тронь меня»

Англия, Шотландия, 1522–1524 гг.

Весна 1522 года в Лондоне. Во дворце кардинала Вулси Йорк-Плейс с необычной пышностью отмечали праздники перед началом Великого поста. Представление, наверное, пришло из бывшего бургундского двора: атака на *Château Vert*, Зеленый замок, или замок Добродетелей. Построили сооружение из дерева и оловянной фольги, достаточно прочное, чтобы выдержать восемь одетых в белый атлас дам. Каждая из них представляла одну добродетель, ее образ указывался желтым цветом. Рыцари во главе с самим королем Генрихом VIII и их спикером «Жгучее желание» блистали одеяниями из золотой парчи и синего атласа. Их атаку отбивали на разумное расстояние заградительным огнем из конфет и розовой воды.

В финале, конечно, атакующие мужчины одержали верх; мужской жар растопил более холодные женские добродетели, и все с удовольствием танцевали. Однако никто в последующие несколько лет не мог предугадать, насколько знаменательным окажется этот спектакль. Леди, изображавшая Стойкость, была недавно вернувшаяся домой из Франции Анна Болейн.

Анна Болейн, появившаяся при английском дворе в 1522 году, судя по всему, представляла собой почти совершенное произведение. Возможно, не красавица, но, несомненно, привлекательная; изысканная и, что важно, с налетом непохожести на других. Последующие описания представляют ее как «очень красноречивую, любезную и довольно милостивую». «Она не принадлежит к самым красивым женщинам мира», – говорил один венецианский дипломат. Когда пришло время, посланники отметили, что у Анны Болейн «средний рост, смуглая кожа, длинная шея, большой рот, не слишком высокая грудь и прекрасные черные глаза».

Однако годы, проведенные за границей, дали ей большой опыт придворной жизни. В самом деле, если (что кажется вероятным) ее привлекали как переводчика с английского на французский, то Анна

имела возможность не только научиться вести себя в покоях королевы и фрейлин, но и приобрести непосредственное понимание того, как ведутся политические дела. К тому же ее отец некоторое время тоже был связан с французским королевским двором.

Сама «французскость» Анны Болейн, должно быть, была новинкой для английских придворных. После стольких столетий, в течение которых французский язык являлся *lingua franca* (языком межэтнического общения) в дипломатических и светских кругах, нам сложно понять, что в начале XVI века это было совсем не так, и универсальным языком был латинский.

Поэт, священник и дипломат Ланселот де Карль описывал Анну таким образом: «Никто никогда не принял бы ее за англичанку, по манерам она казалась настоящей француженкой». А вот Екатерине Арагонской уже стукнуло 36 лет, немало по стандартам того времени. Сказывались многократные беременности, и всегда внимательные иностранные послы на некоторое время перешли к восхищению цветом ее лица, а не фигурой. Пять лет разницы в возрасте с мужем начинали проявляться.

Еще в 1514 году по Европе прошел слух, что Генрих VIII «намередается развестись со своей нынешней женой... потому что не может иметь от нее детей». Тогда такие разговоры казались преждевременными, но с каждым годом это впечатление уменьшалось. Вероятно, именно в 1522 году Генрих взял Марию Болейн – сестру Анны – в любовницы. Она в спектакле Йорк-Плейса изображала Доброту, более чем уместно. Однако какую бы боль ни причиняли Екатерине Арагонской эти отношения, если она о них знала, ее положению королевы они никак не угрожали. На самом деле, Генрих на тот момент, по крайней мере публично, вел себя как женатый мужчина и морализировал по поводу поведения своей сестры Маргариты Тюдор в Шотландии.

Мы последний раз говорили о Маргарите, когда она возвратилась в Шотландию примерно пять лет назад и горько жаловалась (в старомодном, но очень тюдоровском стиле), что ее супруг Ангус больше ее не любит. Шокированные Генрих VIII и его жена Екатерина убеждали Маргариту в священности брака. Однако шотландские дела, среди которых важнейшим была ситуация Маргариты Тюдор, были

предметом обсуждения между Вулси и Луизой Савойской на переговорах, запланированных на «Поле золотой парчи».

Монах, которого Генрих и Екатерина Арагонская (опять) отправили на север, тактично обвинил некоторых советников Маргариты в том, что они склоняют ее к поискам «незаконного развода из законного супружества, что прямо противоречит закону Господа Бога и совершенно несовместимо с человеческим правом». Однако ничего подобного у Маргариты в планах не было. «Я не получаю ни помощи от его Милости моего брата, ни любви от милорда Ангуса, и он забирает мои средства к существованию на свои удовольствия, грабит меня, – писала Маргарита представителю Генриха VIII лорду Дакру, – думаю, милорд, вы не посчитаете это справедливым, если вы мне друг». Ее лояльность нередко колебалась между родной страной и Шотландией; нередко Маргарита разрывалась. Однако теперь она определилась: «Я должна заставить себя радовать это королевство, раз я тут живу».

Когда в ноябре 1521 года из Франции вернулся герцог Олбани, Маргарита Тюдор встретила его тепло. Хотя в прошлом они боролись за власть в Шотландии, теперь она, наверное, поняла, что есть худшее зло. Когда Олбани добрался до Эдинбурга и констебль вручил ему ключи от замка, он учтиво передал их обратно Маргарите. Должно быть, его поступок стал бальзамом для ее раненой души. Маргарита и Олбани начали совместное правление как королева-мать и регент, и наступила очередь ее отдельно проживавшего супруга Ангуса бежать во французскую ссылку. Вероятно, именно клан Ангуса Дугласа первым пустил слух, что Маргарита и Олбани вступили в любовную связь.

Вскоре Генрих VIII тоже жаловался, что Олбани «гнусно и бесчестно совращает нашу сестру, подстрекая ее к разводу с законным супругом, Бог знает, с какими порочными намерениями». Маргарита написала Вулси, что им сообщают неправду; Вулси сообщил Генриху, что Маргариту явно подкупили. Однако тем временем границы Англии с Шотландией укреплялись.

Англо-шотландские отношения усугублял тот факт, что Екатерина Арагонская теперь в некотором смысле чувствовала уверенность в себе. Европейские интересы Англии на тот момент были связаны не с

Францией – старой союзницей Шотландии и Олбани, а с Габсбургами. В конце мая 1522 года в Англию с шестинедельным визитом прибыл Карл V, чтобы подтвердить свой союз с Англией и будущий брак с кузиной принцессой Марией, который означал долгосрочное присоединение Англии к габсбургскому господству. Дети Карла и Марии, если у самого Генриха не появятся сыновья, унаследуют империю, простирающуюся от Англии до Средиземного моря, не говоря уже о колониях Испании за Атлантическим океаном. Это, однако, временно оставалось секретом, учитывая, что Мария официально по-прежнему была помолвлена с французским дофином.

В Гринвиче Карла приветствовали Мария и ее мать, император попросил благословения своей тети Екатерины. Мария танцевала и играла на клавесине, а послы докладывали, что девочка, вероятно, станет «красивой леди, хотя сложно составить представление о ее красоте, поскольку она еще совсем мала». Отмечали приезд императора с неслыханной роскошью. Были представления и мессы, турниры и банкеты. Среди развлечений лучше всего удалось чтение списка претензий, который Генрих VIII выслал французскому королю. Договор между двумя союзниками объявлял, что в 1523 году Карл вторгнется во Францию из Испании, а Генрих – из Кале.

Как бы сильно ни желала Екатерина Арагонская этого союза, она беспокоилась по поводу альянса между своим мужем и собственным племянником. Хотя Генрих, наверное, мечтал заявить «о своем древнем праве на корону Франции», Екатерина своими глазами видела ярость Генриха, когда, годы назад, ее отец Фердинанд заключил с ним союз, а потом подвел. Не подозревала ли она, что в этот раз он быстро не простит ей грехов семьи Габсбургов? В январе 1523 года Екатерина «с недовольством» сказала послу Карла, что Карл должен выполнять то, что обещал: «Гораздо лучше обещать мало и точно исполнить, чем пообещать много и чего-то не сделать».

Ее опасения оправдались, потому что англо-габсбургское «Великое предприятие» 1523 года против Франции стало катастрофой. Маргарита Австрийская предложила англичанам габсбургские войска, но вовсе не 3000 лошадей и 5000 пеших воинов, как требовали англичане. К тому же даже для оплаты тех, кого она предложила, ей не удалось найти деньги. Отправленные на захват Булони английские войска вместо того пошли на Париж, но их вернули ветренная погода и

нехватка провианта. Карл (растерявшийся от французских успехов на испанской границе) не выполнил свою часть плана. Кроме того, открыто восставший против короля Франциска французский генерал герцог де Бурбон, который обещал присоединиться к Карлу и Генриху, вообще не появился, бежав в Италию.

Маргарите пришлось принять обвинения Генриха VIII и Вулси. Кардинал заявил, что не ожидал от леди с ее мудростью оправданий «фантазиями и уловками, увертками и притворством». В октябре Генрих тайно обдумывал, не разорвать ли помолвку дочери с ее кузеном Карлом и вместо того связать ее с кузеном с другой стороны, юным королем шотландцев Яковом V, сыном Маргариты Тюдор.

Это, конечно, ликвидировало бы один источник постоянного беспокойства для Англии. Летом 1522 года постоянно происходили столкновения между Англией и Шотландией. Олбани повел войска на юг, но шотландские солдаты, помня битву при Флоддене, отказались переходить границу, и Генрих поспешил с предложением о пятилетнем перемирии. Следующим летом Маргарита Тюдор добилась публичного оглашения речи, которую ее юный сын написал собственной рукой. Король настаивал, чтобы ему позволили заключить мир с английским дядей. Шотландские власти метались между выполнением указаний Олбани и требованием освободить своего юного короля от чрезмерной опеки. Собственная популярность Маргариты то ослабевала, то нарастала. Когда англичане сожгли шотландский город Джебборо, а Маргарита передала им информацию о дислокации шотландских войск, даже ее бывшие сторонники сетовали, что она «совершенно ненадежна». В октябре 1523 года Олбани снова попытался посягнуть на английские земли и потерпел сокрушающий разгром.

Теоретически англо-габсбургский альянс по-прежнему сохранялся; Маргарита Австрийская явно решила его отстоять. Английский посол в Нидерландах сообщал, что она всегда «очень озабочена» благом Генриха. Однако в марте следующего года Екатерина Арагонская предупредит посланника Карла, что Генрих «весьма недоволен», и примечательно, что с этой миссией ей придется тайно отправить собственного духовника.

По словам посланника, было бы «прискорбно», если бы этот разговор дошел до ушей «некоторых англичан»; Вулси «очень

напрягался», когда говорил с Екатериной Арагонской, и нередко вообще прекращал общение с ней.

Кардинал Вулси еще больше отдалился от Габсбургов, когда в сентябре 1523 года (не пробыв на папском престоле и двух лет) скончался папа Адриан, бывший наставник Карла V, а Карл и Маргарита Австрийская не смогли обеспечить избрания Вулси. (Престол перешел к другому Медичи, Клименту VII.) Однако как бы далек ни был могущественный Вулси от поддержки планов Екатерины Арагонской, у него осталось время восстановить против себя и другую женщину.

Существует распространенное мнение, что антагонизм между Анной Болейн и кардиналом Вулси возник в начале ее карьеры при дворе Англии, когда он лично не допустил ее брака по любви с молодым английским аристократом, и причиной многого из того, что случилось в последующие десять лет, стало именно это событие. Возможно, и так, однако источник, представляющий эту ситуацию, — книга, написанная помощником Вулси Джорджем Кавендишем, — пристрастна, да и создавалась позже этих событий. Остальные немногочисленные свидетельства первых шагов Анны при английском дворе такого же свойства.

До появления Генриха VIII в жизни Анны Болейн ее имя связывали с тремя мужчинами, но нам мало известно об этих взаимоотношениях. Ее привезли домой из Франции, чтобы выдать замуж за родственника Джеймса Батлера, наследника спорного ирландского графства Ормонд. За этот брак выступали ее влиятельные родственники Говарды, к тому же он мог разрешить некоторые сложности, поскольку Болейны тоже претендовали на это графство. Кроме того, с точки зрения Вулси и короля, он бы теснее привязал могущественных Батлеров к интересам Англии. Однако намеченное бракосочетание не состоялось. Вопрос — почему. Возможно, не было желания со стороны Батлеров, но не исключено, что вмешалась сама Анна.

Как рассказывает Кавендиш, служа при королевском дворе Екатерины Арагонской, Анна познакомилась с Генри Перси, наследником большого графства Нортумберленд, который жил в доме Вулси. Сопровождая Вулси ко двору, Перси «обычно болтал с девушками королевы и в конце концов стал чаще общаться с госпожой Анной Болейн, чем с кем-либо другим, так что между ними возникла

тайная любовь, и они решили пожениться». Однако когда об этом стало известно Вулси, кардинал немедленно отругал его за «упрямую глупость». Людям его положения недопустимо жениться по любви. Вулси планировал для него другой, политически выгодный, брак – с девушкой из столь же видной семьи Толбот. Кроме того, если верить Кавендишу, Генрих уже заинтересовался Анной, хотя это кажется маловероятным.

Отец Перси явился в Лондон. Он бушевал, заявляя, что его сын «самодовольный, нахальный, высокомерный и очень расточительный бездельник». Пусть эти слова нам известны от Кавендиша, но старый граф действительно нанес неожиданный визит в Лондон в июне 1523 года; давно запланированную свадьбу Перси – Толбот на некоторое время отложили. Перси запретили снова встречаться с Анной, и он, запуганный, подчинился. Анна, как излагает Кавендиш, поклялась, что «если когда-либо это будет в ее власти, она доставит кардиналу такие же страдания».

Третий роман случился с поэтом и придворным Томасом Уайеттом, чья семья жила по соседству с Болейнами в Кенте. Здесь не шла речь о браке: Уайетт был уже женат, хотя и очень несчастливо, но такие обстоятельства только прибавляли выразительности фантазиям его куртуазной любви. В большой игре куртуазного соперничества Уайетт однажды (как Чарльз Брэндон с Маргаритой Австрийской) выхватил у Анны небольшой бриллиант, а потом щеголял с ним перед Генрихом. Сама по себе история полезна для понимания состязательной обстановки при дворе, в которой впервые возник интерес короля к Анне. Другая история – будто Уайетт пытался предупредить короля, что Анна увлекает его, но на поэта не обратили внимания – кажется неправдоподобной.

Невозможно точно сказать, сколько сочинений Уайетт впоследствии написал, думая об Анне Болейн, хотя, конечно, именно она – «брюнетка, перевернувшая Англию». Однако один сонет Уайетта ярко свидетельствует о прелести Анны:

Кто хочет, пусть охотится за ней,
За этой легконогой ланью белой;
Я уступаю вам – рискуйте смело,

Кому не жаль трудов своих и дней.

..

На золотом ошейнике ее
Написано алмазными словами:
«Ловец лихой, не тронь меня, не рань:
Я не твоя, я Цезарева лань»^[39].

Стихотворение изображает самого Уайетта как неудачливого поклонника, а Анну – ланью, ускользающей и непорочной. Она имеет сильную своего рода романтическую привлекательность, которая делала Анну звездой и желанной добычей для молодых придворных, а также их не столь молодого вождя. Даже если (или, возможно, именно поэтому) этот человек уже был женат на ставшей менее привлекательной Екатерине Арагонской.

По всей вероятности, именно в 1524 году сексуальные отношения Екатерины Арагонской с Генрихом подошли к концу. Ей было 38, и Генрих, на пять лет моложе ее, больше не видел смысла пытаться получить от нее сына. С этого момента энергия королевы будет направлена на воспитание ее единственного ребенка – принцессы Марии. «Дочери, – писала Анна де Божё, – большая ответственность: пока они молоды, за ними требуется присматривать особенно внимательно».

Хорошо образованная Екатерина помогала учить свою дочь латинскому и французскому языкам, а также немного испанскому. Мария хорошо музицировала и танцевала, занималась каллиграфией и рукоделием. Екатерина также прибегла к советам испанского ученого-гуманиста Хуана Луиса Вевеса. В 1523 году королева заказала ему труд «Образование христианской женщины». Хуан Луис Вевес, рекомендуя некоторый объем классической литературы, тем не менее полагал, что женщине следует знать только то, «что способствует богобоязненности».

Для Вевеса вопрос состоял не в том, что женщины уступают мужчинам в интеллектуальном или ином плане, он считал, что следует

учитывать физическую уязвимость женщин. «В образовании женщин главной, я бы сказал, единственной заботой должно быть сохранение целомудрия». Хорошее образование, разумеется, должно вести к укреплению добродетели, при этом нельзя сказать, чтобы Марию поощряли заниматься новым гуманистическим знанием так же активно, как через пару десятков лет будет заниматься ее единокровная сестра.

Тем временем в Шотландии золовка Екатерины Арагонской Маргарита Тюдор тоже столкнулась со взрослением своего отпрыска. Ее союзник (или фаворит) Олбани так и не сумел установить бесспорный контроль над непокорной страной, и в мае 1524 года он удалился во Францию, где теперь жил формальный супруг Маргариты Ангус, при каждом удобном случае создававший проблемы для своих соперников в Шотландии.

Маргарита Тюдор взяла власть в свои руки при поддержке некоторых влиятельных союзников среди родовой знати. Закончить регентство отсутствующего Олбани отвечало интересам всех (в каких бы отношениях ни состояли Олбани и Маргарита). Перед отъездом из Шотландии он сам настаивал, чтобы «королеве подчинялись в соответствии со всеми ее правами». Маргарита решила объявить двенадцатилетнего сына Якова совершеннолетним и способным управлять своим королевством. С помощью матери, естественно.

В Англии Генрих VIII страстно желал оторвать Шотландию от Франции, связь с которой олицетворяла «узурпированная» Олбани власть. Подходящий момент настал, когда Ангус сумел приехать из-за Ла-Манша к английскому двору. Генрих и Вулси с удовольствием вернулись к плану, по которому Ангус введет проанглийское управление Шотландией с юным Яковом V в качестве формального правителя, а его мать будет исполнять в основном церемониальные обязанности. Однако в своих бесконечных письмах Маргарита заявляла, что лучше она обратится за помощью к Франции, поскольку Ангус вызовет «большие недовольства».

26 июля Якова доставили из Эдинбурга в Стерлинг и, несмотря на тот факт, что шотландским монархам не полагалось принимать власть до достижения 14 лет, официально надели корону. Генрих прислал племяннику украшенный драгоценными камнями меч, сделал его

членом ордена Подвязки и предложил руку кузины принцессы Марии: на такой план Маргарита Тюдор с радостью согласилась.

Однако одновременно Генрих отправил на север в направлении Шотландии отчима Якова Ангуса с вооруженным отрядом. «Уместно использовать королеву Шотландии в качестве инструмента в этом деле, но нельзя, чтобы все зависело только от нее, — писал Вулси. — Хорошему лучнику следует иметь две тетивы для своего лука, особенно когда одна из них сделана женскими руками».

Примирение между Маргаритой Тюдор и ее мужем Ангусом казалось очевидным следующим шагом. Очевидным для всех, кроме Маргариты. Ангуса проинструктировали «попытаться вернуть расположение королевы»; Маргариту убеждали, что примирение хорошо для страны, а ее личные чувства не имеют значения.

Несмотря на яростные протесты Маргариты, Ангус перешел границу Шотландии. Когда в Эдинбурге началось заседание парламента, Маргарита закрыла городские ворота. Ангус и его сторонники поднялись по стенам города, заявляя в освященной веками манере, что они верные подданные молодого короля и хотят лишь заседать в парламенте, как их предки. Внизу главной улицы Эдинбурга Королевская миля у Холирудского дворца Маргарита с сыном поспешно собрала подходящий отряд и, под унылое блеяние английского посла о ее «упрямстве», приказала навести пушки на собственного супруга. По приказу молодого короля Ангус и его соратники отступили. Маргарита с сыном прошли в факельной процессии вверх в надежный Эдинбургский замок, откуда королева отправила категорическое требование, чтобы ее брат в Англии не вмешивался во внутренние дела Шотландии.

Парламент утвердил ее регентом, но так как Маргарита Тюдор теперь демонстрировала неженское сопротивление, ее не ждало ничего хорошего. В первые месяцы 1525 года Маргарита еще более непреклонно добивалась развода с Ангусом. Она игнорировала все протесты брата о том, что супружество «освящено Богом». К тому же теперь она влюбилась в Генри Стюарта, молодого человека из королевского двора на 11 лет моложе ее, но произведенного из королевского резчика по дереву в капитаны гвардии. Послание Генриха VIII заставило ее рыдать в течение часа, что такого «никогда не писали знатной женщине». Тем летом она согласилась сделать вид, что

примирилась с Ангусом, но когда парламент снова открылся и король с матерью возглавляли процессию, а Ангус нес корону, примерно 2000 членов клана Ангуса бродили за стенами Эдинбурга под прицелом пушек Маргариты.

Заключили сделку, по которой четыре стороны – Ангус и три других вельможи – будут по очереди опекать молодого короля. Однако в конце 1525 года после своего трехмесячного срока Ангус отказался передать мальчика. Якова заставили написать официальное письмо, что он хочет остаться под опекой отчима, но ему удалось тайно послать другое, в котором мальчик умолял мать спасти его. Маргарита собрала армию и поскакала в Эдинбург, но Ангус вышел из города, держа Якова рядом с собой, и ее солдаты не осмелились стрелять по «персоне своего государя».

Якову V пришлось провести следующие два с половиной года в условиях, по словам его матери, вежливого плена, все попытки освободить короля не достигали цели. Разве несправедливо говорить, что в Шотландии игра находилась в руках мужчин? Маргарита принадлежала к королевскому роду, старалась настаивать на правах королевы, пробивала себе дорогу после поражения за поражением. Она столкнулась с невероятно сложной ситуацией в Шотландии, но ее решения усугубляли проблемы. Она показала себя не совсем надежным игроком (при английском дворе подобное начинало происходить с Анной Болейн). Возможно, Маргарита Тюдор не годилась для игры королев.

Во Франции наступало время другой женщине занять подобающее ей место. Возможно, двум другим женщинам. Луиза Савойская представляла себе (со страхом, а может, и с надеждой?), что заботы о будущем всей семьи лягут на ее плечи. Она находилась на пороге того, что эта фантазия станет явью. Дочь Луизы Маргарита, напротив, всю свою жизнь считала, по собственным словам, что она наименее полезный элемент семейной тройцы. Однако Маргариту ждала перемена.

Спусковым крючком для изменения ситуации, как часто бывало, стал поворот в бесконечных войнах Франции с империей. Англо-габсбургское вторжение 1523 года пусть и провалилось, но вовсе не стало концом истории. Мятеж недовольного герцога де Бурбона и последовавший суд над его союзниками оставили неприятный осадок.

Герцог вызвал глубокое сочувствие у народа, обозленного бесконечными сборами денег на войну Франциска в Италии. Французская армия, попытавшаяся (под командованием Бонниве) захватить Неаполь весной 1524 года, потерпела сокрушительное поражение. Однако тем же летом Франциск решил еще раз рискнуть своими войсками в Италии; решительно настроившись, как он сказал, завоевать «ни много ни мало Миланское государство и Неаполитанское королевство».

16

Павия

Италия, Франция, Нидерланды, Испания, 1525 г.

Тем летом королева Клод серьезно болела. Франциск заявлял, будто «никогда не мог поверить, что узы брака, заповеданные Господом, будут настолько прочными и неразрывными». Тем не менее король отправился на юг в сопровождении жены и сестры. Луиза Савойская, которая за последний год перенесла два обострения плеврита, скоро совсем ослабела. Как сообщала ее дочь Маргарита: «Усталость от дорог и доставшиеся ей чрезмерные тревоги вызвали обильные кровотечения разных органов, как при ее сильной лихорадке».

Осенью королева Клод умерла, а через несколько недель за ней последовала и ее дочь Шарлотта. Маргарита ухаживала за маленькой девочкой и постаралась оградить от известий о смерти внучки Луизу Савойскую, которая уже потеряла голову от мыслей об отъезде сына. Однако в октябре Франциск назначил свою мать регентом и повел армию через Альпы, невзирая на мнение Луизы.

Вести военную кампанию в зимнее время было сложной задачей. Франциск потребовал устроить лагерь у города Павия, примерно в 20 милях от Милана. На последней неделе февраля 1525 года дело достигло критической точки. Когда 24 февраля испано-имперская армия атаковала и успешно рассекла французские войска, в результате четырехчасового сражения французы понесли наибольшие потери среди дворян со времен битвы при Азенкуре. В числе павших был и Бонниве (он, говорят, искал смерти, поскольку убеждал Франциска дать бой в этот день). При катастрофическом поражении французов одним из немногих, кому удалось избежать гибели и плена, оказался супруг Маргариты Алансон, а самого Франциска имперцы взяли в плен.

У Франциска остались «только честь и жизнь». Он сразу написал матери, умоляя не падать духом, «а проявить присущую ей рассудительность». Луиза Савойская заставила себя отправить ему слова поддержки, а ее дочь Маргарита написала боевому товарищу брата маршалу Франции Монморанси следующее: «Всю свою жизнь я

буду завидовать вам, потому что не в состоянии выполнять для него те обязанности, с которыми теперь справляетесь вы. Хотя мое желание так же велико, как ваше, это невозможно, поскольку судьба обидела меня, создав женщиной». В ответ Монморанси попросил Маргариту чаще писать, потому что известия о ней и ее матери «единственное, что доставляет [королю] величайшую радость».

Франциск никогда не допускал, чтобы с ним обращались недостойно. Вскоре один из дворян, деливших с королем пребывание в плену, сообщил Луизе, что Франциску нужны не только деньги, но и серебряная посуда. Однако существовали опасения по поводу желания Франциска поститься несколько дней в неделю; уже скоро его сестра писала, что если он откажется от мяса и яиц в Великий пост, то должен помнить, как плохо его организм принимает рыбу. (В итоге в постный период король ел суп из черепках.)

Примерно через три месяца после пленения Франциска повезли в Испанию и доставили в Мадрид в начале августа, по-королевски развлекая на протяжении всего пути. Тем временем его матери оставалось справляться с последствиями его плена. «В своем несчастье, — написал Франциск подданным, — мне нет большей радости, чем знать о повиновении, которое вы выказали Мадам как верные подданные и добрые французы. Я вручаю ее вам».

«Приезжай скорее, я никогда так сильно не хотел увидеть тебя», — писал Франциск матери. Однако это было невозможно. У Луизы Савойской было слишком много других дел: прежде всего требовалось обеспечить, чтобы Карл V (или его союзник Генрих VIII) после поражения французов не предприняли вторжения в саму Францию. Бургундия (теперь французская, но являвшаяся родовым домом семейства Маргариты Австрийской) вызывала главные опасения, поскольку Карл имел особый интерес вернуть эту часть своего наследства. Подготовили больше кораблей, а возвратившиеся остатки армии Франциска получили жалованье и ободрение. Более того, в сложившихся обстоятельствах Луизе пришлось защищать саму корону от всяческих посягательств на королевскую власть. Разговоры, что регентом следует быть не матери короля, а его ближайшему родственнику-мужчине, быстро прекратились, когда этот вельможа принял предложение занять место в ее совете, однако парижский

парламент по-прежнему требовалось завоевать. Луизе пришлось использовать весь свой такт.

Одним из отдельных оснований для недовольств являлся тот факт, что королевская семья проявляла мягкость в отношении новых веяний в религии и расширяла свои права за счет церковной власти. В этом вопросе Луиза, по природе более консервативная, чем ее дети, или, возможно, более богобоязненная, пошла на некоторые уступки: она как никогда нуждалась в поддержке нового папы римского против Испании.

1525 год по всей Европе стал своего рода поворотным моментом в религиозных делах. В Испании инквизиция ужесточила меры против мистически ориентированных иллюминатов в своих рядах; в Германии стал очевиден отход Лютера от основного движения гуманистических реформистов. В том году первые из растущего числа немецких правителей последовали курсом своих городов и присоединились к лютеранам. Там же, где на землях Габсбургов начались крестьянские бунты, они были связаны с религиозной Реформацией, вовсе не к удовольствию Лютера. Именно в этом году более радикальный швейцарский реформатор Ульрих Цвингли ввел новую литургию вместо мессы, а также посвятил французскому королю свой труд «Комментарий к истинной и ложной религии».

Важный принцип новой веры состоял в том, что простые люди должны иметь возможность читать Библию на своих родных языках, а не оставаться ограниченными церковной латынью. Однако в новых обстоятельствах публикацию Библии на языке народа Франции запретили. Наставник Маргариты Брикonne избежал обвинений в ереси только благодаря своим связям при дворе. Тем не менее канцлер Дюпра писал королю Франциску, что мать Маргариты «настолько прекрасно управляет, что полностью реабилитировала наше королевство».

Луиза Савойская добилась настоящего успеха в своей внешней политике. 30 августа мирное соглашение (в котором кардинал Вулси был одним из главных переговорщиков, а Томас Болейн одним из подписантов) восстановило согласие с Англией. Она также отправила послов в Константинополь к султану Османской империи Сулейману Великолепному с предупреждением, что, если он не окажет помощи Франции, Карл V скоро станет «властелином мира». Правда, одна из

инициатив Луизы доставила проблемы другой даме.

Маргарита Австрийская приветствовала известия о победе при Павии государственной демонстрацией ликования: фейерверками, шествиями и благодарственными молебнами. Тем не менее ее беспокоило, что уязвимо расположенным Нидерландам может угрожать альянс между Францией и Англией. Соответственно она откликнулась, когда Луиза Савойская прислала в Нидерланды своего помощника, чтобы договориться о полугодовом перемирии. Однако Карл пришел в ярость, услышав, что Маргарита заключила перемирие для подвластных ей территорий, не дождавшись от него представления общего плана: «Не могу скрывать от вас, мадам, что я счел очень странным и весьма неприятным, что это было сделано без учета моих намерений и до получения от меня инструкций и полномочий», — написал он 15 августа. Его договор касательно приостановки военных действий следовало опубликовать немедленно, а ее соглашение рассматривать как «недействительное и аннулированное... потому что я твердо решил лишить его всякой силы и значения». Она по-прежнему его «дорогая мать и тетя», но тем не менее...

Вулси тоже раздосадовало, что Маргарита Австрийская заключила мир с Францией, не обсудив дела с ним. «Я никогда не думал, что после стольких сделанных мадам обещаний и заявлений она первая их нарушит, — сказал кардинал имперским посланникам. — Сложности и неопределенности сложившейся ситуации, которые, как говорят, заставили мадам предпринять этот шаг, не могут служить ему оправданием...»

Находившийся в плену Франциск, напротив, встретил документы, доставленные ему послом Маргариты Австрийской, с радостью и благодарностью. Он передал все вопросы сестре Маргарите Наваррской, которая отправилась в Мадрид на переговоры о мире и освобождении Франциска. Сам Франциск отказался вступать в переговоры, настаивая, что следует ждать прибытия его сестры. Это была благоприятная возможность для Маргариты, и она заявила, что «не пожалеет себя», чтобы помочь брату.

К этому моменту ее уже ничего не связывало. Супруг Маргариты Алансон, практически единственный из дворян, кто избежал гибели в

битве при Павии, на обратном пути во Францию был встречен улюлюканьем толпы; его обвиняли и в том, что он приказал отступать, когда в этом не было необходимости, и в том, что он бежал с поля боя. Маргарита писала, что он, «пленник своей свободы», теперь живет как «живой труп». Неизвестно, винила она его или нет (похоже, что ее мать считала Алансона виновным), но Маргарита ухаживала за мужем, когда он смертельно заболел, а после смерти супруга написала Франциску, что ее скорбь «заставила забыть все на свете». Однако три дня спустя Маргарита старательно восстанавливалась, чтобы не огорчать Луизу. «Мне будет хуже, видя, что я бесполезна для вас, – говорила она Франциску, – если буду доставлять беспокойство человеку, который так много делает для вас и вашего дела».

В июле она получила охранную грамоту для проезда по землям империи и снова написала Франциску (троица поддерживала быстрый обмен новостями и стихотворениями), что «страх смерти, попадания в тюрьму и любых других зол стал теперь таким привычным, что для меня это и есть свобода, жизнь, здоровье, слава и честь. Мне кажется, что через них могу разделить вашу судьбу, которую если б могла, то всю взяла бы на себя». Однако к моменту, когда она приготовилась отплыть в конце августа, волнение в Средиземном море стало таким сильным, что вся свита страдала морской болезнью. Сойдя на берег, она ехала по Испании в сопровождении почетного караула, посланного за ней императором. В дороге пришло известие, что Франциск серьезно заболел; новость заставила ее еще больше ускориться. В день Маргарита проезжала 10–12 лье, пока не пришлось оставить большинство ее слуг. «Я не могу избавиться от страха не успеть что-то доделать», – писала она.

Подъезжая к Мадриду, она отправила еще одно письмо товарищу Франциска Монморанси, что «никогда до сих пор не понимала до конца, что такое брат, и никогда не думала, что могу так сильно его любить!». Добравшись до места 19 сентября, она обнаружила, что доктора уже поставили на Франциске крест. Маргарита с ними не согласилась. Один из посланников Луизы Савойской в Мадриде описывал, как она «просила всех придворных короля и ее собственную свиту молиться Господу о его здоровье. Они все причастились и потом отстояли мессу в спальне короля... После мессы миледи герцогиня подала королю просвирку, чтобы он мог причаститься...».

Франциску удалось проглотить освященный кусочек, а Маргарита доела остальное. С этого времени лихорадка Франциска пошла на спад. (Вероятно, прорвался нарыв на голове.) Маргарита отправила гонца с приказом гнать лошадь, пока она не падет под ним, к матери, от которой до того времени скрывали болезнь Франциска. Луиза же написала Маргарите о своем «воскрешении»: мысль об опасности для жизни Франциска бросила ее в «страдания и смерть».

Усердный уход Маргариты (или ее молитвы), возможно, вернули Франциска к жизни, но ее переговоры о мире с императором в Толедо, ее дипломатические усилия были менее успешны. Карла V предупредили, что не следует принимать Маргариту лично: «Вы молоды, а она вдова и приходит... чтобы видеть и быть на виду». Карл предписал, что они двое встретятся «наедине в зале, а одна из моих фрейлин будет охранять дверь». Маргарита нашла императора «довольно холодным»; он оттолкнул ее, сказав, что ему придется проконсультироваться со своим советом. Дело пошло лучше с сестрой императора Элеонорой, она была одной из девочек, которых растила Маргарита Австрийская. Теперь овдовевшая королева Португалии вернулась жить при дворе своего брата. Дамы проговорили до глубокой ночи, но когда в последующие дни Маргарита попыталась использовать Элеонору в качестве канала связи, ничего не получилось: «они держат ее на коротком поводке».

Ни одно из предложений, которые Маргарита смогла сделать Карлу V, не оказалось приемлемым. Переговоры приостановили, и Маргарита проводила дни, посещая женские монастыри, чтобы помолиться и получить утешение. Следующая попытка переговоров, почти через месяц, снова провалилась. Камнем преткновения всегда становилось нежелание Франции возвращать Бургундию, а Карл ясно дал понять, что не намеревается освободить Франциска только за деньги. В начале декабря, когда срок перемирия почти истек, Маргарите пришлось уезжать во Францию без обещания освободить брата. Она практически с истеричной частотой посылала по несколько писем в день, чтобы удостовериться, что брат не хочет ее возврата к переговорам [*см. Комментарий к источникам*].

Она очень расстроилась, потерпев поражение в этой самой главной миссии своей жизни. Маргарита написала Монморанси, что «чем дальше я еду, тем печальнее становлюсь, понимая, что я не подхожу

для помощи тому, кто заслуживает помощи». Сама поездка была утомительной, строгие условия выданной ей охранной грамоты подразумевали, что «каждый день в течение месяца я садилась в седло в шесть часов утра и добиралась до цели уже ночью».

Именно Луиза Савойская приняла решение, что даже Бургундию (вместе с притязаниями Франциска на итальянские земли и другие приграничные территории) стоит отдать, чтобы освободить Франциска из начинавшего казаться вечным плена. Ранее имперский посол писал, что она – единственная, кто может проявить какую-то гибкость в этом вопросе, хотя Маргарита, отправляясь на север, тоже убеждала Франциска: «Пусть тебя не сдерживают земли и дети, потому что твое королевство нуждается в тебе». Мадридский договор, подписанный в первые недели 1526 года, предусматривал, что французский король будет немедленно освобожден, что он женится на сестре императора Элеоноре, а двое его старших сыновей, шести и восьми лет, отправятся к Карлу V в качестве заложников.

При встрече со своей будущей невестой Элеонорой Франциск вел себя во всех отношениях любезно, но он уже сделал тайное заявление, дезавуирующее все данные под давлением обещания. Он не собирался выполнять условия договора. Тем не менее 17 марта после скрупулезных переговоров две лодки направились друг к другу от берегов пограничной реки Бидасоа. На стоящей на якоре посередине реки барке лодки поменялись пассажирами: Франциск отправился в Байонну, где его ждали мать, сестра и министры, а два его маленьких сына – в Испанию, занять место своего отца в плену.

События в Европе неизбежно оказывали влияние на Англию и двух женщин, близких к Генриху VIII. Первой это ощутила Екатерина Арагонская. Сначала Генрих отреагировал на известия из Павии в начале 1525 года, конечно, радостно. Победа его союзника, по мнению Генриха, сулила исполнение его давней мечты – возрождения английской власти во Франции. Столь же счастливая Екатерина Арагонская написала племяннику о своей «великой радости и удовольствии», напоминая Карлу V, что ее супруг был, как она выразилась, его «постоянным и верным союзником», и убеждая, что «от продолжения такой дружбы и союзничества можно ожидать наилучших результатов». Однако ликование оказалось преждевременным.

Вместо этого вскоре выяснилось, что передел власти в Европе (с господством Габсбурга Карла над униженной Францией) означает, что Генрих лишился своей ценной, шаткой позиции хранителя баланса сил. Карл больше не нуждался в нем (более того, знал, что Генрих не пожертвовал ни солдат, ни денег на ту победу, от которой надеялся получить столько выгод). Летом того года Карл потребовал, чтобы Генрих либо отправил свою девятилетнюю дочь Марию в Испанию, где она познакомится с обычаями страны в порядке подготовки к свадьбе, либо освободил его от обязательств по контракту. Возраст Марии составлял часть проблемы, как подробно объяснил Карл. Не только он в свои 25 лет хотел стал отцом семейства, но и взрослая невеста являлась (учитывая склонность Габсбургов к регентам женского пола) наилучшим решением важной проблемы: кто станет регентом, чтобы править Испанией, пока он будет находиться в Италии?

«Искренняя, верная возлюбленная и подруга»

Англия, 1525–1527 гг.

Карл V теперь стремился жениться на своей кузине с хорошим приданым – двадцатидвухлетней Изабелле Португальской. «Если этот брак состоится, я смогу оставить правление здесь в руках принцессы», – писал он брату Фердинанду. Генриху Карл пояснил: «Мои подданные настойчиво просят меня жениться на принцессе, которая сможет занять мое место и править в мое отсутствие». Его свадьба с Изабеллой состоялась в марте следующего, 1526 года.

Генрих VIII, разумеется, никогда не собирался признавать силу этих аргументов. Его разочарование в альянсе с Габсбургами, которых представляла Екатерина, может объяснить последующие события. Если Мария уже не выйдет замуж за Карла, тогда будущее Англии больше не может оставаться в руках несостоявшегося зятя. В июне Генрих пожаловал своему внебрачному сыну (от Элизабет Блаунт) титул герцога Ричмондского; этот титул имел особое значение для династии Тюдоров, поскольку его носил молодой Генрих VII. Теперь также к формально назначенному генерал-лейтенантом Севера мальчику впредь в официальных документах следовало обращаться как к «благородному принцу Генри».

Екатерина Арагонская ясно выразила свое отношение к происходящему; при подстрекательстве, как доложил венецианский посол, трех своих испанских фрейлин. В итоге она лишь спровоцировала короля удалить их от двора: «крутая мера», признал венецианец, «но королева была вынуждена покориться и запастись терпением». Естественно, возникли предположения, что Генрих планирует сделать мальчика своим наследником, но о своих намерениях король не объявлял. Всего несколько недель спустя принцессу Марию отправили в Ладлоу в качестве номинального губернатора Уэльса. Ее двор был пышнее, чем у Ричмонда, и одет в ее ливрейные цвета – синий и зеленый. Отец отдал всем распоряжение относиться к девочке как к «принцессе по праву».

Управляя миниатюрным двором как маленькая королева, она должна была изучать латинский и французский языки «без утомительности и скуки», наслаждаться едой «правильной, хорошо приготовленной, украшенной и поданной с приятной, радостной и веселой беседой». Наверное, Екатерине в некотором смысле было грустно лишиться общества дочери. «Долгое отсутствие короля и тебя мучит меня», – писала Екатерина дочери, но она, конечно, и гордилась ее новым положением^[40].

Неясно, думал ли уже Генрих отказаться от Екатерины Арагонской, детородный возраст которой явно подошел к концу. Однако никому и в голову не приходило, насколько ужасающий и противоречивый поворот случится в супружеской жизни короля. Тем не менее, возможно, во время летних поездок 1525 года у Генриха возник интерес к Анне Болейн.

Летом 1525 года сестра Анны Мария Болейн забеременела; от своего супруга Уильяма Кэри или от Генриха VIII, теперь сказать невозможно. В любом случае беременность сделала Марию менее привлекательной для Генриха. Одна научная школа считает, что ее семья эффективно выдвинула в качестве альтернативы Анну – как новую пешку, которую можно ввести в игру, чтобы удержать внимание короля к Говардам/Болейнам. Истинная природа брачного танца, который скоро состоится между несколькими силами (династическая необходимость, страсти Генриха VIII, воля Анны Болейн и влияние новой веры), остается одной из наиболее обсуждаемых тем в английской истории. Точные факты и хронологию событий установить зачастую невозможно. Однако два момента, наверное, стоит отметить.

Во-первых, важным контекстом стали обстоятельства и общее направление европейских событий – в частности, то, что Генрих развернулся от испанцев к французам. Существовали широко распространенные опасения по поводу господства Карла V и особенно его огромного преимущества в Италии, где в мае 1526 года обеспокоенный папа римский Климент объединился в Священную лигу с Францией, Венецией, Флоренцией и Миланом (Англия оказывала Лиге молчаливую поддержку) против императора Священной Римской империи. Во-вторых, на личном уровне, изначально погоню Генриха за Анной, его попытку сделать ее своей фавориткой (в нескольких разных смыслах), можно рассматривать в

другом контексте как старую фантазию куртуазной любви^[41]. Она разыгрывалась в представлениях масок и на рыцарских турнирах, игра шла в стихах и спектаклях: жестокая недостижимая возлюбленная и страстный поклонник, который всегда должен повиноваться. Родившаяся при дворах Прованса и в Англии достигшая высшей точки во времена Алиеноры Аквитанской, она пережила позднее возрождение в XV веке под эгидой Бургундии. Построенная по образцу преданности человека Богу и службы феодального вассала своему сеньору, куртуазная любовь тем не менее могла допускать долю мужского насилия, во всяком случае, на этом позднем, более циничном этапе своего развития. Вот что лежало в основе поэзии Маргариты Австрийской и предостережениях Анны де Божё, которые она так ясно сформулировала в своей книге. Однако, к худу или к добру, именно в эту игру особенно любили играть при дворе Маргариты Австрийской. И Генрих VIII тоже увлекался всеми рыцарскими играми.

Возможно, поначалу в погоне Генриха Тюдора за Анной Болейн присутствовал элемент соревновательности. Анна, только что приехавшая с континента, представит собой поле сражения, на котором можно выступить не только против своих придворных, но и против французского короля: поле золотой парчи в единственном числе, можно сказать. (В последующие годы проблема, возможно, будет состоять именно в том, что она попытается поддерживать дух соперничества.) Так же и Франциск соперничал со своими близкими друзьями, такими как Бонниве.

В начале 1526 года Генрих начал прощупывать мнение по поводу своего брака, однако нет оснований предполагать, что это было непосредственно связано с заигрываниями, которые он, возможно, осуществлял в отношении Анны Болейн. На масленичных рыцарских поединках в феврале 1526 года Генрих выезжал под девизом «Заявляю, что не осмелюсь», который часто рассматривали как подход к Анне. Однако на последующем банкете в роли кавалера он ухаживал за Екатериной. Предполагалось, что многие королевы (в том числе мать Екатерины) терпимо относились к неверности супруга, пока он отдавал должное их положению на публике. «Вы должны быть [к вашему супругу] совершенно мягкой и покорной, чтобы не

провоцировать его безумств; Господь и мир ждет от вас именно этого», – писала Анна де Божё.

Генрих VIII начал писать Анне письма, по всей видимости, в том же году, но несколько позже^[42]. В первом послании король трижды описывает себя как верного слугу Анны, а ее – как «госпожу», в контролирующем скорее, чем в сексуальном смысле: далекая, недосыгаемая звезда, чье сопротивление только усиливает ее желанность.

Следующее письмо Генриха повторяет ту же тему: Анна явно не соглашалась признавать своим долгом служить королю. «Хотя джентльмену не свойственно брать свою возлюбленную на место слуги, тем не менее в соответствии с вашим желанием я охотно предоставляю вам это место...» Другое послание еще откровеннее. Приведенные в нем пространные и точно обоснованные доводы еще более поразительны, поскольку в обычных обстоятельствах Генрих вообще славился нежеланием писать:

Обсуждая с самим собой содержание вашего письма, я вогнал себя в состояние полного отчаяния, не зная, как понимать вас...
всем сердцем молю вас ясно подтвердить мне, что вы думаете о любви между нами двумя.

Он пишет, что «больше целого года охвачен любовью, не будучи уверен ни в безответности, ни в том, что нашел в вашем сердце место и сильную привязанность».

Это последний момент, говорит он, который не позволяет ему «назвать вас своей возлюбленной, поскольку, если ваша любовь ко мне не сильнее обычной привязанности, то это название никоим образом не имеет к вам отношения, потому что оно говорит об исключительной любви, много глубже обычной». Генрих явно начинал с попытки склонить Анну Болейн к отношениям, которые приняла бы Екатерина Арагонская и в какие с ним вступила Мария Болейн. Однако теперь, похоже, он корректировал свое предложение:

Если вы захотите занять место настоящей верной возлюбленной и друга, отдадите мне всю себя, телом и душой...
Я обещаю, что вы не только получите имя, но и станете моей

единственной возлюбленной, я откажусь от всех других мыслей и привязанностей, кроме вас, чтобы служить только вам.

Хотя двойной смысл слова «возлюбленная» сбивает с толку, похоже, Генрих подчеркивает едва различимую на современный взгляд, но важную разницу, предлагая Анне положение *maitresse en titre* (официальной фаворитки)^[43]. Возможно, это предложение было данью годам, проведенным Анной Болейн во Франции. Вопрос в том, почему она не приняла его предложение. Однако опыт Маргариты Наваррской и Маргариты Австрийской до нее говорил, что женщина не обязательно выходит победителем, вступив в *guerre d'amour* (любовное сражение). К тому же сестра Анны Мария тоже не получила особых выгод от расположения короля.

Мы, естественно, не можем иметь надежной информации по поводу того, когда их отношения стали интимными. Возможно, прошло семь лет воздержания, на котором, как традиционно считают, настаивала Анна. Однако следует допустить вероятность, что у них был секс в начале отношений (до того, как официальный брак и законнорожденные дети стали главной целью), а позже они от таких удовольствий отказывались; в этом случае инициатором ограничений (по крайней мере, это не исключено) мог выступать и Генрих. Ответ на вечный вопрос – как им это удавалось? – по всей видимости, может дать понимание того, что такое сексуальные отношения, или, скорее, как они трактовались в куртуазной любви.

Куртуазная любовь допускала широкое разнообразие того, что мы теперь назвали бы предварительными ласками, но которые можно признать альтернативой полноценному соитию. Наставление, написанное монахом для одной из дочерей Алиеноры Аквитанской, сообщает, что возлюбленный может получать удовольствие, обнимая свою даму нагой в постели, но им недоступно «завершающее утешение». На самом деле, учитывая распространение поздних браков (и очень ограниченные средства контрацепции) в Англии XVI столетия, похоже, такая практика выходила далеко за пределы придворных кругов.

Куртуазная любовь, по сути прелюбодеяние, никогда не предполагала последующего брака; она приносила экстаз, а не наследников. В конечном счете именно поэтому игра должна была бы

закончиться: она не могла дать Генриху всего, что он желал. И снова, мы не знаем точно, когда интерес короля к Анне изменил свой фокус; когда впервые появилась мысль о браке, но в течение 1526 года дела приняли серьезный поворот.

К декабрю того года Екатерину Арагонскую изолировали при дворе. Когда прибыл новый посол Карла V Иниго де Мендоса, ему не удалось увидеть Екатерину. В конце концов она дала ему знать, что обо всех встречах следует договариваться через Вулси, говорить в его присутствии и соблюдать предельную осмотрительность. Весной после первой встречи Мендосы с Екатериной он пришел к выводу, что поиски других возможностей лишь «дополнительно повредят репутации» испанской королевы.

Судя по всему, именно на Новый, 1527 год Анна Болейн послала Генриху VIII подарок, который он с радостью принял. «Изящные стихи», которые прилагались к подарку («слишком скромное смирение», по мнению жаждущего любви короля) давно утеряны, но суть послания все равно очевидна. Подарок, ювелирное изделие, некогда украшенное бриллиантом, представляет собой корабль, на котором дама плывет по бурному морю. Бриллиант олицетворяет сердце; твердое, но преданное, как трактуется в мифах куртуазной любви, а дама, конечно, сама Анна, даритель. Подразумевалось ли, что Генрих станет ее спасителем от жизненных бурь? Даже если имелась в виду другая женщина, законная жена короля, будет ли она отпущена плыть по воле волн?

В какой-то момент Анна, похоже, удалилась в Хивер. В одном из писем к ней Генрих сетует, что она «не хочет приехать ко двору ни с миледи, вашей матерью, ни другим способом, если он есть». Возможно, такова была тактика, стратегическое отступление со стороны Анны, поскольку Генрих уязвленно пишет, что его изумляет решение Анны, потому что он не чувствует за собой никакой вины. (Это заявление, вероятно, сложнее, чем кажется на первый взгляд: в куртуазной манере грешный влюбленный разделяет добродетель возлюбленной.) Именно незадолго до Пасхи 1527 года король сообщил Вулси, что испытывает серьезные «угрызения совести» по поводу своего брака.

Тем не менее принцессу Марию вернули из Ладлоу, чтобы представить в качестве подходящей невесты для одного из сыновей

короля Франциска. (Такой брак был еще менее желательным, как говорили, вследствие того факта, что мать французского короля «ужасная женщина».) Удивительно, но Анна Болейн участвовала в приеме представителей Франции, танцевала с королем, пока французский посол танцевал с Марией. Если этот шаг оскорблял чувства Екатерины Арагонской к Испании, то он также показывал, что Мария по-прежнему публично признается принцессой Англии. Однако в конце апреля состоялось подписание Вестминстерского договора, обозначившего союз Англии и Франции против племянника Екатерины.

В мае 1527 года Вулси (разумеется, по согласованию с королем) вызвал Генриха VIII в церковный суд, чтобы обсудить дела, влияющие на «спокойствие совести». Суд проходил в условиях строгой секретности в резиденции Вулси, но Екатерина все-таки имела о нем некоторые сведения. «Испанские дамы прекрасно шпионят», как однажды заметил Фрэнсис Брайан, родственник Анны Болейн. Уже на следующий день после первого заседания устроенного Вулси суда посол Карла V де Мендоса смог доложить об этом деле, добавив, что «хотя королева Екатерина сама не рискнула и не рискует говорить со мной по этому вопросу, все ее надежды, после Господа Бога, опираются на ваше Имперское величество». Королева поддерживала связь с де Мендосой через третью сторону, «которая делала вид, что не имеет к королеве никакого отношения, хотя я думаю, что человек приходил с ее дозволения».

Наметились два разных направления при обсуждении законности изначального брачного договора короля: богословское истолкование Библии и обоснованность разрешения, данного Генриху в начале века на брак с Екатериной. Это разрешение было так обставлено родителями невесты, Фердинандом и Изабеллой, вместе с Генрихом VII, что осталось несколько непоследовательностей.

В Левите Священное Писание гласит: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл брата своего, бездетны будут они», что означает, как легко убедили Генриха, что не будет наследника мужского пола. Хотя во Второзаконии, напротив, утверждается, что мужчина обязан жениться на вдове покойного брата («и восстановить имя брата своего»), подавляющая часть дискуссии сосредоточилась на вопросе, до какой степени Екатерина действительно была женой брата

Генриха; на том, консумировали ли она и Артур брачные отношения. Однако в любом случае маловероятно, что Екатерина была в восторге от предложения считать их брак кровосмесительным и поэтому проклятым. Незадолго до того, в 1525 году, ее племянница Екатерина вышла замуж за короля Португалии Жуана – чей отец Мануэль вступал в брак с одной из сестер Екатерины и двумя ее тетями.

Однако Генрих и Вулси, должно быть, действительно рассчитывали добиться от папы официального разрешения прекратить неудобный брак. Немного раньше, весной 1527 года, папа Климент в конце концов предоставил аннулирование брака Маргарите Тюдор, а муж ее сестры Марии, Чарльз Брэндон, получил даже два. Последовавшие события тем не менее застали их врасплох, причем самым драматичным образом. Судебную процедуру неожиданно прервали известия о том, что происходит в самой горячей точке Европы, в Италии.

Оказалось, что в результате войн Карла V в Италии Пиренейский полуостров наводнили не только испанские войска, но и неоплаченные немецкие наемники императора, а также рекруты французского изменника де Бурбона. Двигаясь на юг в Папское государство, 6 мая изголодавшиеся взбешенные солдаты ворвались в сам Рим и, заставив папу спастись бегством, совершали, по словам собственного испанского дипломата, «беспримерные злодеяния». Резня бушевала более десяти дней; предполагается, что погибло около 20 000 людей; 8000 только за один первый день. Насиловали монахинь, разграбили собор Святого Петра, а тела погибших кучами лежали на улицах.

Екатерина Арагонская была пророчески точна, говоря, что «все надежды» связаны с племянником Карлом V. После разграбления Рима император держал судьбу папы в своих руках. Как можно было ожидать, что папа римский решит дело не в пользу Екатерины, тети императора Священной Римской империи?

Вынужденный действовать по собственной инициативе Генрих VIII 22 июня в итоге встретился лицом к лицу с Екатериной и сказал ей, что хочет официального развода. Сначала Екатерина бросилась в слезы, а затем стала решительно отрицать, что ее брак с Артуром был завершен. Этот аспект (скорее физический, чем правовой) останется краеугольным камнем ее защиты. Если история Анны Болейн стала теперь открыто политической, то тело Екатерины превратилось в поле сражения. Вулси послал распоряжения, чтобы его представители

доложили папе о том, что «несмотря на все лекарства, у королевы серьезные проблемы со здоровьем, по этой причине, а также по другим король больше никогда не будет жить с ней как с женой».

Летом 1527 года Генрих VIII и Анна Болейн договорились пожениться, что ясно по условиям, на которых в сентябре запросили у папы разрешения на развод. Генрих просил разрешения, чтобы «жениться на женщине, с сестрой которой он уже имел половые сношения» (по-видимому, сестра Анны Мария) и «с которой сам вступал в физическую близость». Вторая оговорка ставит вопрос, действительно ли Анна охраняла свою девственность так неукоснительно, как обычно предполагают, или на первом этапе она с Генрихом консультировала отношения и отказалась от близости, только когда встал вопрос о браке и законнорожденности детей, которых она может понести.

В сентябре, когда Вулси возвратился из деловой поездки за границу, Анна фактически вызвала его на встречу с королем – это был знак того, как центр власти смещается. В октябре Генрих обратился за мнением по поводу того самого фрагмента в Левите к Томасу Мору, который быстро возвышался как политик и руководитель, вызывая уважение своими моральными принципами и острым умом в области юриспруденции. В ноябре король пригласил нескольких ученых в Хэмптон-Корт.

Вулси настаивал, чтобы папа помог Генриху, и Климента склонили выпустить несколько необычный документ: разрешение Генриху жениться на Анне, если его брак с Екатериной закончится, без указания того, каким образом можно достичь этой цели. В феврале 1528 года в Рим отправили новых послов. Они получили указание по пути заехать к Анне, которая удалилась в Хивер.

За последние два года произошли большие изменения в положении Екатерины Арагонской и Анны Болейн. К Анне теперь относились как к будущей невесте короля. Однако существовала одна опасность.

Новые правила шахматной игры предусматривали, что простая пешка, дошедшая до последней линии противника, сама может стать королевой и получить все возможности, которые дает этот статус. Однако полвека назад в каталонской поэме *Scachs d'Amor* («Шахматы любви») была сделана существенная оговорка. Пешку нельзя «сделать королевой», пока не взята сама королева: не может быть двух белых

или двух черных королей одновременно^[44].

В Англии началась новая стадия этой истории. Однако в последние годы 1520-х наступил поворотный момент для всех. Некоторые актеры сойдут со сцены, пока другие, стоя в кулисах, ожидали начала следующего акта пьесы.

В Шотландии две попытки выволить юного Якова V из рук его отчима в 1526 году провалились, но в июне 1528 года Яков бежал. Красочные рассказы превратили его побег в легенду: мальчик-король поит своих охранников допьяна, одевается в одежду конюха и скачет в Стерлинг, где ждет его мать и готовится поднять разводной мост, когда он окажется в замке. Ангусу и его отрядам запрещают приближаться к королевской персоне, и в 16 лет Яков начнет реально править.

Он был моложе, чем Франциск I, когда тот унаследовал Францию, но Маргарита Тюдор была не ровня Луизе Савойской. 3 марта того года Маргарита вышла замуж за своего молодого возлюбленного Генри Стюарта. Яков произвел его в лорды Метвен «за большую любовь, которую он питает к моей драгоценной матери». Брат Маргариты Генрих VIII, напротив, продолжит (с полным пренебрежением к пословице о соринке в чужом глазу) называть Маргариту «позором и бесчестьем для всей семьи».

Новые фигуры на исторической доске

Шотландия, Нидерланды, Венгрия, Италия, Франция, 1526–1528 гг.

Яков V благословил свою мать. В чем он отказал ей, так это во власти. Несмотря на то что третье замужество Маргариты окажется самым несчастливым, она будет иметь относительно небольшое политическое влияние в ближайшие годы. С конца 1520-х годов Маргарита Тюдор станет заниматься в основном личной, а не политической жизнью.

Тем не менее каждая значительная европейская династия начала выставлять на доску новые фигуры. В 1526 году Карл V женился на своей кузине Изабелле Португальской. В том же году его овдовевшая сестра Элеонора, еще одна из племянниц Маргариты Австрийской, обручилась с Франциском, пока он находился в плену, хотя свадьба состоялась не сразу. Кроме того, 1526 год принес важные перемены для других родственников Карла V, к тому же появились признаки, что система европейской власти вскоре будет меняться под давлением новой угрозы.

Мария Австрийская была пятым ребенком Филиппа Бургундского и его испанской жены Хуаны. Еще в колыбели она была помолвлена с Людовиком Ягеллоном, старшим сыном венгерского короля. Поначалу Мария росла при дворе Маргариты Австрийской в Мехелене, а в возрасте около десяти лет ее отправили ко двору деда Максимилиана в Вене. Там она жила вместе с дочерью венгерского короля, которую саму помолвили с братом Марии Фердинандом. Двойной союз планировался, чтобы обеспечить интересы Габсбургов в обширных королевствах Венгрии и Богемии, которые приобрели особое значение, поскольку являлись европейской границей с турками.

В 1521 году Мария поехала в Венгрию в качестве королевы, и в течение трех лет девушка приобрела значительное влияние, встав во главе одной из крупных политических фракций. Однако Венгрия представляла собой беспокойное королевство. Венгерская знать постоянно находилась в состоянии войны друг с другом, со своим

крестьянством и с Османской империей во главе с великим султаном Сулейманом. В 1526 году Сулейман прорвал венгерскую границу. В битве при Мохаче в конце августа венгерская армия была разгромлена, погиб и супруг Марии.

Мария срочно послала за своим братом Фердинандом (который имел права на Венгрию через свою жену), но вместо того чтобы ехать к ней на помощь, он назначил Марию своим регентом в Венгрии^[45]. Мария сохранила трон для Фердинанда, организовав избрание его королем Венгрии вопреки всем соперникам. К тому времени, когда он годом позже приехал, Мария, однако, уже просила разрешить ей отказаться от регентства и получила отказ. Такое отсутствие интереса к власти будет характерно для нее несколько последующих десятилетий, в течение которых угроза со стороны турок постоянно нарастала.

Другая племянница Маргариты Австрийской, Изабелла, тоже была несчастлива в браке. Выйдя замуж за Кристиана Датского, Изабелла приехала в страну и обнаружила, что каждое место, которое она могла надеяться занять, уже занято любовницей Кристиана голландского происхождения и ее матерью. Кроме того, король Кристиан («Кристиан Тиран», как его называли в Швеции, которой он тоже правил короткое время) не относился к людям, умеющим заводить друзей, что было необходимо для успеха в выборных монархиях Дании и Норвегии. В январе 1523 года Кристиан сверг его дядя Фредерик. Изабеллу и детей, которых она ему родила, забрали обратно в лоно ее родной семьи. В 1531 году Кристиан попытался вернуть себе престол, но был схвачен и в итоге закончил жизнь в заточении.

Сама Изабелла умерла в 1526 году, и Маргарита Австрийская решила вырастить дочерей Изабеллы, своих внучатых племянниц Доротею и Крестину. Маргарита заняла твердую линию в отношении неверного супруга Изабеллы, отказываясь даже передавать письма Кристиана Карлу, от которого тот надеялся получить войска, чтобы вернуть свои королевства. В том же году также начались переговоры о браке еще одного ребенка, который воспитывался у Маргариты Австрийской, того, чье будущее будет связано с Нидерландами. Незаконнорожденное дитя юношеской связи Карла V с фламандской служанкой, Маргарита Пармская была признана отцом и в 1527 году помолвлена с племянником (или, что более вероятно, незаконным

сыном) папы римского Алессандро де Медичи.

Подъем флорентийской семьи банкиров Медичи начался в конце XIV века и набрал темп при Козимо де Медичи в XV столетии. Их финансовая поддержка искусства стала причиной расцвета флорентийского Ренессанса, но стремление к династической власти возмущало старинные аристократические семейства. В начале XVI века Медичи изгнали из Флоренции, но в 1512 году они снова взяли власть, а избрание одного из Медичи на папский престол под именем Льва X в следующем году еще более возвысило семью. Теперь другой Медичи сел на святейший престол под именем Климента VII.

Однако когда весной 1527 года имперские войска разграбили Рим и взяли в плен папу Климента, в военные действия по необходимости вовлеклась вся папская семья Медичи. В разгуле насилия (стул, брошенный из окна дворца, сломал руку статуи Давида работы Микеланджело, которую недавно установили перед палаццо Веккьо) Флорентийская республика сбросила ярмо семейства Медичи. Однако один представитель семьи оставался в городе: восьмилетняя Екатерина Медичи.

Ее отец Лоренцо де Медичи, герцог Урбино, племянник папы римского, умер через несколько недель после рождения Екатерины; ее мать-француженка скончалась от послеродового сепсиса. В краткий период, когда родители были с ней, они, по словам одного современника, «радовались, как будто она родилась мальчиком». Тем не менее начало жизни малышки было нелегким даже по стандартам того времени. Однако теперь Екатерина воспитывалась под покровительством своей грозной тети Кларис Строцци, о которой папа Лев X сказал, что было бы «прекрасно для семьи, если бы Кларис была мужчиной».

Когда в мае 1527 года Флоренция выступила против семейства Медичи, большинство родственников Екатерины мужского пола бежали, а ребенка оставили в качестве заложника ее семейства. Для безопасности девочку поместили в женский монастырь Санта-Лючия, но это заведение было не в ладах с семейством Медичи. В конце года, во время эпидемии чумы, ее перевезли (под вуалью и глубокой ночью, чтобы избежать агрессии со стороны флорентийцев) в более благожелательный к ней монастырь Мурате. И все же европейская

политика превратила Италию в поле боя, поэтому Флоренция оставалась опасной территорией для маленькой Екатерины.

Во Франции – стране, с которой Екатерина Медичи будет так тесно связана, – тоже на подходе было новое поколение. В конце 1526 года Франциск I попросил свою сестру Маргариту помочь ему, согласившись на брак с Генрихом д'Альбре, королем Наварры, небольшого, но стратегически важного соседнего королевства, значительную часть которого аннексировала Испания в 1512 году^[46]. Меры предосторожности, предпринятые для ее безопасности, были исключительными. В брачном договоре предусматривалось, что она будет иметь общий с супругом контроль над всеми территориями, которые может пожаловать ему Франциск; что она сохранит власть над всеми землями, которыми уже владеет и может получить от Генриха; а в случае смерти супруга станет единственным опекуном своих детей без участия мужчин, доставивших столько бед Луизе Савойской. Маргарита согласилась на брак с приятным молодым человеком на девять лет ее моложе, и он оказался счастливым. Осенью 1527 года они отправились на юг посетить его королевство, и хотя Маргарита чувствовала себя одиноко вдали от французского двора, она написала с традиционно осторожным оптимизмом, что ее супружеская жизнь идет так хорошо «до сего времени... что я саму себя поздравляю с этим».

Возможно, отъезд из Парижа пошел ей на пользу. После освобождения Франциска из плена Габсбургов Маргарита пользовалась самым горячим расположением короля: она была его союзницей в продолжающихся международных переговорах, в ходе которых он стремился обсудить собственный выход из подписанного с Карлом соглашения. Однако за месяцы, проведенные Франциском в Испании, традиционалисты укрепили свое влияние в религиозных делах страны. Правда, возвратившись, Франциск снова предпринял шаги по защите реформаторов (Маргарита писала, обещая поддерживать их дело), однако консерваторы легко не сдавались.

Примером затруднений являлись преследования Луи де Беркена, ученого-гуманиста, которого Маргарита Наваррская ценила «как себя саму». Когда Франциск находился в плену, Беркена во второй раз арестовали и обвинили в приверженности ереси, за что полагалась смертная казнь. По возвращении короля его помиловали только

благодаря вмешательству Маргариты. Тем не менее она по-прежнему активно поощряла печатание книг – переводов Библии на национальный язык, что осуждали церковные власти.

Весну и лето 1528 года Маргарита провела при дворе, уже беременная после «бесплодных» лет первого замужества. Она написала Франциску, что впервые почувствовала шевеление ребенка, читая его письмо, и «теперь я засыпаю довольная и, просыпаясь, чувствую себя так хорошо, что всем сердцем прославляю того, кто не забыл нас». Однако с приближением родов Маргарита откровенно писала брату о своих тревогах: «страданиях, которых я боюсь не меньше, чем желаю их». Она очень хотела, чтобы он присутствовал при рождении ребенка.

Начавшиеся роды действительно были долгими и трудными, но 16 ноября Маргарита (как сама всегда предполагала) родила дочь. Эта малышка, Жанна д'Альбре, являлась предполагаемой наследницей своего отца, поскольку в Наварре, в отличие от Франции, не действовал Салический закон. Генрих сам унаследовал Наварру от своей матери Екатерины де Фуа, хотя вступление Екатерины на престол в 1483 году оспаривал ее дядя, утверждавший, что Салический закон следует применять в Наварре так же, как во Франции. За его притязаниями последовал продолжительный период гражданской войны.

«В заключение, дочь моя, – писала Анна де Божё, – как хороший совет и общее правило, постарайся, чтобы все твои мечты, занятия, потребности и желания были во Христе и во имя Его, ожидай Божьей благодати и праведной воли Божией в великом смирении сердца». Однако она писала эти слова во времена, когда пожелания Господа не казались предметом для тех сомнений, с какими столкнулись ее читатели в первые десятилетия XVI века.

Религиозный раскол становился все острее. Во Франции 1 июня 1528 года, когда Маргарита была погружена в свою беременность, экстремистские реформисты повредили общественную статую Богородицы с младенцем; акт вандализма вызвал всеобщее возмущение. Когда в такой обстановке через несколько месяцев возобновился суд над Луи де Беркеном, Маргарита написала брату в защиту «бедного Беркена». Однако ученого приговорили к пожизненному заключению и прокалыванию языка. Беркен сделал

ошибку, обратившись с апелляцией в Парижский парламент. Парламентарии приняли решение его казнить. Поскольку Франциск в тот момент находился в отъезде, руки Маргариты были связаны. Беркена заживо сожгли вместе с его книгами. Маргарита оставалась благонравной католичкой, хотя и реформистского толка. Несмотря на то что некоторые люди из круга католиков-реформистов в Мо, которых она поддерживала, присоединились к новой вере, другие осуждали Лютера еще в начале десятилетия. Однако занимать умеренную позицию становилось сложнее.

В Нидерландах Маргарита Австрийская тоже подавляла лютеранство, запрещая собираться группами для изучения Библии, что, по ее мнению, отдаляло народ от «почитания священных обрядов, благоговения по отношению к Божьей Матери и святым». В начале десятилетия она выпроводила главного инквизитора Нидерландов, которого считала слишком жестоким и властным, но в 1525 году были назначены новые инквизиторы с еще более обширными полномочиями. В следующем, 1526 году ее посол получил указание сказать Карлу, что его тетя «проявляет огромное рвение» в попытках уничтожить лютеран.

Религиозный раскол в христианском мире, по всей вероятности, подтолкнул правителей Европы к прекращению их большой игры в междоусобные войны, которые истощили все страны и казну каждой страны. К той же цели, причем еще более решительно, сподвигала постоянно нарастающая угроза извне: исламская Османская империя на восточной границе Европы.

В начале 1528 года Вулси убеждал Маргариту Австрийскую использовать свое влияние для установления всеобщего мира. Тем не менее первые шаги, наверное, были предприняты другими. В октябре государственный секретарь Маргариты, находясь в Париже, был вызван к Луизе Савойской, которая сказала ему о своем большом стремлении к миру и поручила сообщить об этом Маргарите. Луиза также отправила в Мехелен собственного секретаря Байярта.

Маргарита Австрийская набивала себе цену; возможно, из реального отсутствия интереса (военные дела ее племянника Карла V шли лучше, чем у сына Луизы Савойской), а может быть, просто потому, что была хорошим тактиком, ставя Луизу в положение просителя.

Сомневающимся тоном она сказала английскому послу при своем дворе, что, «учитывая гневную переписку государей между собой, она считает маловероятным, что дело удастся скоро умиротворить».

Двумя днями позже, когда французский эmissар снова пришел к Маргарите, она лишь допустила, что если по какой-либо причине она изменит свое мнение, Луизе потребуется представить очень веские причины, почему императору следует выслушать ее. Через пять недель Байарт вернулся в Мехелен с четкими планами от Луизы и предложением им с Маргаритой провести личную встречу.

Переговоры топтались на месте. Первое (и второе) предложение Луизы Савойской об условиях мирного договора совет Маргариты Австрийской посчитал «каверзным и неоднозначным»; изменения, внесенные Луизой в отредактированный вариант, нидерландские послы решительно отвергли. Даже когда между двумя дамами, или их переговорщиками, был достигнут компромисс, Луизе пришлось приложить усилия, чтобы объяснить присутствие голландцев в Париже своему сыну, с которым она пока не обсуждала этого дела, а послам, которые с трудностями пробирались в Испанию, только предстояло убедить Карла.

Однако Карл, наверное неожиданно, предоставил своей тете неограниченные полномочия. Мирный договор (по крайней мере, так называемый «Дамский мир») явно был идеей, для которой пришло время.

В течение важнейшего 1529 года на небольшой сцене, включавшей в себя обе стороны Ла-Манша, одновременно разыгрывались две драмы. Поразительно, но в центре событий и там, и там находились женщины. В континентальной Европе две дамы сошлись в поисках мирного урегулирования, а в Англии две другие столкнулись в личном противостоянии.

3 января 1529 года Маргарита Австрийская написала письмо своему главному камергеру, особо развернув мысль о том, что мирный договор между ее племянником, императором Карлом V, и Францией получит больше шансов на заключение, если его будут обсуждать дамы. Ни один из двух государей, ни Карл V, ни Франциск I, писала она, не может рисковать своей честью, первым начиная разговор о восстановлении мира. Однако «с другой стороны, дамам так легко... согласованно действовать в попытках предотвратить общее

разрушение христианского мира и сделать первый шаг в таком предприятии!». Не кто иной, как авторитетная Кристина де Пизан, утверждала, что переговоры о мире – женская сфера деятельности.

«Дамы прекрасно могут выступить вперед»

Нидерланды, Англия, январь – июнь 1529 г.

Правители-мужчины могут опасаться поступиться честью, если выкажут чрезмерную готовность забыть о причинах войны, писала Маргарита, «а дамы прекрасно могут выступить вперед и принять меры, отбросив личную ненависть и жажду мести ради более благородного принципа благополучия народов». Кроме того, королю Франции и императору пришлось бы отвечать перед своими друзьями и союзниками (прежде всего перед Англией) за все, о чем бы они ни договорились, а позволив родственницам выполнить за них эту работу, они «снимут с себя всякую ответственность».

Выражение Маргариты Австрийской – «общее разрушение христианского мира», пожалуй, здесь занимает определяющее место: оттоманская угроза оказывала огромное влияние на умы всех и каждого. Действительно, когда позже весной снова начались боевые действия, турецкое наступление в Европу усилило необходимость этого мероприятия. Той весной Маргарита старалась вовлечь в дело всех. 15 мая она сказала потенциально недоверчивому Генриху VIII, что Луиза Савойская часто призывает ее к переговорам о мире, и Маргарита поняла, что у нее нет выбора, и придется выслушать Луизу. Она «не сомневается», что король Генрих будет рад услышать такие новости. 26 мая она написала тайнописью племяннику, что встреча с Луизой Французской согласована, но важно держать Англию в спокойствии.

В постскрипуме на следующий день она добавила, что от Екатерины Арагонской только что прибыл курьер с известием, что Генрих продвигается вперед с судебным разбирательством дела о разводе, и Екатерине срочно требуется, чтобы Маргарита прислала своих юристов. На этом этапе явная поддержка Екатерины вполне могла бы помешать дипломатическим усилиям Маргариты, тем не менее она попросила дать консультацию в интересах Екатерины. 26 мая она написала Карлу V, что «посылает в Малин [Мехелен], чтобы узнать точку зрения опытных адвокатов на этот счет... бедная королева

очень растеряна, и никто в Англии не осмеливается братья за ее защиту против воли короля».

Однако история «Дамского мира» перебивалась историями двух других женщин в Англии.

В 1528 году в Англии ужасная потливая горячка чуть не положила конец перипетиям личной жизни Генриха VIII. В середине июня заболела одна из фрейлин Анны Болейн, и Генрих, всегда боявшийся болезней, поспешно отправил Анну в Хивер, написав ей, что сомнения по поводу ее здоровья его «очень волнуют и пугают». Он закончил письмо словами «хотел бы держать тебя в руках, чтобы немного рассеять твои неразумные мысли», которые проливают свет на их взаимоотношения. Через пару дней Генрих узнал, что Анна все-таки заболела. «Самое мучительное известие, какое только могло прийти», – написал он теперь, добавив со столь же откровенной ясностью, что с радостью взял бы на себя «половину» ее болезни, лишь бы она выздоровела.

Однако уже в июле выздоровевшая Анна возвратилась ко двору, и вопрос по поводу планов Генриха на ее счет по-прежнему лежал на столе папы римского. Успех французов в Италии мог бы освободить папу от необходимости угождать императору, но в июне 1528 года Карл начал одерживать победы, и с этого момента страх папства перед армиями Карла в Италии будет определять решение вопроса о разводе Генриха. Тем не менее папа назначил своего представителя для изучения законности брака английского короля. Это был кардинал Кампеджио, в октябре 1528 года он прибыл в Англию.

Кампеджио отправился к Екатерине Арагонской и посоветовал ей удалиться в монастырь, рассчитывая на ее «благоразумие», и привел «пример королевы во Франции, которая поступила именно так и по-прежнему почитаема Господом и ее королевством»: речь шла о Жанне, первой жене Людовика. Это позволило бы Генриху, при некоторых подтасовках, снова вступить в брак, поскольку Екатерину можно было бы рассматривать как мертвую для мира, причем без последствий для законнорожденности ее дочери^[47]. Однако Екатерина не потерпела такого отношения.

На следующий день она пришла к Генриху и потребовала, как и раньше, «беспристрастного» юридического (то есть независимого, не

английского) рассмотрения дела. Через день она снова встретилась с Кампеджио. Полностью поглощенная последними событиями, она заявила, что «по совести говоря» ее брак со старшим братом Генриха принцем Артуром оставил ее такой же «нетронутой и неповрежденной, какой она была в тот день, когда покинула лоно матери», и пусть ее разорвут «на кусочки», но она не откажется от намерения «жить и умереть замужней женщиной». Кампеджио в итоге смог лишь кратко доложить, что он больше «ничего не придумал» сказать.

К тому же у Екатерины Арагонской была в запасе одна находка. Среди бумаг покойного испанского посланника де Пуэбла обнаружили копию документа, который папа отправил матери Екатерины Изабелле, когда она уже лежала на смертном одре. Папа написал, что Екатерина вольна выходить замуж за Генриха, независимо от того, вступала она в интимные отношения с Артуром или нет. Документ подтверждает, объявил теперешний посланник Карла V, «полное право королевы».

На рождественских празднествах, пока Генрих и Екатерина на публике демонстрировали гармонию отношений, Анна Болейн располагалась неподалеку. Как сформулировал Кампеджио, «король более чем когда-либо настаивает на желании жениться на этой даме [Анне], целуя ее и обращаясь с ней, как будто она его супруга».

Дело приближалось к решающему моменту. В конце апреля 1529 года послы Карла в Риме представили папе официальное прошение, чтобы дело рассматривалось в Риме, поскольку Екатерина Арагонская в Англии «никогда не добьется справедливости». Однако 31 мая королю и королеве выслали подписанные Кампеджио судебные повестки явиться на слушания в Блэкфрайерсе.

14 июня Генрих и Екатерина с готовностью выехали в городок Гринвич, в нескольких милях ниже по течению реки Темзы. Однако через два дня Екатерина подала свою апелляцию в Рим, которая, по существу, являлась упреждающей жалобой, написанной в ее апартаментах в присутствии двух нотариусов. Как доложил Мендоса, она знала, что «этим действием вместо умиротворения супруга она только усилит его недовольство ею». Однако королева считала, что у нее не осталось другого выбора.

Королевскую чету вызвали на первое официальное выступление в легатском суде в Блэкфрайерсе, лично или по доверенности, в пятницу

18 июня. Генрих VIII послал своих доверенных лиц, а Екатерина застала всех врасплох, появившись в окружении советников, четырех епископов и толпы своих фрейлин. «С печалью и большой серьезностью» она зачитала свое обращение в Рим, написанное два дня назад. Королеве сказали, что ответ на ее обращение против юрисдикции английского суда дадут в понедельник 21 июня.

Екатерина Арагонская не всегда прибегала к театральности, но когда наступил понедельник, она знала, как сыграть эту сцену. Сам Генрих говорил коротко, потом выступил Вулси, заявив, что он и Кампеджио будут рассматривать дело по существу, несмотря на все благодеяния, оказанные ему королем. Затем Кампеджио официально отверг поданный Екатериной протест, и тогда судебный глашатай объявил: «В суд вызывается Екатерина, королева Англии!»

Впоследствии авторы (во время правления дочери Екатерины Марии) любили изображать королеву Екатерину как Терпеливую Гризельду, бесконечно страдающую *mater dolorosa* (скорбящую Богоматерь). Однако она прибегла к средствам изображения супружеской покорности. Отступив от холодной формальности судебного процесса, королева поднялась со своего места, пересекла зал и опустилась на колени перед стопами супруга. «Сэр, заклинаю вас ради всей любви, которая была между нами, и ради любви Божией, позвольте мне получить правосудие». Свидетели отмечали, что после стольких лет, прожитых в стране, она по-прежнему говорила на ломаном английском; но содержание ее речи, как вспоминал бывший камергер и биограф Вулси Джордж Кавендиш, было убедительно:

Проявите ко мне долю жалости и сострадания, потому что я бедная женщина и чужестранка, рожденная за пределами ваших владений. У меня нет здесь надежных друзей и, тем более, нет беспристрастного суда.

Увы! Сэр, чем я вас обидела, чем заслужила ваше неудовольствие? Я была вам верной, смиренной и покорной супругой, всегда согласной вашей воле и желанию... Я никогда не выражала недовольства словами или поведением, не показывала лицом и чувствами никакого несогласия.

Она родила королю «несколько детей, хотя Богу было угодно призвать их из этого мира». Затем наступил решающий момент:

Когда вы в первый раз овладели мной, Бог мне судья, я была истинной девственницей, не тронутой ни одним мужчиной. Подтвердить это или опровергнуть я оставляю на вашей совести.

Если есть какое-либо заслуженное обвинение по закону, которое вы можете выдвинуть против меня, в непорядочности или другом недостатке, чтобы прогнать и отделить меня от себя, то я согласна удалиться, к своему огромному стыду и бесчестью. Однако если такого обвинения нет, тогда здесь я смиреннейше молю вас, позвольте мне оставаться в моем прежнем положении.

Она вспомнила прежних королей – отца Генриха и своего отца, – которые устроили этот брак. Она горько отметила «новые веяния» при дворе. Она попросила у Генриха разрешения написать в Рим, и тут застигнутый врасплох Генрих не смог отказать. Тогда она поднялась с колен, с которых Генрих дважды пытался ее поднять, сделала глубокий реверанс и вместо того, чтобы пройти на свое место, двинулась к выходу.

Судебный глашатай снова вызвал в суд «Екатерину, королеву Англии», но она не остановилась: «Этот суд не беспристрастен ко мне, поэтому я не останусь». Хотя судебное разбирательство продолжилось, и пожилые свидетели описывали, что (по их мнению) произошло или не произошло на брачном ложе Екатерины и Артура столько лет назад, процесс уже не вернулся к прежнему течению.

Простые люди в Англии были на стороне Екатерины, особенно женщины. За пределами двора французский посланник отметил: «Если бы дело решали женщины, то король проиграл бы это сражение, потому что они не боялись поддержать королеву криками, когда она входила и когда покидала зал суда». Однако Екатерина Арагонская искала поддержки в другом месте.

Она просила, чтобы ее дело рассматривали в Риме. Документы защиты спешно привезли в Брюссель, откуда Мендоса отправил их нарочным в Ватикан. Когда из смятенного и сопротивляющегося папы выжали согласие на прошение Екатерины, копии папского решения

выслали обратно во Фландрию, некоторые для принятия там, а остальные для Маргариты Австрийской, чтобы она передала их Екатерине.

На одной из встреч с Вулси и Кампеджио Екатерина предупредила, что королю и его министрам следует принимать во внимание репутацию «ее страны и родственников». Это была декларация кровного наследия Екатерины Арагонской; силу духа она, по всей видимости, унаследовала от своей матери Изабеллы.

«Помни, в каком бы великом союзе ты ни оказалась, ты никогда не должна из какой-то глупой гордыни забывать о ценности собственных предков, к которым ты восходишь, – не ценить их было бы неправильно и неразумно», – говорила Анна де Божё. Летом 1529 года женщины были настроены отстаивать свои права в высшей степени решительно.

5 июня, когда Екатерина Арагонская готовила свое дело к рассмотрению, посол Маргариты Австрийской в Англии доложил, что Вулси попросил его «сказать под честное слово, действительно ли он считает, что две герцогини серьезны» в своих мирных намерениях. Посол заявил, «что может отвечать только за одну из них; что же касается другой, то время покажет». Встречу Маргариты Австрийской с Луизой Савойской назначили на июль в приграничном городке Камбре. Вся Европа следила за этим событием. Мендоса писал Карлу V: «Некоторые полагают, что встреча двух дам ни к чему не приведет», но по его скромному мнению, «она не может нанести вреда, даже если дела не сразу пойдут на лад».

С приближением встречи в Камбре волна сообщений об определенных этапах подготовки к поездке обеих дам напоминала закулисную работу современных саммитов. Луиза Савойская объявила о своем намерении привезти с собой канцлера и двух фрейлин, но никого из французских вельмож. Как она сказала послу Маргариты Австрийской, «вы можете изложить сестре [Маргарите] мои планы и сказать, что мы можем получать известия друг о друге ежедневно. Также смело напишите ей, что мы непременно должны отстаивать свое мнение и дискутировать, но я искренне надеюсь, что это будет происходить без раздражения и враждебности».

Маргариту Австрийскую предостерегали от поездки в Камбре из опасений, что король Франциск захватит ее в плен, но она ответила: «Если кто-либо из советников или придворных боится, они могут ехать домой». В ответ на советы взять с собой, по крайней мере, значительную охрану, она сказала, что «если она включит в свою свиту хотя бы одного вооруженного человека, люди могут вообразить, что я собираюсь в военную экспедицию, а не на мирные переговоры...».

Макиавелли говорил, что война имеет первостепенное значение для государя, но это, конечно, неподходящий и даже вредный совет для дам, которые не могут вести свои армии в бой. Однако он также подчеркивал важность презентации дела; и в этом они, без сомнения, превосходили мужчин.

«Дамский мир»

Камбре, Англия, июль – декабрь 1529 г.

«Дамы, – писал Кастильоне в своей книге «Придворный», – часто исправляют многие ошибки мужчин». Это было невысказанной мыслью в переписке Маргариты Австрийской и Луизы Савойской, и таков был дух, с которым они отправились в Камбре. В понедельник 5 июля Маргарита Австрийская приехала первой. Ее доставили в резиденцию в аббатстве Сен-Обер в великолепном паланкине в окружении 24 одетых в черное конных лучников. Через два часа прибыла Луиза Савойская вместе с дочерью Маргаритой. Венецианский посол доложил домой: Луиза появилась «одетая в роскошный черный бархат на четырех дамских носилках с дочерью, королевой Наварры, и фрейлинами верхом на лошадях. Лорд-канцлер шествовал впереди, а послы следовали за ней...».

Луиза Савойская, как оказалось, провезла через всю Францию несколько ведущих членов совета своего сына, да и, более того, самого сына – французского короля, хотя он остановился на некотором отдалении и проводил время на охоте. Возможно, она чувствовала себя не столь уверенно на дипломатическом поприще, как Маргарита Австрийская (ее племянник Карл находился далеко от этих мест).

Луиза также взяла с собой своих священников и художника, певчих, хранителей мехов и столового серебра. Хронист описывает «триумфальное» зрелище процессии священнослужителей и придворных дам: «она растянулась от нашего Дома на полдороги до Сен-Пола, позади двигались великолепно запряженные пони и мулы». Городок, изо всех сил старавшийся накормить и расселить всех этих людей, установил правила для огромных роскошных свит: не носить с собой оружия, а военным соблюдать комендантский час.

Луизу с Маргаритой сначала доставили к Маргарите Австрийской. Они провели вместе два часа, прежде чем отправиться в свою резиденцию в отеле «Сен-Пол», находившемся напротив. Должно быть, Маргарита и Луиза были взволнованы, встретившись после

стольких лет. Маргарите Наваррской отводилась официальная роль заложницы для имперской стороны, чтобы гарантировать безопасность Маргариты Австрийской. Остается неясным, была ли у нее какая-либо еще, более активная задача. К этому времени ее интересы уже не всегда полностью совпадали с интересами брата и Франции, управляемой ее матерью. Она также имела обязательства перед своим супругом, а его главная цель состояла в возвращении той части Наварры, которую аннексировала Испания.

Переговоры заняли три недели и потребовали уступок с обеих сторон. Луиза Савойская казалась слабой, каждый вечер она удалялась с болью от давно мучившей ее подагры. Однако когда венецианский посол нанес визит Маргарите Австрийской, он нашел ее тоже «в постели, одетую, с небольшой болью в ноге». Маргарита приступила к делу, начав с выдвижения множества требований: она действовала с позиции силы, обеспеченной недавними победами племянника.

Вся Европа нервно следила за ходом переговоров. Англия, Венеция и Флоренция опасались, что Франция заключит мир с Карлом, и они останутся ни с чем. Король Франциск раздражался, 17 июля он написал матери, что, если император столь низко ценит его дружбу, пусть Луиза напомним ему, что король Франции может быть так же силен в качестве врага. Ему отчаянно хотелось ехать туда, где его солдаты уже собрались для войны. Франциск по-прежнему считал, что война грядет, но не осмеливался уезжать без санкции Луизы.

24 июля объявили мир, но преждевременно. Маргарита Австрийская вызвала заминку, в последнюю минуту выставив требование на несколько приграничных городов. Луиза Савойская и ее дочь приказали паковать багаж, так что пришлось вмешиваться папскому нунцию. Маргарита предложила уступки, отказавшись от некоторых требований, и взяла на себя обязательство организовать возвращение сыновей Франциска, французских принцев, которые еще оставались заложниками в Испании. В последние дни июля договор в конце концов подписали.

1 августа три дамы – Маргарита Австрийская, Луиза Савойская и Маргарита Наваррская – отправились на вечернюю молитву в аббатство, получая поздравления от людей с обеих сторон и, как пишет хронист того времени, «взявшись за руки, что было радостно видеть».

5 августа заключение мирного договора отпраздновали в кафедральном соборе Камбре мессой при большом стечении народа и проповедью на тему заповеди Христа «Блаженны миротворцы». Камбрейский договор стал наиболее известен под названием *Paix des Dames* («Дамский мир»).

Условия заключенного соглашения были явно выгодны стороне императора; «они настолько благоприятны для императора, – ликуяще докладывал один посол, – что подозревается некий обман». Договоренности в самом деле так отвечали интересам Карла, что сообщали, будто Франциск остался недоволен тем, о чем договорилась его мать; хотя в конечном счете он, как всегда, соизволил произнести: «Отдаю себя в ваши руки, делайте, как считаете лучше».

Карл V согласился не настаивать на Бургундии, приняв взамен изрядные отступные. Сыновья Франциска, находящиеся в заложниках, будут освобождены из испанского плена после выплаты добавочной суммы. Франциск отказался от сюзеренитета над Фландрией и Артуа, а также от своих претензий в Италии. Чтобы скрепить сделку, согласовали, что бракосочетание Франциска с сестрой Карла Элеонорой, обещанное после сражения в Павии, состоится в ближайшее время. Роль Англии как давнего союзника императора на этих переговорах не прозвучала. Вулси, которого приглашали принять участие, и он хотел поехать, задержал в Англии расчет Генриха VIII на судебный процесс в Блэкфрайерсе. Однако в последний момент Англию включили в сделку.

Хор пел *Te Deum*, в толпу бросали подаяние, и из фонтанов било вино. 9 августа король Франциск присоединился к празднику, а император Карл от всей души поздравил Маргариту Австрийскую.

Между тем в Англии 23 июля кардиналам Кампеджио и Вулси предстояло вынести свой вердикт. Однако вместо того Кампеджио официально передал дело на рассмотрение в Рим. Для Екатерины это было своего рода победой, но она оказалась совершенно бесполезной. 11 сентября оба кардинала официально отказались от своих полномочий в этом процессе. Месяцем позже произошло нечто, что совсем недавно, во время расцвета Вулси, казалось немыслимым: влиятельного министра взяли под стражу. Венецианцы докладывали, что «его удача в итоге вызвала гнев и враждебность свыше всякой

меры... можно сказать, что крах был сильнее его прежней славы и возвышения».

Нет сомнений, на кого сам Вулси возлагал ответственность за свою опалу, говоря о «постоянном коварном недруге рядом с королем».

Впоследствии он убеждал своих сторонников, что следует попробовать все, чтобы «несколько смягчить неудовольствие миледи Анны... это единственная помощь и спасение. Нужно использовать все средства, чтобы добиться ее расположения».

3 ноября Генрих открыл работу парламента очередного созыва, который станет известным под названием «Реформатский». Месяц спустя Томасу Болейну пожаловали титул графа Уилтширского, а на банкете после этой церемонии Анна имела превосходство над всеми другими дамами (даже над сестрой короля Марией).

Когда этот важнейший год подошел к концу, Екатерина Арагонская, хотя по-прежнему являлась королевой, не могла бы сказать, что год стал для нее удачным. Вообще-то, не могла этого сделать и Анна Болейн. Когда в конце ноября Генрих и Екатерина открыто столкнулись по поводу Анны, яростная реакция Анны не оставила сомнений относительно опасности ее положения:

Разве я не говорила вам, что всякий раз, когда вы спорите с королевой, она обязательно берет верх? Думаю, одним прекрасным днем вы уступите ее аргументам и избавитесь от меня... увы! Прощайте, мое время и юность, растраченные попусту.

Это был тупик.

В континентальной Европе ни одна из главных героинь «Дамского мира» не прожила достаточно долго, чтобы в полной мере насладиться плодами своей дипломатической победы.

В феврале 1530 года после триумфального продвижения по Италии племянник Маргариты Австрийской Карл V из рук папы римского официально получил корону императора Священной Римской империи. Это было достижение Маргариты. Дети, которых она воспитала, потомство ее брата Филиппа и их отпрыск, держали бразды

правления по всей Европе, от Валенсии до Вены, от Лиссабона до Лёвена.

Письмо, которое она написала Карлу через несколько месяцев после заключения мира в Камбре, касательно состояния империи Габсбургов и с советами по управлению, показывает, что она сохраняла прежнюю активность. Однако Маргарита приближалась к своему пятидесятилетию. Она уже подумывала отказаться от власти и удалиться в женский монастырь неподалеку от Брюгге. Маргарита написала матери-настоятельнице, приготовив финансовое обеспечение для монастыря и добавив, что «время приближается, поскольку приезжает император, которому с Божьей помощью я представлю полный отчет о сохранении и управлении всем, что он изволил поручить мне...». Однако у нее не оказалось такой возможности.

Уходы и новые появления

Нидерланды, Франция, Италия, 1530–1531 гг.

По сообщению одного августинского монаха, в ноябре 1530 года служанка уронила стеклянный бокал у кровати Маргариты, и она осколком поранила ногу. Маленькая ранка инфицировалась, потом развилась гангрена, и было решено ампутировать ногу. Согласившись на ампутацию, Маргарита закрылась на четыре дня для молитвы и подготовки, причастилась и проверила свое завещание. Однако доза опиума, которую ей дали, оказалась настолько большой, что 1 декабря 1530 года Маргарита скончалась, не дожив до операции.

Ее работа от имени племянника Карла – гордо написала она ему в своем последнем письме – была такова, что она смеет надеяться на «небесное вознаграждение, ваше удовлетворение, монсеньор, и расположение ваших подданных». Ее последнее желание состояло в том, чтобы Карл сохранял мир с Францией и Англией. Сердце Маргариты сразу поместили в гробницу ее матери Марии Бургундской, а тело затем отвезли на юг, чтобы она присоединилась к своему последнему супругу Филиберту в Бру в мавзолее, который она так заботливо отреставрировала.

Между тем для Луизы Савойской «Дамский мир» означал возвращение из долгого плена ее внуков, французских принцев. В течение их четырехлетнего пребывания в Испании условия содержания постоянно ухудшались, они жили в убого обставленной келье, без всяких развлечений или даже возможности поговорить с кем-то на родном языке. Маргарита Австрийская, как и женщины французской королевской семьи, обеспокоилась таким положением вещей и написала племяннику, пытаясь его усовестить. Однако в начале 1530-х годов троица Луизы выехала в Байонну, где планировалось передать мальчиков Франциску вместе с сестрой императора Элеонорой, теперь невестой Франциска по условиям «Дамского мира».

Маргариту Наваррскую, опять беременную, пришлось оставить в Блуа; «изгнать», как она сформулировала, из-за ее «большого и очень тяжелого живота», а двое остальных, составлявших «правильный треугольник» поехали дальше без нее. На этот раз Маргарита не сомневалась, что носит мальчика, но эта мысль, похоже, не приносила ей радости, о чем свидетельствуют ее стихи, адресованные отсутствующему брату: «Ты говоришь мне утешаться / своим ребенком, но я не в состоянии... именно он не позволяет мне выполнить свой долг / перед теми, кого я люблю в тысячу раз сильнее, чем его».

Другое стихотворение, к матери, обиженно напоминает, как много она, Маргарита, сделала для того, чтобы освободить сначала Франциска, а затем племянников; а теперь она не может присутствовать при завершении дела. «Как, без сомнения, неприятно смелому сердцу, / что, непобежденное, / оно уступает всего лишь младенцу».

Вероятно, как часто бывало, свою роль в сложном клубке эмоций Маргариты играло чувство вины. Ощущение вины за то, что страдали мальчики, или, возможно, за то, каким образом ее теперь отделяли от брата интересы супруга, Генриха Наваррского, чья неверность усиливала ее душевные страдания. 15 июля она родила мальчика, Жана, но уже в Рождество ребенок умер. Маргарита писала о воле Божией, но с этого времени она до конца своей жизни носила только черное.

В начале 1531 года она редактировала (очень необычно для женщины, тем более женщины королевской крови) текст длинной поэмы, которую написала для публикации; к тому же евангелический издатель Симон дю Буа опубликовал пространный религиозный труд Маргариты «Зерцало грешной души» (*Miroir de l'âme pécheresse*), который впоследствии перевела Елизавета Тюдор в качестве подарка своей приемной матери с реформатскими убеждениями Екатерине Парр.

В этом сочинении, как интерпретировала Елизавета, Маргарита «поняла, что самостоятельно и своими силами не может ничего сделать для спасения своей души, что это возможно только через Милость Божию». Описание спасения грешной души Милостью Господней может свидетельствовать о каких-то качествах натуры

Маргариты, однако спасение только благодатью (а не ревностным исполнением церковных обрядов и даже благочестивыми делами) станет также главным постулатом протестантской доктрины. Это было опасной территорией: в 1530 году сейм Аугсбурга попытался, но не смог урегулировать раскол в лоне церкви. В следующем, 1531 году сформировался Шмалькальденский союз, альянс правителей лютеранской веры внутри Священной Римской империи.

Здоровье Маргариты продолжало вызывать опасения. При новой беременности у нее произошел выкидыш. Неспособность Маргариты произвести больше детей мужского пола на помощь брату, похоже, стало еще одной стрелой в колчане вины, который она несла на себе. В марте 1531 года французская королевская семья праздновала коронацию новой королевы Франциска, Элеоноры. Однако здоровье Луизы Савойской стремительно ухудшалось.

Луиза давно страдала от болезненных и подрывающих силы приступов подагры и «почечного песка» (мочекаменной болезни). Маргарита служила ей сиделкой, как и советником в Камбре. К концу лета стало очевидно, что состояние Луизы тяжелое. Маргарита в отчаянии написала брату Франциску, умоляя его приехать («потому что ей недостаточно меня»), но к ее несчастью и расстройству Луизы, король не появился. Только Маргарита находилась рядом, когда 22 сентября Луиза умирала в возрасте 55 лет. Сказав – или так впоследствии Маргарита написала в поэме «Темницы» (*Les Prisons*), – что вид Маргариты заставляет ее чувствовать радость и связь с этим миром, когда ей нужно думать только о Боге и следующей жизни, Луиза в свой последний момент отослала Маргариту.

Тем временем в трех сотнях миль от Франции во Флоренции женский монастырь недавно лишился одной напуганной маленькой девочки. Для Екатерины Медичи последствия «Дамского мира» оказались нерадостными. Карл V, желая укрепить свои позиции в качестве главной силы на Итальянском полуострове, вступил в переговоры с папой, главной заботой которого было восстановить влияние своей семьи Медичи во Флоренции. Для одиннадцатилетней Екатерины Медичи результаты будут ужасными.

Последние три года Екатерина спокойно и счастливо жила в монастыре Мурате, где аристократические монахини относились к ней

со всей любовью. Флорентийские власти «были бы рады видеть ее на том свете», отмечал французский посланник, который присматривал за девочкой (мать Екатерины была француженкой). Он добавил (интересно, учитывая будущее Екатерины), «что никогда не видел человека ее возраста, который бы так быстро понимал добро и зло, которое ей делают». И вот 20 июля 1530 года, похоже, большое зло пришло.

Карл V отдал в распоряжение папы армию, которая в октябре 1529 года начала наступление, окончившееся десятимесячной осадой города с целью восстановить правление Медичи. Родственники Екатерины мужского пола бежали, когда два года назад в городе учредили республику. Теперь нависла угроза, о которой предупреждал французский посланник – в полночь застучали в ворота монастыря Мурате. Однако ребенок за толстыми стенами уже сам решил, как противостоять новой угрозе. Пока настоятельница уговаривала мужчин приходить утром, Екатерина – убежденная, что будут требовать ее казни, – обрезала себе волосы и оделась как монахиня, выкрикивая, что никто не осмелится забрать из монастыря христову невесту.

Она ошибалась. Как написала одна монахиня, использовались такие силы, «что нам пришлось отдать ее». Однако в итоге городские власти не решились на самое страшное, они усадили девочку верхом на осла и провезли сквозь орущие толпы людей обратно в монастырь, в котором она содержалась три года назад. Раздавались призывы раздеть ребенка догола и свесить со стены или отправить в солдатский публичный дом на забаву военным. Даже когда через несколько недель город сдался, современники отмечали, что она никогда не забывала свое испытание и говорила о нем не переставая. Екатерина Медичи вспомнит об этом, когда в Париже 40 лет спустя снова столкнется с ужасом насилия, охватившего город.

Когда во Флоренции восстановили мир и правление Медичи, Екатерина пришла навестить монахинь в монастыре Мурате и отпраздновать с ними свое спасение. Она будет посылать им деньги и письма всю оставшуюся жизнь. Однако ее дядя, папа римский, имел на нее планы за пределами монастырских стен. Он перевез девочку в Рим и поселил в доме родственника, которому дал указание придать ей европейский лоск. После чего ему удалось (пообещав в качестве

приданого полдюжины итальянских городов, в том числе Пизу) обручить Екатерину со вторым сыном французского короля Генрихом, чтобы укрепить атмосферу всеобщего согласия.

Папа назвал этот брак «важнейшей партией в мире», а он был своего рода специалист, обручив к тому же нового молодого герцога Флорентийского (своего племянника или незаконнорожденного сына) с внебрачной дочерью Карла V Маргаритой Пармской. Весной 1533 года четырнадцатилетней Екатерине Медичи поручат принимать во Флоренции десятилетнюю Маргариту Пармскую.

Екатерина Медичи и Маргарита Пармская явились, наверное, первыми представительницами другого поколения женщин; того, которое будут ассоциировать со второй половиной XVI столетия. Но, конечно, поколения не делились настолько четко. В Нидерландах уже в 1531 году преемницей Маргариты Австрийской стала новая регентша — ее двадцатичетырехлетняя овдовевшая племянница Мария Австрийская.

После успешного управления Венгрией за своего брата Фердинанда, короля Венгрии, Мария в 1528 году отказалась от его предложения на второй срок регенства. Для такого дела требуется «человек старше и мудрее меня», как сказала Мария. Ее нежелание легко понять: именно беспокойная обстановка в Венгрии подтолкнула Оттоманскую империю начать военную кампанию, которая увенчалась осадой Вены, всего через несколько недель после заключения «Дамского мира». Та кампания стоила Фердинанду почти всего, что он завоевал, и нанесла страшный удар глубоко в центр земель Габсбургов.

Однако Мария, несомненно, обладала большими способностями. Один венгр писал Эразму Роттердамскому: «Я хотел бы, чтобы... королева стала королем: судьба нашего отечества в таком случае сложилась бы лучше». Однако империя Габсбургов всегда нуждалась в преданных помощниках. «Я только один и не могу быть сразу во всех местах», — будет впоследствии Карл V жаловаться Марии. Как сказал Фердинанд, сообщая Марии о кончине ее тетки Маргариты в декабре 1530 года, ее жизнь может теперь «принять совсем другой оборот». В следующем месяце Карл действительно попросил Марию стать регентом Нидерландов.

Семейный долг требовал согласия. Теперь Мария называлась «Мария, милостию Божией королева Венгрии, Богемии и т. д., правительница Нидерландов от имени Его императорского и католического Величества и его заместитель». Как Маргарита Австрийская до нее, она твердо решила не позволить своей семье снова выдать ее замуж. Однако она точно так же не желала оставаться королевой без королевства, собственного дохода, конкретной роли и потомства. Когда-то Маргарита Австрийская сама, до того как обрела роль регента, сокрушалась, что может «остаться скитаться по миру как потерянный и забытый человек», – примерно так вспоминал ее отец.

Тем не менее Мария Австрийская продолжила проявлять более противоречивое отношение к своим обязанностям, чем ее тетка Маргарита: через несколько месяцев после начала работы в Нидерландах она жаловалась, что чувствует себя, будто живет с веревкой на шее. Она не хочет, сказала Мария (наверное, специально), поступать «как женщины, которые вмешиваются во все, когда их не просят». И наоборот, о ней говорили, что она правит строгостью, а Маргарита всего добивалась своим обаянием.

Посол Венеции при венгерском дворе написал, что «вследствие ее природной энергичности и чрезмерных упражнений» (Мария была широко известна страстью к охоте и ловчим птицам) все считали, что у нее никогда не будет детей. Он приложил описание королевы: она «небольшого роста, с длинным и узким лицом, довольно миловидная, очень худенькая... подвижная, никогда не сидит на месте ни дома, ни за границей». Писатель конца XVI века Брантом описал ее как *un peu homasse* (несколько мужеподобная), добавив, что «она хорошо воевала, иногда через своих помощников, иногда лично, всегда верхом, как амазонка».

Однажды брат Карл V сказал Марии, что она «не отвечает так по-женски, как другие представительницы вашего пола, которые имеют более мягкий характер». Позже, уже в 1537 году, когда французы атаковали Нидерланды, она появилась в черном кожаном камзоле с ушками, чтобы держалась кираса, и поклялась, что покажет Франциску I, «для чего Господь может дать женщине силу». У нее была сила, и она пользовалась ею, как, пусть и по-другому, делали Луиза Савойская и Маргарита Австрийская; как в будущем продолжит делать Екатерина Медичи.

«Будет так»

Англия, 1530–1531 гг.

В Англии Анна Болейн начала собственное сражение. Она, фигурально выражаясь, сама взяла оружие в руки, поскольку стало слишком очевидно, что Генрих VIII не добьется развода привычным церковным способом. На этом пути она имела двух серьезных союзников: новую реформатскую веру и свое французское воспитание, давшее ей опору для успеха в родной стране.

Поколения историков предпочитают усматривать в Маргарите Наваррской наставницу, можно сказать, вторую мать для Анны Болейн. Тем не менее нет никаких свидетельств, поддерживающих утверждение (исходящее от почти современников, а также людей, живших позже), что Анна входила в свиту Маргариты, когда находилась во Франции. Однако вскоре появятся признаки, что Маргарита являлась для Анны образцом для подражания, и ключевую роль в таком отношении играл их общий интерес к религиозной реформе.

Одним из многочисленных спорных моментов по поводу Анны Болейн остается точная природа ее религиозной позиции. Впоследствии, в правление дочери Анны протестантки Елизаветы, протестантский составитель жизнеописаний святых мучеников Джон Фокс напишет об Анне Болейн: «Всему миру хорошо известно, каким ревностным защитником Христова Евангелия она была». Шотландский реформатор Александр Алес сказал Елизавете, что «истинная религия в Англии имеет свою отправную точку и завершение в вашей матери».

Разумеется, Анна любила и изучать, и обсуждать Священное Писание. Она даже поддерживала нелегальную торговлю экземплярами Библии на национальных языках. Однако, с другой стороны, так же поступала Маргарита Наваррская, но ей удавалось оставаться католичкой. В личную библиотеку Анны входило несколько книг авторов, близких к Маргарите и проявляющих острый интерес к

новому знанию, включая французский Псалтырь с переводами, приписываемыми несчастному Луи де Беркену, и французская Библия, переведенная другим членом кружка Мо Жаком Лефевром д'Этаплем. Когда для поэта Николаса Бурбона, которого Маргарита взяла в наставники к своей дочери, оказалось во Франции слишком жарко, он бежал в Англию и под защиту Анны.

В предстоящие годы Анна Болейн, бесспорно, будет активно выискивать злоупотребления в католической церкви, но так же действовала и Маргарита Наваррская. К примеру, эмиссары Анны обнаружили, что кровь, которую выставляли для поклонения в аббатстве Хейлс (якобы святая кровь), на самом деле была утиной. Анна довольно активно участвовала в продвижении по церковной иерархии реформаторов, чтобы иметь возможность говорить «мои епископы». Хотя некоторые священнослужители, которых она поддерживала, продолжают двигаться к новой вере, однако далеко не все. Нет оснований сомневаться в искренности убеждений Анны, вопрос в том, насколько далеко заходило ее стремление к чистоте веры.

В проповеди, которую читал впоследствии ее распределитель милостыни Джон Скип, «малые обряды церкви» (анафема радикальным реформаторам) будут описаны как «очень правильные и полезные», если их правильно применять. К тому же ее религиозные привычки тоже не оторвались от старых традиций. Она будет планировать паломничество, верить в пророчество; скажет накануне смерти, что попадет в рай, потому что делала добрые дела, а последнюю ночь проведет в молитве перед освященными хлебом и вином. Все эти действия характерны для старого вероисповедания, а не нового. Однако, наверное, нам не стоит удивляться (прошло всего 15 лет после того, как голос Лютера впервые прозвучал на европейской сцене), что Анна, как многие ее современники, не могла с легкостью отказаться от всех традиций, в которых она росла. Впрочем, убеждения и привычки Генриха окажутся даже более сложными или даже противоречивыми.

Еще до решающего поединка в Блэкфрайерсе Анна Болейн показала Генриху VIII фрагменты запрещенной книги «Послушание христианина и то, как христианские правители должны править» (*The Obedience of the Christian Man and How Christian Rulers Ought to Govern*), написанной высланным Уильямом Тиндалом. Известный

переводом Нового Завета с лютеранскими прологами, Тиндал нашел убежище в Нидерландах, где регенты, пока было возможно, закрывали глаза на присутствие у себя таких персон. В книге отрицалась папская власть, заявлялось, что подданный подотчетен своему правителю, а правитель подчиняется одному Господу Богу. Именно такую идею давно искал Генрих: «Эту книгу нужно читать мне и всем королям».

Если традиционное назначение женщины рядом с могущественным мужчиной – служить ему советником, посредником, своего рода проводником идей и милосердия, то Анна справлялась с ним вполне успешно, в этом ее идеи победили. Однако, кроме прочего, эти идеи начали придавать религиозную окраску вопросу о браке короля Генриха.

Вскоре после слушаний в Блэкфрайерсе ко двору очень своевременно представили кембриджского ученого Томаса Кранмера. Он высказал такую мысль: дело Генриха не подпадает под церковный закон, а является теологической проблемой права папы приказывать государям, и таким образом следует обсудить этот вопрос с богословами (в университетах Европы, а также Англии). Его отправили формулировать свои идеи, под присмотром семьи Болейн.

В течение следующей весны теологические авторитеты, одного за другим, убедили дать Генриху VIII нужный ему ответ, пока наконец (когда сыновья короля Франциска благополучно вернулись на родину) не уступил и Парижский университет. В июне 1530 года Генриху вручили *Collectanea satis copiosa*, собрание библейских и исторических материалов, свидетельствующих о том, что папа не обязательно имеет верховную власть; в августе король созвал еще одну конференцию в Хэмптон-Корте. В сентябре, получив предупреждение от недавно приехавшего папского нунция, что запрошенный суд Ватикана по браку Екатерины Арагонской скоро начнется, Генрих издал декларацию, запрещающую любой судебный процесс в Риме.

Шокированный посол Карла V Юстас Шапюи предупредил, что если «граф и его дочь» (Анна Болейн и ее отец) останутся у власти, они «полностью выведут это королевство из подчинения папе римскому». В октябре Генрих предложил собранию духовных лиц и юристов поручить рассмотрение дела о разводе короля архиепископу Кентерберийскому, хотя эта идея не сразу дала результат.

Теперь началась пропагандистская война, и часть оружия находилась в руках женщин. Анна Болейн разозлилась, узнав, что Екатерина Арагонская по-прежнему вышивает Генриху рубашки (как когда-то ее мать Изабелла вышивала рубашки Фердинанду), и настояла, чтобы ей (ненадолго, как оказалось) передали эту задачу. Она училась традиционному женскому рукоделию в Мехелене, где в личных вещах Маргариты Австрийской хранились прялка и веретено. Маргарита однажды отправила своему отцу Максимилиану несколько рубашек, которые помогала шить. «Наша кожа получит утешение от встречи с тонким и мягким прекрасным полотном, какое используют для своей одежды ангелы в Раю», – писал Максимилиан в одном из шуточных писем Маргарите.

Перед Рождеством 1530 года Анна заказала новые ливреи для своих слуг с недавно принятым ею девизом «Будет так, ворчите, кто хочет». Это был девиз двора Маргариты Австрийской. Шапюи доложил, будто Анна в Новый, 1531 год объявила, что «она желает, чтобы все испанцы оказались на дне морском... что ее не волнует королева и ее семья, что она лучше пойдет на виселицу, чем признает Екатерину своей королевой и госпожой».

В феврале Генрих VIII потребовал, чтобы церковные власти признали его «единственным защитником и верховным главой Английской церкви и духовенства». Анна Болейн, доложил Шапюи, «так демонстрировала радость, будто она действительно попала в рай». На самом деле возможность ее брака с Генрихом была вовсе не бесспорна. Многие из тех, кто поддерживал Анну в качестве политического противовеса кардиналу Вулси, отказывались от перспективы видеть ее королевой. Однако для Екатерины Арагонской ситуация стремительно ухудшалась.

В конце мая эмиссары Генриха предприняли последнюю попытку убедить Екатерину образумиться. Она отказалась со стойкостью, опровергавшей собственное описание себя как «бедной женщины без друзей и совета». Ее упорство вызвало гнев, который в конце концов завершил два странных года, когда Екатерина сохраняла свое положение королевы, передвигаясь по стране рядом с королем, даже если Анна была в составе свиты. В начале июля все трое были в Виндзоре; 14 июля Генрих и Анна ускакали на охоту в Чертсийское аббатство, а Екатерине приказали остаться. Несколько дней спустя

Совет Генриха в первом письме, в котором к ней не обращались как к королеве, отклонил ее просьбу попроситься со своим супругом.

Ее муж был не единственным членом семьи, с которым Екатерине Арагонской предстояло разлучиться. Дочь Мария была с ней в Виндзоре, но когда Екатерину отослали в одно владение, Марию отправили в другое, в нескольких милях от нее. Существуют некоторые признаки, что Генриха, возможно, вынудили под давлением общественного мнения разрешить им краткое свидание в 1532 году, но совершенно точно известно, что мать и дочь больше никогда не будут иметь возможности жить вместе.

Пока, по крайней мере, Екатерина Арагонская сохраняла свое достоинство. Венецианский гость сообщил, что она ела в окружении 30 фрейлин и имела двор в 200 человек. Однако она считала себя пленницей, сказав имперскому послу Шапюи, что предпочла бы находиться в Тауэре откровенно запертой. Венецианец также высказал собственное мнение, что народ не примет другую королеву.

Держать Екатерину и ее дочь отдельно друг от друга было карательной мерой. Однако существовал реальный страх, что Екатерина – «гордая, упрямая женщина с очень большой отвагой», – как писал Генрих, – может, защищая интересы Марии, «легко начать боевые действия, набрать большое войско и повести против меня войну такую же свирепую, как вела ее мать Изабелла в Испании». На самом деле, если бы власти только могли это знать, Екатерина писала, что война «это такая вещь, что я скорее умру, чем вызову ее». Она рассказала, что «следующий парламент решит, придется ли мне принять мучения», и Шапюи написал Карлу V, что королева «настолько порядочна», что предпочтет страдания.

Как оказалось, сама разлука послужила укреплению привязанности между матерью и дочерью; ненависть к силам, которые разделили их, жесткое и несгибаемое отстаивание своих прав и своей веры станет отличительной чертой Марии. В игре королев не было прощения.

«Урожденная француженка»

Англия, 1532–1535 гг.

В 1532 году Анна Болейн получила возможность применить другое оружие из своего арсенала. В политических, а также в религиозных целях она долгое время считала важным подчеркивать свои французские связи – тот факт, что она казалась, как сформулировал французский дипломат Ланселот де Карл, «урожденной француженкой». Действительно, в 1530 году имперский посол Шапюи написал, что именно от ее союза с Генрихом VIII «единственно зависит влияние и поддержка, которые французы имеют теперь при английском дворе».

К 1532 году альянс с Францией стал более широкой целью. В конце концов, именно французы являлись наиболее перспективными союзниками в давлении на папу, чтобы получить разрешение на развод короля. Фактический контроль за «Большим делом» Генриха теперь в основном находился в руках нового человека на политической сцене – Томаса Кромвеля. Поднявшись из праха своего прежнего господина Вулси, Кромвель стал членом Тайного совета в конце 1530 года. Теперь он будет руководить процессом, в результате которого уже весной сначала парламент, а потом духовенство согласятся утвердить Генриха единственным главой Английской церкви.

Однако в последних переговорах ключевую роль по-прежнему играла Анна. Когда французский посол де ла Поммерэ сопровождал английский двор в летней поездке по стране, совмещенной с охотой, король Генрих обсуждал с ним личные дела и «так старался мне угодить, будто я какая-то важная особа», – с гордостью докладывал де ла Поммерэ. Его часто оставляли «наедине» с Анной, которая по этому случаю подарила ему новый набор охотничьего снаряжения вместе с собакой.

Генрих VIII решил поспособствовать осуществлению цели англо-французского альянса, встретившись лично с братом-королем в Кале осенью. Анна придала этому плану дальнейшее развитие. Она горячий

друг Франции, говорила она де ла Поммерэ, но многие советники Генриха занимают другую позицию. Разве не будет лучше, если она тоже приедет на встречу? Де ла Поммерэ согласился и написал Франциску I, что «следует предложить королю Генриху привезти с собой в Кале леди Анну», добавив, что «тогда король [Франциск] должен взять с собой в Булонь королеву Наваррскую».

Французский посланник сказал Шапюи, что услуги, оказанные Франции Анной Болейн, невозможно вознаградить. Однако вознаграждение поступило. Французская поддержка придала Анне (нетитулованному лицу) определенную степень авторитета. Возникло даже мнение, что она и Генрих могут пожениться в течение этой встречи в Кале, а король Франциск будет присутствовать на бракосочетании. Екатерина Арагонская, по словам Шапюи, очень опасалась такого развития событий, хотя Анна объявила, что желает, чтобы церемония прошла «в том месте, где королевы обычно вступают в брак и коронуются». Тем не менее слухи не прекращались. Уже когда поездка во Францию началась, венецианцы с уверенностью сообщали, что свадьба состоится в следующее воскресенье.

В сентябре Генрих заявил, что Екатерина Арагонская должна передать свои драгоценности, даже те, что привезла из Испании, чтобы украсить Анну для предстоящей встречи. Екатерина резко возразила, что «совесть ей не позволяет отдать драгоценности, чтобы украшать особу, которая является позором христианского мира», но если Генрих пришлет прямой приказ, то она подчинится. Анна получила украшения, а Шапюи доложил, что «леди», как он называл ее, также занимается покупкой дорогих платьев. 1 сентября Генрих пожаловал Анне титул маркизы Пембрук, чтобы поднять ее статус для будущей встречи. Сразу после (что не может быть простым совпадением) пришла ратификация договора Англии о взаимопомощи с Францией в случае какой-либо агрессии со стороны Габсбургов.

Разработанные планы предполагали, что Маргарите Наваррской придется принять сложное дипломатическое решение. Французская королева Элеонора, племянница Екатерины Арагонской, не собиралась принимать участие во встрече, и никто не рассчитывал, что она приедет. Однако в последний момент Маргарита тоже отказалась приезжать. Возможно, она приболела – дипломатичная отговорка – или, может быть, как говорилось в одном сообщении, она стала

рассматривать Анну не как единомышленницу-реформатора, а как скандальную личность. Не исключено, что это решение не было полностью ее: хотя французские ученые-реформаторы считали, что их стране нужно встать на сторону Генриха и Анны, существовало и мощное противоположное мнение.

Шапюи доложил Карлу V, что Генрих VIII был «раздосадован тем, что не приедет мадам д'Алансон» и что Франциск предложил вместо нее привезти другую леди, которую могут сопровождать члены французского двора с более сомнительной репутацией. «Эти люди [Анна и Генрих] не в состоянии видеть бревна в собственном глазу, но хотят убрать соринку из глаз других», – едко добавил Шапюи^[48].

Наверное, в конечном счете Маргарита Наваррская была больше королевой, чем реформатором. Анна с сожалением вспоминала, оглядываясь на два года назад: «была одна причина, почему так хотелось ее милости... так это компания королевы Наваррской, ведь с ней можно было обсудить больше вопросов, чем ставилось». Став королевой, Анна не забудет о своей задаче общаться с Маргаритой Наваррской; сама будет писать Маргарите, что «ее величайшее желание, вслед за желанием родить сына, снова увидеть вас».

Когда наступил октябрь, Анну Болейн приветствовали в Кале всяческими выражениями радости (и очень дорогим бриллиантом) Франциск и его придворные, приехавшие из Булони, где проходила основная часть встреч двух королей. Она, в конце концов, была знакома с этими людьми десятков лет назад. К тому же почти наверняка либо на этой встрече в Кале, либо на обратном пути, вынужденные сильным штормом ждать несколько дней после того, как закончились все формальности, Анна и Генрих VIII начали спать вместе. Наверное, Анна решила рискнуть: беременность заставит положить конец всем проволочкам.

Анна действительно была беременна к моменту, когда они с Генрихом тайно поженились в конце января 1533 года. В феврале Анна, явно намеренно, проболталась, публично пошутив о своем непреодолимом желании есть яблоки: пристрастие к конкретной еде было известным признаком приближающегося материнства. К концу месяца Шапюи распространил эту новость. Екатерину Арагонскую уведомили, что к ней больше не будут обращаться как к королеве, ее владения и доход серьезно сократятся. В Пасху за Анну молились как

за королеву. В Нидерландах ходили слухи, что император с некоторыми английскими вельможами начнут войну за Екатерину; будут «помогать ей от одного сражения до другого... сохранить ее корону». Но кроме этого никто ничего не смог сделать.

Старый архиепископ Кентерберийский умер год назад, и 30 марта Томаса Кранмера рукоположили на это место. В апреле Акт об ограничении апелляций запретил обращения в Рим по всем вопросам, это означало, что судьба Екатерины теперь полностью находится в руках Генриха. 23 мая Кранмер использовал свою новую власть, чтобы объявить брак Генриха с Екатериной Арагонской недействительным, и через пять дней подтвердил бракосочетание Генриха и Анны Болейн.

1 июня Кранмер имел возможность короновать Анну в обдуманно блистательной публичной церемонии. Официальное вступление королевы в город замышлялось как вознесение Девы Марии на небеса. Так и получилось. Акцент на классическую, а также библейскую мифологию Анна, по всей вероятности, тоже углядела при французском дворе. Для процессии в Вестминстерское аббатство Анна оделась по французской моде и в белое; во главе шествия двигались слуги французского посла в синем бархате с белыми плюмажами. В докладе Шапюи, направленном в Нидерланды, заявлялось, что толпа не подавала признаков радости. Однако Анне на голову надели корону святого Эдуарда, которую до сего времени использовали только для коронования монархов.

«Королева Анна, когда ты выносишь нового сына королевской крови, для твоего народа наступит золотое время!» – объявляли на коронационных празднествах, и оба родителя, казалось, свято верили этому пророчеству. Однако 7 сентября, в три часа пополудни, Анна родила, а ребенок, ко всеобщему разочарованию, оказался девочкой, которую тем не менее назвали Елизаветой в честь матери короля (и матери Анны).

В официальной версии говорилось, что рождение здоровой дочери, несомненно, верный залог, что последует здоровый сын. Хотя рыцарский турнир, назначенный в честь появления принца, отменили, заранее напечатанные объявления разослали, заменив в них слово «принц» на «принцессу», а французский посол снова стал почетным гостем на великолепных крестинах.

Если бы Анна Болейн родила мальчика, ее статус был бы неоспорим; она бы победила. Однако с девочкой в колыбели за все по-прежнему требовалось сражаться.

Дочери, конечно, было достаточно, чтобы обеспечить неослабную враждебность Анны к другой матери и дочери, которые могут встать на ее с Елизаветой пути. Она приказала, чтобы дочь Екатерины Арагонской Мария не только вошла в свиту ее дочери Елизаветы, когда маленькой наследнице дали свой двор, но и если Мария будет настаивать на обращении к ней как к принцессе, то фрейлинам Елизаветы следовало бить ее по щекам, «потому что она окающая незаконнорожденная».

Нет сомнений, что агрессия Анны частично исходила из страха. Говорили, будто Анна сказала: «Она моя смерть, а я ее». Несколько раз Анна предпринимала примирительные шаги в отношении Марии, которые всегда отвергались; эту позицию активно поддерживала Екатерина Арагонская. Вероятно, Генрих и Анна были правы, когда они оба, но по отдельности, приписывали характерную для Марии неуступчивость ее «неукротимой испанской крови».

23 марта 1534 года, по иронии судьбы в тот самый день, когда папа римский с опозданием объявил свой вердикт в пользу Екатерины, парламент принял первый Акт о престолонаследии, назвавший Анну Болейн законной супругой Генриха, а ее детей наследниками английского престола. От всех важных лиц потребовали принести клятву в признании этого факта. Принцессу Марию объявили незаконнорожденной, и мать с дочерью понимали, что Марии будет велено отречься от ее титула.

«Дочь моя, я получила сегодня такие известия, что прекрасно понимаю, если все правда, что пришло время, когда Всемогущий Бог подвергнет тебя испытаниям; и я рада этому, — писала Екатерина Арагонская в выражениях, отражающих ее убеждение, что под угрозой могут быть сами их жизни. — Если тебе предстоят страдания, исповедуйся; сначала очистись; чтить Его заповеди, соблюдай их, сколько Он будет давать на то свою милость, потому что тогда ты будешь надежно вооружена... мы никогда не войдем в Царствие Небесное без мучений».

В том ноябре принятый Акт о присяге престолонаследию потребовал от подданных принести присягу «быть верным королеве

Анне, считать и принимать ее законной женой короля и законной королевой Англии, думать исключительно, что леди Мария, дочь короля от королевы Екатерины, является незаконнорожденной, и соответственно делать это без каких-либо угрызений совести». Также требовалось отказаться от любой «иностранной власти и властелина».

В конце года Генрих открыл парламент, чтобы провести Акт о супрематии, объявляющий, что Генрих VIII является и всегда являлся «единственным верховным главой на земле Английской церкви». Генрих и Кромвель решили подавить любое сопротивление, но основную вину, конечно, возложили на Анну.

Для женщины становиться козлом отпущения – пожалуй, обратная сторона традиционной заступнической функции королевы; та же разница в ответственности с монархами позволяла Маргарите Австрийской и Луизе Савойской заключить мирное соглашение легче, чем их мужчинам. Однако в июне 1534 года Шапюи докладывал о своих опасениях, в случае если Генрих отправится за границу: Анна поклялась (если на нее оставят власть на время его отсутствия) забрать жизнь Марии.

Интересен тот факт, что Анна Болейн полагала, будто ей предоставят полномочия регента, что она пойдет по стопам не только Екатерины Арагонской, но и тех великих влиятельных европейских женщин, которых она знала.

«Склонная к Евангелию»

Франция, Нидерланды, 1533–1536 гг.

За Ла-Маншем, как и в Англии, в течение примерно года после кончины Маргариты Австрийской и Луизы Савойской нарастали религиозные разногласия. Во Франции, когда Жерар Руссель, духовник сестры короля Маргариты Наваррской, прочел великопостную проповедь в Лувре, он за одну ночь стал звездой, к ярости католических консерваторов. Однако Руссель (как гневно написал ему реформатор французского происхождения Жан Кальвин), подобно его патронессе, придерживался очень узкой дорожки между евангелическими идеями и верностью католической церкви.

Обе группировки ходили по улицам с плакатами: умеренные винули Парижский университет за их истерическую реакцию, а консерваторы говорили о лютеранстве и обвиняли Маргариту с ее супругом Генрихом Наваррским наравне с Русселем. Король Франциск вмешался, но Русселя арестовали. Маргарите пришлось броситься на его защиту, и в конце концов она нашла ему безопасную епархию на территории своего мужа. Она утверждала, что Руссель не говорил ничего еретического. Как такое могло быть? Он находился у нее на службе, а она никогда не слышала «такого яда».

Когда Маргариту Наваррскую злобно высмеяли в университетском фарсе, Франциск посчитал это личным оскорблением. Когда в феврале 1534 года один оратор осудил ее как представительницу реформаторов, Франциск потребовал посадить этого человека в тюрьму. Первой реакцией Маргариты было не объявлять отступления; напротив, она настаивала на политическом союзе против императора с немецкими правителями, протестантскими и католическими, а также попыталась привезти во Францию ученого Филиппа Меланхтона, близкого сподвижника Лютера. Однако религиозный вопрос раскалывал французский двор.

Одним из маловероятных новобранцев фракции реформаторов стала недавно прибывшая во Францию юная племянница папы римского

Екатерина Медичи. Осенью 1533 года в сопровождении герцога Олбани (который был женат на сестре ее матери) Екатерина приехала в Марсель, чтобы вступить в брак со вторым сыном Франциска I Генрихом.

Расчистили целый район города, чтобы разместить ее свиту и сопровождающих папу римского, ее дядю. Екатерина привезла с собой потрясающий гардероб и неподобный набор драгоценностей, а также Марию Мавританскую и Агнессу и Маргариту Турецких, захваченных «в экспедициях против сарацинских стран». На церемонию бракосочетания Екатерина надела наряд из золотой парчи и лилового бархата, отделанный горностаем и множеством драгоценных камней; она была достаточно красивой, несмотря на грубоватые черты лица и глаза навывкате. «Она красивая женщина, когда ее лицо покрыто вуалью», – впоследствии бесцеремонно заметил один придворный.

Праздничная атмосфера бракосочетания на морском побережье, по общему мнению, ослабила и так уже распушенные нравы французского двора, однако для Екатерины Медичи и ее супруга Генриха брачная ночь, должно быть, стала суровым испытанием: Франциск настоял на своем пребывании в комнате новобрачных и наутро (как пишет Брантом) объявил, что оба четырнадцатилетних хорошо проявили себя в «поединке».

Екатерина получила более чуткий прием от Маргариты Наваррской, однако ее первые годы при французском дворе были сложными. Когда в сентябре 1534 года скончался ее дядя, папа римский, ценность союза с семейством Медичи резко сократилась. Новый папа отказался отдавать обещанное приданое Екатерины, и Франциск в ужасе жаловался, что невеста его сына пришла *toute nue* (совершенно голой). Юный супруг не проявлял к ней никакого интереса как к женщине, а французские придворные глумились над ее купеческим происхождением.

Положение Маргариты Наваррской тоже становилось все более сложным. В октябре 1534 года разразилось «Дело плакатов», когда жители Парижа и нескольких других городов, проснувшись, обнаружили листовки, критикующие «ужасающие, грандиозные и невыносимые злоупотребления папской мессы». Легенда говорит, что одну листовку прикрепили даже на дверь королевской спальни. Когда реформаторы (или, как позже клялась Маргарита, консерваторы,

стремившиеся их опозорить) начали оскорблять даже таинства, началась настоящая война. В распространившейся панике учредили специальную комиссию, чтобы судить подозреваемых, а когда в январе 1535 года протестантам удалось расширить ряды сторонников, власти еще сильнее ужесточили карательные меры. Маргарита, наверное благоразумно, удалилась во владения супруга в Беарне, и, несмотря на то что она явно дистанцировалась от тех, кто имел отношение к *vilains placards* (зловредным плакатам), ее близость с братом в последующие годы, похоже, была немного нарушена.

Публикацию «лютеранских» текстов запретили, хотя многие инакомыслящие теперь следовали идеям не Лютера, а гораздо более радикального швейцарца Ульриха Цвингли^[49]. Многие бывшие союзники Маргариты Наваррской сочли разумным бежать за границу. Укрывающие еретиков подлежали такому же суровому наказанию, как и сами несогласные. Одним из тех, кто понес максимальное наказание, сожжение на костре, стал человек, опубликовавший второе издание книги Маргариты «Зерцало грешной души». Сочинение не одобрили в Парижском университете, но когда его включили в список запрещенных трудов, Франциск опять вмешался.

В июле 1535 года он приказал прекратить преследования и освободить всех арестованных по обвинению в ереси (которым, однако, предоставили отсрочку только на шесть месяцев, чтобы отречься от своих убеждений). Король и его сестра вскоре снова были вместе и объединились в попытках реализовать давнюю мечту Маргариты об альянсе всех германских правителей против императора. В начале 1536 года, когда папа римский (по-прежнему добивавшийся союза христиан против турок) организовал мирные переговоры (которые в конечном счете провалились) между Франциском и Карлом V, Маргарита в них участвовала в качестве представительницы Франции^[50].

В последующие годы Маргарита Наваррская все больше времени проводила на юге за сочинением книг. Даже супруг Маргариты, если точны воспоминания, приписываемые ее дочери [см. *Комментарий к источникам*], похоже, жестко предостерегал ее от опасных экспериментов с верой. Многочисленные сочинения Маргариты все больше представляли собой светские тексты, хотя, по сути, зачастую имели нравственную или даже религиозную идею. Что важно,

практически ни одна ее книга не выйдет в свет при жизни Маргариты.

В Нидерландах Марию Австрийскую в первые годы ее правления тоже обвиняли в чрезмерной поддержке протестантов, называли *bonne luteriene* (доброй лютеранкой). Она восторгалась гуманизмом Эразма Роттердамского, который писал о ней с восхищением, а ученый формировался в годы, проведенные в немецких кругах, где были наиболее распространены идеи Лютера. Когда Мария стала королевой Венгрии, она вызвала разногласия, назначив придворным проповедником лютеранина Конрада Кордатуса, который затем пошел в наступление на папство наперекор всему двору.

В 1526 году Лютер посвятил Марии четыре псалма, узнав, что она, по его словам, «склонна к Евангелию», вопреки всем попыткам «безбожных епископов» Венгрии разубедить ее. Брат Марии Фердинанд отчитал правительницу, но Мария написала, что не может контролировать речи Лютера, однако от общности с ним не отмежеввалась.

Когда впервые встал вопрос о регентстве в Нидерландах, Мария поспешила (несмотря на все громкие заявления о нежелании принимать этот пост) заверить своего другого брата, Карла V, в том, что по-прежнему верна вере семьи и докажет свою позицию изгнанием всех вероятных лютеран из собственной свиты. Карл, в свою очередь, предупредил, что отправит на костер даже самого ближайшего родственника – родителя, ребенка, брата и сестру, но не потерпит ереси. В сущности же, судя по всему, их позиции не слишком различались. Для Карла, разумеется, это было делом не столько совести, сколько общественного порядка. «Отворачиваясь от католической веры, люди будут одновременно уходить от верности и повиновения своему правителю», – сказал император.

Утвердившись на посту регента в Нидерландах, Мария Австрийская оказалась довольно успешной правительницей, превратив свой двор в центр роскоши и культуры, и со временем построила для себя прекрасный ренессансный дворец в Бенше. Как саму Марию и ее сестер растила Маргарита Австрийская, так и Мария продолжила эту работу, воспитывая тех своих племянниц, которые уже жили под крылом Маргариты. В 1533 году, когда Кристину Датскую в возрасте 11 лет выдали замуж за герцога Миланского, ее дядя Карл согласился,

что девочка должна немедленно взять на себя обязанности жены. Однако Мария, как до нее Маргарита, сначала протестовала, а затем уклонялась от исполнения приказа. «Вы можете поставить под угрозу ее жизнь, если она забеременеет раньше, чем станет полноценной женщиной», — писала Мария. Она умоляла брата простить ей откровенные слова, но «моя совесть и любовь, которую я питаю к ребенку, заставляет меня» говорить прямо. Вынужденная отправить Кристину в Милан сразу после ее двенадцатилетия, Мария заболела и попросила отставки.

Как и другие женщины во власти, она убедилась, что постоянный стресс наносит тяжелый физический ущерб, а времена оставались трудными. В 1534 году религиозный вопрос снова вышел на повестку дня. В соседнем германском герцогстве Вестфалия анабаптисты захватили здание ратуши в Мюнстере и объявили новый Иерусалим, основанный на общей собственности и равенстве людей. Когда они призвали истинно верующих присоединяться к ним, многие в Нидерландах услышали призыв и отправились вверх по Рейну.

Осажденный изгнанным епископом Мюнстер пал только в июне 1535 года. Соответственно, на таком фоне и при возросшей напряженности франко-имперских отношений Карл V в итоге согласился на то, о чем давно просила его сестра Элеонора, королева Франции: на встречу с сестрой Марией Австрийской после многих лет разлуки.

Летом 1535 года две сестры встретились в Камбре, где всего шесть лет назад встречались Маргарита Австрийская и Луиза Савойская. Однако в этот раз Карл повелел, чтобы не обсуждалось никаких политических вопросов, и хотя Элеонора приехала с большой свитой, по крайней мере некоторые члены которой явно надеялись на дипломатические переговоры, Мария твердо следовала указанию брата.

Признак меняющегося времени, вероятно? Или личности были другого масштаба? Разумеется, никаких серьезных результатов эта встреча в Камбре не принесла.

«Страшиться кончины»

Англия, 1536 г.

«Старайся жить настолько праведно, чтобы у тебя не оставалось причин страшиться кончины и иметь милость Господню и в этом мире, и в ином», – предупреждала Анна де Божё. Игра королев велась по-крупному и могла привести к смертельному исходу. В первой половине 1536 года Англия потеряла не одну, а двух королев. Прежде чем на полях созрели зерновые, закончилась мучительная битва Екатерины Арагонской, а ее соперница Анна Болейн встала на колени на эшафоте в ожидании удара палача.

Как и Екатерина, Анна Болейн не смогла родить другого ребенка. У нее, по всей видимости, был выкидыш летом 1534 года, а возможно, и еще один, в 1535-м. Однако опасения Генриха VIII по поводу того, что считалось ее недостаточной плодовитостью, с ужасающей скоростью возрастут в 1536 году.

Екатерина Арагонская умерла 7 января, вероятно от проблем с сердцем. Ее перевезли на 60 миль к северу в Кимбоултон в графстве Хантингдоншир, где она продолжила придерживаться тягостных привычек, которые завела в предыдущем месте заключения: ела блюда, приготовленные только несколькими старыми надежными слугами, боясь, что ее отравят, и отказывалась покидать комнату. Она остерегалась новых слуг, приставленных Генрихом, считала их «стражниками и шпионами». В последние часы перед смертью она написала Генриху последнее письмо («Мой самый дорогой господин, король и супруг»), убеждая его предпочесть «здоровье и сохранение души» мирским делам и «волнению и потаканию своему телу».

Она написала, что прощает ему все и молится, чтобы Господь поступил так же. «В заключение я клянусь, что мои глаза больше всего на свете желают видеть вас». Дерзкая подпись гласила: «королева Екатерина». Генрих VIII и Анна Болейн отпраздновали известие о смерти Екатерины, устроив прием, но Анна была достаточно

сообразительной, чтобы быстро понять, что, по крайней мере с ее стороны, праздновать пока опрометчиво.

Свидетельства по поводу того, находился ли брак Генриха и Анны к этому времени уже под угрозой, или события 1536 года стали громом среди ясного неба, – противоречивы. Трещал ли их брак по швам? Имперский посол Шапюи докладывал, что дело обстоит именно так, однако он оптимистично повторял это в течение нескольких лет. Продолжались регулярные доклады о том, что пара «жизнерадостна», а если и рассказывали о ссорах, то они, разумеется, в начале семейной жизни были в природе брачных отношений. Даже Шапюи допускал, что ссоры между супругами, судя по всему, это «раздоры любящих людей».

Весьма вероятно, что те черты, которые привлекали Генриха в его любовнице, стали претить ему в жене. А если влечение короля ослабело, то Анна Болейн, в отличие от Екатерины Арагонской, не имела за своей спиной правящей европейской семьи. Анна де Божё мудро писала: «Тебе не следует говорить слишком много или слишком категорично, это многие глупые и самоуверенные женщины, желающие привлечь внимание и вызвать восторги, говорят дерзко и в капризной манере...»

Незадолго до смерти Екатерины Генрих сказал Шапюи, что если она умрет, у Карла V не будет причины беспокоиться по поводу дел в Англии. Наверное, сказано грубо и жестко, однако теперь Генрих действительно мог возобновить отношения с Карлом без необходимости брать Екатерину обратно как обязательное условие сделки. Напротив, теперь на пути нового имперского альянса стояла симпатизирующая французам деятельная Анна, а не уязвленный образ Екатерины.

Анну Болейн отождествляли с интересами Франции, как если бы она была настоящей француженкой. После гибели Анны Мария Австрийская, несмотря на детское знакомство с ней в Мехелене, заметила, что она была француженкой и поэтому врагом Габсбургов. И почти так, будто она была французской принцессой, отданной замуж за границу, а потом покинутой, Анна, как другие героини нашей истории, оказалась между двух огней.

Франция долгое время занимала неопределенную позицию относительно новой ситуации в Англии. Генрих VIII, естественно,

считал, что Франциск поддерживает его стремление к аннулированию брака с Екатериной, однако оказалось, что Франция не желала ссориться с папой римским, чтобы обеспечить нужное решение. В 1535 году Анну Болейн шокировало предложение Франции о браке между официально незаконнорожденной Марией и французским дофином, но еще больше ее потрясло прохладное отношение Франции к возможности обручить младенца Елизавету даже с одним из младших сыновей Франциска. Кроме того, усиление гонений на реформаторов во Франции оттолкнуло от Анны друзей, настроенных на реформы.

Анна подумала, что получила козыри: она снова была беременна. Однако 29 января 1536 года (в день похорон Екатерины Арагонской) у Анны Болейн, к несчастью, снова произошел выкидыш. Причиной она посчитала то, что переволновалась пять дней назад, узнав, что Генрих ранен на поединке. Анна, как сообщил Шапюи, «выкинула своего спасителя». «Я вижу, что Господь не даст мне сыновей», – зловеще сказал ей Генрих, а позже добавил одному придворному, что его «колдовством склонили» к браку^[51].

Неудивительно, что Шапюи писал императору, будто реакция Анны на смерть Екатерины не была чистой радостью. Поразмыслив, она начала опасаться, что ее ждет «такой же конец». В середине января Анна Болейн поменяла курс, или, по меньшей мере, тактику, в отношении дочери Екатерины. Анна написала служившим в Хатфилде, куда отправили Марию, чтобы она вошла в свиту Елизаветы, что больше не следует заставлять Марию признавать Елизавету превосходящей ее по статусу. Должно быть, Анна узнала, что Генрих увлечен одной из ее фрейлин, Джейн Сеймур: женщиной слабой, покорной, полноценной англичанкой; больше отвечающей традиционному смиренному эталону женственности.

Однако признаки надвигающегося были не однозначными. По всей видимости, сама Анна Болейн тоже находила их таковыми. 18 апреля Шапюи убедили (или ловко не дали уклониться) сделать то, чего он долгое время избегал, – признать Анну в качестве королевы. Когда Анна проходила по церкви, они обменялись, по его формулировке, «взаимными выражениями почтения, которых требует вежливость». Услышав сказанное, дочь Екатерины Мария почувствовала «некоторую ревность». Тот факт, что король Генрих настаивал на том, чтобы

посланник императора, племянника королевы Екатерины, признал ее замену королевой Англии, несомненно, свидетельствует о том, что в тот момент Генрих действительно не намеревался отказываться от Анны. Хотя и наоборот, достижение этой цели могло означать, что это короля уже не так тесно связано с признанием Анны королевой.

Генрих VIII начал сомневаться, что Анна Болейн принесет ему наследника, и возжелал Джейн Сеймур. Однако обнаружилось еще одно слабое место. 2 апреля 1536 года Слип, распределитель милостыни Анны, прочел проповедь перед советниками короля, описывая, как преступный советник царя Артаксеркса практически убедил его уничтожить иудеев, и только жена царя Есфирь спасла его от такого деяния. Во время коронации Анну (как, по иронии судьбы, и Екатерину) сравнивали с Есфирью, а в образе Амана легко угадывался Томас Кромвель.

В самом конце жизни Анны Шапюи написал, что «еретические доктрины и фаворитки — основная причина распространения лютеранства в Англии». Однако весьма вероятно, что Реформация происходила совсем не так, как себе представляла Анна. В 1535 году проводилась повсеместная ревизия (визитация) монастырей под руководством Кромвеля, некоторые институты небольшого размера планировалось ликвидировать. Однако не вызывало сомнений, что процесс будет набирать скорость. Тогда Анна, вероятно, вступила в конфликт с Кромвелем по поводу того, куда пойдут доходы от роспуска монастырей: на образование и социальные реформы, как хотела Анна, или в королевскую казну.

При этом выдвинутые против Анны весной 1536 года обвинения были связаны исключительно с ее сексуальным поведением. После смерти Анны Болейн Ланселот де Карл, секретарь французского посла, сказал, что леди Вустер, член двора Анны, сама обвиненная в распущенности, воскликнула в свою защиту, что ее грехи — ничто в сравнении с грехами королевы и что королева прелюбодействовала со своим музыкантом Марком Смитом, одним из королевских фаворитов придворным Генри Норрисом и с собственным братом Джорджем.

30 апреля Марка Смита доставили в дом Кромвеля на допрос, и (вероятно, под пыткой или угрозой пытки) он признался, что три раза вступал в любовные отношения с королевой. Сама Анна рассказала о

том, как они недавно перебросились словами, которые, похоже, показывали, что он изнывал от любви к ней; изнывал, наверное, в традициях игры куртуазной любви, играть в которую, однако, ему не позволяло его скромное положение. Остальные замечания Анны по поводу других мужчин тоже, казалось, подразумевали куртуазную любовь, которая, возможно, пошла не так, как нужно, но дело состояло в том, что признание Смитона, правдивое или ложное, повлияло на все последующие допросы: теперь их стали вести с позиции презумпции супружеской неверности Анны.

Генриху, конечно, обо всем доложили. Шотландский реформатор Александр Алес впоследствии рассказывал дочери Анны Елизавете, что помнит, как после признания Смитона «ваша истинно набожная мать, держа на руках вас, еще совсем младенца, совершенно спокойно уговаривала короля, вашего отца, из открытого окна... выражение лиц и телодвижения говорящих ясно показывали, что король был взбешен». Эта сцена говорит, что отношения Анны и Генриха чрезвычайно расстроились, но пока еще скорее в состоянии неопределенности. Генрих решил отложить на неделю запланированную поездку с Анной в Кале, но завтрашний рыцарский турнир по случаю Майского дня все-таки состоялся.

По всей видимости, Анна Болейн понимала, что оказалась в уязвимой позиции. К тому же 30 апреля она попросила Норриса присягнуть перед ее священником, что она «добропорядочная женщина», — такова была ее реакция на другой инцидент, допускающий истолкование со смертельным исходом. Спросив Норриса, помолвленного с одной из ее фрейлин, почему тот до сих пор не заключил брак, Анна предположила скандальную причину: Норрис надеялся жениться на самой Анне. «Вы ищете чужого наследства; если с королем случится несчастье, вы захотите получить меня». По Акту об измене 1534 года слова, подразумевающие вред королю, считались государственной изменой.

Генрих VIII и Анна Болейн посетили турнир Майского дня в Гринвиче. Король по-прежнему выказывал Норрису свое расположение. Однако когда Генрих внезапно покинул празднество, заставив «многих людей задуматься, а больше всех королеву», он начал спрашивать Норриса, обещая ему прощение, если тот скажет правду. Норрис твердо настаивал на своей невинности, но на

следующий день его доставили в Тауэр, где уже содержался Смитон вместе с братом Анны Джорджем.

Четырех других мужчин тоже арестовали по обвинениям в прелюбодеянии с Анной, включая ее старого поклонника поэта Томаса Уайетта и сэра Фрэнсиса Вестона, джентльмена Тайной палаты короля. Вестон флиртовал с фрейлиной Анны, но говорил, что больше любит другую, а когда Анна настойчиво спросила его, кто же это, он ответил «это вы сами».

«Так, дочь моя, сколько бы тебе ни было лет, остерегайся обмана и помни, что я говорила тебе раньше, потому что тебя могут сделать виноватой даже за что-то совершенно незначительное...» – предупреждала Анна де Божё.

Все эти мысли, должно быть, пробежали в голове Анны Болейн. Она, конечно, заподозрила, что ей предстоят проблемы: на последней неделе апреля она попросила своего духовника Мэтью Паркера особо позаботиться о ее дочери^[52]. Однако Анна испытала страшное потрясение, когда 2 мая ее арестовали и обвинили в прелюбодеянии с Норрисом, Смитоном и другими. Она сказала, что «еще никогда с королевой не обращались так жестоко», и надеялась, что король делает это, только чтобы «испытать» ее – обычный прием куртуазной любви.

Оказавшись в Тауэре, Анна спросила, не поместят ли ее в темницу. Ей ответили, что она будет находиться в королевских апартаментах, которыми пользовалась перед коронацией. Анна упала на колени, воскликнув: «Господи, помилуй меня». В официальном обвинении, заранее подготовленном к суду, говорилось, что она, «ежедневно следуя своей болезненной плотской похоти, вероломно и предательски склоняла низменными беседами, поцелуями, прикосновениями, подарками и другими бесчестными возбуждающими поступками разных постоянных и близких слуг короля к адюльтеру». Еще яснее звучит следующее: она «добилась, чтобы собственный родной брат овладел ею, соблазняя его поцелуями, вопреки заповедям Всемогущего Бога и всем человеческим и небесным законам». Вот как можно было унижить королеву.

12 мая судили четырех обвиняемых (Уайетта и еще одного подозревали, но освободили). Смитон снова признал вину, а остальные заявили о своей невиновности. Всех четверых, конечно, приговорили к смертной казни как изменников. Три дня спустя, 15 мая, по

отдельности рассматривали дела Анны Болейн и ее брата Джорджа перед жюри присяжных из равных им по статусу пэров.

Анна вошла в Большой зал лондонского Тауэра, «будто двигалась на великий праздник», писал один из очевидцев. Перед примерно 2000 свидетелей она твердо отвечала «Невиновна» на каждое обвинение. «Она давала такие разумные и осторожные ответы на все выдвинутые ей обвинения, оправдывая себя так четко и ясно, как будто никогда не делала ничего подобного», — записал герольд Виндзора Чарльз Риотесли.

Когда настала очередь Джорджа Болейна, он и запутал дело, и увеличил риски, вслух зачитав выдвинутое ему обвинение, что они с Анной вместе смеялись над слабыми мужскими способностями короля. Однако в любом случае все 26 пэров признали их виновными. Дядя Анны герцог Норфолк объявил приговор: Анну сжечь или обезглавить по желанию короля. Через два дня пятерых мужчин казнили, а брак Анны признали недействительным.

19 мая сама Анна Болейн пошла на плаху. В те мучительные дни в Тауэре она рыдала, что ее судьба убьет ее мать, ее родную мать, которая не играла существенной роли в жизни Анны. Однако во всех других отношениях она, казалось, как докладывал лейтенант Тауэра, «находила радость» в смерти.

Почему Анне Болейн пришлось умереть? В то время само собой разумеющимся предположением являлось, что она была виновна в преступлениях, в которых ее обвинили. Как написал некий Джон Хасси, «если все книги и хроники... написанные против женщин... со времен Адама и Евы говорят о том же, то, я думаю, это поистине ничто в сравнении с тем, что совершила королева Анна». Однако архиепископ Кранмер, по рассказам шотландского реформатора Алеса, шагая на рассвете по садам Ламбетского дворца перед казнью Анны, заявлял: «Она, которая была королевой Англии на земле, сегодня станет королевой в Царствии Небесном».

Одна теория, естественно, поддерживает точку зрения, согласно которой Анна была виновна в нарушении супружеской верности, пусть и не совсем так, как ей вменяли. Однако у этой позиции немного приверженцев, тем более что в деталях обвинений много очевидных погрешностей, как, например, тот факт, что зачастую в указанные даты Анна и ее предполагаемые любовники даже не находились в одном

месте. Вероятно, также и потому, что Анна неоднократно заявляла о своей невинности перед лицом смерти, «угрожая своей душе осуждением на вечные муки».

Анна Болейн сама говорила, что «существуют другие причины, по которым ее приговорили, а не голословные обвинения». Вторая, гораздо более убедительная теория, предполагает, что виновником гибели Анны был ее бывший союзник Томас Кромвель. Вполне правдоподобно, что, когда союз Кромвеля и Анны распался, он начал опасаться за свою безопасность, если она останется королевой; к тому же он, как и многие другие, считал, что именно Анна спровоцировала опалу Вулси.

Тем не менее другая теория представляет Кромвеля орудием его господина Генриха VIII, который (либо искренне веря в виновность Анны, либо с циничной жестокостью просто ища предлог, чтобы избавиться от нее) приказал Кромвелю обосновать дело. Генрих объявил о своей помолвке с Джейн Сеймур на следующий день после смерти Анны и женился с неподобающей поспешностью. Даже Шапюи 18 мая отметил раздражение общества тем, что король был так счастлив «сразу после ареста прелюбодейки». Здесь, по существу, кроется большая проблема для историков этого периода: Генрих предстает либо как дурак, либо как чудовище.

Наверное, есть и четвертая, компромиссная позиция, допускающая долю недопонимания (скорее самообмана, чем обмана третьей стороной) в реакции английского короля. Возможно, Анна умерла за идею; не за идею Реформации, а за старинный идеал куртуазной любви. Игра, которой она училась при европейских королевских дворах, позволяла (даже предполагала) некоторую свободу обращения с окружающими мужчинами. Этой игрой она поначалу очаровала Генриха, но так и не поняла, когда в эту игру нельзя играть.

По своему рождению Анна Болейн не относилась к важным игрокам в той другой игре, в игре королей. Она была вышедшей в королевы пешкой, которая сама завоевала себе право двигаться со свободой королевы. Она узнала, что эта свобода тоже имеет определенные ограничения, но так было и с другими женщинами, более высокого происхождения, чем она. Екатерина Арагонская родилась, чтобы стать королевой, правление ее матери, казалось, было образцом для женщин всего столетия. Тем не менее она тоже страдала от реального страха за

свою жизнь и умирала в положении, которое показалось бы ей невозможным в лучшие ее годы.

Если Анна во многих отношениях была бунтаркой, то Екатерина в течение своего замужества всегда играла по правилам и преступила их, только отказавшись спокойно развестись. Однако ее судьба, как и судьба Анны, показала, насколько зависима была женская власть и женская честь в первой половине XVI столетия. Они зависели от воли мужчины, от собственного тела, его плодovitости или сексуальности, беззащитны перед изменами – в разных смыслах этого слова.

Выход Анны Болейн в королевы показал не только возможности этой роли, но и ее предельную уязвимость. На шахматной доске королева приобрела новые возможности, но в конечном итоге главное значение по-прежнему имел король. В последующие годы святая Тереза Авильская в книге «Путь совершенства» будет использовать шахматную королеву в качестве примера смирения из-за ее служения своему королю.

В эти десятилетия несколько женщин имели большую власть. Однако за единственным исключением в лице Изабеллы Кастильской, все правила на особых условиях: во временное отсутствие или при неспособности сына, племянника, супруга или брата. Это обстоятельство облегчало женщинам правление. Во второй половине XVI века новое поколение монархов женского пола (правлящих королев, а не регентов) окажется перед новыми вызовами, отличающимися от прежних не только количественно, но и качественно.

В Англии теперь обеих дочерей Генриха VIII объявили незаконнорожденными по Второму акту о престолонаследии. Такими же незаконнорожденными, как и сын Бесси Блаунт Ричмонд. Шапюи доложил, что вполне может появиться решение о превосходстве внебрачного сына над внебрачной дочерью. Однако 23 июля Ричмонд умер^[53].

Какими бы «незаконнорожденными» они теперь ни стали, время не оставит в неизвестности сестер Тюдор Марию и Елизавету. Они привнесут во вторую половину XVI века и соперничество своих матерей, и их духовное наследие, поскольку религиозный раскол в стране продолжал усугубляться.

Франция тоже в летние месяцы 1536 года потеряла своего дофина, наследника французского трона. Современники подозревали, явно без всяких оснований, что его отравил император; под подозрение попала и Екатерина Медичи, к тому же слуга, подозреваемый в совершении отравления, был итальянцем, приехавшим во Францию в составе ее свиты. Смерть дофина сделала новым престолонаследником второго сына Франциска Генриха, и Екатерина Медичи, прежде никому не интересная жена всего лишь младшего сына, теперь превратилась в будущую королеву Франции. Действительно, новое поколение было на подходе.

Часть IV

1537–1553 гг

Синьор Гаспаро не найдет мне замечательного мужчину, у которого я не обнаружу жену, дочь или сестру равных с ним достоинств, а то и более значительных.

Бальдассаре Кастильоне
«Придворный»

Дочери в опасности

Англия, Шотландия, 1537–1543 гг.

Середина XVI века – своеобразный перерыв в истории влиятельных королей и регентш. По всей Франции, Испании и в Англии женщины снова заняли свое традиционное место рядом с могущественным мужчиной. Однако было два значительных исключения: Шотландия и Нидерланды. Случайно или нет, но это происходило на территориях, где в эти десятилетия особенно ожесточенно шло сражение за Реформацию.

В Англии эти годы составили промежуток от кончин Екатерины Арагонской и Анны Болейн до восшествия на английский престол Марии – дочери Екатерины. Брачные приключения Генриха VIII продолжились рождением сына Эдуарда и смертью Джейн Сеймур в октябре 1537 года, бракосочетанием и разводом с Анной Клевской в 1540, затем последовал брак с Екатериной Говард (родственницей Анны Болейн), крах и казнь Екатерины в 1542 году.

Рассказы обо всех женах Генриха принадлежат к самым драматичным страницам британской истории. Однако если они могут послужить уроком в этой ситуации, то он, пожалуй, состоит в том, насколько одноразовыми могут быть королевы. Третья, четвертая и пятая жены Генриха не проявляли признаков активных игроков в политической истории.

А что же его дочери? Елизавета была совсем малышкой, младше трех лет, когда в 1536 году ее матери не стало. Отмечали, что она быстро развивалась, но все же в течение жизни ее отца оставалась ребенком, и ей не требовалось как-то приспособливаться к его политике. Однако для Марии Тюдор, которой к моменту смерти ее матери уже перевалило за 20, все будет совсем иначе.

Акт о престолонаследии, принятый летом 1536 года, постановил, что английский трон отойдет детям Генриха VIII только от Джейн Сеймур или последующей жены. Елизавета Тюдор, как и Мария, были

«незаконнорожденные... полностью исключены и лишены прав заявлять требования на наследство как законные наследники».

Если они и являлись незаконнорожденными, то все равно королевской крови: Мария занимала место крестной матери на крестинах юного принца Эдуарда, а Елизавета (сама еще такая маленькая, что ее пришлось держать на руках) поддерживала край крестильной рубашечки ребенка. К тому же, когда младенца Эдуарда отослали от двора ради его здоровья и безопасности, он должен был присоединиться к сестрам в Хартфордшире, где Мария как бы замещала мать в общей королевской детской.

В Хатфилде, Хансдоне, Эшридже и замке Хертфорд Елизавету начали обучать латинскому, французскому, итальянскому, испанскому и даже фламандскому языкам; истории и географии, астрономии и математике, а также танцам и верховой езде, музыке и рукоделию. Это хорошее гуманитарное образование, сродни тому, какое могли бы дать мальчику. Елизавета не имела никакой специальной подготовки к королевской власти, подобной той, что получала Мария в Ладлоу, но все же она была незаконнорожденной женского пола, так зачем же было тратить время?

Требовалось решить проблему, какое будущее можно спланировать для дискредитированных дочерей Генриха. Даже королевский совет отметил, что девочек маловероятно выдать замуж за границу, если не придать им «какого-то статуса» в родной стране. Однако в отношении Марии перво-наперво стояла задача подчинить ее власти отца.

Сразу после кончины Екатерины Арагонской люди Генриха явились к Марии с требованием подписать документ о том, что она признает, что брак ее родителей «никогда не был действительным»; что он «по Божьему и человеческому закону был кровосмесительным и неправомерным». Они и раньше неоднократно пытались добиться подобного признания и от матери, и от дочери, однако теперь мать умерла.

Сначала Мария отказалась подписывать документ, но давление нарастало. Она написала отцу, умоляя его принять во внимание, «что я всего лишь женщина и ваше дитя». В конце концов, страшась за жизнь своих друзей, да и за собственную, Мария сдалась и подписала признание. Такой же документ заставил ее заявить, что она действительно «признает, принимает, понимает, считает и

подтверждает» своего отца главой церкви в Англии и отвергает «мнимую власть епископа Рима».

Она считала свою капитуляцию слабостью. Мария Тюдор, наверное, никогда не простила себе поступка, который внес вклад в формирование ее характера не меньше, чем непоколебимость матери. Однако он подал сигнал к началу нового сближения с Генрихом. 6 июля 1536 года «дорогая и любимая дочь Мария» короля Генриха тайно поскакала, чтобы воссоединиться с отцом, который не разговаривал с ней пять лет. Она получила подарки и деньги, а также превосходство над всеми, кроме королевы Джейн. Ее положение стало странным и опасным. С одной стороны, ей благоволили, а с другой – за ней следили, и очень внимательно.

Некоторые окружавшие Марию люди пострадали после выступлений 1536 и 1537 годов против религиозных реформ Генриха. Католические повстанцы «Благодатного паломничества» требовали, чтобы ее восстановили в правах на престол отца. Однако если Мария и сокрушалась по поводу провала восстания и суровых наказаний, которые понесли предводители восставших, то она делала это молча. В 1538 году Кромвель предостерег ее от «приема посторонних» в Хансдоне. В 1539-м раскрытие предполагаемого заговора йоркистов против короля Генриха закончилось казнями. В числе других казнили 68-летнюю Маргарет Поул, родственницу и бывшую наставницу Марии, которую она называла «второй матерью». Как горько отметил Шапюи, «кажется, что они хотят оставить ей как можно меньше друзей».

Мария постаралась наилучшим образом использовать те личные отношения, которые еще оставались. В конце 1536 года она написала отцу, что Елизавета такой замечательный ребенок, что «я не сомневаюсь, Ваше Высочество найдет причину порадоваться этому, когда придет время». Она хорошо ладила с четвертой женой отца Анной Клевской (несмотря на тот факт, что брак с ней был заключен, чтобы закрепить протестантский союз); отношения не сложились с ветреной Екатериной Говард, та не только приходилась кузиной Анне Болейн, но и ей было 19 лет, когда Марии уже 23. В начале 1543 года она, должно быть, почувствовала облегчение, когда пришли известия о предстоящем и, как оказалось, последнем бракосочетании короля с образованной сдержанной вдовой 30 лет.

Екатерина Парр была фрейлиной Марии, когда Генрих ухаживал за ней, а мать Екатерины служила при Екатерине Арагонской. Возможно даже, что Екатерина Арагонская стала крестной матерью своей тезки и в будущем преемницы. Теперь, по иронии судьбы, Екатерина Парр, как Екатерина Арагонская до нее, будет представлять английскую сторону в долгой истории шотландских войн.

В Шотландии Маргариту Тюдор уже полностью отстранили от власти в правление ее сына Якова V. Мечта о союзе с Англией никогда не покидала Маргариту. В первые месяцы 1536 года она готовилась к тому, чего фактически так и не произойдет, – к встрече сына Якова с ее братом. Однако ей приходилось наблюдать, как ее третий муж Генри Стюарт изменяет ей и проматывает ее деньги. Маргарита попыталась бежать в Англию, но ее опять вернули на север. Маргарита Тюдор стала обузой для обеих сторон. Она жаловалась английскому посланнику сэру Ральфу Сэдлеру, что Генрих ей не пишет: «Хотя меня забыли в Англии, я никогда не забуду Англию. Невелик труд... потратить на меня немного бумаги и чернил».

Отношения Маргариты с Яковом немного облегчила ее новая роль бабушки (для двух не проживших долго мальчиков, а не для его знаменитой дочери Марии). В 1537 году для возобновления «Старого альянса» с Францией Яков V женился на дочери короля Франциска Мадлен. Он отправился во Францию, чтобы самому ухаживать и вступить с ней в брак; это была романтическая история. Однако Мадлен (уже страдавшая туберкулезом) умерла через семь недель после приезда в Шотландию. Якову требовалась новая невеста, но король Франциск не хотел отправлять свою младшую дочь в шотландский климат. К счастью, существовал другой вариант: молодая вдова из уже известной французской семьи.

Мария де Гиз (Мария Лотарингская) родилась 20 ноября 1515 года в роду, быстро возвышавшемся на французских территориях. Ее отец Клод, герцог де Гиз, с начала правления Франциска был ровесником и закадычным другом короля. Отец Клода владел обширным независимым герцогством Лотарингия, а также крупными имениями в самой Франции, и претендовал на королевства Неаполь и Иерусалим. Соответственно он происходил из семьи, давшей Маргариту

Анжуйскую, жену короля Англии Генриха VI и женщину, сыгравшую столь противоречивую роль в войне Алой и Белой розы.

Мать Клода, кузина матери Франциска Луизы Савойской, сама была известной личностью. Филиппа Гелдернская, в юности знаменитая красавица, не прислушалась к мольбам семьи и удалилась в суровые объятия сестер клариссинок, когда младшему из ее 13 детей исполнилось всего 12 лет. Не только Клод и его старший брат Антуан, но и сам король Франциск не страшились монастырских стен, чтобы посоветоваться с ней.

Клод стал героем первой Итальянской кампании Франциска, получил почти смертельное ранение в битве при Мариньяно, но успел восстановиться, чтобы скакать рядом с Франциском, когда король победоносно вступал в Милан. С этого времени звезда Гиза начала свое восхождение. Когда войны Франциска снова позвали его в Италию в 1525 году, он оставил Клода главным советником Луизы Савойской. Как только германские реформаторы, воспользовавшись отсутствием Франциска, вторглись в Лотарингию, мать Клода Филиппа сказала ему, что наряду с некоторыми болезнями, которые излечиваются мягкими средствами, есть и другие, а ересь – это гангрена, и с ней можно справиться только огнем и мечом. С тех пор в Клоде (произведенном в герцоги по возвращении Франциска) видели католического героя.

Наиболее сильное влияние на дочь Клода, молодую Марию де Гиз, вероятно, оказала ее мать, сильная и набожная Антуанетта де Бурбон, хотя впоследствии дома Гизов и Бурбонов будут серьезно конфликтовать. Антуанетта оставалась управлять семейными владениями во время частых отсутствий ее супруга Клода. Их старшая дочь Мария, вероятно, планировалась для церкви, поскольку, когда она стала подростком, ее отправили к бабушке Филиппе в монастырь клариссинок. Однако, похоже, ее многообещающая привлекательность через два-три года навела ее дядю Антуана на мысль, что ее можно лучше использовать на пользу семьи.

После первого появления Марии при королевском дворе в 1531 году король вскоре уже относился к ней как к одной из собственных дочерей. Возможно, возникала мысль (по крайней мере, в ее семье), что она может выйти замуж за одного из сыновей Франциска, но через несколько недель после помолвки Генриха с Екатериной Медичи

Марию вместо этого обручили с герцогом де Лонгвилем, одним из главных вельмож Франции. Брак был счастливым, и Мария родила сына. Она вернулась ко двору как раз вовремя, чтобы стать одной из главных гостей на свадьбе ее подруги Мадлен с шотландским королем. Всего за четыре недели до смерти Мадлен умер супруг Марии де Гиз Лонгвиль, а месяцем позже она родила их второго сына.

Французский король предложил Марию Якову V меньше чем через два месяца после похорон ее мужа. Мария была шокирована, и решение о браке продвигалось с трудом, не в последнюю очередь из-за споров о том, какую часть владений Лонгвиля следует включить в ее приданое, в ущерб интересам ее сыновей. Ходили слухи, что сын Франциска Генрих хотел отказаться от Екатерины Медичи ради Марии. Вскоре в список вошел еще один поклонник в лице (в последние годы заметно округлившемся) Генриха VIII Английского. Генриха привлекало все, что он слышал о Марии, не в последнюю очередь ее крупное телосложение. «Я, может, и большая, но шея у меня маленькая», – остроумно ответила она на это предложение.

В этот напряженный момент умер второй сын Марии, всего четырех месяцев от роду. В переписке Марии с отцом Клодом и матерью Антуанеттой было решено, что ничего не будет делаться без согласия Марии. Маргарита Наваррская предложила посредничество с ее братом королем Франциском, но Мария (когда был подготовлен выгодный контракт) приняла разумное решение. Она отплыла в Шотландию в июне 1538 года, оставив сына и лонгвильские владения заботам своей матери Антуанетты.

Прибыв в Шотландию, Мария де Гиз, ободренная обменом замечательными письмами с матерью, все сделала правильно: любезно сказала, что новые замки Якова V ничем не уступают замкам Луары, поддержала его внебрачных детей и подружилась с Маргаритой Тюдор, своей новой свекровью. Степень влияния Марии туманна, если не рассматривать тот факт, что Яков устоял перед попытками своего дяди Генриха подтолкнуть его к разрыву с Римом, но брак в целом можно считать успешным. На личные ссоры были лишь какие-то намеки. В мае 1540 года Мария родила супругу сына, всего через 11 месяцев родила и второго. Однако в течение нескольких недель оба младенца умерли, к великому горю обоих родителей и бабушки Маргариты Тюдор (она скончалась от инсульта в ноябре того же года).

Вскоре на горизонте обозначилась другая проблема: возобновившаяся угроза со стороны Англии. Попытка Генриха VIII установить историческое господство в Шотландии провалилась, но когда Яков V попытался отбить военное наступление собственным вторжением в Англию, выяснилось, что слишком многие его вельможи подкуплены английским золотом. Тем не менее он продолжил продвигаться, и, хотя сам король не участвовал в катастрофическом сражении при Солуэй-Моссе в ноябре 1542 года, ходили слухи, что известие об этом поражении повредило его уже слабый рассудок. Мария тоже не имела возможности помочь ему, потому что находилась на последних месяцах следующей беременности.

6 декабря 1542 года Яков V слег в постель; 8 декабря Мария де Гиз разрешилась дочерью. Легенда говорит, что Яков, услышав новость, пробормотал, что «пришли с девчонкой и уйдем с девчонкой». (Династия Стюартов унаследовала корону через дочь Роберта Брюса Марджори.) 14 декабря он скончался, оставив трон в наследство своей дочери Марии Стюарт, шести дней от роду.

Мария де Гиз не получила официального положения, какое имела Маргарита Тюдор. Ее супруг не оставил завещания, где назвал бы Марию регентом, и хотя ситуацию Маргариты Тюдор можно было бы считать прецедентом, это не обнадеживало. Более того, протокол требовал, чтобы Мария оставалась в своих апартаментах и как скорбящая вдова короля, и как недавно родившая королева-мать. Тем временем главная позиция в регентском совете была костью, за которую предстояло сразиться графу Арранскому (который в случае смерти младенца наследовал трон) и архиепископу Сент-Эндрюса кардиналу Битону.

Мария не стала скрывать, что поддерживает Битона. Не только потому, что его антианглийская политика больше соответствовала ее французским интересам, но она, вероятно, боялась предоставлять Аррану, который сам находился соблазнительно близко к трону, исключительный контроль над ее беззащитным ребенком. В течение месяца со дня кончины Якова V Аррана провозгласили регентом Шотландии, но Битон должен был стать лорд-канцлером.

Между собой им требовалось найти способ противостоять постоянной угрозе со стороны Англии и сохранить трон для маленькой Марии, королевы Шотландии. Генрих VIII предложил решение:

поженить малолетнюю королеву шотландцев с его сыном Эдуардом и растить девочку при его дворе, обеспечивая таким образом контроль над ее страной. Существовало реальное опасение, что, если его план отвергнуть сразу, он начнет вторжение. Мария де Гиз могла лишь тянуть время.

Первое, что сделала Мария, боясь, что либо Англия, либо Арран (сомнительно, что для английской партии) похитят младенца-королеву, это уехала с дочерью, по сути, из-под опеки Аррана в более безопасный замок Стерлинг. Вскоре Мария, всячески выказывая удовольствие от предстоящего союза, с гордостью демонстрировала младенца послу Генриха VIII Ральфу Сэдлеру. 1 июля Гринвичский договор установил мир между Шотландией и Англией в продолжение жизни Генриха VIII и Марии Стюарт, назначил бракосочетание Марии с сыном Генриха Эдуардом на ее одиннадцатилетие и оставил Аррана на это время правителем Шотландии.

Однако Мария не собиралась следовать этим планам и получила значительную поддержку из-за их крайней непопулярности у большинства шотландцев. Была заключена сделка, по которой маленькая Мария оказалась под опекой четырех лордов, а не Аррана. Антуанетта во Франции поздравила дочь со спасением из «великого и продолжительного плена». Младенца Марию, королеву шотландцев, короновали в Стерлинге 9 сентября 1543 года.

Именно французский посол Ла Бросс помог Марии де Гиз и кардиналу Битону найти предлог (Генрих VIII захватил несколько шотландских кораблей и нарушил мирное соглашение) для объявления недействительным Гринвичского договора, заключенного всего несколько месяцев назад, и официального восстановления союза с Францией. Летом 1544 года начались так называемые «Грубые ухаживания», многолетняя карательная кампания, предпринятая Генрихом, чтобы наказать шотландцев, по словам короля, за «их вероломство и непокорность... подвергающее мужчин, женщин и детей огню и мечу».

Последовавшее разорение не способствовало популярности Аррана в качестве правителя страны, и Мария де Гиз решила начать борьбу за регентство. Несмотря на то что совет дал согласие, дело остановилось, поскольку Арран смог собрать более крупные вооруженные силы,

однако Мария отвоевала роль главы специального совета, с мнением которого теперь будет считаться правитель страны.

Возможно, в ушах Марии постоянно звучал совет Анны де Божё, что вдовам нужно держать власть в собственных руках. Мария де Гиз сохранила трон своей дочери. Однако в Англии оставалось неясным, смогут ли дочери Генриха VIII найти подобную защитницу или образец для подражания – будут ли они так же удачливы.

Пешки и принцессы

Нидерланды, Франция, 1537–1543 гг.

Когда Мария младенцем вошла на трон Шотландии, она была слишком мала, чтобы с ней считались, а будущее дочерей Генриха VIII оставалось неясным, во Франции и Нидерландах жизнь других принцесс, казалось бы, шла традиционным путем: их двигали, как пешек, в интересах семейств.

В Нидерландах Мария Австрийская добилаь небольшой, но впечатляющей победы для одной из своих почти дочерей, когда в 1538 году поддержала племянницу Кристину Датскую (вдову в 16 лет) в ее страстном желании не вступать во второй брак с Генрихом VIII. Портрет, написанный Гольбейном в процессе ухаживаний, не дает представления о сильном характере Кристины так, как ее известное высказывание, что, если бы у нее было две головы, одну из них она предоставила бы в распоряжение короля Англии.

Возможно, она получила свой острый язык от Марии Австрийской, которая, узнав, что после казни Анны Болейн Генрих снова женился, написала своему брату Фердинанду:

Будем надеяться, если можно чего-то ожидать от такого человека, что, если эта жена ему наскучит, он найдет более удачный способ избавиться от нее. Полагаю, что большинство женщин не оценят, если подобный обычай станет общепринятым, и не без оснований. Несмотря на то что лично я не собираюсь подвергать себя опасностям такого рода, я все-таки тоже женщина и поэтому вместе со всеми буду молиться Господу, чтобы он избавил нас от подобных рисков.

Деятельности Марии по централизации управления различными голландскими провинциями слишком часто мешали финансовые и военные нужды ее брата Карла V. Чтобы оплатить его итальянские войны, во всей империи повысили налоги, и в 1539 году граждане

Гента подняли восстание. Их яростный мятеж удалось подавить, только когда с армией прибыл сам Карл. Император прогнал мятежных бюргеров по улицам с петлей на шее, но помиловал их после публичной просьбы Марии. Это было проявлением традиционной заступнической роли королевы, аналогичным тому, что сделали 20 лет назад в Англии три королевы, умолявшие сохранить жизни подмастерьев. После подавления восстания Мария Австрийская просила брата освободить ее от управления страной, но вместо того ее назначение продлили.

Во Франции тем временем Франциск поначалу не придавал большого значения своей новой королеве Элеоноре – сестре Карла V и Марии Австрийской. Однако дух «Дамского мира» никогда полностью не исчезал. Элеонора присутствовала на мирных переговорах Карла с Франциском в 1538 году, а в 1544-м играла уже более активную роль, когда встретила и с Карлом, и с Марией.

Брак Элеоноры с Франциском оставался бездетным. Так же обстояло дело, что важнее, и в семье наследника французского престола Генриха с Екатериной Медичи. Маргарита Наваррская успокаивала Екатерину: «Господь дал тебе королевского наследника, когда ты достигнешь возраста, при котором женщины Дома Медичи обычно имеют детей. Король и я еще обязательно порадуемся с тобой, несмотря на все низкие сплетни».

Екатерина завоевала поддержку старшего поколения. Короля Франциска всегда восхищало все из Италии, колыбели эпохи Ренессанса, и ему нравилась *Petite Bande* (Маленькая банда, позже историки стали называть ее «Летучим эскадром») Екатерины, группа смелых прекрасных молодых фрейлин, которыми он себя окружил. Когда в 1538 году появились признаки, что брак Екатерины может быть аннулирован, она поговорила со свекром, и тот заверил ее в своей надежной поддержке. Венецианский посол сообщал, что она предлагала уйти в монастырь или служить леди, которая станет следующей женой ее мужа; то есть повела себя совсем не так, как Екатерина Арагонская.

Супруг Екатерины Генрих никогда не проявлял интереса к своей молодой жене. Он все больше подпадал под влияние Дианы де Пуатье, легендарной придворной красавицы, которая, несмотря на разницу в

возрасте между ними в 20 лет, стала фавориткой Генриха^[54]. Екатерина Медичи, говорят, сделала отверстия в полу, через которые могла наблюдать (и учиться), что делали в постели ее муж и его любовница. (По иронии судьбы в течение следующего десятилетия Диана будет одной из самых решительных сторонниц Екатерины, полагая, что игнорируемая итальянская жена меньше угрожает ее положению, чем могла бы угрожать другая, более любимая королева.) Известно наверняка, что был приглашен королевский врач. Он осмотрел Екатерину и Генриха и нашел небольшие отклонения у обоих.

Доктор, по-видимому, посоветовал (к сожалению, его совет не зафиксировали письменно) несколько изменить технику или позицию при половом акте. Совет привел к успеху: летом 1543 года Екатерина Медичи наконец забеременела. Ребенок родился в январе 1544 года, его назвали в честь деда Франциском. Так начался новый, более известный этап жизненного пути Екатерины. (Король Франциск, присутствовавший при родах, так заинтересовался процессом, что потребовал, чтобы ему показали и послед.) Маргарита Наваррская написала брату, что это был «самый прекрасный, самый долгожданный и самый нужный день для вас и вашего королевства».

Маргарита сохраняла влияние во французских делах и оставалась преданным союзником брата, стараясь даже (в 1540 году и впоследствии) посредничать в мирных переговорах Франции с Англией, знал о том Франциск или нет. Однако ее все больше мучил конфликт интересов ее брата и ее мужа. В 1537 году наваррская чета, в надежде вернуть аннексированную Испанией часть Наварры, вступила в тайные переговоры с императором Карлом V, сыну которого Филиппу они предложили в жены свою дочь Жанну д'Альбре. Каждое письмо Маргариты брату, при всех непомерных уверениях в любви и преданности, дышит тревогой по поводу их действий против его интересов, а еще, вероятно, и ее желанием успокоить брата, поскольку на поле битвы своей вечно беспокойной преданности Маргарита приближалась к самому острому конфликту.

Отношения Маргариты Наваррской с дочерью, по всей видимости, определили сложности, которые она пережила со своей матерью Луизой Савойской. Жанна поначалу росла в основном в Нормандии,

где жила ее приемная мать Эме де Лафайетт. Отец Жанны, Генрих д'Альбре, вечно был занят либо при дворе, либо на собственных юго-западных территориях, а Маргарита полностью отдавалась роли руководителя королевской детской брата.

Упоминаний о Жанне в письмах Маргариты немного, всего два за первые семь лет жизни девочки. В одном из них Маргарита пишет, что ей нужно отдохнуть «подальше от моей дочери, которая слишком беспокойная и громкоголосая». И наоборот, есть упоминание о всегда слабом здоровье Жанны, когда Маргарита планировала забрать ее для перемены обстановки в 1533 году.

В 1537 году, когда ей не было и десяти лет, встал вопрос, как можно наилучшим образом использовать Жанну в качестве пешки для замужества. Ее отец надеялся, что с помощью дочери сумеет добиться воссоединения Наварры; мать Жанны, испытывая внутренний конфликт, колебалась, поддержать ли супруга или брата, который не желал, чтобы жизненно важное приграничное государство Наварра таким образом вошло в союз с империей Габсбургов.

Тем летом Франциск послал за своей племянницей, но ребенок серьезно болел, как писала Маргарита Наваррская, «жар и понос с кровью, настолько частый и сильный, что, если Господь не даст понижения температуры еще 24 часа, то ее маленькое тело не выдержит». Однако Маргарита добавила: «Надеюсь, Бог, который привел ее в этот мир быть полезной вам, помилует девочку, чтобы выполнить желание матери, отца и собственное: лучше видеть ее мертвой, чем совершившей что-либо, не отвечающее вашим замыслам... На этом зиждется моя надежда на ее выздоровление».

Надежда оправдалась: Жанна выздоровела, и ее вместе с любимыми попугаем и ручной белкой увезли, чтобы мать восстановила силы девочки. С 10 до 12 лет Жанна в основном жила в Плесси-ле-Тур, по большей части не видя своих родителей, по приказу дяди Франциска, который решил не позволить им распорядиться судьбой девочки в своих интересах, а не в интересах короля.

Если родители Жанны д'Альбре склонялись к испанской партии, чтобы восстановить целостность королевства Наварра, то Франциск вынашивал совсем другие планы. В январе 1540 года он получил предложение на брак с Жанной от герцога Клевского, правителя герцогства на Рейне. Франциску всегда хотелось нарушить власть

Священной Римской империи над германскими государствами, а эту надежду укреплял тот факт, что некоторые страны тяготели к реформатской вере. Брачный договор подписали в июле того года. Жанна, которой объявили о планах дяди в присутствии ее матери, заявила, что «согласна».

Понятно, что мать будет затягивать дело как можно дольше. Жанне все еще было всего 12 лет, когда Маргарита Наваррская слезно писала предполагаемому жениху, что супружество пока «не созрело согласно Богу и природе». Франциск, однако, настаивал на скором заключении союза и приказал родителям доставить Жанну ко двору, куда уже прибыл герцог Клевский. Маргарита добилась только враждебности обоих – и мужа, рассерженного тем, что она уступает желаниям Франциска, и брата, раздражавшегося по поводу того, что она делает это недостаточно быстро.

Произошедшее дальше – тема для догадок. До нас дошло лишь одно сообщение об этих событиях от испанского шпиона Хуана Мартинеса Дескурры. Согласно Дескурре, Маргарита Наваррская предложила, чтобы ее дочь при свидетелях выразила официальный протест против бракосочетания. С таким протестом в кармане родители Жанны могли безопасно допустить эту помолвку, добившись, что Жанна останется с ними до 14 лет, рассчитывая, что время сделает союз Франции с герцогством Клевским менее настоятельным. Генрих Наваррский согласился, предупредив жену, что, если она разболтает и этот план дойдет до ее брата Франциска, он постарается, чтобы «в старости она жила хуже всех женщин на земле».

Официальный протест благополучно припрятали, но поскольку Франциск лично привел герцога на встречу с невестой, Жанне д'Альбре пришлось сказать своему грозному дяде, что она передумала. Франциск спросил, кто ее подучил, и во время горячего разговора (Дескурра описывает его как пространный диалог) Жанна рыдала и кричала, что лучше утопится, чем выйдет замуж за герцога Клевского. Франциск зловеще объявил ей и всем ее близким, что «за это не сносить головы». Так как Жанна повторяла свою угрозу покончить жизнь самоубийством, ее родители получили послание, указывающее, что император не намеревается немедленно предлагать своего сына в качестве альтернативного супруга. У Маргариты и ее мужа не осталось

другого выбора, как согласиться на брак с Клевским, по крайней мере в его начальной стадии.

Что было дальше – запутанная и очень неприятная история. Маргарита Наваррская написала брату королю Франциску, что с ужасом узнала об открытом неповиновении своей дочери: «Моя дочь, не оценив великой чести, которую вы ей оказали, удостоив своим посещением, и не понимая, что хорошая дочь не имеет права на собственную волю, была глупа, умоляя вас не выдавать ее за герцога Клевского». Она, Маргарита, будет только чрезвычайно рада наказать любого, кто вложил такую «дерзость» ей в голову.

В конце мая Франциск готовил ослепительные свадебные торжества. 13 июня 1541 года в замке Шательро недалеко от Пуатье отметили помолвку, и сам король сопровождал двенадцатилетнюю Жанну.

Обоих новобрачных спрашивали о согласии вступить в брак, и оба ответили утвердительно, хотя впоследствии Жанна д'Альбре скажет своему историку Николя де Борденаву, что, когда ей задали вопрос в третий раз, она произнесла лишь: «Не заставляйте меня». Она сделала еще одну пространную декларацию, что «брак, который желают заключить между мной и герцогом Клевским, против моей воли, что я никогда не соглашалась на него и никогда не соглашусь». Все, что она могла говорить иного, продолжает документ, она сказала из страха. Из страха перед дядей, перед отцом «и перед моей матерью королевой, которая приказала наставнице Бальи де Кан угрожать мне и выпороть. [Она] несколько раз пугала меня по распоряжению королевы моей матери, угрожая, что, если я не сделаю все, чего хочет король... меня избьют до смерти и я стану причиной краха и разорения своей матери и отца и всего их дома... Я не знаю, кого просить о помощи, кроме Бога, когда вижу, что мать и отец бросили меня».

Поскольку венчание проводилось с большой торжественностью, Жанна была одета в малиновый атлас, отделанный горностаем, золотой венец и юбку из золотой и серебряной парчи, украшенную драгоценными камнями, но она не сделала и шага к алтарю: либо, по словам Брантома, «потому что не могла двигаться под тяжестью наряда, либо она желала протестовать до последней минуты...». Франциск приказал констеблю Франции Монморанси взять ее за воротник и донести до нужного места.

За свадебной мессой последовал банкет и маскарады, но брачная ночь была чисто символической: новобрачный лишь ритуально поставил ногу между простынями. Неделью спустя герцог отправился в Клеве, а Жанну, серьезно больную, мать забрала обратно в Плесси.

Что же происходило на самом деле? Разные историки на протяжении столетий выдвинули различные объяснения, но каждое из них оставляет вопросы. Если следовать саге шпиона Дескурры, мы видим, что Маргарита Наваррская сначала обеспечила предлог для отказа Жанны, а потом отреклась от этого, чтобы защитить собственное положение, оставив ребенка один на один с гневом короля. Если, напротив, верить письму Маргариты Франциску, то нашим глазам предстает, возможно, самый вопиющий пример того, что она ставила потребности брата выше интересов супруга и ребенка. Если же мы верим декларации Жанны д'Альбре, получается, что Маргарита пошла даже дальше, угрожая высечь дочь до полусмерти. И это женщина, которая всю жизнь в своих сочинениях отстаивала права женщин! Самая милосердная трактовка событий состоит в том, что это дело было до некоторой степени спланировано заранее, и родители вовлекли Жанну в обман, хотя созданный план, естественно, потребовал значительных актерских способностей от двенадцатилетней девочки.

Сама Жанна впоследствии дала некоторые пояснения, правда, оставив массу неясностей:

Брак заключили... против воли невесты и ее отца, который скорее уступил, чем согласился, чтобы не гневить короля. Дочь не осмелилась сопротивляться [браку] открыто, столько же из страха и уважения к дяде и матери (которую брат подчинил себе), сколько из смущения и наивности возраста и пола...

Рассказ, представленный Жанной, повествует, как она тайно составила протест: «Подсказали ли ей сделать так, или она действовала по собственной инициативе». Сложно представить себе, чтобы двенадцатилетний подросток без совета со стороны пошел на такой хитрый ход. Однако чем больше вчитываешься в декларацию Жанны с ее драматичной историей об угрозе физическим насилием, тем легче заподозрить, что просматриваются способности Маргариты

Наваррской к художественному вымыслу. Очень может быть, что мы видим девочку-подростка, которую родители сподвигли к действию, а она потом не смогла отступить с занятой позиции, как, наверное, сделал бы более опытный политик. В любом случае это была рана, которая будет мучить Жанну. К тому же, поскольку теперь она формально являлась женой герцога Клевского, история осталась незаконченной.

Неудивительно, что той зимой Маргарита в письме своему зятю описывала Жанну по-прежнему худой и нездоровой: «Мы делаем все, чтобы откормить ее, но она не набирает вес»^[55]. Сама же Жанна писала своему супругу: «Никакая медицина в мире не может так помочь моему здоровью, как известие, что с вами все в порядке». Вероятно, она научилась притворяться ради хорошего, или политического, дела. Однако не исключено, что обучение продолжалось.

Франция и Карл V снова вели войну, когда в начале 1543 года Жанну д'Альбре отправили для воссоединения с супругом, который показал себя ценным французским союзником. Тем не менее она еще находилась на французской земле, когда пришло известие, что герцога Клевского вынудили перейти на другую сторону и восстановить прежнюю зависимость своей страны от императора. Франциск немедленно потребовал аннулировать брак и поручил Маргарите с мужем предоставить основания.

Маргарита Наваррская предъявила подписанный Жанной протест, объявляющий, что она вышла замуж по принуждению. Маргарита и ее супруг никогда бы не осмелились говорить об этом, заявила она, «если бы Клевский вел себя по отношению к вам, как должно и как я рассчитывала, мы бы никогда не допустили такой мысли и предпочли бы видеть свою дочь мертвой, как она грозила, чем пошевелили бы пальцем, чтобы не пустить ее куда-либо... где... она может служить вам. Поскольку он настолько бесчестен, мы больше не боимся сказать правду...».

Жанну заставили подписать еще одну заверенную декларацию, на этот раз при полном одобрении своего дяди Франциска. Даже на этом этапе у истории существовал другой финал.

Несмотря на то что герцог Клевский и сам уже решил искать брачного союза с одной из племянниц императора, чтобы получить

полное аннулирование, требовалось убедить папу римского. В письмах от Маргариты Наваррской весной 1545 года объявлялось, что она «отбросила всю материнскую чуткость», чтобы заставить дочь вступить в этот брак; а Жанна писала, что «моя мать королева поставила покорность королю выше собственной жизни, и моей жизни тоже».

Брачный союз в итоге аннулировали в ноябре. Как бы на самом деле ни обстояло дело, маловероятно, что четырнадцатилетняя Жанна поняла или полностью простила своих родственников, возможно, она испытывала обиду еще очень долго.

Маргарита Наваррская и ее брат Франциск, напротив, по-видимому, быстро вернулись к прежним отношениям, исключая постоянно присутствующий религиозный вопрос. Регенсбургский сейм в 1541 году стал попыткой найти какой-то общий язык между протестантами и католиками, но его провал усилил преследования протестантов (как их станут называть впоследствии) и в Нидерландах, и во Франции.

Напряженность в атмосфере эпохи становилась все сильнее. Когда в 1542 году Франциск возобновил войну с императором Карлом V, он не рискнул оставлять страну, расколотую противоречиями, государственной власти или церковным иерархам. Из герцогства своего супруга Беарн Маргарита писала брату о жестокостях, которые творятся ради искоренения ереси: «о бедной женщине, при попытке потерявшей ребенка... и многих других злодеяниях, которые должны быть известны только вам». Она, как зачастую случалось, действовала очень осмотрительно, протестуя не против принципа как такового, а скорее против крайностей в гонениях.

Жалуясь на местного епископа, проповедующего, что и король, и его сестра поддерживают еретиков, Маргарита подчеркнуто дистанцировалась от тех, кто не согласен с «реальным присутствием Христа» во время мессы: «Слава Богу, милорд, никто из наших людей никогда не проявлял себя как сакраментарий». Однако она и ее супруг полагали, что местные монахи «нашли способ положить отраву в кафельницы», и пытались справиться с ними.

Она поссорилась со своим бывшим протеже, суровым французским богословом Жаном Кальвином, по поводу ее поддержки двух мистических проповедников^[56]. Напротив, папа римский (любивший

беседовать с Маргаритой) был склонен считать ее своим представителем при дворе Франциска. В те годы все добрые католики получили новый повод для оптимизма. Открытие Тридентского собора в 1545 году засвидетельствовало дух нового Крестового похода католической церкви, на нем обсуждались и искоренение коррупционных практик, и доктринальные указы. Однако Контрреформация сама по себе в предстоящие годы неизбежно станет поводом для агрессивных действий в отношении инакомыслящих. В начале 1545 года Маргариту шокировало, когда Франциск, по просьбе папы, санкционировал массовое убийство, по всей видимости, нескольких тысяч (оценки значительно расходятся) членов неканонического религиозного течения вальденсов.

Вероятно, Маргарита, как она нередко делала, искала спасения в литературной деятельности: поощряла окружающих ее литераторов переводить диалоги Платона, а сама начала анализировать связи между идеальной любовью, изображаемой в куртуазных романах, и идеями Платона. В своих южных владениях она собрала вокруг себя одаренных и литературно образованных людей. Однако ее сочинения не дают ясного ответа на постоянную двойственность Маргариты Наваррской по поводу своей женской роли; события тех лет так и не прояснили ее двойственное отношение к себе.

В 1544 году она писала Франциску о желании всей своей жизни служить ему не как сестра, а как брат. С другой стороны, она также нередко писала, что хотела бы родить сотню воинов для службы ему. Наверное, такая смесь идей есть нечто, с чем многим женщинам приходилось сталкиваться и в XVI веке, и во все другие времена.

Новые веяния

Англия, Франция, 1544–1547 гг.

В Англии в 1544 году Екатерину Парр, как до нее и Екатерину Арагонскую, оставили регентом, когда Генрих отправился на войну с Францией. Постоянные стычки Англии с шотландцами рассорили Парр с Марией де Гиз, это в некоторой степени напоминало события 1513 года, когда произошло столкновение армий Екатерины Арагонской и Маргариты Тюдор.

Во время регентства Екатерины Парр обе ее падчерицы, Мария и Елизавета Тюдор, смогли понаблюдать, как успешно властвует женщина, – подобное положение вещей было знакомо Европейскому континенту, но не всегда достигало английской земли.

Поначалу даже религиозные разногласия, казалось, несколько сгладились при реформистском усердии новой королевы. Екатерина Парр имела свои литературные устремления: сначала она анонимно выпустила книгу «Псалмы и молитвы» (*Psalms or Prayers*), а затем, под собственным именем, «Молитвы и размышления» (*Prayers or Meditations*), что сделало ее первой королевой, которая стала издаваемым автором в английской, если не французской истории. Десятилетняя Елизавета Тюдор в качестве новогоднего подарка преподнесла Екатерине свой перевод книги Маргариты Наваррской «Зерцало грешной души». Когда же Екатерина Парр заказала перевод с латинского на английский язык некоторых из пересказов Нового Завета Эразма Роттердамского (*Paraphrases upon New Testament*), другая падчерица Екатерины Мария вошла в состав группы переводчиков. Плохое здоровье не позволило Марии завершить перевод Евангелия от Иоанна, но окончательный вариант тем не менее включал пространное посвящение ей как «несравненному цветку непорочности».

Екатерина Парр чуть не пошла путем остальных королей Генриха, когда попала под подозрение за свои реформистские склонности^[57]. Мария Тюдор, напротив, смогла приспособиться к религиозному курсу отца, который по-прежнему включал верховенство мессы, обет

безбрачия священников и необходимость исповеди. В правление ее брата Эдуарда дела пойдут совсем по-другому.

В начале 1544 года Генрих VIII, которому было уже 52 года, а никаких признаков появления долгожданного второго сына не наблюдалось, утвердил новый Акт о престолонаследии. Если у него больше не будет детей, а его сын Эдуард умрет бездетным, тогда трон перейдет к Марии. Если Мария тоже умрет, не имея наследника, тогда престол унаследует Елизавета. Обе сестры изображены на картине неизвестного художника «Семейство Генриха VIII» (*The Family of Henry VIII*). В центре на троне сидит Генрих, по правую руку от него стоит юный Эдуард, а по левую – давно умершая Джейн Сеймур, мать этого важного мальчика. Эти трое обрамлены несколькими позолоченными колоннами. Подчеркнуто вне пределов магического круга законной королевской власти, обрамленные менее заметными колоннами, отдельно друг от друга стоят две дочери короля: Мария, старшая, справа от Генриха, а Елизавета – слева.

В декабре 1546 года послание этого семейного портрета ратифицировало королевское завещание, в котором подтверждалось место в порядке наследования и Марии Тюдор, а затем (при условии, что ни ее брат, ни сама Мария не оставят наследников) и Елизаветы. В конце 1546 и начале 1547 года, когда Генрих лежал на смертном одре, восхождение сестер на трон казалось маловероятной ситуацией.

В начале 1547 года произошла большая перестановка. За кончиной тучного и болезненного Генриха VIII 28 января 1547 года последовала, не прошло и двух месяцев, смерть его старого соперника короля Франциска.

Маргарита Наваррская в течение последних нескольких месяцев жила в своих имениях, страдая от артрита и страха перед будущим. В момент смерти брата она была в дороге, стремясь его увидеть – спасти, воскресить; отголосок ее стремительного броска в Испанию 20 лет назад. Она остановилась в монастыре в Пуату, когда ее настигло известие о кончине короля: прошло несколько месяцев, прежде чем она смогла вернуться к жизни. «О, смерть, победившая Брата, / Приди теперь великодушно / И пронзи своим копьем Сестру», – писала она в *Chanson spirituelle*, и далее:

Моя жизнь была полна сладости,
когда опиралась на его,
но теперь нет ничего, только пустота и горечь.
My life was filled with sugar and honey
when it was sustained by his
but now it is nothing but absence and bitterness

(Поэма «Корабль»)

Последние несколько лет в отношениях брата и сестры существовали трудности. Однако в итоге он, как она недавно писала ему, поддержал ее «как король, как господин, отец, брат и настоящий друг». Смерть Франциска стала горькой потерей, причем не только личного масштаба: потерей влияния, а также потенциальной потерей пенсии, которую ей назначил Франциск. Неудивительно, что одной из причин трений между Маргаритой и ее дочерью были большие расходы двора Жанны, которые мать сочла «неоправданными», как она написала управляющему финансами Жанны.

Новый король Генрих II избавил Маргариту от финансовых проблем, но писал о ней пренебрежительно «моя добрая старая тетя». При торжественном вступлении нового короля в Лион Маргарита Наваррская, которая некогда гордилась своим местом в каждой процессии, оказалась обязана Екатерине Медичи за приглашение в ее карету. («Я сопереживаю вашему затруднительному положению, поскольку всегда знала, что вы сопереживали мне», – написала ей Екатерина.) Екатерина теперь, разумеется, стала королевой Франции.

Смерть мужчин в нашей истории слишком часто несла резкие изменения, к лучшему или к худшему, для их женщин. В Англии, как и во Франции, дочерям Генриха VIII (а также его вдове) пришлось приспособливаться к новым веяниям. Последствия смерти могущественных королей разбегались как круги от брошенного в пруд камня. Их почувствуют даже в Шотландии, пусть даже на несколько предстоящих лет судьба Шотландии будет теснее связана с Францией.

Кончина Генриха VIII не положила конец «Грубому ухаживанию», в результате которого в сентябре 1547 года шотландцы даже понесли ужасное поражение в битве при Пинки-Клей. Реально опасаясь, что англичане могут похитить маленькую королеву Марию, Мария де Гиз обдумывала предложение нового короля Генриха II обручить четырехлетнюю королеву Шотландии с его трехлетним сыном, дофином Франциском, и растить девочку во Франции. План согласовали, и 7 августа 1548 года в сопровождении многочисленной шотландской свиты (включавшей ее знаменитых сверстниц и будущих фрейлин «четырех Марий») маленькая королева Шотландии отплыла во Францию, которая, как предполагалось, станет ее будущим королевством.

Компромиссы

Франция, 1548–1550 гг.

Можно сказать, всем в те годы приходилось искать компромиссы. В Шотландии Мария де Гиз, разумеется, была вынуждена разбираться с фактами практической политики. Лишь через два года, в 1550 году, когда между Англией и Францией был заключен мирный договор (который включал Шотландию), Мария смогла возвратиться во Францию на продолжительное время. Ей очень повезло: она могла больше никогда не увидеть свою дочь.

Английский посол при французском дворе писал, что деятельность Марии в Шотландии «ценят настолько высоко, что при этом дворе из нее сделали богиню». Предлагалось заменить шотландского правителя Аррана французским губернатором, который бы предоставил Марии возможность спокойно отойти от дел, но в одном из сообщений говорится, что она пошла к Генриху и объявила, что желает сама править Шотландией.

Во время пребывания во Франции у нее случилось большое горе: она потеряла единственного сына, с которым так недавно воссоединилась, молодого герцога де Лонгвиля. До нее также дошли слухи о заговоре с целью отравить ее маленькую дочь, королеву Шотландии. «Должно быть, наш Господь желает видеть меня среди своих избранных, если столь часто поражает меня такими печальями», – писала она своей матери Антуанетте. Однако Мария приготовилась возвращаться в Шотландию, понимая, где находится ее будущее.

Тем временем маленькая королева Шотландии счастливо росла при французском дворе. Шотландскую свиту, с которой она прибыла во Францию, почти полностью отправили обратно. Французы жаловались, что шотландцы грубые и грязные, даже четырех Марий отправили на обучение в монастырь неподалеку от Пуасси, поскольку королеву Марию необходимо было сделать как можно более похожей на француженку. И она оказалась в доброжелательной обстановке.

Генрих II и его супруга Екатерина Медичи были любящими родителями, постоянно просили отчеты и портреты, когда находились вдали от своих детей, в число которых теперь включили и Марию. Сохранились записи о бесконечной череде домашних животных, которых приносили в детскую, – мастифах и даже медвежонке, а также о том, что Мария, когда подросла, вместе со своей свитой с удовольствием занимается кулинарией.

Она делила спальню с Елизаветой, старшей дочерью Екатерины и Генриха. Король часто писал Марии де Гиз о «новостях нашего маленького семейства». Что еще важнее, Мария и французские принцессы обучались по той же программе, что и дофин Франциск: они изучали историю и ораторское искусство, иностранные языки и поэзию.

С самого начала прилагались усилия, чтобы заронить чувство взаимной любви в дофине и его будущей невесте, а в Марии, которая была немного старше и заметно сильнее, еще и стремление оберегать другого. К тому же заботливо воздавали должное королевскому статусу Марии. Генрих II был очарован своей будущей невесткой и писал, что «она должна иметь приоритет над моими дочерьми, поскольку брак между ней и моим сыном определен и оговорен; а кроме этого, она уже коронованная королева».

Оценивая прошедшие события, очень заманчиво оглянуться на детство Марии Стюарт и задаться вопросом, что же в ее воспитании так явно не позволило научить королеву править. Мария приехала в страну с долгой традицией женского правления, пусть Екатерина Медичи еще не заняла подобающего места, и из страны, где ее мать уже являлась главным игроком. Однако сам по себе вопрос может вводить в заблуждение, и ответ лежит в характере Марии и касается того, чему невозможно сознательно научить. Предметы, в которых особенно преуспевала Мария, – это вышивание (в будущем она часто будет сидеть за вышиванием во время заседаний шотландского совета) и танцы. Ее учили тому, что считалось навыками управления, но она так никогда и не научилась управлять эмоциями, чувствовать опасность и осознавать возможности. Предполагалось, что она проживет свою жизнь скорее королевой-консортом Франции, чем правительницей Шотландии, и сложно не понять, что, с огромным риском для Марии, именно эти ожидания сформировали ее характер.

Слишком легко предположить, что раннее осознание Марией Стюарт собственного статуса стало источником напряженности между ней и Екатериной Медичи. Такое предположение возникает из сплетни, будто Мария говорила о Екатерине как о дочке торговца. Однако это в значительной степени работа фантазии, ищущей в прошлом истоки последующего конфликта Екатерины с родственниками Марии Гизами. Невозможно предполагать, что Екатерина относилась к ребенку с постоянной враждебностью. В любом случае Екатерина, должно быть, в основном была поглощена своими бесконечными беременностями: она за 12 лет родила десять детей, а в родах ей помогала любовница Генриха Диана де Пуатье.

В первые годы правления супруга Екатерина Медичи обнаружила, что ее новый титул никак не поможет ей поколебать зависимость мужа от его любовницы. Много лет спустя в письме по поводу семейных проблем ее дочери Марго Екатерина написала, что «хорошо принимала» Диану только ради Генриха II, «потому что ни одной женщине, любящей своего мужа, никогда не удавалось полюбить его шлюху». В должности общего руководителя воспитанием королевских детей Диана играла значимую роль в жизни маленькой королевы Марии. Однако с течением правления Генриха влияние Дианы, по-видимому, стало сокращаться, тогда как у Екатерины Медичи все происходило прямо противоположным образом.

В начале 1550-х годов один наблюдатель отметил, что король теперь относится к своей супруге «с такой любовью и вниманием, что просто поразительно». В первый раз она была назначена номинальным регентом в 1548 году, когда ее мужу требовалось покинуть пределы королевства, чтобы обеспечить свои интересы в Италии. Четыре года спустя Екатерина получила больше властных полномочий при втором регентстве, когда король отправился воевать с Габсбургами.

К своей досаде, Екатерина обнаружила, что ей по-прежнему приходится делить власть, но изумляет тот пыл, с которым она приступила к выполнению своих обязанностей. Королева писала констеблю Монморанси по поводу задачи собрать войска и деньги для Генриха: «Я скоро стану мастером этого дела, потому что только этим весь день и занимаюсь... можете положиться на меня, я буду торопить и подталкивать». Другими словами, она начала занимать положение, которое позволит ей выступить против другой женщины в еще одной

истории столкновения королев.

Вопрос замужества Жанны д'Альбре пережил смерть ее дяди короля Франциска: он станет причиной разногласий между ее кузеном, новым королем, и родителями девушки, которые по-прежнему тайно жаждали испанской партии. Однако, как и прежде, восторжествует королевская воля. 20 октября 1548 года Жанна с радостью вышла замуж за Антуана Бурбонского, главного вельможу Франции, первого в линии наследования трона, если у сыновей Генриха не будет наследников.

Антуан был привлекательным мужчиной, однако его воинская отвага, наверное, маскировала значительную слабость – отсутствие твердости характера. Поспешность брачной церемонии откровенно сравнивали с тем, как состоялся неудавшийся брак с Клевским. Однако король Генрих заметил: «Я никогда не видел более счастливой невесты, она все время только смеялась», и добавил, что Маргарита Наваррская, напротив, заливалась слезами, но это, похоже, несколько не волновало ее дочь.

Один придворный отмечал, что Антуан «прекрасно исполняет свои супружеские обязанности и днем и ночью. Он говорит, что шесть союзов прошли очень весело». Современники упоминали, что Жанна, впоследствии столь строгая и сильная, казалось, теряла голову от любви к мужу. Маргарита писала Антуану летом 1549 года, что ее дочь «не знает другого удовольствия и занятия, кроме как говорить о вас или писать вам». Антуан, в свою очередь, писал Жанне с удивительной нежностью: «Я никогда не думал, что буду так любить вас. В следующий раз, когда мне придется отправляться в долгую поездку, я собираюсь взять вас с собой, потому что одному *je t'ennuie* (мне скучно)». Однако его воинский долг часто требовал покидать дом, и Жанна проводила время со своей матерью – этот год окажется последним годом жизни Маргариты.

Маргарита Наваррская прожила слишком долго, как, наверное, и Анна де Божё до нее. Хотя Маргарите было всего за 50, она осталась последней из своего поколения, ушли даже те, кого она воспитывала, как, например, Анна Болейн. Удалившись в скромную загородную усадьбу, она рискнула выйти на улицу в сырую ночь, наверное, посмотреть на комету, простудилась и умерла 21 декабря 1549 года.

Явно прослеживалось некоторое сближение, если таковое требовалось, с Жанной. В те последние месяцы мать и дочь обменялись письмами в стихах, выражающими, пусть и в очень стилизованных языковых оборотах, идеи любви и потери при расставании. Реакция Жанны д'Альбре на смерть Маргариты Наваррской не зафиксирована, но в последующие годы она стала часто носить накидку матери (как, вероятно, Маргарита надевала накидку Луизы Савойской), продвигая определенные дела матери, правда, способами, которые Маргарита предвидеть не могла.

«Порядок престолонаследия»

Англия, 1547–1553 гг.

В Англии тоже, со смертью Генриха VIII и новым мальчиком-королем на троне, на первый план резко вышла необходимость приспособливаться к новой политической реальности. Эдуард VI и его советники были привержены новой вере значительно сильнее, чем Генрих VIII мог бы себе представить. Для тех, кто оставался верным католицизму, времена станут еще тяжелее. Среди них выделялась 31-летняя единокровная сестра Эдуарда Мария Тюдор.

Традиционные католики могли быть достаточно педантичными, чтобы ставить под сомнение брак, заключенный без одобрения папы римского, но когда отец умер, Мария Тюдор не высказала сомнений, что девятилетний брат, как мальчик, имеет приоритетное право на английский престол.

Еще одна женщина давно внимательно следила за безопасностью Марии Тюдор: регент Нидерландов Мария Австрийская. Подчинившись отцу и признав собственную незаконнорожденность, Мария Тюдор была вынуждена написать Марии Австрийской, а также Карлу V, что сделала это без принуждения. Марии Австрийской (как и жене Карла Изабелле Португальской) будут высылать официальные отчеты о благосостоянии Марии Тюдор. Император и регентша – оба отказывались признавать Эдуарда, пока не будет определено положение Марии Тюдор. Как написала Мария Австрийская их посланнику: «Кроме того, мы воздержимся от отправки вам писем для нашей кузины, принцессы Марии, поскольку пока не знаем, как с ней будут обращаться».

Поначалу к ней относились очень мягко, дали достаточно земель, чтобы сделать ее одной из богатейших людей страны. Такой щедростью предполагалось купить ее сотрудничество с новым режимом. При этом ничто не могло заставить ее участвовать в борьбе с религиозными обрядами, которая быстро началась под руководством

регентского совета, возглавляемого братом Джейн Сеймур Эдвардом, вскоре ставшим герцогом Сомерсетом.

Нет сомнений, что молодой король активно поддерживал религиозные реформы. В известной мере именно это обстоятельство предоставило Марии Тюдор ее шанс. Она в письменном виде выразила свое неприятие перемен, безотлагательно введенных в церковную службу (евхаристию обоих видов и для мирян, и для духовенства, а также отрицание «реального присутствия» Христа), и настаивала, что «останется послушным ребенком» в следовании указам отца до того времени, когда ее брат «достигнет совершеннолетия»: то есть заняла выжидательную позицию. Чем дальше продвигалась евангелическая доктрина, тем настойчивее при дворе Марии соблюдали старые обряды. Однако на некоторое время ей предоставили определенную свободу действий, поскольку совет Эдуарда всегда помнил о ее бдительных родственниках из рода Габсбургов.

Когда в конце 1549 года лорда-протектора Сомерсета сместили с высшей должности в государстве, которую он сам себе учредил, пошли слухи, что Мария станет регентом своего единокровного брата. Вместо этого власть захватил Джон Дадли, успешный военачальник и приверженец Реформации. Поскольку регентский совет заключил союз с Францией в ущерб интересам Габсбургов, от Марии стали все более настойчиво требовать не проводить католическую мессу даже в собственном доме.

Однако еще раньше Мария посчитала свое положение достаточно рискованным, чтобы сказать послу Габсбургов, что, вероятно, ей потребуется бежать из страны. В 1550 году казалось, что такая необходимость настала, и сложился план Марии, габсбургского посла и Марии Австрийской, которая выслала три корабля, чтобы они встали у побережья графства Эссекс, ожидая возможности забрать принцессу.

Эдуард VI с негодованием писал о том, как же «вы, моя ближайшая сестра» захотели «нарушить наши законы, намеренно отказаться от их исполнения и по собственной свободной воле... Я прослежу, чтобы мои законы строго соблюдались». И напротив, на рождественские праздники 1550 года в Лондон привезли другую сестру короля, Елизавету, «с большой свитой джентльменов и леди». Ее сопровождала сотня королевских конных гвардейцев и официально приветствовал Тайный совет. Цель состояла в том, как с горечью подчеркивал

имперский посланник, чтобы показать, что сестра, которая приняла новую веру, «стала очень значительной дамой». Новая элита предпочитала Елизавету Марии как «более близкую».

За пару лет до этого образ Елизаветы как добродетельной протестантки несколько опорочил скандал по поводу ее «романа» с Томасом Сеймуром, братом протектора Сомерсета, женатого на овдовевшей Екатерине Парр. Он начался как некрасивая история приставаний – сорокалетний Сеймур мог без спросу зайти в спальню и шлепнуть подростка Елизавету по попе. Когда Екатерина Парр умерла через несколько дней после рождения ребенка Сеймура, стало ясно, что Сеймур стремится жениться на Елизавете, девушке с правами на английский престол.

В первые месяцы 1549 года состоялось официальное расследование, должно быть, очень напугавшее пятнадцатилетнюю Елизавету. Ее слуг, включая заменившую ей мать гувернантку Кэт Эшли, заключили в Тауэр. Сама принцесса отбилась, хотя Сеймур отправился на плаху. Знаменитые слова Елизаветы, что «сегодня умер человек с большим умом, но слабым рассудком», возможно, и апокриф, но принцесса показала, что в условиях опасности она может руководствоваться не чувствами, а разумом.

Дело Сеймура, вероятно, подкрепило урок, который она могла извлечь из судьбы своей матери, о том, что секс – это опасно. На ближайшее будущее Елизавета сосредоточилась на изображении своего рода девичьего стыда, что быстро помогло ей восстановить свое доброе имя в глазах придворных Эдуарда VI. Муж Кэт Эшли вспоминал «непринужденные разговоры» и «приятные беседы», которые вела Елизавета с теми, кого собирала вокруг себя, особенно со своим наставником Роджером Эшемом. Она носила скромные наряды, которые приличествовали «милрой сестре Сдержанности» короля Эдуарда, намеренно противопоставляя себя католичке Марии.

Когда в марте 1551 года Мария приехала в Лондон, она проскакала по улицам в сопровождении толпы знатных дворян, каждый из которых держал свои четки. Тайный совет начал в ответ тихую войну на истощение против членов двора Марии. Однако скоро она оказалась под большим давлением. Мария Австрийская написала имперскому послу, что если они отберут у Марии Тюдор мессу, ей придется

стерпеть, но если они попытаются заставить ее исполнять «фальшивые обряды... для нее будет лучше умереть, чем подчиниться».

Однако снова все участники противостояния отступили от края. Так произошло частью вследствие проблем на континенте, в результате которых возникла необходимость защищать торговлю шерстью Англии с Нидерландами. Мария Австрийская, опасаясь, что Англия вступит в союз с Францией, предлагала захватить Англию, чтобы возвести на трон Марию Тюдор и таким образом обеспечить безопасность ценной отрасли торговли^[58]. Советники Эдуарда, несомненно, понимали, что Мария по-прежнему остается наследницей брата по условиям завещания их отца. Осознание этого факта стало еще острее, когда зимой 1552/53 года Эдуард простудился, а потом второй раз подхватил простуду, от которой никак не мог избавиться.

С ухудшением здоровья молодой король, приверженный своей позиции защитника реформатской веры, по очевидным причинам решил, что его трон не должен перейти к Марии. Если это произойдет, говорил Эдуард сомневающемуся лорду, главному судье, «все будет кончено для веры, которой мы заложили хорошие основы».

Что менее очевидно, он решил, что Елизавету тоже следует исключить из линии престолонаследия, несмотря на ее верность новой вере. Елизавета, объяснял он, дочь опозоренной женщины, «более склонной совокупляться с разными придворными, чем почитать своего супруга, такого могущественного короля». Возможно, правда состояла в том, что Елизавета Тюдор была истинной дочерью своего отца и не согласилась бы на отмену его завещания, или Джон Дадли, теперь правивший Англией под прикрытием Королевского совета, знал, что она никогда не станет его марионеткой.

Более вероятный вариант, что причиной являлось то обстоятельство, что Елизавета на тот момент еще не вышла замуж, а если она вступит в брак с католическим принцем, то (так предполагалось) страна вернется в лоно католической веры. Если сестры Эдуарда выйдут замуж за границей, их «иностранцы» мужья, как считал Эдуард, введут законы и обычаи своей родной страны «в нашем королевстве... что затем приведет к полному разрушению нашего государства, сохрани нас Бог». Лучше бы принцесс «забрал Господь», чем они подвергнут опасности истинную веру, ободряюще гремел один из епископов Эдуарда.

Вместо сестер Эдуард намеревался «назначить наследницей нашу дорогую кузину Джейн». Джейн Грей была старшей дочерью Фрэнсис Брэндон, старшей дочери младшей сестры Генриха VIII Марии, и не только сама была ревностной протестанткой, но и недавно вышла замуж за Гилфорда Дадли, сына Джона Дадли.

Не то чтобы Эдуард хотел передавать свой трон даже Джейн, верной протестантке и выбравшей надежного мужа женщине. Ирония в том, что в результате усилий, предпринятых его отцом и дедом, чтобы очистить дорогу Тюдоров от всех потенциальных соперников, выбор у него оставался невелик. В связи с неотвратимой смертью Эдуарда вопрос о том, может ли женщина наследовать английский престол, был неуместным. Стоял единственный вопрос – какая из женщин его унаследует?

Написанный собственной рукой Эдуарда VI документ под названием «Мой порядок престолонаследия» следовал завещанию его отца и исключал шотландскую линию, происходящую от старшей сестры Генриха VIII Маргариты Тюдор: эту линию теперь представляла католичка Мария Стюарт. По линии младшей сестры Генриха Марии тоже пока были только женщины, поскольку Фрэнсис Брэндон не имела сыновей. Оригинальный «порядок» Эдуарда состоял в том, что трон перейдет не к самой леди Джейн, а к ее «наследникам мужского пола». События, однако, застали его врасплох. В мае, когда здоровье короля заметно ухудшилось, он изменил формулировку «наследникам леди Джейн мужского пола» на «леди Джейн или ее наследникам».

В те годы гинеократические споры не прекращались, о чем ярко свидетельствует сочинение Томаса Элиота «Защита хороших женщин», написанное в 1530-е годы и опубликованное в 1540 году. В трактате отстаиваются права Екатерины Арагонской и ее дочери на наследование престола. О том же говорит и публикация на английском языке в 1542 году книги, которую Томас Агриппа посвятил Маргарите Австрийской. С рождением Эдуарда литературная дискуссия казалась больше интеллектуальной игрой, чем предметным обсуждением политических возможностей.

Однако то, что было игрой, вот-вот воплотится в реальную жизнь.

Часть V

1553–1560 гг

В супруги следует выбирать королеву из самого почтенного рода и народа, потому что часто дочери следуют воспитанию и образу действий тех, от кого они происходят... Королева должна держать своих дочерей в полной непорочности, поскольку мы читаем о многих девушках, которых сделали королевами благодаря их целомудрию.

Якобус де Цессолес «Игра и игроки в шахматы» (в переложении Уильяма Кекстона, ок. 1474)

«Гераклова отвага»

Англия, 1553–1554 гг.

Единокровный брат Марии Тюдор Эдуард VI умер 6 июля 1553 года, пережив своего отца Генриха VIII всего на шесть лет, и еще одну девушку объявили королевой. Леди Джейн Грей, внучка младшей сестры Генриха VIII, возведена на престол по завещанию Эдуарда. Однако Мария Тюдор, старшая дочь Генриха, твердо решила, что не допустит ее коронации.

Следующий шаг, написал Роберт Уингфилд в своей работе «Жизнь королевы Марии Английской» (*Vita Mariae Angliae Reginae*), «следует рассматривать и ценить как требовавший скорее Геракловой, чем женской отваги, поскольку, чтобы заявить о своем праве и отстоять свой престол, принцесса отважилась вступить в противоборство с мощным и хорошо подготовленным противником...».

Преимущественную часть из своих 37 лет Мария Тюдор могла лишь пассивно, пусть и упорно, сопротивляться ударам, которые наносила ей жизнь. Однако в 1553 году она получила возможность активно действовать. Действовать так, как хотела ее мать Екатерина и как действовала ее бабушка Изабелла. Большинство современников посчитали, что Мария сошла с ума, когда она подняла свое знамя над замком Фрамлингхэм в графстве Саффолк и объявила себя королевой Англии. Однако все, что Мария Тюдор унаследовала от предков, говорило ей, что корона – это награда, которая стоит того, чтобы за нее сражаться.

Мария подняла собственный флаг в тот же день, когда Королевский совет объявил королевой Джейн. Люди толпами потекли к той, кого считали истинным монархом династии Тюдоров. Как сообщал генуэзский купец Баптиста Спинола, «народные сердца были с Марией, дочерью испанской королевы».

Более хладнокровным наблюдателям дело казалось бесперспективным. Посол Габсбургов докладывал, что вооруженные

силы страны находятся в руках людей, которые возвели на трон Джейн Грей. Однако при продвижении Марии по стране находившиеся поблизости войска противника переходили на ее сторону.

Когда стало ясно, что дочь короля Генриха не будет покорно соглашаться с тем, что многие посчитали нарушением естественного порядка, влиятельные люди Восточной Англии (сэр Ричард Саутвелл и граф Сассекс, знать и рыцари) присоединились к ней, собрав свои местные войска. 12 июля она достигла Фрамлингхэма, недавно полученного ею замка и большой крепости, которая, вероятно, предназначалась как раз для такого случая. Имперский посол, ликуя, сообщил, что «любовь к ней сподвигла множество людей прийти и обещать поддерживать ее до конца». Пришли местные судьи, простые люди вместо денег вели скот. В порту Оруэлл под знамена Марии перешла эскадра из пяти кораблей, когда простые матросы взбунтовались против своих офицеров. Мария Тюдор выпустила прокламацию: «Не сомневаюсь, что все наши верные и стойкие подданные примут нас, признают нас и подчинятся нам как своей настоящей верховной леди и королеве».

Тем временем в Лондоне даже те члены Королевского совета, которые добивались возведения леди Джейн Грей на престол, начали испытывать «своего рода сожаление». 18 июля советники, управлявшие Тауэром, куда для безопасности поместили Джейн, передали крепость сторонникам королевы Марии, с облегчением отказавшись от политического курса, который они на самом деле никогда не одобряли. На следующий день в Лондоне Марию Тюдор объявили королевой, а 21 июля Джон Дадли – свекор Джейн Грей и человек, организовавший ее возведение на трон, – сам бросал в воздух головной убор и приветствовал верховную власть Марии. В Тауэре у леди Джейн забрали атрибуты власти.

Единокровная сестра Марии Елизавета Тюдор, находившаяся в Хатфилде, не принимала никакого участия в борьбе. Вместо этого она написала Марии свои поздравления. Выдвинуть собственные притязания на трон с ее стороны было бы и нереально, и неэтично. Если многие поддерживали Марию больше из гражданской лояльности, а не из приверженности католичеству, то многие протестанты могли последовать скорее за Джейн, чем за Елизаветой. Что еще важнее, по династическим правилам, которых

придерживалась и сама Елизавета, трон на этот момент принадлежал Марии – так завещал их отец. Хотя Елизавета могла уже надеяться, что значительно более старшая по возрасту Мария не будет удерживать престол слишком долго.

Мария Тюдор торжественно вступила в Лондон 3 августа, облаченная в пурпурный бархат и атлас, как сообщил хронист того времени, «богато украшенная золотом и большими жемчужинами». Елизавета со своей свитой ехала сразу за ней. Было также «большое количество других дам», как знак того, что при женском правлении женщины, окружающие персону монарха, выйдут на более значительные позиции.

Даже в этот момент пол королевы Марии провоцировал разногласия. Некоторые советники Эдуарда VI предлагали отложить коронацию, пока парламент не подтвердит легитимность Марии. Англия не имела правящей королевы с саксонских времен. В 1135 году, когда внучка Вильгельма Завоевателя Матильда попыталась стать преемницей отца на троне, это вызвало многолетнюю гражданскую войну с ее двоюродным братом Стефаном. Матильда так и не была коронована, удовольствовавшись в итоге титулом «Госпожа англичан» и соглашением, что после смерти Стефана корона перейдет ее сыну, а не его. Идея, что женщины могут передавать свои права на трон, как Маргарита Бофорт передала их сыну Генриху VII, таким образом, была менее спорной, чем мысль, что они сами взойдут на престол.

Другие влиятельные женщины первой половины XVI века чаще становились регентшами, чем правящими королевами, и представление, что женщина в состоянии замещать (или влиять) на мужчину, было более привычным, чем идея, что она может править от собственного имени. Даже когда всего сто лет назад Маргарита Анжуйская попыталась управлять от лица своего недееспособного супруга, это встретили с шовинистическим ужасом.

Правление Изабеллы Кастильской создало прецедент, который, должно быть, постоянно присутствовал в сознании ее внучки Марии, однако четыре века после Матильды аристотелевская концепция общества как семьи, управляемой отцом, по-прежнему господствовала в большинстве западных обществ. Не существовало даже соответствующих языковых средств: слово «королева» означало «супруга короля»^[59]. И Мария, и Елизавета – обе будут называть себя

«правителями», а успешную женщину часто описывали как уже не полностью принадлежащую к женскому полу.

В эти сложные первые дни правления королевы Марии будет объявлено, что она имеет такую же власть, как и правитель мужского пола. Однако по сообщению нового имперского посла Симона Ренара, когда Мария собрала свой Тайный совет перед началом обширных коронационных торжеств, она опустилась перед ними на колени. «Она сказала, что вверяет им свои дела и саму себя...» Они были ошеломлены «такими смиренными речами, столь непохожими на все, что они когда-либо слышали». Непохожими на то, что они обычно слышали от ее отца, Великого Генриха, и даже его сына.

Как короновать королеву, с какими ритуалами и торжествами? Так же, как короновали короля, – почти так же. Церемониал взяли из обычного руководства для подобных церемоний *Liber Regalis* («Королевская книга»), но с необычными корректировками. Там, где король проскакал бы верхом по улицам в день перед коронацией, Марию Тюдор пронесли в паланкине. Женщины династии Тюдоров обычно собирали волосы лентой, а у Марии они были распущены, как были бы у королевы-консорта, в знак ее плодовитости. Мария желала вызвать мысль, что она замужем за своей страной.

Один из лордов замещал ее на церемонии посвящения пятнадцати новых рыцарей ордена Бани; для женщины было явно неуместно принимать участие в ритуалах омовения и одевания, знаменующих важную ступень в мужском рыцарстве. Когда на следующий день 1 октября Мария следовала в Вестминстерское аббатство, граф Арундел нес перед ней государственный меч; такой же воинский символ, что вызвал столько споров на коронации ее бабушки Изабеллы примерно 70 лет назад^[60].

Церемониальное облачение Марии ничем особенно не отличалось от того, что надевали короли. Как все короли мужского пола, она преклонила колени в Вестминстерском аббатстве, ее миропомазали «по плечам, груди, лбу и вискам», короновали и вручили все церемониальные королевские регалии. При этом она лишь прикоснулась к шпорам, а не прикрепила их к задникам обуви, и когда ей вложили королевский скипетр в правую руку, в левой она также держала скипетр, увенчанный голубями, который обычно вручали

королевам. Королева-консорт, в отличие от правящей королевы, традиционно исполняла умиротворяющую и заступническую роль.

Эта коронация изначально задумывалась как своего рода комплекс различных элементов не только потому, что короновали женщину. С религиозной точки зрения Мария Тюдор настроилась повернуть время вспять, в момент до того, как ее отец порвал с Римом, но потребуется определенный срок, чтобы ее перемены вступили в действие.

За евангелической проповедью, прочитанной перед собором Святого Павла на одной неделе, на следующей неделе последовала во всех отношениях католическая проповедь: католического проповедника пришлось с некоторыми затруднениями спасти от взбешенной толпы. 18 августа Мария выпустила прокламацию, что хотя она сама всегда будет верна религии, «которую, как знает Господь и мир, она исповедовала с младенчества», но «по доброте душевной и из милосердия Ее Высочество не собирается запрещать того же своим подданным, чтобы установить дальнейший порядок по общему согласию».

Никто, должно быть, не думал, что на этом дело остановится. На самом деле Мария сказала одному иностранцу, что она хочет восстановить власть святейшего престола, но об этом пока не следует говорить открыто. В августе она написала папе римскому, признаваясь, что у «Его Святейшества нет более любящей дочери, чем она».

Елизавета Тюдор впоследствии описывала отношения между королевой и страной как супружество. В случае с Марией медовый месяц закончился практически сразу, недолго сохранялась и общность интересов между сестрами. Имперский посланник Ренар вскоре докладывал, что Мария хочет исключить Елизавету из линии престолонаследия из-за ее «еретических убеждений, незаконнорожденности и свойств характера, которыми она похожа на свою мать». Анна Болейн «причинила много горя нашему королевству», и Мария была совершенно уверена, что дочь Анны принесет то же самое, «а главное, она может подражать матери в приверженности Франции». Королева Мария, отметил Ренар, «по-прежнему обижается за те раны, что нанесли королеве Екатерине, ее матери, интриги Анны Болейн».

Уже в сентябре 1553 года Елизавета посчитала необходимым сделать свой первый шаг. Попросив у сестры аудиенции, она говорила скорее о

простом незнании, а не об отторжении католической веры, «потому что ее воспитывали в новом вероисповедании». Елизавета попросила дать ей наставников. Несколько дней спустя она посетила придворную часовню Марии, однако убедилась, что несколько присутствующих заметили ее нарочито «страдающее выражение лица». Очень скоро венецианский посланник заметил, что Мария стала обращаться с сестрой более враждебно. Когда парламент Марии Тюдор объявил брак ее родителей законным, снова открылись старые раны. Что же касается престолонаследия, то Мария, должно быть, рассчитывала на то, что вопрос разрешится естественным путем. Когда в декабре Елизавета покинула королевский двор, ее отсутствие, вероятно, было особенно желанным, поскольку ее сестра Мария готовилась выйти замуж.

Мария неоднократно заявляла, что она как частное лицо никогда не стремилась к замужеству, «а предпочитала закончить свои дни девственницей». Тем не менее Ренар на своей первой личной аудиенции сказал Марии, что его господин Карл V знает, что «значительную часть труда по управлению страной женщине выполнять сложно», и посоветовал ей побыстрее выбрать супруга. Однако вопрос о короле-консорте считался, не без оснований, одной из главных проблем для женщины-монарха.

Книга Бытия представляет эту ситуацию как часть наказания Евы: «и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». Опасение состояло в том, что супруг правящей королевы будет господствовать не только над ней, но и над всей страной. Действительно, в предисловии к памфлету «Стакан правды» (*A Glasse of the Truth*) заявлялось, что, если женщина получит возможность править, «она не сможет продержаться у власти без мужа, который по Божьему закону должен быть ее наставником и главой, поэтому в итоге он и будет управлять королевством». Широко бытовало мнение, что Генрих VIII приложил руку к этому сочинению, чтобы обосновать развод с Екатериной Арагонской^[61].

Мария Тюдор столкнулась с теми же доводами, которые впоследствии будут обсуждать по поводу исключительно болезненного вопроса о замужестве Елизаветы Тюдор: об опасности появления группировок, если она выйдет замуж внутри королевства, и об угрозе, что Англия будет подчинена иностранной державе, если она найдет

супруга за границей. Однако в случае с Марией шум, похоже, был не таким громким. Вопрос не только о замужестве в принципе, но и за кого выйдет Мария, решили очень быстро.

В детстве Мария Тюдор была обручена со своим двоюродным братом Карлом V, но, хотя Карл уже овдовел, состояние его здоровья делало новый брак маловероятным. Сын Карла Филипп, регент своего отца в Испании, был вдовцом. Его первая жена, быстро скончавшаяся Мария Португальская, тоже приходилась ему двоюродной сестрой. Более чем на десять лет моложе Марии Тюдор, он, как и она, исповедовал католичество. Это последнее обстоятельство играло важную роль: Контрреформация получала новый импульс к воссоединению с международным католическим сообществом. Однако протестантство тоже к этому времени стало более напористым. Лютеранство уже казалось вероучением вчерашнего дня, из Женевы приходили «волки» с более жесткими догматами Кальвина на устах.

Карл V предложил Филиппа в супруги Марии раньше, чем высохли чернила на извещении о ее восшествии на престол, и в конце октября 1553 года Мария приняла предложение. Венецианский посланник доложил, что «рожденная испанской матерью, она всегда тяготела к этой стране, считая для себя унижительным быть англичанкой и гордясь своим испанским происхождением». Имперский посол Ренар быстро стал тайным советником королевы, Мария просила его («если вам не очень затруднительно») скрытно приходить в ее личные апартаменты под покровом темноты. Мария Австрийская отправила в Англию способного и располагающего к себе Ренара, чтобы ускорить процесс, а также портрет Филиппа кисти Тициана.

Всего через пару недель после того, как королева Мария дала согласие вступить в брак с Филиппом Испанским, парламент подал ей прошение пересмотреть свое решение и найти супруга внутри королевства. Ответ Марии стал единственным в своем роде. Он основывался не столько на защите мощного испанского союза, сколько на ее личном предпочтении. «Если частные лица в таких ситуациях руководствуются собственными вкусами, то и государям разумно рассчитывать на подобную свободу». В ноябре депутация членов парламента предприняла попытку, совершенно безуспешную, отговорить Марию от испанского замужества.

Все согласились, что следует оговорить условия по этому браку. Мария сказала Ренару, что в личной жизни она будет любить супруга и подчиняться ему, «но если он пожелает участвовать в управлении королевством, она не сможет ему этого позволить». По существу, именно такое соглашение заключила Изабелла Кастильская, однако воплотить в жизнь оговоренное условие неизбежно будет затруднительно. Сотрудничество Изабеллы с Фердинандом Арагонским было успешным не только вследствие их личной совместимости, но и потому, что ее королевство значительно превышало его владения. В Англии же баланс сил находился на стороне Филиппа Испанского.

Во Франции Генрих II рассудил, что, если Филипп женится на Марии, «он сам станет королем, и тогда что будет значить желание советников и вызов совета против желания и воли короля?». Генрих сказал посланнику Марии, что «супруг в силе многое сделать со своей супругой» и женщине будет сложно «отказать супругу в чем-либо, чего он настойчиво от нее потребует», добавив, что он знает, сколь «велика для дам» власть мужа.

Генрих, естественно, проявлял предвзятость. Для французского короля никуда не уходила старая проблема: союз Англии с Габсбургами составлял угрозу Франции, которая в таком случае оказывалась в окружении. Однако мнение Генриха разделяли многие. Тайный совет Марии поручил английскому посланнику подчеркнуть, что «если этот брак состоится, правление королевством всегда будет оставаться в руках Ее Высочества, а не принца». Епископ Гардинер призывал, что Филипп «должен быть скорее подданным, чем повелителем; и что королева должна править всем, как она делает сейчас».

Окончательные условия брачного договора (опубликованные в январе 1554 года, чтобы успокоить широко распространенные опасения, и утвержденные парламентом в апреле) предусматривали, что Филипп не имеет права назначать иностранцев на государственные должности и вовлекать Англию в войны за границей. Если Мария умрет бездетной, он уже не будет играть никакой роли в делах Англии. Если в браке родится ребенок, он унаследует не только Англию, но и Нидерланды. (Испания отойдет дону Карлосу, сыну Филиппа от первого брака.) Условия, как видно, в высшей степени выгодные для

Англии – теоретически. Однако реальная жизнь могла сложиться совсем иначе, не в последнюю очередь потому, что Филипп, узнав о содержании договора, тайно, но торжественно поклялся не считать себя связанным означенными условиями.

С самого начала испанский брак вызвал глубочайшее неприятие в народе. Когда в первые дни 1554 года в Лондон прибыло имперское посольство, даже мальчишки на улицах забрасывали посланников снежками. Не прошло и нескольких недель, как появились известия о так называемом восстании Уайетта (серии согласованных мятежей, планировавшихся по всей стране), целью которого было свергнуть Марию и заменить ее Елизаветой. Однако в начале января о заговоре стало известно, и только сам сэр Томас Уайетт (сын поэта, поклонника Анны Болейн) в конце месяца выступил на Лондон с армией графства Кент.

Некоторые части собственных войск Марии перешли на сторону Уайетта, не желая, чтобы ими управляли «испанцы или чужаки». Однако в этой кризисной ситуации королева Мария показала себя с лучшей стороны, даже хотела сама идти сражаться. Отправившись собирать войска в Сити, она заявила, что во время коронации вышла замуж за свое королевство, «я ношу на пальце обручальное кольцо, которое никогда не снимала и не сниму»:

Я не могу сказать, как естественно для матери любить своего ребенка, потому что у меня не было детей. Однако, конечно, если государь или правитель может так же естественно и искренне любить своих подданных, как мать любит ребенка, то я, ваша жена и госпожа, люблю нежно всей душой и поддерживаю вас.

В одной фразе Мария изображает себя и как мать, и как государя. Смысл тот же, в котором монарх выше пола, поэтому короля можно называть отцом всего народа. Более того, Мария пообещала, что если обе палаты парламента не согласятся, что испанский брак выгоден всему королевству, «тогда я буду воздерживаться от замужества всю свою жизнь».

Лондон устоял; Уайетт сложил оружие, и его посадили в Тауэр. В феврале Мария с неохотой дала разрешение на казнь девушки, которую так ненадолго вознесли, чтобы заместить королеву,

несчастной Джейн Грей. В марте Елизавету Тюдор, предполагаемую выгодополучательницу от заговора Уайетта, обвинили в соучастии в мятеже, и она оказалась в тюрьме Тауэра. Должно быть, Елизавета почувствовала, что самым ужасным образом идет по стопам своей матери.

Однако она не признала вины. Существовавшие письменные свидетельства ничего не доказывали, а когда 11 апреля казнили Уайетта, он в последнем слове на эшафоте полностью ее оправдал. Условия содержания Елизаветы стали помягче. В начале мая в Тауэре появились новые гвардейцы. Она по-прежнему пребывала в страхе, и спросила, убрали ли плаху Джейн Грей. Однако гвардейцы имели задание сопроводить ее из Тауэра под домашний арест в Вудсток, где Елизавета, ободренная народной поддержкой, которую ей демонстрировали по пути, проведет год в плену, но в удобстве.

В апреле 1554 года парламент подтвердил, что статус правящей королевы равнозначен статусу короля и что, вступив в брак, Мария останется «единоличной и самостоятельной королевой». Однако в конце июля, когда Марию сочетали браком с Филиппом в Винчестерском кафедральном соборе (брачная церемония строилась на той, которой соединили Екатерину Арагонскую с принцем Артуром в предыдущем англо-испанском союзе) в соответствии со старой католической процедурой, она пообещала «быть послушной и покорной... не только телом, но и душой».

Тем не менее сигналы опять посылались крайне неоднозначные. На банкете после венчания Марии Тюдор подавали на золотой посуде, а Филиппу Испанскому на серебряной. Однако она наделила Филиппа всей своей собственностью, а он принес ей только свое движимое имущество, но не территории.

Поскольку Филипп расположился в комнатах, прежде служивших апартаментами королевы, а Мария заняла те, что принадлежали королю, казалось, будто Филипп и его испанская свита намерены подтвердить, что худшие опасения англичан не оправдаются, и они тактично ограничатся его положением консорта. На личном уровне Филипп вел себя совершенно спокойно.

Его предупредили, что следует проявлять «внимание» к английской аристократии. Через два дня после бракосочетания он заверил Тайный совет, что присутствует на заседании, чтобы давать рекомендации, но все вопросы «они должны обсуждать с королевой, а он будет делать все, что в его силах, чтобы помочь». Мария со своей стороны настойчиво потребовала, чтобы Филиппа – в его роли советника – всегда информировали о дебатах совета (запиской на испанском языке или латыни, поскольку он не говорил по-английски), а все документы совета должны подписываться не только ей, но и им.

Переговорщики Габсбургов настояли на том, чтобы в официальных документах имя мужчины стояло выше имени женщины: «Филипп и Мария милостию Божией король и королева Англии». Они заявили, что иного не допускают «ни человеческий, ни Божий закон, ни престиж и доброе имя Его Высочества». На новой монете чеканились оба изображения одинаковой величины с единой короной, покрывающей их головы. Испанцы считали, что Филипп обеспечит составную часть, естественно недостающую в женском правлении Марии; что он «восполнит упущения в делах, выполнение которых неуместно для женщин». Однако парламент никогда не предоставит Филиппу ни супружеской короны, ни официальной власти. Филиппа такое положение дел злило, хотя Мария, похоже, поняла, что ее народ никогда не согласится на другой выбор.

Осенью 1554 года Мария была в восторге – она решила, что беременна ребенком, который укрепит ее брак, повысит статус ее супруга и обеспечит католическое будущее Англии. Тем не менее в ноябре парламент подтвердил меры для определения – и ограничения – властных полномочий Филиппа в качестве регента, если Мария умрет бездетной или оставит ребенка. При совещательном совете пэров он получал возможность «править, устанавливать порядок и руководить» ребенком и страной в период малолетства ребенка, но не имел права созывать парламент, объявлять войну и устраивать брак ребенка без согласия пэров. В сущности, такой же договор имела Маргарита Тюдор в Шотландии. В случае смерти и матери, и ребенка трон по умолчанию наследует Елизавета. Сама Мария, как говорили, предпочитала видеть на престоле Маргариту Дуглас (еще одну женщину), ребенка от второго брака Маргариты Тюдор, но, судя по

всему, этот вариант считался нарушением естественного порядка, таким же, как в случае Джейн Грей.

Одной из задач, в решении которой Филипп стремился помочь своей супруге, была полная реставрация в стране католичества и папской власти. Частично именно эта задача заставила его пробыть в Англии целый год, значительно дольше, чем изначально ожидалось. Однако и в этой области Мария проявила себя не так прямолинейно, как мы могли бы ожидать, зная, какую репутацию она в будущем получит.

Мария не была отсталой религиозной фанатичкой. Ее воспитывали в гуманистической традиции, которая подталкивала к реформам с маленькой буквы «р» – реформам изнутри католической церкви. Деятельность Марии по восстановлению богослужения на латинском языке и центрального положения мессы не мешала ей придавать больше значения проповеди, образованию и важности добрых дел, чем это обычно делали приверженцы католичества, подчеркивавшие преобразующую силу только религиозного обряда. В конце своего правления она по-прежнему поддерживала планы по переводу на английский язык Нового Завета. Она взяла к себе на службу нескольких протестантов и сохраняла близкие отношения с леди Энн Бэкон, известной протестанткой.

Огромный камень преткновения составлял вопрос о церковных землях. Те, кто извлек выгоду от роспуска монастырей, не торопились расставаться со своей добычей. Значительная часть владений отошла и к самой короне. Здесь Мария Тюдор расходилась во мнениях даже с человеком, ставшим известным как ее главный советник. Реджинальд Поул был ее родственником, в его жилах текла кровь Плантагенетов. Долгое время находясь в изгнании за свою веру, в Италии он раньше входил в группу тех, кто надеялся достичь примирения между лютеранами и католической церковью. Однако к 1550-м годам его воззрения, по всей видимости, ожесточились; конечно, *spirituali* (духовные) убеждения не соответствовали наступившим трудным временам. Поул настойчиво требовал, из-за границы, чтобы всю церковную собственность возвратили, а парламент немедленно восстановил верховную власть папы римского. Мария осознавала, что с политической точки зрения этого сделать невозможно. Лишь в ноябре 1554 года, когда Поулу разрешили вернуться в Англию в качестве папского легата, появилась возможность ходатайствовать о

включении папы в церемонии открытия очередного созыва парламента.

Посетив придворные торжества по случаю возвращения страны в лоно католической церкви, Поул произнес речь, прославляющую Филиппа как короля «большого могущества, славного оружием и силой», и говорил о том, как чудесным образом Господь сохранил «деву, беспомощную, беззащитную и безоружную» – Марию. Через несколько дней в соборе Святого Павла епископ Гардинер прочел проповедь с интересной позицией по тому же вопросу. «Когда король Генрих был главой, наверное, еще можно было что-то сказать в пользу такого положения, но какой главой являлся Эдуард... Королева, просто будучи женщиной, тоже не может быть верховным главой Церкви...» Женщины открыто брали на себя правление, как никогда прежде; женщины занимали важнейшие места на передовом фронте противоположных сторон религиозного раскола. Однако эти две позиции не обязательно сочетались одна с другой.

«Ни единого года отдыха»

Шотландия, Нидерланды, 1554–1558 гг.

Когда Мария Тюдор взошла на трон в Англии, две другие женщины – Мария де Гиз и Мария Австрийская – занимали властные позиции в Западной Европе. Ни той ни другой свое положение не казалось легким.

Естественно, последствия восшествия на престол и бракосочетания Марии Тюдор ощущались и севернее границы Англии. Мария де Гиз учтиво написала новой английской королеве, выражая надежду на продолжение мирных отношений, а Мария Тюдор ответила ей в том же духе. Однако вся история этим не ограничивалась. Они имели одно христианское имя и исповедовали одну веру, но в свете борьбы за власть больших европейских держав тяготели к совершенно разным полюсам: Мария Шотландская к Франции, а Мария Английская к испанской семье Габсбургов.

Пока Мария де Гиз старалась лишить поддержки правителя Шотландии Аррана и пыталась склонить на свою сторону могущественного шотландского вельможу – графа Леннокса, правительство Марии Тюдор подталкивало Леннокса обмануть ее: «скрытно вступить в переговоры с регентом [Арраном] против вдовы с целью не только выдвинуть ее из страны, но и, если возможно, самому занять трон и внести хаос в дела Шотландии». Таковы сестринские отношения королев.

Мария де Гиз станет победительницей. В декабре 1553 года она отправила представителя к французскому двору для обсуждения ситуации в Шотландии. Франции требовалось обеспечить, чтобы Шотландией управлял союзник более надежный, чем вечно нерешительный Арран. В результате Аррана вынудили подать в отставку и уступить регентство Марии. 19 февраля 1554 года он подписал соглашение сделать то, что от него требовали.

Назрели также вопросы относительно конкретного статуса и двора Марии, королевы Шотландии, во Франции, поскольку она уже стала

подростком. Брат Марии, кардинал де Гиз, предложил, чтобы всего в 11 лет (значительно раньше обычного возраста) ее объявили совершеннолетней, и она «вступила в свои права», включая право назначать заместителя, естественно собственную мать.

12 апреля 1554 года Мария де Гиз поднялась из дворца в Холируде в Толбут, чтобы там ей торжественно вручили королевские регалии Шотландии: меч, скипетр и корону. Во Франции юная Мария, королева шотландцев, написала аккуратное образцовое письмо королеве Марии Английской: «Если даст Господь, будет вечная память, что в одно время на нашем острове было две королевы, так же объединенных нерушимой дружбой, как кровью и близкой родословной». В Шотландии Мария де Гиз, теперь официальный заместитель своей дочери – королева-регент Шотландии, поехала обратно в Холируд со всеми внешними атрибутами мужской власти.

Примечательно, что провел церемонию французский посол месье д'Ойсель, представитель короля Генриха. Одним из первых постановлений Марии, заменяющим ставленников Аррана на собственных назначенцев, по большей части французского происхождения, д'Ойсель был назначен вице-губернатором. Снова жене короля пришлось балансировать потребности родной страны и страны супруга; и снова она не увидела между ними разницы. Ее шотландские подданные снова с ней не согласятся.

Заботы Марии состояли в том, чтобы восстановить королевскую власть в одолеваемой распрями стране, централизовать управление и наладить отправление правосудия (хотя она жаловалась, что шотландцы, убежденные в превосходстве старых обычаев, «не потерпят этого»). Как впоследствии Мария напишет своему брату, кардиналу де Гизу во Францию, «непростое дело привести молодую нацию в состояние совершенства и непривычного подчинения тем, кто желает видеть верховенство права... Я твердо могу сказать, что за 20 прошедших лет у меня не было ни единого года отдыха, да и, думаю, не слишком ошибусь, если скажу, что ни единого месяца, поскольку беспокойное состояние души – это самое трудное испытание из всех...»

Примерно в то же время, в 1555 году, другая женщина отказалась от своего поста. Последние годы были тяжелыми для Марии Австрийской, регента Нидерландов. Ей приходилось все чаще

действовать в качестве личного секретаря для своего подавленного и болезненного брата Карла V, который планировал отказаться от титулов и удалиться в религиозную жизнь. Мария помогала ему в его усилиях определиться, как наилучшим образом завещать свои огромные земли, и попытаться положить конец ссоре, вызванной этим вопросом в семействе Габсбургов^[62].

Зная, что ее сестра Элеонора, вдовствующая королева Франции, присоединится к Карлу в его уединении, Мария Австрийская решила стать третьей. Когда-то долг перед семьей (который и она, и Элеонора уважали) развел их по противоположным сторонам большого политического раскола Европы. Однако теперь сестринские отношения наконец победили политику. Мария просила отставки с поста регента до того, как она аргументировала свою позицию в удивительном письме:

...женщине невозможно и в мирное время, а тем более во время войны исполнять свой долг в качестве регента перед Богом, своим монархом и собственным чувством чести. Поскольку в мирное время, вдобавок ко всем встречам и заботам о повседневных делах, которые несет с собой управление, любой, кто руководит управлением этими провинциями, неизбежно должен общаться с как можно большим количеством людей, чтобы завоевать расположение и знати, и средних классов... Для женщины, особенно если она вдова, неуместна такая свобода общения с людьми. По необходимости мне самой приходилось делать в этом отношении больше, чем я в действительности хотела бы. Более того, женщину, каков бы ни был ее статус, никогда так не уважают и не почитают, как мужчину.

Если же человек осуществляет управление в этих провинциях в военное время и не в состоянии лично участвовать в сражениях, то он сталкивается с неразрешимой проблемой. Он получает все удары, и его винят во всех ошибках, допущенных другими...

К этой теме она будет возвращаться: «как женщина я вынужденно передавала ведение военных действий в руки других». Такая проблема была хорошо знакома другим женщинам-правительницам^[63].

Марии Австрийской, «женщине 50 лет, прослужившей по меньшей мере 24 года», как она писала, и более того, служившей «одному Богу и одному господину», в итоге позволили распорядиться собой. Ее брат уходил с политической арены, а служить его сыну Филиппу значило бы «проходить все заново». Филипп Испанский не торопился посещать свои Нидерланды, и Мария уже писала ему без обиняков: «Нет ничего хуже, чем ждать, пока вы потеряете свои земли, одну за другой...»

25 октября состоялась церемония, на которой Мария оставила свой пост, а Филипп вступил во владение Нидерландами. Мария трогательно сказала Генеральным штатам, с которыми она так часто расходилась во мнениях, что «если мои способности, мои знания и мои силы равнялись доброй воле, любви и преданности, с которыми я отдавалась своей работе, то уверена, что никакому правителю так не служили, и никакой землей лучше не управляли, чем вашей».

Готовясь покинуть страну, которой она управляла почти четверть века, Мария Австрийская составила завещание. Она закончила его просьбой, высказанной с неожиданной мягкостью, чтобы оставленное ее давно умершим супругом золотое сердце, которое она носила, расплавили, а вырученные деньги раздали бедным. Эту вещь носили два человека, «хоть и на долгое время расставшиеся друг с другом телесно, но жившие в большой любви и привязанности», поэтому подобает, чтобы, когда она умрет, «это сердце разрушили и изменили его природу, как произошло с телами самих возлюбленных».

Следующей осенью Мария уехала в Кастилию с братом и сестрой (не без тревог, поскольку Испания была чужой страной для нее), но всего 18 месяцев спустя, в феврале 1558 года, Элеонора умерла, оставив ее одну. После потери, несмотря на свои противоречивые чувства по поводу ответственности, налагаемой публичной жизнью, Мария хотела взять на себя новую роль советника своей племянницы Хуаны, сестры Филиппа, которая являлась регентом Испании, пока брат находился на севере. Однако Хуана с некоторой холодностью отвергла предложение Марии, сказав (наверное, справедливо), что характер Марии не позволит ей оставаться на вторых ролях^[64].

Карл V и Филипп пытались уговорить Марию Австрийскую вернуться к управлению Нидерландами. «Объясни ей, какой поддержкой станет ее присутствие, – писал Филипп посреднику. – В

конце концов, предложи ей крупный доход и большую власть, а также подай надежду, что там наступит мир, и мирное положение продлится долго, поскольку все правители обессилены». Мария вынуждена была согласиться – но скоро это согласие потеряло смысл вследствие ее смерти, через восемь месяцев после кончины сестры.

Сестры и соперницы

Англия, 1555–1558 гг.

Мария Австрийская умерла 18 октября 1558 года. К этому времени в Англии готовилась принять власть другая женщина, которая, напротив, горела желанием выйти на первые роли. Во второй половине правления Марии Тюдор в некотором смысле происходила борьба между Марией и ее сестрой Елизаветой – между католичкой и протестанткой, – и не было никакой ясности, за кем из них останется победа.

Весной 1555 года Елизавету Тюдор призвали из ее заключения в Вудстоке в Хэмптон-Корт, где ее сестра Мария торжественно ожидала рождения ребенка, который исключит Елизавету из порядка наследования трона. В конце апреля пошли слухи, что королева родила сына, раздались радостные колокольные перезвоны. Однако это был выкидыш – или хуже, ошибка, ложная беременность. В начале мая французский посол слышал, что все симптомы тридцатидевятилетней королевы являлись результатом «какой-то страшной болезни».

Ошибку Марии Тюдор использовали в ущерб ее репутации: как признак заикленности ее личности и даже как повод для комедии. Однако было бы справедливее винить уровень развития медицинской науки XVI века. Доктора постепенно убедили Марию в том, что она беременна, – точно так же, как убедили ее мать Екатерину в случае ее первого выкидыша, что она все еще носит другого ребенка.

Май, июнь и июль Мария прождала в своей родильной комнате, а в августе тайно вышла и узнала, что ее супруг Филипп Испанский собирается уезжать. Империя Габсбургов снова находилась в состоянии войны с Францией, и Филиппу предстояло принять на себя обязанности своего отца. Поскольку император Карл V сначала передал Филиппу власть над Нидерландами, а затем две испанские короны – кастильскую и арагонскую, Филипп отправил поздравление Марии с тем, что «в будущем она может величать себя королевой многих великих королевств, и будет их владычицей не менее, чем

собственным королевством Англия». Однако такая постановка вопроса не делала различия между ролью правящей королевы и королевы-консорта.

Начинало казаться вероятным, что Мария Тюдор умрет бездетной и таким образом поставит престолонаследие под угрозу. По иронии судьбы Елизавета (какой бы еретичкой она ни была) оказывалась, с испанской точки зрения, более удобной кандидатурой, чем управляемая Францией Мария Стюарт, королева шотландцев. В конце концов, женщину можно (мысль ее брата Эдуарда) благополучно выдать замуж за католического принца и таким способом обратить в нужную веру.

В ноябре 1556 года Елизавету Тюдор пригласили к королевскому двору на Рождество, но на первой неделе декабря она поехала обратно в Хатфилд. Практически наверняка ей приказали выйти замуж за человека, выбранного ее зятем Филиппом: номинального герцога Савойского, родственника по жене Филиппа Испанского, чье герцогство, однако, в 1536 году захватили французы.

Елизавета, по всей видимости, без промедления отказалась. Она так и не встретилась с двумя его габсбургскими родственницами (двоюродной сестрой Кристиной Датской и незаконнорожденной сводной сестрой Маргаритой, герцогиней Пармской), которых Филипп отправил уговорить ее. Кристину после ее отказа вступить в брак с Генрихом VIII и несмотря на то, что она любила другого человека, дядя Карл V в 1541 году выдал за наследника герцогства Лотарингского. Однако ее супруг рано умер, и, хотя Кристина была регентом своего малолетнего сына, в 1552 году французы захватили Лотарингию, забрали мальчика обратно во Францию на воспитание при французском дворе и заставили Кристину бежать в Нидерланды под защиту тети Марии Австрийской.

Филипп рассматривал Елизавету как ценную пешку в политике Габсбургов, и его покровительство будет защищать Елизавету до конца правления ее сестры. Такая защита требовалась все больше. Неизвестно, считала ли Мария свою неудавшуюся беременность знаком Божьего гнева, указанием, что ее страну следует очистить от ереси, тем не менее костры Смитфилда, на которых жгли еретиков, обеспечили Марии посмертную репутацию в качестве Кровавой.

Конечно, историю Англии писали получившие свой шанс протестанты, однако факты отрицать невозможно. В правление протестантов Эдуарда и Елизаветы – в каждое из них сожгли по два еретика (хотя остальные умерли за другие связанные с религиозными вопросами преступления, включая примерно 200 католических священников и их сторонников при Елизавете). Мария сожгла почти 300 человек. Изначальный приказ Марии предусматривал, что наказание следует осуществлять «без поспешности», однако то, что упорные еретики, отказывающиеся отречься от своей веры, подлежали смерти, было едва ли не всеобщим принципом. Бывший архиепископ Кентерберийский Кранмер, который сам погиб на костре Марии, в конце правления Эдуарда готовил для стойких католиков такие же меры наказания.

Первый человек умер в огне 1 февраля 1555 года. Погибло в том числе 50 женщин, включая кошмарный случай с беременной женщиной: она на костре родила, но ее ребенка бросили обратно в пламя.

Ключевым моментом для Марии (как и для Елизаветы), вероятно, был вопрос следования закону. К несчастью, Кальвин в то время побуждал истинно верующих открыто заявлять о своих убеждениях. В этой истории существовал также и политический момент: некоторые, объявив о борьбе за протестантское дело, нашли неожиданного союзника в католической Франции.

В начале своего правления королева Мария отказывалась признавать, что интересы Франции и империи Габсбургов невозможно согласовать на продолжительное время. Подобно дамам предыдущего поколения, она уже в течение нескольких недель после восшествия на престол предложила себя в качестве посредника. Французы ответили саркастически, но через год, в 1554 году, Мария никоим образом не отрекалась от этого замысла; в начале 1555 года французский посол де Ноай считал, что ее здоровье улучшило надежды на европейский мир. Однако когда Франция и семейство Габсбургов наконец договорились о кратком перемирии в феврале 1556 года, Мария не играла никакой роли в этих переговорах, а Франция активно поддерживала восстание против королевы Марии.

К осени 1556 года Франция и Габсбурги снова начали боевые действия, французская армия атаковала Нидерланды. В марте 1557

года у Филиппа возникла срочная необходимость добиваться поддержки Англии. 19 марта он прибыл в Гринвич, чтобы вернуться к супружескому долгу и склонить Англию к вступлению в войну. Парламент и Тайный совет долго сопротивлялись желанию Марии отправить войска и деньги на борьбу своего супруга; некоторые условия брачного договора давали возможность препятствовать подобному развитию событий. Однако французская поддержка нового небольшого восстания в Англии помогла изменить настроения в английском правительстве: помощь французов была настолько несвоевременна, что высказывались предположения, будто все дело – работа испанских провокаторов.

Война с Францией на тот момент являлась войной против папы римского. Неудивительно, что французский посол говорил, будто потерявшая голову Мария находится на грани «разрушения и собственного рассудка, и своего королевства». Однако некоторые аспекты военной риторики вызывают интерес. Возглавивший мятеж Томас Стаффорд для обоснования своих действий использовал теорию, будто Мария нарушила условия завещания своего отца, вступив в брак без объявления согласия советников, которых Генрих назначил для несовершеннолетнего Эдуарда. (Смехотворно, но примечательно тем, что подобное обвинение вряд ли могли бы выдвинуть против монарха мужского пола.) Мария, говоря со своим советом, «разъяснила им покорность, которую она питает к своему супругу, и власть, которую он имеет над ней, как по божескому, так и по человеческому закону».

В июне ко французскому двору отправили герольда, чтобы бросить – в буквальном смысле – перчатку. Генрих II пренебрежительно заявил: поскольку герольд прибыл от имени женщины, ему нет необходимости слушать далее, как он поступил бы в случае, если бы тот действовал от имени мужчины, которому он бы обстоятельно ответил... «Посудите, как я выгляжу, когда женщина посылает [герольда] бросить мне вызов».

Однако Филипп смог направить во Францию шеститысячную английскую армию. Он лично отплыл из Дувра 6 июля и больше никогда не возвратился на землю Англии. Осада Сен-Кантена считалась значительной англо-испанской победой, но вся кампания пошла не лучшим образом, когда в январе 1558 года французы взяли

Кале. Последний остававшийся аванпост на Европейском континенте находился во владении Англии два столетия, и его потеря являлась унижением страны за границей, а также личным провалом для королевы Марии. Протестантский составитель мартиролога Джон Фокс сообщал, что в несчастные последние дни она говорила своей доверенной фрейлине Сьюзен Кларенциус, что, хотя она сожалеет об отсутствии супруга Филиппа, именно потеря Кале оставит след на ее сердце.

Это был еще один урок, без сомнения, усвоенный Елизаветой Тюдор, что война – зло, которого следует избегать любой ценой: причина проявлять осторожность с зарубежными альянсами и иностранными союзниками.

В январе 1558 года Мария опять сообщила мужу, что его последний визит оставил ее беременной. Он выразил должную радость, но, наверное, на этот раз немногие верили, что это не ложная беременность. К апрелю Мария узнала, что ошиблась; и все поняли, что ее сводная сестра Елизавета, судя по всему, унаследует престол Англии. Венецианский посол еще годом ранее писал, что «все глаза и сердца» обращены к Елизавете в качестве преемницы Марии и что она и ее люди обнаруживаются за каждым заговором. Когда в конце лета 1558 года стало ясно, что Мария серьезно больна, люди Елизаветы ждали перемен.

Сорокадвухлетняя Мария Тюдор всю жизнь мучилась от проблем со здоровьем, которые часто усугублялись стрессом; нечто вроде этого было справедливо для многих женщин второй половины нашей истории. В начале октября состояние королевы ухудшилось, и 28-го Мария сделала дополнение к своему завещанию. Если у нее по-прежнему не будет «ни плода, ни наследника», ее преемницей станет «следующий наследник и преемник по законам и уставу нашего королевства» – Елизавета.

Специальный посол Филиппа де Ферия бросился в Хатфилд, где нашел Елизавету в нетерпеливом ожидании. Желая, чтобы Елизавета осознала свой долг перед Филиппом и Испанией, он вместо того услышал ее заявление, что народная любовь приведет ее на трон; та самая любовь, которую утратила Мария, «потому что вышла замуж за

иностранца». Де Ферия сообщил, что «она твердо решила, что никто не будет ею править». И это подтвердится.

Ранним утром 17 ноября Мария Тюдор тихо скончалась. Почти сразу на нее посыпались обвинения. В 1588 году протестантский изгнанник Бартоломео Трахерон написал, что она была «злой, жестокой, кровавой, несговорчивой, неистовой, коварной, набитой фальшивыми приемами, с симуляцией и диссимуляцией, лишенной чести, лишенной честности, лишенной всех подобающих добродетелей». Через пять лет после смерти Марии в своей «Книге мучеников» (*Book of Martyrs*) Джон Фокс скажет свое слово.

Венецианский посол Микель писал о Марии Тюдор:

В определенных проявлениях она исключительна и не имеет себе равных; потому что Мария не просто смелая и энергичная, в отличие от других робких и вялых женщин, но она настолько отважна и решительна, что ни в несчастье, ни в опасности она никогда не проявляет малодушия или трусости, а, напротив, действует с поразительным величием и достоинством...

Однако описание Микеля определял тот факт, что он считал, будто пол Марии «надлежащим образом позволял ей играть лишь умеренную роль в управлении».

Кроме того, дискуссия о женском правлении только что получила свой самый известный вклад. Весной 1558 года шотландский реформатор Джон Нокс опубликовал свой труд «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» (*First Blast of the Trumpet against the Monstrous Regiment of Women*), в котором утверждал, что возлагать корону на женскую голову все равно, что «надевать седло на своенравную корову»: «нарушение правильного порядка, объективности и справедливости». Это, писал Нокс, «противоречит природе, чтобы женщины властвовали и управляли мужчинами»^[65].

Женщины в общем, заявил Нокс, «слабые, непостоянные, нетерпеливые, слабохарактерные и глупые: опыт доказал, что они раздражительны, неустойчивы, жестоки и не способны ставить цель и руководить». Мария Тюдор была «ужасным чудовищем Иезавелью». К тому же не только Нокс высказывался в таком духе; другие авторы,

например Кристофер Гудман, Энтони Джилби и Томас Бэкон, тоже связывали свою критику католицизма Марии с ее полом.

Однако факты говорят громче слов, а факт состоял в том, что Мария Тюдор правила Англией, успешно осуществляя власть. Как в 1559 году написал Джон Эйлмер в своем опровержении позиции Джона Нокса «Гавань для веры и истины, против недавнего Гласа касательно правления женщин» (*An Harborowe for Faithfull and Trewе Subjectes, agaynst the Late Blowne Blaste, concerninge the Government of Wemen*): «в Англии не так опасно иметь женщину-правительницу, как это представляют себе мужчины». Мария Тюдор, внучка Изабеллы Кастильской, доказала, что такая возможность существует. В этом состоит ее наследие, ее дар женщинам, которые пришли после нее. Хотя она никогда не хотела, чтобы именно ее единокровная сестра династии Тюдоров Елизавета первая воспользовалась этим подарком.

«Если Бог с нами»

Франция, 1558–1560 гг.

Когда Мария Тюдор умерла, и Елизавета Тюдор взошла на престол, во Франции три женщины, которые в один прекрасный день будут призваны взять на себя заботу о королевстве, по-прежнему видели собственное будущее в тени власти супруга. Однако религиозные расхождения в Европе уже определили наполнение их жизней, пусть пока это было незаметно.

В апреле 1558 года пятнадцатилетняя Мария Стюарт выполнила предназначение, для которого ее воспитывали, – вышла замуж за Франциска, четырнадцатилетнего французского дофина. Возврат Кале явился победой, достигнутой де Гизами, семьей Марии, и это бракосочетание было их наградой. Великолепные церемонии производили сильное впечатление, хотя яркая красота одетой в белое Марии подчеркивала тщедушную слабость ее супруга^[66].

«Этих новобрачных действительно считали самой королевской и праздничной парой из всех, которых видели в этом королевстве за многие годы, – писал венецианский посол, – судя по великолепию и роскоши драгоценностей и нарядов господ и дам; по грандиозности банкета и величавости при обслуживании стола; по очень дорогим затеям на маскарадах и других увеселениях».

На государственном банкете после церемонии бракосочетания шесть заводных механических кораблей с серебряными мачтами плыли по вздымающимся волнам нарисованного на ткани моря. Каждым кораблем управлял представитель королевского рода, приглашавший на борт даму по собственному выбору. Король Генрих II выбрал саму Марию, а дофин – его мать Екатерину Медичи. Мария де Гиз, которая не могла покинуть Шотландию, чтобы присутствовать на свадьбе, назначила свою мать представлять ее на переговорах. Однако эта важная сделка совершалась за закрытыми дверями.

Официальный брачный договор (как ранее подобные документы Марии Тюдор и Изабеллы Кастильской) тщательно охранял

независимость Шотландского государства. Однако по указанию ее дядей Гизов пятнадцатилетняя королева за несколько дней до того подписала другое, тайное, соглашение, по которому Шотландия, в случае смерти королевы бездетной, станет достоянием Франции. Отписала бы так беспечно свою страну другим Елизавета Тюдор, даже в 15 лет?

Франциска теперь будут называть королем-дофином. Еще более сомнительным, через год после смерти Марии Тюдор Английской, стало решение изображать на всех вещах Марии Стюарт и Франциска геральдические знаки Англии вместе с гербами Франции и Шотландии. Это являлось открытой декларацией, что Франция не признает королевой протестантку Елизавету – незаконнорожденную, с точки зрения католиков. Вместо того французы считают Марию Стюарт, законную правнучку Генриха VII, наследницей Марии Тюдор. Следующим летом при входе Марии Стюарт в капеллу церемониймейстеры выкрикивали: «Дорогу королеве Англии!»

На самом деле в том, что касалось французского правительства, восторжествует более спокойный дипломатический расчет, и скоро они будут вести дела с Елизаветой Тюдор как королевой Англии. Тем не менее между двумя родственницами королевской крови вопрос о правах Марии Стюарт на английский престол останется спорным до их последних дней.

Звезда Екатерины Медичи продолжала восходить все 1550-е годы. Когда Генрих II поддержал притязания Екатерины на наследство в Тоскане, венецианский посол Микеле Соранцо писал, что «если Флоренцию освободят, вся заслуга будет принадлежать королеве». (Этот же человек написал также, что ее «все любили».) Когда в 1557 году захватили саму Северную Францию, Екатерина – снова являясь регентшей, пока Генрих воевал с Филиппом Испанским, – сделала многое, чтобы успокоить людей в Париже и убедить их дать Генриху солдат и деньги.

Однако Европа уставала от войны, и жизненно необходимый мир, о котором договорились в конце десятилетия, станет возможным лишь при участии другой женщины. Кристина Датская, вдовствующая герцогиня Лотарингская (одна из племянниц, которые росли у Марии Венгерской), утверждала, что несколько лет стремилась добиться мира

между двумя великими державами. Она на собственном опыте испытывала последствия этого конфликта; в Лотарингии ее подозревали из-за принадлежности к Габсбургам, а затем в результате действий французов заставили отправиться в изгнание. В октябре 1558-го она написала своему кузену Филиппу Испанскому, что будет рада выступить в роли посредника на любых мирных переговорах, но он должен обеспечить ее безопасность «не только потому, что я женщина, но и потому, что, как вам известно, я в немилости у французов».

Начавшиеся той осенью переговоры пришлось приостановить не в последнюю очередь потому, что требовалось провести траурные церемонии по кончине Карла V, Марии Австрийской и Марии Тюдор. Однако весной 1559 года, вскоре после того, как сын Кристины, молодой герцог Лотарингский, женился на дочери французского короля Клод, переговоры снова начались в небольшом городке Като-Камбрези, примерно в 20 километрах от Камбре, где три десятилетия назад Маргарита Австрийская и Луиза Савойская подписали «Дамский мир». Как писал Елизавете Тюдор ее родственник и представитель барон Говард из Эффингема, «собрание полностью было обеспечено усердными трудами герцогини... и она постоянно присутствует на всех встречах и обсуждениях».

Кристина Датская сидела во главе стола, французы слева от нее, испанцы напротив, и англичане справа. Точно так же, как в Камбре много лет назад, переговоры несколько раз практически прекращались, и Кристина ловила посланников уже в дверях, чтобы не дать им уйти. Как писал венецианец Тьеполо, «герцогиня, невзирая на свою усталость, ходила туда-сюда между представителями стран, с огромным энтузиазмом и пылом заклиная их прийти к согласию». В апреле сделку в конце концов согласовали.

Като-Камбрезийский договор положил конец десятилетиям Итальянских войн. По сути, Франция согласилась прекратить свои исторические притязания на Пиренейский полуостров. Это было весьма выгодно Испании, но в целом для интересов Габсбургов присутствовал серьезный недостаток, поскольку сделанные Франции уступки отрезали Священную Римскую империю от Испании. Тем не менее сама Испания стала сильнее.

Кристина написала французскому королю: «Я чувствую величайшее удовлетворение, что оказалась способна добиться заключения столь превосходного договора, который не может не стать великим благом для Христианского мира». Действительно ли она вернулась в Нидерланды героиней, достойной «дочерью» Маргариты и Марии Австрийских?

По иронии судьбы, наверное, ее корни в Нидерландах и собственная популярность Кристины в этой стране помешали Филиппу поручить ей регентство, отдать ей пост, остававшийся свободным после отставки Марии Австрийской. Вместо этого в июне регентом назначили Маргариту Пармскую. Кристина Датская провела следующие 19 лет советником своего сына в Лотарингии и еще 12 – в собственных владениях в Италии, при этом постоянно следила за тем, чтобы не допустить чрезмерного давления на эти территории со стороны Филиппа Испанского или Франции в лице Екатерины Медичи^[67].

По Като-Камбрезийскому договору старшую дочь Екатерины Медичи и Генриха II, тринадцатилетнюю Елизавету Валуа, обещали в жены Филиппу Испанскому (а сестру французского короля Маргариту – герцогу Савойскому). Однако косвенно этот договор скоро принесет трагедию французской королевской семье.

Летом 1559 года на рыцарском турнире в честь бракосочетания дочери короля с Филиппом пика его противника попала Генриху II в лицо. Забрало короля раскололось, осколок вошел в глаз, и после девяти дней агонии Генрих умер.

Его смерть, бесспорно, была личной трагедией для Екатерины Медичи. Проницательный венецианский посол отмечал, что «она любит короля больше, чем кто-либо». Однако, по всей видимости, трагедия предоставила также и возможность, или, мягко говоря, вызов, который она осмелилась принять. Разве Анна де Божё, удерживая трон для другого мальчика-короля Франции полвека назад, не выделила вдовство как самый ответственный и самостоятельный период в жизни могущественной женщины?

Новый король, старший сын Екатерины Медичи Франциск II, был болезненным подростком, который легко поддавался чужому влиянию. Однако его ушей достигал голос не только матери, и в первые дни правления сына Екатерина могла занять место за столом власти только

в союзе с семьей новой королевы Марии де Гизами. Как только Гизы стремительно бросили силы, чтобы подчинить своему влиянию пятнадцатилетнего короля, Екатерина оставила память супруга и присоединилась к ним. Ее присутствие легализовало Гизов; другие, кто мог надеяться захватить долю власти, в особенности большой конкурент Гизов констебль Франции Монморанси, были оставлены оплакивать Генриха.

Устроившись в Лувре, Екатерина Медичи позволила себе предаться скорбному уединению, которое ожидалось от французской вдовствующей королевы. Ее невестка Мария часто приходила в ее задрапированные черным шелком апартаменты. В письме своему «верному другу, доброй сестре и кузине» Елизавете Английской Екатерина писала, что ее потеря «так свежа, так ужасна и вызывает такую боль, горечь и отчаяние, что нам необходимо, чтобы Господь, поразивший нас таким горем, дал нам силы перенести его». Один из посетителей рассказывал, что она такая «заплаканная», что у него самого потекли слезы.

По подсказке Гиза новый король сказал Монморанси: «Я очень хочу утешить твою старость»; это значило, что его отправляют на пенсию. Ожидалось, что супруг Жанны д'Альбре Антуан Бурбонский как первый принц крови возглавит регентский совет, но его тоже оттеснили от власти настолько, что Екатерина Медичи заметила: его «понижили до положения горничной». Сама Екатерина, напротив, незамедлительно получила щедрое финансовое содержание. Она затребовала себе титул – «королева-мать», а не традиционный «вдовствующая королева». Это ясно показывало, что она связывала свою роль с будущим, а не прошлым.

Хотя в первые дни после смерти Генриха II английский посол сэр Николас Трокмортон объявил, что «Дом Гизов правит», пару недель спустя он высказал мнение, что Екатерина «пусть не на словах, но на деле фактически имеет власть регента». С самого начала правления ее сына все официальные акты начинались со слов: «К полному удовольствию королевы, моей госпожи-матери, а также одобряя ее мнение, я повелеваю, что...» Стоящих перед Францией проблем (распри, ужасный долг за войны Генриха и религиозные разногласия) было достаточно, чтобы использовать таланты всех возможных советников Франциска.

К этому моменту протестанты имели своих людей на всех уровнях французского общества. Всего за несколько лет около 2 000 000 французов вошли в тысячу религиозных сообществ, в новую веру обратились даже два племянника констебля Монморанси, включая, в частности, Гаспара, адмирала де Колиньи (впоследствии это имя прогремит во французской истории). Король Генрих II занимал жесткую позицию в отношении инакомыслящих, но теперь выступать против них было не так легко.

Новая вера завоевывала особенно крепкие позиции на юго-западе страны и на территориях Наварры и Беарна. Кроме прочего, семена раздора были посеяны (как во Франции, так и на Британских островах) – противостояние двух правящих женщин, Екатерины Медичи и Жанны д'Альбре, находившихся по разные стороны религиозного раскола.

В 1555 году на южных границах Франции на трон взошла еще одна женщина-правительница. В первой половине 1550-х годов Жанна д'Альбре, наследница престола Наварры, была женой и матерью, первого ребенка она родила в 1551 году. К сожалению, этот сын умер, не дожив до двух лет, но к этому времени Жанна снова была беременна. Генрих родился 14 декабря 1553 года в родовом замке По. Семейная легенда по поводу его рождения говорит, что отец Жанны д'Альбре обещал сделать завещание в ее пользу, если она в родах будет петь местную песню Богородице, и ее ребенок родится без крика. Отцовские условия были соблюдены, и она получила завещание, но он забрал ребенка со словами «Это тебе, моя девочка, а этот мне». Когда родилась Жанна, испанцы язвили, что «бык породил овечку». Показывая ребенка народу, он ликующе провозгласил: «Овечка родила льва!»

Супружество Жанны с Антуаном Бурбонским было браком по любви, его омрачали лишь подозрения Жанны. Письма Антуана полны утешительных слов и, возможно, некоторого раздражения: «...ни один муж никогда не любил жену так, как я люблю тебя. Надеюсь, моя дорогая, что со временем ты будешь понимать это лучше, чем сейчас». Ей следовало избавиться от своих страхов по поводу и его безопасности, и супружеской верности: «Я сохраняю все, что имею, для своей супруги, умоляя ее поступать так же». В другой раз он

писал: «Я не грешил ни перед Богом, ни перед тобой и не имею желания начинать грешить сейчас. Меня каждый день окружают скачущие лошади, я чувствую себя прекрасно, и у меня нет потребности в кобыле...»^[68]

Ее отец умер весной 1555 года – так Жанна стала Жанной III. В письме Антуана Жанне во время болезни отца, которая станет для него последней, читается теплота, но еще и мрачное предчувствие: «Боюсь, что твоя натура заставит тебя *faire une demonstration* [устроить шум], и я прошу тебя сохранять спокойствие. Заверяю тебя, что [при необходимости] твой муж будет тебе и отцом, и матерью, и братом, и мужем».

Брак Жанны д'Альбре с Антуаном – принцем, который, как предполагалось, будет править от ее имени, – весьма вероятно, рассматривался в качестве способа избежать противоестественного женского правления. Так обстояло дело с первыми правящими королевами этой страны, поскольку в Наварре все-таки существовала определенная традиция женской верховной власти, даже до беспокойного владычества бабушки Жанны Екатерины де Фуа. Однако уравнивание происходило по-разному. Жанна сообщила сословиям Беарна, что желает править совместно со своим супругом, поскольку «если она, их королева и полновластная госпожа, считает его своим господином, они должны поступать так же, потому что супруг владеет и личностью, и собственностью своей супруги».

Сословия (которые должны были голосованием утвердить избрание нового монарха), напротив, объявили, что Жанна является их «истинной и урожденной госпожой», а ее муж, по их закону, только управляющий ее имуществом. Им потребовалось пять дней, чтобы уступить и согласиться на совместное правление. Церемония коронации Жанны III строилась на той, по которой короновали Жанну II и ее супруга в 1329 году^[69]. Супружество оставалось любящим. «Ты говоришь, что следующим летом хочешь носить чепец, и я думаю, ничего не может быть лучше, он очень шел тебе в прошлом году. Я отправляю тебе с посыльным золотую цепочку», – писал Антуан.

Жанна старалась сгладить беспокойство при французском дворе (через вездесущего Дескурру, шпиона, докладывавшего о первом браке Жанны с герцогом Клевским) по поводу того, что Антуан сговаривается с императором о возвращении части Наварры, которую

аннексировала Испания, точно так же, как ее мать Маргарита Наваррская пыталась преуменьшить тайные дела своего мужа. Антуан с такой же готовностью на все стремился к сделке, как и его тесть, но Габсбурги играли с ним тем же образом. В итоге он начал искать другой источник поддержки и нашел его у протестантов.

Теперь невозможно с уверенностью сказать, Жанна или ее муж первым начал двигаться к протестантству. На том этапе именно Антуан вел переписку с Кальвином, именно на Антуана смотрело французское протестантское сообщество – гугеноты. Брантом не стеснялся писать о Жанне, что она «любит танцы больше проповеди», что он слышал «из достоверных источников», будто она бранила Антуана за его интерес, говоря, что «если он хочет погубить себя, то она не желает лишиться своих владений».

Однако некоторые протестантские современники уже думали о Жанне. 19 июля 1559 года новая королева Елизавета Английская (по подсказке ее министра Уильяма Сесила) написала и королю, и королеве Наваррским. Антуану она выразила свое «горячее желание порадовать и быть полезной». В письме к Жанне ее тон был одновременно и более ободряющим, и звучал значительнее, чем просто обращение одной находящейся в сложном положении сестры к другой: «*Si Deus nobiscum quis contra nos?*» (Если Бог с нами, то кто может быть против нас?). Елизавета писала, что с удовольствием познакомилась бы с Жанной, но, поскольку расстояние не позволяет этого, придется сделать это в душе. Она почитает Жанну «не только за положение в светском мире, но еще больше за истинное вероисповедание и искренность христианства, в котором [я] молю Создателя хранить [вас] Его милостью, чтобы [вы] могли оставаться сторонником Его святого мира». Религия создавала связи между влиятельными женщинами, как в конечном счете и разделит их.

«Девическое звание»

Англия, 1558–1560 гг.

Пол Елизаветы Тюдор, как и ее протестантская вера, с самого начала определял условия ее правления; кажущуюся слабость «королева-девственница» сумеет превратить в силу.

С одной стороны, продолжительная игра, которую она вела, используя соблазнительные возможности своего согласия на брак, окажется одним из лучших инструментов ее дипломатии. С другой – Елизавета, подобно остальным правящим королевам, никогда не презентовала себя в качестве женщины, когда это не соответствовало ее задачам. Принцип двух тел монарха подразумевался на погребальной церемонии ее сестры королевы Марии, когда епископ Винчестерский описывал ее как «королеву, но под этим титулом и как короля», однако наиболее четкое выражение эта идея получила в правление Елизаветы. Всего через три дня после кончины сестры новая королева объявила парламенту: «Я есть единое тело, от рождения созданное по [Божьему] соизволению как тело политическое, чтобы править...» Несколько лет спустя (в связи со сложным имущественным делом) юристы королевы разъяснили эту позицию. Монарх, по их словам, «выше Младенчества, Старости и врожденных Физических или Умственных Недостатков, которым подвержены тела обыкновенных людей». Включая смертность и, вероятно, принадлежность к женскому полу.

Сам идеал правления – «король в совете» – получил дополнительную силу от того, что правитель был женского пола. Даже сочувствовавший Джон Эйлмер написал в своем опровержении тирады Джона Нокса против женского правления, что пол Елизаветы имеет меньшее значение, поскольку Англия не «чистая монархия», даже не чистая олигархия или демократия, а «правление, сочетающее в себе все три этих элемента». Другими словами, пол Елизаветы не имеет значения, потому что она в любом случае не абсолютный монарх^[70].

Работа Нокса, изначально направленная против католических правительниц Марии Тюдор и Марии де Гиз, теперь, совершенно очевидно, потенциально порочила протестантку Елизавету. Жан Кальвин написал частное письмо Уильяму Сесилу, в котором признался, что они с Ноксом обсуждали эту проблему. Кальвин считал, что женское правление является «отклонением от первоначального и надлежащего естественного порядка... которое следует рассматривать ни больше ни меньше как рабовладение». Однако, признал Кальвин, существовала библейская Девора, а также мысль из пророчества Исаии, что «королевы должны быть кормящими матерями церкви». Эту идею Нокс и другие теперь использовали, чтобы изобразить Елизавету в качестве реинкарнации Деворы – как «исключительную» женщину, не подпадающую под «надлежащий естественный порядок» только по «специальному провидению» Господа.

Сначала предполагалось, что Елизавета, к лучшему или к худшему, скоро разделит власть с супругом. 21 ноября 1558 года, не прошло и четырех дней со смерти прежней королевы, испанский посол де Ферия написал королю Филиппу, что «все зависит от того, какого супруга эта женщина может взять». Между тем любое принятое решение являлось, в известной мере, предварительным. Даже главная опора Елизаветы Уильям Сесил в эти первые дни выговаривал курьеру за то, что он отнес бумаги прямо королеве, поскольку «дело такой важности слишком сложно для женского ума». Сесил будет одним из влиятельных голосов, которые в тот момент и впоследствии убеждали, что супруг ее и королевства «единственно известная и возможная порука»: «Господь посылает нашей госпоже мужа, а через него сына, чтобы мы могли надеяться, что последующие поколения получат мужское наследование трона». Тогда это все еще казалось вероятным.

И Елизавета, и «ее народ», предупреждал де Ферия, «будут слушать любого посланника, который может прийти договариваться о браке». Три недели спустя, 14 декабря: «Все считают, что она не выйдет за иностранца, и не могут разобраться, кого она предпочитает, поэтому каждый день раздаются новые мнения по поводу супруга». Среди претендентов был и сам Филипп Испанский (с неохотой, но отказавшийся от притязаний на ее руку), и настойчивый Эрик Шведский.

Брат Карла V Фердинанд, император Священной Римской империи, предложил одного из своих младших сыновей; Шотландия выдвинула кандидатуру графа Арранского. В число доморощенных кандидатов входили граф Арундел, сэр Уильям Пикеринг и, разумеется, непременный лидер (как покажут и следующие два десятилетия), конюший Елизаветы Роберт Дадли.

Вне всякого сомнения, считалось, что она должна выйти замуж и в конце концов выйдет за кого-нибудь. Существовало, как заметила сама Елизавета Тюдор, «устойчивое убеждение, что женщина не может жить, если она не замужем». Представитель императора Священной Римской империи согласился, что ей следует («как всякой женщине») стремиться «выйти замуж, поэтому ее желание оставаться девственницей и никогда не вступать в брак непостижимо». Она сама нередко говорила: «Я уже соединила себя в браке с мужем, а именно с королевством Англия». Такую же риторику использовала ее сестра, но Елизавета докажет, что относилась к ней с большей серьезностью.

Пример Марии Тюдор послужил Елизавете грозным предостережением, как позже и пример Марии Стюарт. Любой брак правящей королевы ставил неразрешимую проблему: за кем будет власть? По восшествии на престол Елизавета Тюдор, не откладывая, написала собратьям-монархам, что вовсе не обязательно продолжит раздоры времен своей сестры. Затем отметила, что «ничего не делалось со стороны Англии без участия и руководства министров вышеуказанного короля [Филиппа]», супруга Марии. Незамужняя Елизавета, напротив, являлась «независимой государыней».

Джон Эйлмер пытался выстроить доказательства:

Говорю вам, Господь назначил ее подчиняться своему супругу... следовательно, она не может быть главой. Допускаю, что в соответствии с узами брака и обязанностями жены она должна находиться в подчинении мужа – но как правитель она может быть главой мужа.

Она может оставаться ниже его в «делах супружеских», тем не менее лидировать в «управлении государством», заявлял Эйлмер. Однако подобное разделение было бы практически невозможно осуществить на практике.

4 февраля 1559 года парламент составил петицию с настоянием, чтобы Елизавета в ближайшее время вышла замуж, дабы обеспечить наследование престола. Если же она останется «незамужней и, как сейчас, девой-весталкой», это пойдет «вразрез с общественным уважением». Она ответила, что, «вступив в возраст согласия», так как она была достаточно взрослой, чтобы осознавать себя слугой Господа, «я выбрала ту жизнь, какую веду сейчас, которая, заверяю вас, с моей точки зрения до сих пор меня удовлетворяла наилучшим образом, и я верю, что она является угодной Господу». В заключение она сказала: «Мне будет достаточно, если на мраморной могильной плите будет написано, что королева, правившая столько-то времени, жила и умерла девственницей».

Тогда как другие влиятельные женщины мирились с уготованной им ролью в традиционных социальных рамках в качестве заместительницы мужчины или по меньшей мере некоторым образом подчиненной мужчины, незамужняя Елизавета Тюдор бросила вызов предрассудкам на почти беспрецедентном уровне; Изабелла Кастильская, по иронии судьбы, являлась великим исключением из этого правила. Возможно, ее положение в качестве незамужней протестантской правящей королевы было несколько сомнительным, однако оно привело Елизавету к установившемуся в веках образу, хотя и главному именно в католической церкви – образу девственницы.

Девственность – целомудрие – и в древние времена, и в Средневековье рассматривалась как жертва, позволяющая перейти практически в третий пол. О ее важности свидетельствуют святые Августин и Иероним, целые монашеские традиции, а также ранненовоанглийские авторы от Мэлори, говорившего о важности (мужского) безбрачия в «Смерти Артура» (*La Morte d'Arthur*), до Петруччо Убальдини, которому Елизавета покровительствовала. В его книгу о шести знаменитых женщинах входила история о древней королеве-воине, чья девственность, как волосы Самсона, имела критическое значение для ее военного успеха. В средневековой Скандинавии тоже были истории о девах-королях, носивших мужскую одежду и успешно возглавлявших армии, пока их не побеждал мужчина, за которого они выходили замуж.

Елизавета Тюдор, по всей видимости, соглашалась с таким взглядом на девственность. Когда впоследствии Иван Грозный посмел предположить, что «другие мужчины на самом деле правят Англией», а «ты пребываешь в своем девическом звании, как простая девица», Елизавета ответила, что «мы сами правим с честью, подобающей королеве-девственнице, поставленной Господом». Только на более позднем этапе правления Елизаветы ее статус в качестве королевы-девственницы *по-настоящему* упрочился, однако тогда, в ранний уязвимый момент царствования, ей требовалось что-то, что отделяло бы ее от остальных женщин, пусть даже католический образ Девы Марии.

Религиозный вопрос отличал правление Елизаветы не только от правления ее сестры, но и от всех предыдущих женских правлений христианской Европы (если не считать Джейн Грей). Она являлась и правящей королевой, и не признавала себя никоим образом подвластной папе римскому, соответственно, обладала почти беспрецедентной автономией.

С самого начала стало ясно, что религиозный аспект ее роли может стать камнем преткновения. Первый вариант открыто реформистского закона, который Сесил подготовил в первые месяцы правления Елизаветы, был встречен с негодованием, не в последнюю очередь из-за роли, отводившейся в нем королеве. Католический архиепископ Йорка Николас Хит выразил свое отношение такими словами: «Читать проповедь или проводить священные обряды женщине не разрешается – значит, ей нельзя быть и Верховным главой Церкви Христовой». В последовавшей поправке объявлялось, что королева Елизавета, по своей скромности, желает, чтобы ее знали не как верховного главу церкви, а как ее верховного управляющего.

Между тем Елизавета Тюдор почти попала в ловушку, подстерегавшую каждую влиятельную женщину, если (как Анна де Божё предупреждала, а Анна Болейн обнаружила) она проявит малейшую неосторожность.

С самого начала правления Елизаветы иностранные послы сообщали о ее тесных отношениях с Робертом Дадли. Его возвышение в первые месяцы правления Елизаветы поражало воображение; причем настолько, что в ноябре 1559 года общительный испанский посол

Ферия докладывал, что пара имеет «негласное соглашение». Его преемник де Квадра два месяца спустя описывал Дадли как «будущего короля».

Такая идея представляла опасность для королевы, которой требовалось заботиться о своей репутации и которой была необходима поддержка английской аристократии и иностранных союзников. Ферия сформулировал прямо: «Если она выйдет за этого милорда Роберта, то вызовет к себе такую неприязнь, что может однажды вечером лечь спать королевой Англии, а на следующее утро встать с постели простой мадам Елизаветой». Де Квадра говорил, что в Англии нет человека, кто бы не «вопил, что он [Дадли] позорит королеву». Кроме всего прочего, Роберт Дадли, само собой разумеется, был женатым человеком, хотя по большей части жил отдельно от женщины, Эми Робсарт, на которой женился в ранней юности.

Когда первый год правления Елизаветы подошел к концу, похоже, все с поразительной готовностью уже посчитали, что Эми Дадли – это проблема, которую легко разрешить. Ферия писал о слухах, что у нее «болезнь в одной из грудей», и естественные причины (или следствие состояния медицины XVI века) остаются одним из возможных объяснений того, что должно произойти. В более зловещем духе де Квадра говорил, что Эми «скоро отправится в вечность». Сложившаяся ситуация подготовила почву для того, что окажется первым определяющим моментом правления Елизаветы. 8 сентября 1560 года Эми Дадли нашли мертвой у нижних ступеней лестницы в Камнорхаусе со сломанной шеей и ранами на голове.

Возможно, она упала с лестницы вследствие несчастного случая или плохого самочувствия, хотя невысокие ступени делают этот вариант маловероятным. Она могла совершить самоубийство; есть косвенные доказательства, что она испытывала безысходность, но то же возражение касательно лестницы работает и в этом случае. Или ее могли убить либо тот, кто стремился обвинить Роберта Дадли, либо просто сам Роберт Дадли. По существующим свидетельствам, ни один из вариантов невозможно доказать, но в этом контексте имеет значение то, как ситуация сказалась на репутации Елизаветы.

Если сексуальный скандал был очевидным основанием для нападков на влиятельную женщину, то ни одна женщина у власти не могла предоставить более удобного повода для этого. Английский посол в

Париже сэр Николас Трокмортон писал, что у него волосы встают дыбом от того, насколько «подлыми и гнусными слухами» наслаждаются «злые французы». Он докладывал, что французская королева насмеялась, что королева Англии собирается замуж за своего конюшего, который убил собственную жену, чтобы расчистить ей дорогу. И, что более серьезно: «Говорят, будто [англичане] больше не хотят, чтобы ими правили женщины».

Решающее значение имела реакция Елизаветы. Королева удалила Роберта от двора на время расследования. Когда коронерский суд принял решение, что Эми погибла в результате несчастного случая, и скандал в конце концов затих, она все равно не вышла за него. Вопрос, разумеется, в том, почему она приняла такое решение.

В 1560 году современники, несомненно, считали, что Елизавета Тюдор хочет вступить в брак с Робертом Дадли. Лишь оглядываясь назад, мы задаемся вопросом, действительно ли она, когда наступило время решать, была готова к самой идее брака. Возможно, ее чересчур глубоко ранил скандал из-за отношений в юности с Томасом Сеймуром, судьба матери, смерть в родах двух ее мачех и жен нескольких ведущих придворных; а может, она просто не видела способа сочетать замужество с сохранением своей власти.

Безусловно, годы спустя она говорила так, что в ее словах звучал животный страх перед браком и рождением детей, но в какой-то момент она начала вести себя с Робертом Дадли со все большей свободой, как будто сам факт, что она тогда не могла выйти за него, как ни странно, давал ей возможность насладиться им в полной мере.

Однако, объективно говоря, Елизавета вела себя корректно, властно, безукоризненно. Именно так, как повела себя Маргарита Австрийская при скандале с Чарльзом Брэндоном. Так, как требовалось, чтобы отделить себя от скандального женского рода, который так ярко описал Джон Нокс.

Конфликт в Шотландии

Шотландия, 1558–1560 гг.

Когда Елизавета Тюдор взошла на английский трон, дела в Англии снова отразились на ситуации в Шотландии. Мария де Гиз, правление которой строилось на французской поддержке, стала резко терять популярность. В 1557 году, когда Генрих II объявил войну английскому союзнику Испании и сказал Марии, что ей нужно захватить север Англии в качестве отвлекающего маневра, ей ничего не оставалось, как согласиться. Она и Мария Тюдор, которую заставила вступить в войну зависимость от Испании, по сути, одновременно попали в одну и ту же ловушку. По иронии судьбы когда в апреле 1558 года Мария Стюарт вступила в брак с французским дофином, некоторые шотландцы даже надеялись, что в подростковом – муже Марии – они найдут альтернативу правлению ее матери Марии де Гиз.

Поскольку английский престол заняла протестантка Елизавета, шотландские протестанты осмелели. Мария де Гиз не сомневалась, что их требования – право проводить богослужения на родном языке и принимать на мессе и хлеб, и вино – имели политическую подоплеку. Она сама, как очень многие из этих женщин, давно поддерживала внутренние реформы католической церкви. В 1557 году Мария обратилась к папе с просьбой прислать какого-нибудь кардинала, чтобы искоренить злоупотребления в Шотландии. Однако сейчас было другое: с ее точки зрения, присутствовало очевидное вмешательство англичан. Как писал ее советник месье д'Ойсель: «Здесь никогда не знаешь, кто друг, а кто враг, потому что тот, кто с вами утром, после обеда уже против вас». Обе стороны чувствовали себя преданными: лорды – потому что считали, будто Мария де Гиз решила сделать Шотландию фактически французской провинцией; а Мария из-за готовности самых близких ей людей встать на сторону ее противников.

Зимой 1558/59 года поступил ряд петиций от протестантов, включая так называемые «Призывы нищих», которые крепили на ворота шотландских мужских монастырей, призывая их обитателей

освободиться от собственности. В этот исключительно благоприятный момент, в начале мая 1559 года, из ссылки на континенте вернулся Джон Нокс. Он объявил, что деяния французской королевы-регентши «поистине свидетельствуют о злобе ее сердца». Проповедь, которую Нокс прочел 11 мая в Перте, вызвала ураган массовых беспорядков, в ходе которых местные жители крушили церковные статуи.

Мария де Гиз вызвала герцога де Шательро (бывший граф Арранский; этот титул теперь пожаловали его сыну) и заявила, что теперь ему как «второму человеку в Шотландии» предстоит действовать, поскольку лорды «не боятся ее, потому что она женщина». Ее умелое сочетание принуждения и лести достигло цели, несмотря на ходившие слухи о солидарности Шательро с протестантами, и они вместе поскакали во главе небольшой армии. Как оказалось, слишком небольшой, чтобы противостоять силам, собранным их протестантскими противниками.

Заключили сделку, но этот конфликт не суждено было разрешить при жизни Марии де Гиз. Фактически получив запрет на использование французских войск и бежав из Эдинбурга в Данбар, она была вынуждена больше заботиться о собственной безопасности, чем об убывающем шансе сохранить власть. Недавняя сделка дала протестантам свободу вероисповедания в обмен на подчинение гражданским властям Марии, но ее потрясло, когда в соответствии со строгими принципами реформатской веры почитаемую статую святого Жиля выкрали, бросили в озеро Нор-Лох, потом вытащили и сожгли. Наверное, она еще больше расстроилась, узнав, что Елизавета Английская приказала своему агенту Ральфу Сэдлеру провоцировать раздоры, заставить ее подписать соглашение о вечном мире с Англией и, таким образом, поставить французов в безвыходное положение.

В течение осени число сторонников Марии де Гиз уменьшалось практически с каждым днем, главным из отступников был Шательро. В октябре Марию вынудили бежать в Лит, ее регентство, как объявили лорды, приостановили. Однако в ноябре она вернулась в Эдинбург, но слегла, по всей видимости, от хронической болезни сердца, хотя Сэдлер доложил, что слухи о ее смерти «слишком прекрасны, чтобы быть правдой». Доктора советовали Марии избегать холодной влажной погоды (это в Шотландии-то!) и не волноваться.

В январе 1560 года восемь английских кораблей вошли в Ферт-оф-Форт, Мария приказала шотландцам готовиться к войне с Англией, в то время как шотландские лорды Конгрегации лелеяли другие планы. Они отправились на юг встречать представителя Елизаветы Тюдор, а 27 февраля подписали Бервикский договор, по которому Елизавета брала Шотландию под свою защиту и обещала шотландцам военную поддержку, чтобы изгнать французов. Однако Мария никогда не собиралась соглашаться с договором, полностью оттесняющим ее на вторые роли.

Поскольку английские войска перешли шотландскую границу, Мария де Гиз 1 апреля переселилась за мощные стены Эдинбургского замка. Ее ограждал от опасности и тот факт, что лейтенант герцог Норфолк понимал, что Елизавета никогда не даст санкции предпринять прямую атаку на коллегу-королеву. Затягивая время, отчаянно взывая к военной помощи Франции, Мария приняла английских представителей. «Мадам, — сказал один из них, — вы создали так много больших конфликтов, заклинаю вас, на этот раз употребите все средства вашей власти для решения этого».

Шотландские протестанты, говорил герцог Норфолк, «считают, что вдова наносит больше вреда, чем пять сотен французов». Мария (писавшая своим братьям де Гизам, что «наши проблемы и события усугубляются здесь с каждым часом») заметила, что напряжение плохо сказывается на ее здоровье. У нее так раздуло ногу, что «если кто-то дотрагивается пальцем, остается след, как в масле», и, говорили, что лишь ее постоянные слезы не дают прорваться отеку водянки — на другую сторону переходили один лорд за другим.

Состояние здоровья Марии стремительно ухудшалось. В полночь 11 июня Мария де Гиз умерла, рядом с ней находились несколько шотландских лордов, ранее перешедших на сторону врага. 6 июля Шотландия и Англия (Францию представляли де Гизы) подписали Эдинбургский договор. По условиям договора все английские и французские войска следовало вывести из страны, а юная Мария, королева Шотландии, пока находится во Франции, прекратит использовать английские геральдические знаки.

Все время пребывания Марии Стюарт во Франции Шотландией будет управлять совет из 12 лордов, выбранных королевой совместно с шотландским парламентом (одним из первых действий которого станет

объявление Шотландии протестантской страной). Если же Мария и ее супруг Франциск откажутся утвердить Эдинбургский договор, то Англия вмешается, чтобы защитить шотландскую Реформацию. Их отказ делал вероятным тот факт, что с Марией, неистово оплакивающей свою мать, не обсуждали условий договора.

Поскольку предполагалось, что Мария будет жить во Франции постоянно, казалось, что совет, возглавляемый Шательро и все более амбициозным единокровным братом Марии лордом Джеймсом, удовлетворительно контролирует дела страны. Однако судьба готовила всем крутой поворот.

В последнем письме Мария де Гиз писала о своем здоровье: «Я не знаю, что случится». На самом деле она, по всей видимости, предвидела свою приближающуюся смерть. Однако она никак не могла предугадать скорое низложение своей дочери Марии Стюарт.

Часть VI

1560–1572 гг

Крупнейшие и лучшие края христианского мира были бы очень неправы, жалуясь, что теперь ими правят принцессы: их природный ум, приправленный долгим опытом удач и неудач в войнах и внутренних делах, затмил очень многих королей.

Пьер де Ронсар «Маскарады и пасторали» (1565)

«Ненависть и противоречия»

Франция, 1560–1561 гг.

Франция становилась театром, на котором европейские религиозные конфликты разыгрались наиболее ярко. В марте 1560 года произошел Амбуазский заговор, план протестантов имел целью свергнуть власть Гизов и правительства. Поддерживала ли заговорщиков Елизавета Тюдор Английская, точно не известно; некоторые из них под пыткой называли принца де Конде, убежденного протестанта, брата супруга Жанны д'Альбре Антуана, были также намеки на самого Антуана.

Тем летом Жанна и Антуан, находясь дома в Нераке вместе с Конде, просили Кальвина прислать им проповедника Теодора Беза. Другой священник восторженно писал, какая обстановка ожидала его на их территории: «Проповедование разрешено – публично. На улицах раздается пение псалмов. Религиозные книги продаются свободно и открыто, как дома [в Женеве]».

В письме, написанном Беза Кальвину 25 августа, говорится, что «дамы относятся к вам тепло». Значимость влиятельных дам в распространении реформатской веры признана во всем мире: супруга Конде Элеонора де Рой тоже была значительной фигурой. Однако ничто пока не делалось открыто. Более того, Антуан и Жанна по-прежнему отправляли представителя к папе, чтобы заверить Рим в своей правоверности.

Екатерина Медичи тем временем настаивала на том, что во избежание новых религиозных столкновений следует допустить некоторую долю терпимости к французским протестантам. Екатерина находилась на подъеме. Мария, королева шотландцев, теперь была королевой-консортом Франции, но к началу 1560 года появились признаки недовольства из-за влияния, которое семья де Гиз оказывала на юного короля. Политика Екатерины Медичи позволить Гизам выйти на ведущие политические позиции, а самой оставаться в стороне в качестве скорбящей вдовы и матери короля начала приносить плоды.

Екатерина стремилась проводить различие между теми, кто искренне привержен новой вере, и недовольными режимом Гизов; даже между просто убежденными протестантами и теми, кто готов бунтовать во имя распространения протестантских убеждений. По инициативе Екатерины в мае 1560 года был принят Роморантенский эдикт. Этот указ ограничил рассмотрение религиозных судебных дел церковными судами, которые не имели полномочий назначать смертную казнь. Она также выступала, причем успешно, за установление мира с Англией и отказ Франции от активного участия в шотландских делах, что, наверное, стало легче делать после смерти Марии де Гиз.

В августе, по совету ведущего протестанта адмирала де Колиньи, Екатерина Медичи назначила заседание совета в полном составе – разумный шаг для ограничения всеобъемлющего влияния, которым поначалу обладали де Гизы. Она сама произнесла вступительную речь, выразив надежду, что советники смогут найти политический курс, при котором король «получит возможность сохранить скипетр, его подданные – облегчить страдания, а недовольные – удовлетвориться». Однако грядущие события опередают этот миролюбивый план.

Первое из этих событий касалось Бурбонов. Антуан и особенно Конде, предпочитавшие верить в военную силу, а не собрания Екатерины, всю осень готовились к вооруженному противостоянию. Конде арестовали, а его жену заключили в тюрьму, в то же время ходили слухи, что Гизы, совместно с испанцами, планировали захватить Жанну д'Альбре и ее сына. Однако второе событие все равно оказалось еще более значительным. Молодой король Франциск II, несмотря на свою страсть к охоте, всегда был слабым и болезненным, и 9 ноября после скачки в холодную погоду он заболел.

Скоро выяснилось, что его состояние вызывает серьезные опасения. Екатерина Медичи писала, как тяжело «видеть, сколь ужасную боль испытывает король, мой сын». У Франциска II образовался нарыв в ухе, и началось заражение крови. Всем, даже его матери, пришлось задуматься, что произойдет, если случится худшее.

Наследнику престола Карлу, следующему сыну Екатерины, было всего десять лет, соответственно Национальное собрание будет решать вопрос о регентстве. Не исключалось, что выбор представителей сословий мог пасть на Антуана Бурбонского, несмотря на то, что его

брат Конде в этот момент находился под угрозой смертного приговора. Такое решение не оставило бы Екатерине никакого значительного места. Смело вызвав к себе Антуана Бурбонского, она (в присутствии Гизов) обвинила его в участии в вероломном заговоре.

Напуганный перспективой получить такой же приговор, как его брат, Антуан невнятно предложил отказаться от своих прав на регентство в пользу Екатерины Медичи; она тут же согласилась на сделку, приведя примеры других королев-матерей, правивших от имени своих малолетних сыновей, прежде всего королеву XIII века Бланку Кастильскую, мать почитаемого Людовика IX. Де Гизы беспокоились, что их тоже призовут к ответу за сомнительную роль в судебном преследовании Конде, и прекрасно понимали, что их влияние пострадает, когда племянница Мария уже не будет королевой. Екатерина примирила обе стороны и предложила им обняться. Противопоставив своих соперников друг другу, она как бы поднялась над схваткой. Екатерина превратилась в искусного политика, это достижение можно назвать триумфом ее личной дипломатии.

Франциск II скончался 5 декабря 1560 года, пробыв на троне всего 16 месяцев. Для Екатерины Медичи настал благоприятный момент. Один английский дипломат написал: «Королева радовалась смерти своего сына короля Франциска, потому что она им не руководила». Созвав заседание совета, Екатерина объявила советникам: «Поскольку Господу было угодно лишить меня моего старшего сына, я намереваюсь покориться произволению Божию и служить, помогая в малой мере своего опыта, королю моему, второму сыну [Карлу IX]».

Она сказала совету, что решила «держатъ его подле себя и управлять государством, как должна делать преданная мать. Принимая на себя эту обязанность, я желаю, чтобы вся корреспонденция отправлялась в первую очередь мне; я буду открывать ее в вашем присутствии и, в частности, в присутствии короля Наварры [Антуана Бурбонского], который займет первое место в совете как ближайший родственник короля...».

Антуан согласился и принес клятву верности, так же поступили де Гизы. Обе стороны приписали действия, вызвавшие прежнюю враждебность, приказам усопшего Франциска II; Екатерина Медичи поддержала их доводы, довольная ситуацией, которую сама создала. В возрасте 41 года она добилась огромной власти. Венецианский посол

писал, что ее воля стала верховной: «С этих пор именно она будет участвовать в самых важных переговорах». Еще до конца того года она провозгласила себя правителем королевства: «Екатерина милостью Божией королева Франции, мать короля».

Последствия ранней смерти Франциска II будут огромны для его вдовы Марии Стюарт, а потому, косвенным образом, и для Елизаветы Тюдор в Англии. Мария Стюарт выросла в предвкушении, что ее роль в качестве королевы-консорта в богатой Франции будет значительнее роли правящей королевы в глухой Шотландии. Однако теперь, меньше чем через два года после вступления в брак, сидя в неосвященной комнате, как то предписывал обычай скорбящей королеве, она, должно быть, поняла, что ее будущее изменилось, внезапно и бесповоротно.

Была еще одна женщина, тоже во Франции, на чье будущее глубоко повлияют последствия кончины Франциска. Не оставалось сомнений, что Екатерина Медичи использовала Антуана Бурбонского в качестве пешки или марионетки. Известие ли о его унижении и нерешительности склонило Жанну д'Альбре к тому, что она должна занять твердую позицию? Кальвинизм с его строгой логикой, с его настойчивым требованием четкости принципов, должно быть, имел эмоциональную притягательность. На Рождественской службе в По она публично отреклась от Рима и, как записал ее личный биограф Николя де Борденав, «признавшись в своем вероисповедании, приняла участие в Святом причастии по обряду реформатской религии». Впоследствии Борденав писал, что, когда прежде сопротивлявшаяся Жанна «отдала все в руки Господа», она вела себя «с такой стойкостью, что никогда больше не могла свернуть со своего пути, какие бы атаки ни предпринимали на нее Сатана и мир»^[71].

Жанну д'Альбре горячо приветствовали другие протестантские игроки на международной сцене. Кальвин первым написал ей в середине января 1561 года, заявляя, что у него нет необходимости наставлять ее, поскольку «когда я вижу, как дух Господа управляет вами, у меня больше поводов благодарить вас, чем уговаривать». Послу Елизаветы Трокмортону дали указания поздравить Жанну с ее «приверженностью истинной вере», отмечая, что сегодняшнее время предоставляет «большие возможности поддержать друзей».

И Кальвин, и королева Елизавета сожалели о вероотступничестве Антуана, которого назначили генерал-лейтенантом Франции, как обещала Екатерина. Флорентийский посол счел его назначение признаком слабости Екатерины, заявив, что она «окончательно доказала, что всего лишь женщина». Однако полученная Антуаном награда оказалась менее значительной, чем он ожидал. Когда он предложил, чтобы в случае болезни Екатерины ее обязанности возлагались на него, ее ответ прозвучал однозначно: «Я никогда не буду слишком больна, чтобы не иметь сил контролировать все, что касается службы королю, моему сыну».

В середине 1561 года, задержавшись по необходимости перед отъездом уладить дела в Беарне (не в последнюю очередь чтобы обеспечить защиту своих кальвинистских священников), Жанна д'Альбре отправилась воссоединиться с мужем при французском дворе. Наверное, она надеялась укрепить его в протестантской вере.

Испанский посол сообщал, что по пути «еретики везде ждали ее приезда, как будто она Мессия, потому что они уверены, что Жанна ради них сотворит чудеса. Лично я не испытываю по этому поводу никаких сомнений, поскольку, куда бы она ни пошла, ей не оказывают никакого сопротивления». Трокмортон рассказывал министру Елизаветы Сесилу, как после отъезда Жанны из Орлеана 25 набожных дам, «лучшие из 60», отбросили свои ряссы и начали взбираться на стены, настолько они уверовали в «предрассудки монашества и радости светского общества». Венецианский посол назвал Жанну женщиной *di terribile cervello* (недюжинного ума). Екатерина заметила испанскому послу: «Нам будет непросто жить с ней».

Жанна д'Альбре стала центром протестантизма при французском дворе: учредила духовный совет, радушно принимала новых проповедников, привлекала последователей среди других молодых придворных дам и регулярно посещала протестантские службы «с открытыми дверями». Она также сообщила в Англию, что Елизавета Тюдор пользуется «большим доверием, прежде всего за твердую поддержку дела Господа. [Жанна] была рада узнать, что из часовни королевы убрали свечи и подсвечники». Супруг Жанны Антуан, напротив, в эти месяцы посещал и протестантские, и католические богослужения.

Антуан к этому времени имел славу бабника, слухи об этом дошли даже до Кальвина в Женеве, он встретил это известие с глубоким осуждением. Антуан увлекся одной девушкой из свиты Екатерины Медичи. Даже Кальвин предпринимал попытки спасти брак Антуана с Жанной, но ничто не могло сравниться со стараниями противоположной стороны, Испания даже предложила Антуану другое королевство, чтобы компенсировать потерю Наварры.

«Я всегда трудилась ради продвижения [новой веры]», – заявила впоследствии Жанна д'Альбре в своих мемуарах. Супруг, «утратив то рвение, с которым он относился к вере, стал для меня острой занозой, не скажу, что в ноге, а прямо в сердце». Сама Жанна, напротив, «никогда не сходила со своего пути». Венецианский посол писал, что она «день и ночь» изводила Антуана, а он старался заставить ее по крайней мере внешне соблюдать общие правила. Не имея разрешения проводить кальвинистские богослужения в своих покоях, Жанна отправилась на службу в дом Конде. Антуан преградил ей дорогу, когда она садилась в карету, и перебранка была «такой громкой, что в замке могли слышать все».

Когда и так слабое здоровье Жанны д'Альбре ухудшилось, Антуан сменил тактику и стремился дистанцироваться от нее. Через год после перехода жены в новую веру он открыто выступил даже против мер терпимости, которые тогда предлагала Екатерина Медичи. Он публично заявил о своем решении «жить в самой близкой дружбе с Гизами». Его брат Конде тем временем займет прежнее место Антуана в качестве лидера находящихся под угрозой гугенотов. Между тем весной 1561 года антипротестантский союз Гизов и Монморанси получил поддержку Испании, императора и папы: сложилась всецело мужская тайная организация, в которую участники жаждали вовлечь и Антуана.

Екатерина Медичи, напротив, энергично занималась организацией Конференции в Пуасси. Конференция состоялась летом того года, но попытка урегулировать религиозные разногласия оказалась тщетной. Королева объявила амнистию за все религиозные проступки, совершенные со дня кончины ее супруга, препятствовала участию французских священнослужителей в Тридентском соборе, положившем начало Контрреформации, однако терпимость Екатерины была лишь прагматичной мерой с целью сохранить монархию сына.

Как она писала своему недовольному зятю Филиппу Испанскому, опыт последних десятилетий во Франции научил, что «применение силы только способствует усилению и размножению [этой заразы], поскольку вследствие жестоких наказаний, постоянно применявшихся во Французском королевстве, к новой вере примкнуло безграничное количество бедных людей».

Эдикт Екатерины от января 1562 года позволил протестантам отправлять свои религиозные обряды, но только за пределами городских стен. Однако это решение было с ужасом встречено католиками внутри Франции и в зарубежных католических державах, несмотря на постоянные заверения королевы в том, что она и ее дети «желают жить в католической вере и послушании Риму». Парижский парламент поначалу отказался ратифицировать указ, в своем официальном возражении подчеркнуто связав отказ с женским полом Екатерины. «Законы и Божии, и светские утверждают, что женщина священными узами связана со своим супругом, а дети — со своим отцом, что значит — вся семья принадлежит к тому же вероисповеданию, что и отец семейства»; то есть к той вере, которой следовал Генрих II. Отступление от соблюдения этого закона, по их словам, порождает «только ссоры, ненависть и противоречия». Сама Екатерина сознательно и демонстративно исполняла с детьми все католические обряды.

Дочери Изабелле, супруге Филиппа, Екатерина написала, чтобы та не обращала внимания ни на какие слухи: «Я не собираюсь менять свою жизнь, свою веру и что-либо еще. Я такая, какая есть, чтобы сохранить твоих братьев и их королевство». Однако Жанна д'Альбре была из другого теста. Когда Екатерина Медичи попросила Жанну умерить свой протестантский пыл, она бескомпромиссно ответила: «Мадам, если бы в моих руках был мой сын и все королевства на земле, я бы скорее бросила их на дно морское, чем отказалась от спасения своей души».

Екатерина Медичи не сдалась. Она по-прежнему настойчиво добивалась дружбы Жанны д'Альбре. Когда Жанна готовилась покинуть французский двор весной 1562 года, Екатерина держала ее возле себя, пока она с сыном принимала иностранных послов; они даже вместе ездили в Париж за покупками, «одетые как городские дамы, в простых головных уборах». Действительно, Екатерина

помогала Жанне до такой степени, что Елизавета Тюдор имела основания давать Трокмортону указания «поощрять королеву-мать, королеву Наваррскую и принца Конде проявлять свою непреклонную решимость [и сообщить] о ее намерении поддерживать их».

Однако дальше было невозможно сопротивляться требованиям Антуана и испанского посла удалить Жанну от французского двора. У нее забрали сына Генриха, чтобы под присмотром отца его обучали консервативные католические наставники. Жанне позволили проститься с сыном, и она сказала ребенку, что если он когда-нибудь пойдет на мессу, то она лишит его наследства – так рассказывал кардинал Феррары. Восемилетнего мальчика на несколько месяцев оставили в покое, но в итоге, как и ожидалось, он появился на мессе с отцом и королевской семьей. К этому моменту градус религиозного конфликта достиг тревожных значений.

1 марта 1562 года герцог де Гиз, посещая фамильные владения в регионе Шампань, ехал на мессу через небольшой городок Васси, принадлежавший его племяннице Марии Стюарт, и услышал провокационные звуки протестантской службы, незаконно проходившей в пределах городских стен. Правда или нет, что именно вооруженный отряд Гиза первым начал то, что впоследствии стали называть резней в Васси, но в результате погибло более 70 протестантов и больше сотни человек получили ранения. Неудивительно, что Жанна тайно бежала на юг в собственные территории. Началась война, названная Первой гугенотской войной, и на каждой стороне видную роль играла женщина.

«Две королевы на одном острове»

Шотландия и Англия, 1561–1565 гг.

События во Франции в корне изменили жизнь одной молодой женщины, которая рассчитывала провести там все свои дни. Теперь, когда Екатерине Медичи принадлежала власть в стране, где Мария Стюарт ожидала быть королевой, взор королевы шотландцев обратился в другую сторону. После смерти своего молодого супруга короля Франциска Мария как бездетная вдова не играла во Франции никакой роли, а шотландский трон оставался пуст.

В августе 1561 года Мария Шотландская сошла на берег в Лите, намереваясь приступить к правлению своей страной. По поводу того, как она справилась с задачей, до сих пор жарко спорят историки; этот вопрос касается самой сути представления о правящей женщине XVI века.

Мария не предпринимала попыток укрепить свое положение во Франции. В первый же день вдовства она передала драгоценности королевы обратно Екатерине Медичи. Шотландский современник отметил, что ее следующий шаг был обусловлен «суровым и мстительным отношением» Екатерины. 40 дней уединения, вероятно, предоставили Марии необходимое время для размышлений. Ее родственники де Гизы подталкивали Марию к новому замужеству; подталкивали настойчиво (через тетку Луизу, имевшую много связей в Испании) к испанскому наследнику дону Карлосу. Поступили предложения от королей Дании и Швеции, от герцогов Феррары и Баварии. Император Священной Римской империи Фердинанд предложил одного из своих сыновей, а шотландцы – своего ведущего вельможу Аррана, сына Шательро. Сын Филиппа дон Карлос был желанным призом, но этот союз заблокировала Екатерина Медичи. Она секретным кодом написала королеве Англии (которая тоже не имела желания оказаться в испанских тисках с севера и юга), что следует расстроить их замысел. Дочь Екатерины Изабелла, подруга

детства Марии, была замужем за Филиппом II, но еще не имела детей; и Екатерина не хотела, чтобы у дочери была соперница при дворе.

Сама Мария решила возвращаться в Шотландию. Английский посол Трокмортон доложил, что Мария думает, будто может положиться там на своих родственников; что она «уверена в лорде Джеймсе и всех Стюартах». Это, наверное, свидетельствует о ее политической наивности. Единокровный брат Марии лорд Джеймс Стюарт (способный, целеустремленный и быстро завоевывающий контроль над страной, где только незаконнорожденность не позволила ему наследовать своему отцу Якову V) явно предпочел бы, чтоб его законная, но абсолютно неопытная сестра оставалась где-нибудь подальше.

Существовало ошибочное преимущество в самом факте, что Мария молодая женщина, которой лорды считали для себя возможным манипулировать. Она согласилась, что сохранится религиозное *status quo* с протестантством в качестве официальной (хотя вовсе не всеобщей) религии, а ей самой позволят отправлять католическую мессу в собственной капелле Холируда. Однако маловероятно, что Мария в полной мере осознавала суть соглашения, которое заключает. Уже в самой первой поездке королевы по стране стало ясно, что лорд Джеймс считал, будто условие сделки ограничивается только Холирудом и не распространяется ни на какие другие дворцы, где Мария может остановиться. К тому же проблема оказалась более фундаментальной. После кончины Марии де Гиз в 1560 году Шотландия стала страной, управляемой шотландскими лордами вместе с реформатским парламентом, который упразднил мессу и объявил несостоятельной папскую власть. В Англии письма из Шотландии регистрировали как поступившие из «Штатов Шотландии», как будто из шотландской республики.

Такое положение было камнем преткновения. В последующие столетия станут размышлять, почему Мария Стюарт не справилась в Шотландии, а Елизавета Тюдор в Англии преуспела. Один из ответов, безусловно, кроется в том факте, что Марии было 18 лет, когда она начала править. Елизавета Тюдор отличалась необычно богатым опытом к своим 25 годам, когда взошла на трон; а ее сестра Мария стала королевой в 37. Возможно, слишком большое значение придается в целом личности, способностям и подготовке, но

недостаточно учитывается тот факт, что шотландская знать и шотландская церковь имели совершенно другое представление о своих отношениях с шотландской монархией.

Существует также спорный вопрос о министрах Марии. Иногда высказываются сожаления, что Мария не располагала столь одаренным министром, каким был Сесил у Елизаветы. Это не совсем так: в лице Уильяма Мейтленда Летингтонского она имела «Мишеля Уайли», шотландского Макиавелли, который станет одним из ее главных министров. Мейтленд, как лорд Джеймс, исповедовал протестантство, и его стремление к налаживанию отношений с Англией в итоге приведет его к конфликту со своей королевой, хотя в первой половине правления Мария сама смотрела в сторону Англии.

После смерти супруга Франциска II Мария Стюарт сказала графу Бедфорду, который принес ей письмо Елизаветы с соболезнованиями, что Елизавета «показывает себя доброй сестрой, в чем она [Мария] очень нуждается». Она то и дело повторяла, что они с Елизаветой (как она писала о Марии Тюдор) две правительницы «на одном острове, говорят на одном языке, самые близкие родственницы, что есть друг у друга, и обе королевы». Она так и не поняла, что, хотя Елизавета говорила Мейтленду, что «обязана» любить Марию («потому что она ближе всех мне по крови»), для англичан вопрос о правах Марии на английский престол являлся – и останется – большой угрозой.

Именно поэтому Елизавета, когда ее попросили обеспечить Марии безопасный путь домой через ее королевство, а не рисковать в путешествии морем, отказала в просьбе, несмотря на то что Мария утвердила Эдинбургский договор, заключенный Елизаветой с шотландскими лордами. Характерно, что потом Елизавета передумала и предложила необходимое сопровождение, но только слишком поздно. Уильям Мейтленд, всегда стремившийся сохранить место Марии в будущем английском порядке наследования престола, очень старался, как и сама Мария, устроить личную встречу двух королев, что, по его словам, «принесет нам спокойствие на их времена». Встреча так никогда и не произойдет, хотя писатели часто ее придумывали, а Мария будет продолжать молить о ней почти до смертного дня.

Мария Стюарт высадилась в Лите 19 августа 1561 года. Через две недели состоялась приветственная церемония при ее официальном

въезде в Эдинбург, которая наводила на мысль об искренней радости народа от возвращения королевы вкупе с яростным отторжением католической мессы. Нельзя сказать, что народ был настроен враждебно, но на этом настаивали такие люди, как протестантский реформатор Джон Нокс.

В первый воскресный день Марии в Холируде ее мессу в личной капелле прервала шумная демонстрация. Королева вызвала Джона Нокса и вступила с ним в спор по поводу его утверждения, что женщина-правитель – это «чудовище по природе». В представлении Нокса учтивый ответ выглядел так: «Если королевство не беспокоит правление женщины, и люди его одобряют, я не должен больше запрещать... а буду тоже согласен жить при Вашей Милости, как святому Павлу пришлось жить при Нероне».

«Полагаю, мои подданные должны подчиняться вам, а не мне», – сказала ему Мария, сумев дождаться его ухода, прежде чем разразиться слезами. Неудивительно, что английский посол Томас Рандольф заметил то, что станет обычным явлением в жизни Марии; расстройство здоровья, которое он назвал одним из «внезапных взрывов чувств», овладевавших ею «после больших обид или несчастий».

Когда Мария Стюарт назначила состав своего первого совета, он включал в себя разных людей. Семь из 12 человек были протестантами. Томас Рандольф сообщал: «Я вижу, лорд Джеймс и землевладелец из Летингтона Мейтленд пользуются наибольшим доверием... Она терпеливо выслушивает и со многим мирится». Мейтленд писал Уильяму Сесилу в Англию, что «королева, моя госпожа, ведет себя настолько сдержанно во всех отношениях, как только мы здраво могли рассчитывать», добавив, что она «действительно проявляет мудрость, нехарактерную для ее возраста». Он думал, что «королева, ваша правительница [Елизавета], будет способна сделать многое в отношении ее вероисповедания, если когда-нибудь они наладят близкие дружеские отношения». На встречу королев по-прежнему горячо надеялась Мария.

В начале весны 1562 года планирование встречи летом в Йорке зашло так далеко, что договорились об учреждении пункта обмена валюты, чтобы менять шотландские деньги, и согласовали, что Мария Стюарт может привезти с собой тысячу человек свиты и приватно

молиться. Это было выгодно для обеих сторон. Благоприятное мнение Елизаветы утвердило бы положение Марии в глазах ее протестантских подданных, а также поддержало бы надежду на престолонаследие. При этом ценность Марии для Елизаветы Тюдор тоже была высока. Ее соперница в английской линии престолонаследия леди Кэтрин Грей, сестра девятидневной королевы леди Джейн, недавно испортила свою репутацию, тайно вступив в брак с графом Хартфордом^[72].

Однако план встречи в Йорке провалился при известии о резне в Васси, где люди герцога де Гиза убили много гугенотов. В последовавшей за этим событием Первой гугенотской войне Елизавета выступила на стороне гугенотов, надеясь вернуть Кале, потерянный из-за расположения сестры Марии к Испании.

Расстроенная срывом поездки в Йорк, который вверг ее «в такое сильное душевное волнение, что она весь день оставалась в постели», Мария Стюарт отправилась в поездку на север Шотландии. Верный католик граф Хантли, прозванный «Петухом Севера», не делал секрета из своего неодобрения проанглийской политики и, более того, не желал подчиняться власти своей королевы. Поездка превратилась в нечто подобное карательной экспедиции, и Мария в ней проявила себя наилучшим образом. Рандольф писал Сесилу той осенью 1562 года:

При всех волнениях я никогда не видел королеву более веселой: она совсем не пугалась. Я никогда не подозревал в ней такой смелости, какую обнаружил. Она не сокрушалась ни о чем, кроме того, что не мужчина, чтобы знать, каково это лежать всю ночь в поле или идти пешком по мощеной дороге в солдатской кожаной куртке и шлеме, с круглым щитом и широким мечом.

Когда один из командиров Хантли приказал закрыть перед ней Инвернесский замок, она повесила его на зубчатой стене; когда один из сыновей Хантли намеревался похитить Марию (и, возможно, жениться на ней силой), она его казнила. Однако напряжение сказалось на молодой женщине. Вернувшись в Холируд, она заболела, к тому же получила из Англии известия, представившие в новом свете многие ее расчеты.

Елизавета Тюдор слегла от оспы, положение ее было настолько серьезно, что советники собрались у ее кровати в ожидании кончины

королевы, боясь за будущее страны. «Смерть овладела каждой моей жилкой», – впоследствии написала Елизавета. Мария Стюарт искренне беспокоилась и приказала своим фрейлинам найти рецепт примочки, которую сама использовала, когда болела оспой в юности, чтобы не было рубцов, пугающих всех женщин. Однако она, должно быть, тоже подумала, а что, если?

Пришедший ответ ошеломил. «Я слышал разговоры, что во время вашей последней бури затеян план, который выдвигал на престол кого-то другого вместо моей госпожи, во что я не могу поверить, не видя никого более достойного», – недоверчиво написал Мейтленд Сесилу. Елизавета вылечилась от оспы, но когда лорды побудили королеву обсудить кандидатуру ее преемника, за Марию был подан только один голос.

Эта ситуация, во всех своих аспектах, продолжит чинить препятствия отношениям Елизаветы и Марии. Наследование престола всегда составляло проблему для Елизаветы. Как-то она сказала Мейтленду: «Государи не могут любить своих детей. Подумайте, разве я могу любить собственный саван?» В течение предстоящих лет две королевы никогда не прекратят следить друг за другом, а манера их взаимодействия будет оставаться чрезвычайно сложной.

Мария Стюарт писала о Елизавете Тюдор: «Я чту ее в своем сердце и люблю как дорогую кровную сестру». Моментами они были матерью и дочерью; иногда посылали друг другу драгоценности и обменивались пылкими стихами, как могли бы делать возлюбленные. В надежде на встречу с английской королевой Мария отставила все разговоры о поклонниках и новом замужестве, пошучивая, что ей не нужен никто, кроме Елизаветы. Кажется, что при обоих дворах повторялась фантазия, что эти двое могут пожениться, и хотя кто-то думает, что мужчиной в их паре была Елизавета, но именно высокая Мария любила прогуливаться по улицам в мужской одежде.

В первые дни 1563 года Мария узнала, что Сесил планирует провести через парламент решение лишить ее права на английский престол Актом об исключении. Мария была вынуждена обдумать другие планы – о замужестве. Однако то, что казалось ей новой возможностью для нее, для Елизаветы выглядело как угроза.

Елизавета Тюдор давно находилась под все возрастающим давлением со стороны своего совета – от нее требовалось вступить в брак и произвести наследника, и она заверяла парламент, что выйдет замуж, как только это можно будет сделать «удобно». Ее нерешительность вполне понятна. Когда Мария Стюарт овдовела в первый раз и обсуждался вопрос о ее новом браке, посол Елизаветы Трокмортон писал о шотландской королеве:

В течение жизни ее мужа ей не придавалось особого значения, поскольку в узах брака и подчинения супругу (который нес груз ответственности за все ее дела) не представлялось серьезного случая узнать, что она думает.

Должно быть, его слова звучали скорее как предостережение, чем как побуждение к браку.

Елизавета по-прежнему флиртовала со своим главным фаворитом Робертом Дадли. Весной 1561 года Сесил по секрету написал Трокморту: «Я знаю наверняка, что милорд Роберт [Дадли] больше боится, чем надеется, и королева, конечно, дает ему повод». Однако той же весной Елизавета могла говорить испанскому послу де Квадре, что она «не в состоянии отрицать, что очень ценит многие прекрасные качества, которые видит в лорде Роберте. Она, конечно, еще не решила выходить замуж за него или кого-то другого; но с каждым днем чувствует все больше желания иметь супруга...».

Летом 1562 года распространились слухи, что Елизавета тайно вышла замуж за Дадли. Однако через несколько недель шведский дипломат Роберт Кейле доложил, как королева на глазах всей знати говорила с Дадли с «сильным гневом, большими претензиями и насмешками», сказала, что она «никогда не выйдет ни за него, ни за кого-то другого, столь же ничтожного, как он».

Это была своего рода игра; однако велась она целенаправленно, как все брачные игры Елизаветы. В предстоящие десять лет Елизавета Тюдор будет использовать Роберта Дадли, с его постоянными притязаниями на ее руку, как ширму, алиби, если какой-либо иностранный поклонник станет проявлять чрезмерную настойчивость, как почитателя, которого можно спокойно оттолкнуть, когда другие отстанут^[73]. Однако ее оспа всех напугала, и стало понятно, что

советники не в настроении играть. Кризис проявил опасность ситуации: английская королева – бездетная женщина, не имеющая близких родственников. Созванный в январе 1563 года парламент постановил, что Елизавета должна вступить в брак. Обе палаты парламента, объединившись, подали петицию с просьбой к Елизавете доставить всем удовольствие узреть «ее отпрыска», кто бы ни был его отцом.

«На кого бы ни пал выбор Вашего Высочества, мы торжественно заявляем и обещаем со всем смирением и почтением чтить, любить и служить, как того требует наш самый священный долг». По сути, это был мандат Роберту Дадли. Однако Елизавета не воспользовалась выданным разрешением. Вместо того она в тот момент начала обсуждать с Мейтлендом гораздо более странный замысел: возможность брака Дадли с шотландской королевой. Пройдет еще год, пока об этом решатся рассказать Марии.

Вопрос о новом супружестве Марии Стюарт никогда не сходил с повестки дня, но, как и при дворе Елизаветы, советники всегда расходились во мнениях по поводу того, за кого она должна выйти. Мейтленд стремился продвинуть брак с сыном Филиппа Испанского доном Карлосом, поскольку угроза такого серьезного союза (появление испанских сил на их северной границе), несомненно, могла сподвигнуть Англию сделать Марии встречное предложение – надежно обеспечить ей место в качестве наследницы Елизаветы Тюдор. Мария написала папе римскому послание, изображая себя его «самой преданной дочерью»; по сути, она ожидала от него знака теплого отношения, который сделал бы ее более привлекательной партией для католических поклонников. Родственники Марии де Гизы старались организовать другой брак с третьим сыном императора эрцгерцогом Карлом Австрийским, а Екатерина Медичи использовала свое влияние в качестве тещи Филиппа Испанского, чтобы не допустить этого, точно так же, как она противодействовала замыслу выдать Марию за ее юного деверя Карла IX, нового французского короля. Мейтленд писал Марии из Франции, что здешние власти «не особо заботит ваш брак или с кем он состоится, при условии, что он не подвергнет опасности Французское королевство».

Брак с доном Карлосом в итоге не состоится вследствие известий о его душевном расстройстве. Однако до того, как это произошло, в дело решили вмешаться два других человека. Первым был Джон Нокс, представления которого об обязанностях подданного были удивительно широкими. Узнав, что он выступает против ее планов на замужество с кафедры проповедника, Мария послала за ним и яростно спросила: «Какое вам дело до моего брака?» Увы, он был только рад заявить ей, что если она выйдет за католика, то «предаст» свое королевство.

Когда Мария овдовела в первый раз, Трокмортон с восхищением писал, что Мария «больше ценит сохранение своей чести и скорее выйдет за человека, который защитит ее высокое положение, чем поддастся своей страсти». Однако теперь католическую веру Марии Стюарт приравнивали к похотливому желанию супружества, именно отсюда берет начало стереотип, что она правила сердцем, а не разумом. Нокс провозгласил своей пастве в кирхе святого Жилия, что «съедят псы тело Иезавели» и что танцы, которые так любила Мария, это «суета неверующих, ведущая людей в кабалу тирана».

Вскоре Нокс получил более оправданную причину для подозрений в поведении некоего Шателяра, французского поэта, которого Мария допустила до своего двора. Страстная влюбленность Шателяра в Марию прямо восходила к фантазии куртуазной любви, но, судя по всему, Шателяр, как Нокс, заявлявший, что во время танца Мария обычно целует поэта в шею, путал фантазию с действительностью.

В первые недели 1563 года Шателяра дважды обнаружили прятавшимся под кроватью королевы. В первый раз это сочли пьяной шуткой; во второй – его судили, приговорили и казнили. Шателяра нашли с мечом и кинжалом, по одной из версий, его прислали убить Марию. По другой – он являлся агентом-provокатором, целью которого было подорвать ее репутацию. Однако Мария повела себя как подобало королеве; так же, как поступила Елизавета в Англии после смерти Эми Дадли.

Другим вмешавшимся была, конечно, Елизавета. Она хотела выдать Марию Стюарт замуж (интересное дополнение к ее точке зрения на институт брака), но только на подходящих для нее самой условиях, как сформулировал Мейтленд, «с наименьшими причинами для опасений». Не говоря уже о том, что факт вступления Марии в брак и

любой альянс, который он мог за собой повлечь, нес огромные последствия для безопасности северной границы Англии, поскольку притязания Марии на английский престол представлялись, вполне вероятно, наиболее важной частью ее приданого.

Мария, пусть и с обидой, казалось, была готова позволить распорядиться собой, саркастически вопрошая, так какой же из мужей подойдет Елизавете «по сорту». Шотландия никогда не имела возможности безопасно противостоять Англии без французской поддержки, которой теперь Екатерина Медичи не желала ей предоставлять. И конечно, Мария не желала терять место в наследовании английской короны.

В ноябре 1563 года английское определение подходящего «по сорту» кандидата поступило. В идеале он должен быть английским пэром, преданным идее дружбы Шотландии с Англией. Если нет, то подойдет и иностранец, по специальному разрешению Англии, если он готов после свадьбы жить в Шотландии и не происходит из Испании, Франции или имперской Австрии. Только в таком случае Мария может рассматриваться как «единственная сестра или дочь» Елизаветы. Неудивительно, что в последующие месяцы Мария начала разрабатывать собственные планы.

Она и не приняла, и не отвергла требований Елизаветы. Вместо того она известила своих придворных, что английский посол хочет, чтобы она вышла замуж в Англии. «Разве королева Англии стала мужчиной?» – насмешливо уточняют придворные. Она также спросила, кого конкретно Елизавета видит ее мужем? Когда пришел ответ, Мария не обрадовалась.

В 1563 году Елизавета впервые начала обсуждать с Мейтлендом немислимую идею, что Марии следует выйти замуж за ее фаворита Роберта Дадли, но никто не посчитал нужным доносить до Марии эту оскорбительную идею. Когда весной 1564 года Томас Рандольф сам приехал, чтобы объявить имя Дадли, Мария вступила в обсуждение с видимой серьезностью, но на самом деле она никогда не считала возможным «так унижать свой статус».

Мария Стюарт явно была ближе к реальности, чем Елизавета Тюдор, особенно когда Елизавета предложила, чтобы она, Мария и Дадли жили втроем при английском дворе за счет Елизаветы и как одна «семья»: в сущности *ménage a trois* (любовь на троих). Однако с

позиции Елизаветы, вероятно, эта идея была разумной: ее верноподданный протестантский кандидат на шотландском троне и, возможно, способ фактически избежать бракосочетания со своим фаворитом. Если бы Елизавета когда-нибудь захотела иметь супруга, говорила она сэру Джеймсу Мелвиллу, искусственному дипломату, посланному на юг из Шотландии, «она бы выбрала лорда Роберта, ее брата и лучшего друга, но решив закончить свои дни в девственности, она хочет, чтобы ее сестра-королева вышла за него замуж».

Во время пребывания при английском дворе Мелвиллу нередко приходилось доказывать, насколько хорошо он оправдывает звание дипломата. Елизавета допытывалась у него, кто из них лучше: он отвечал, что Елизавета самая прекрасная королева во всей Англии, а Мария – во всей Шотландии. У Елизаветы «кожа белее, но моя королева очень милостива». Кто из них более искусно играет на музыкальных инструментах? Мелвилл говорил, что Мария играет на лютне и верджинеле «вполне приемлемо для королевы»; Елизавета позаботилась, чтобы уже на следующий день он пришел оценить ее исполнение.

И посерьезнее, в одной из бесед Елизавета сказала Мелвиллу, что «на сегодняшний момент ее твердое намерение – до смерти оставаться королевой-девственницей». Дипломат заметил, что это понятно. «Я понимаю ваш величавый характер. Вы думаете, что если выйдете замуж, то будете только королевой Англии, а сейчас вы и король, и королева одновременно. Вы можете не стерпеть власти над собой». В Роберте Дадли она имела мужчину – подданного, – которым могла обладать без угрозы господства над собой.

Мария отказалась от предложения Екатерины Медичи, чтобы Елизавета вступила в брак с королем Карлом IX, а Мария с его братом Генрихом. Ни одна из взрослых королев (30 и 31 года соответственно) не испытывала желания сочетаться браком с мальчиками 14 и 13 лет. К тому же побывав во Франции королевой, сказала Мария, она никогда не вернется туда в менее значительной роли. В 1564 году она сделала вид, что рассматривает кандидатуру Дадли, немного приблизившегося к ее статусу после того, как Елизавета пожаловала ему титул 1-го графа Лестера, хотя Мелвилл заметил, как английская королева во время церемонии пощекотала его по шее. Однако и новый 1-й граф

Лестер не стремился к браку с Марией. План Елизаветы рухнул; Мария теперь рассматривала другие возможности.

Опыт Марии Стюарт говорил ей, что брак – насущная необходимость, хотя Елизавета Тюдор в Англии извлекла из жизни другие уроки. Мария сказала Рандольфу в начале 1565 году: «Вы знаете, оставаться незамужней не для меня. Затягивание решения гарантирует множество проблем». Однако кто же станет счастливым?

Он уже появился на месте событий. Открылся путь для другого кандидата; не Дадли, но тоже англичанин, сын Маргариты Дуглас, недавно прибывший в Шотландию. Как и ее мать Маргарита Тюдор, Маргарита Дуглас мечтала объединить Англию и Шотландию. Однако она мечтала сделать это от имени своего сына – Генри, лорда Дарнли.

Противостояния и примирения

Франция, 1562–1565 гг.

Во Франции две другие женщины тоже мечтали о согласии. Их столкнул друг с другом религиозный раскол, но ни одна из них не отказывалась от мысли, что нечто (их женский пол?) их по-прежнему связывает.

Жанна д'Альбре покинула французский королевский двор в 1562 году на фоне слухов, что ее супруг Антуан готовится захватить ее и отправить в тюрьму. Однако Жанна по-прежнему пользовалась (во всяком случае, на этом она настаивает в своих мемуарах) тайной поддержкой со стороны Екатерины Медичи, которая сама хотела вырваться из-под влияния де Гизов.

Екатерина, писала Жанна, «одобряла все мои действия и высказывала многочисленные претензии к моему мужу». Однако теперь Жанна ретировалась, отказавшись помогать Екатерине в переговорах с братом Антуана, убежденным гугенотом Конде. Следующие несколько лет она будет заниматься в основном собственными землями. «Господь... всегда даровал мне свою милость сохранить этот небольшой уголок Беарн, где мало-помалу добро прибывало, а зло убывало».

Из дипломатических соображений она попытается придерживаться в некотором смысле нейтрального пути. Ее сын Генрих по-прежнему оставался в руках французов, а у гугенотов еще не было достаточных военных сил, чтобы выстоять против королевской армии. Однако в пределах своей вотчины она ясно выражала собственную позицию. Антуан, говорила она, отдал приказ в По, чтобы парламент прекратил отправление реформатской религии и изгнал всех должностных лиц не католического вероисповедания. Она, в свою очередь, отозвала у него свое разрешение вести переговоры с Испанией об обмене Наварры на Сардинию, заявив, что документ был «вырван силой и страхом: она не осмелилась отказать мужу»:

Узнав об этом, я применила законную власть монарха, данную мне Господом над своими подданными, которую я передала супругу, покоряясь законам Божиим; но когда я увидела, что это вопрос славы моего Господа и чистоты вероисповедания...

Так или иначе, их брак рушился.

Всплеск насилия, последовавший за резней в Васси в 1562 году, заставил Екатерину Медичи, пусть и против собственного желания, перейти под защиту герцога де Гиза, прибывшего в Фонтенбло с тысячей кавалеристов. Когда протестанты воззвали к своим единоверцам в Женеве, к германским протестантским принцам и Елизавете Английской, Екатерине с Гизами ничего не оставалось, как принять помощь Филиппа Испанского и папского престола. Несмотря на крах ее политики, личная неустранимость королевы оставалась высокой, когда она появилась на бастионе под Руаном. «Моя отвага так же велика, как ваша», – заверила она солдат.

Другим человеком, который проявил мужество в Религиозных войнах, был Антуан Бурбонский. Несмотря на его политические колебания, никто никогда не ставил под сомнение его личную смелость. Однако когда он просто зашел в кусты, чтобы облегчиться, его ранили в плечо. Рана вызвала гангрену, и через несколько недель, 17 ноября Антуан скончался. Екатерина позволила вдове Антуана Жанне взять на себя заботы об образовании сына, хотя несколько последующих лет он практически будет оставаться заложником при французском дворе.

Весной следующего 1563 года Жанна д'Альбре написала Екатерине Медичи пространное письмо:

Я верю, Мадам, что вы не сочтете нарушением моего долга, что я сама обращаюсь к вам... Я прекрасно отдаю себе отчет, Мадам, в вашей искренней доброй воле и дружбе, в вашем стремлении поддержать благосостояние моего сына, да и собственное. Я ценю ваши вызывающие восхищение шаги настолько, что целую землю, по которой вы ступали. Однако простите меня, Мадам, если я пишу так, как говорила с вами в Сен-Жермене, где, казалось, вас не беспокоила моя манера. Вашим добрым

намерениям мешает вмешательство тех, кого вы слишком хорошо знаете, чтобы мне их описывать...

В письме также упоминалось недавнее «прискорбное событие», поскольку кончина Антуана была не единственной существенной смертью начала этого года. В феврале 1563 года, на горе его племянницы Марии в Шотландии, вероломно убили герцога де Гиза. Подозревали Екатерину; говорят, что она сказала Конде (захваченному ее роялистской партией), будто смерть Гиза «освободила ее из тюрьмы». Однако, по иронии судьбы, эта смерть по умолчанию превратила Екатерину в лидера католической фракции, а протестантскую возглавляли Конде и адмирал де Колиньи при поддержке вдохновляющей фигуры Жанны д'Альбре.

Для всех наступила краткая передышка. В марте Амбуазский эдикт предоставил гугенотам свободу совести и ограниченные возможности отправлять свои религиозные обряды. Летом 1563 года Екатерина Медичи применила механизм, ранее использованный для укрепления власти Марии де Гиз в Шотландии, объявив совершеннолетним своего тринадцатилетнего сына Карла IX, несмотря на сопротивление парижского парламента.

Первым актом молодой король передал своей матери «власть отдавать приказы», объявив, что она «продолжит управлять так же и больше, чем прежде». Когда несколько месяцев спустя Карл IX издал декрет, поддерживающий хрупкий мир между де Гизами и родом Колиньи, его мать гордилась, что он сделал это «без всяких подсказок со стороны». Однако это представляется, мягко говоря, маловероятным.

Тем временем Жанна д'Альбре тоже укрепляла свою власть. В 1563 году в ее землях состоялась отмена католических богослужений, и приехали дополнительные священники, которых она попросила у Кальвина. «Королева Наваррская изгоняет из своих владений всякое идолопоклонничество и подает пример добродетели с поразительной твердостью и мужеством», – писал один из них. Многие вельможи и должностные лица Жанны не поддерживали ее реформу, а протестантский богослов Жан-Раймон Мерлин досадовал, что «она не

получила опыта... постоянно оставаясь под опекой либо отца, который вел дела, либо мужа, не придававшего им значения».

Через несколько месяцев после принятия Жанной протестантства она, по словам Мерлина, «пришла в ужас» от известия, что испанцы разместили войска на ее границе, и хотя он сподвиг ее на запрещение мессы в одном городе, она медлила («парализованная страхом») с полным отказом от папства. Испанский посол, в очередной раз Дескурра, доставил ей послание с выражением протеста от короля Испании. Жанна ответила:

Хотя я всего лишь незначительная принцесса, Бог вручил мне управление этой страной, так что я могу править согласно Его Евангелию и учить людей Его законам. Я полагаюсь на Господа, который более могуществен, чем испанский король...

Филипп пытался нейтрализовать овдовевшую Жанну, женив на ней человека из своего Дома, но теперь он сказал своему государственному секретарю, что «будет сложно с такой женщиной в невестках».

Затем Жанна д'Альбре получила пугающее письмо от эmissара папского престола кардинала д'Арманьяка, посланное из Трента, чтобы предостеречь ее от следования реформатским путем. Однако и на это послание Жанна тоже ответила с растущим негодованием:

Я никого не приговорила ни к смерти, ни к тюремному заключению, а именно эти наказания составляют опору и движущую силу системы террора – я краснею за вас и чувствую стыд, когда вы ложно утверждаете, что представители нашего вероисповедания совершили массу злодеяний. Сначала очистите землю от крови множества праведных людей, пролитой вами и вашими... Поскольку я ни на дюйм не отступила от веры Святой Католической Церкви Господа и не покинула ее паству, я прошу поберечь ваши слезы для оплакивания собственных ошибок... Мечтаю, чтобы ваше бесполезное письмо было бы последним в своем роде.

28 сентября 1563 года папа Пий IV вызвал Жанну явиться в суд инквизиции в Риме по обвинению в ереси. В случае отказа ее отлучат от церкви, а принадлежащие ей земли объявят свободными для

любого, кто сможет их взять. Жанне дали шесть месяцев на исполнение требования.

Из этого затруднительного положения ее опять выручила Екатерина Медичи; хотя и мотивы Екатерины не были чисто сестринскими. Вмешательство папства в дела французских монархов давно являлось яблоком раздора. В декабре Екатерина направила в Рим специального посланника с протестом по поводу действий папы «против старинных прав и привилегий Церкви Франции».

Филипп Испанский тем временем замыслил похитить Жанну и доставить ее в суд инквизиции в Испании. Однако его план был раскрыт, когда одна из вышивальщиц, нанятых дочерью Екатерины Медичи Изабеллой (женой Филиппа), сообщила, о чем говорил подвыпивший шпион испанского короля. Бывшая французская принцесса передала информацию послу своей матери – пример либо победы родного над супружеским, либо женской солидарности.

«Я полностью вверяю себя вашей действенной защите, – благодарно писала Жанна д'Альбре Екатерине Медичи. – Я найду вас, где бы вы ни были, и буду целовать ваши ноги с большей охотой, чем кланяться папе римскому». Защита, однако, имела свою цену. Жанну призвали ко французскому двору, и Екатерина написала, что она должна смягчить свою религиозную политику «таким образом, чтобы ее подданных не сподвигали к восстанию, а ее соседей к поддержке их восстания». Жанне советовалось позволить своим подданным «всем жить в свободе совести и отправлять свои богослужения, никого не принуждая». Эдикт Жанны от февраля 1564 года разрешил и католические, и протестантские богослужения, а также амнистировал все религиозные преступления, которые не попадали под определение *lèse-majesté* (измена и оскорбление монарха).

Жанна д'Альбре не торопилась подчиниться вызову Екатерины Медичи ко двору; в конце концов, ей требовалось организовать управление владениями на время ее отсутствия. Однако весной 1564 года сама Екатерина собралась, взяв с собой двор и сына, в поездку по Франции, которая продлится более двух лет; 10 000 человек в путешествии в течение 27 месяцев были экипированы всем от портативных триумфальных арок до передвижного зоопарка. В начале июня Жанна наконец присоединилась к королевской поездке в Маконе, ее тоже сопровождали 300 всадников и восемь кальвинистских

священников. С самого начала ее бескомпромиссность не подлежала сомнению.

На следующий день после прибытия Жанны, когда под ее окнами проходила процессия по случаю католического праздника Тела Господня, члены ее свиты отпускали непристойные высказывания. Несколько дней спустя в Лионе она посещала гугенотские проповеди, взяв с собой сына, пока раздраженная Екатерина не прекратила кальвинистские службы и не забрала сына Жанны Генриха обратно в свои руки, поклявшись, что отрубит голову каждому, кто не посещает мессу. Однако поездка королевского двора в некоторой степени произвела объединяющий эффект, на который надеялась Екатерина, и в Лионе было проведено совместное шествие детей католиков и протестантов, чтобы отметить наступившее религиозное согласие.

В течение долгой поездки Жанна д'Альбре много раз просила позволить ей вернуться в свои земли и взять с собой сына. Ее просьбу отклоняли, Генрих продолжит следовать с королевским двором. Жанне в качестве компромисса дали указание ехать в Вандом; тоже ее владение, но ближе и в феодальной зависимости от французской короны.

Даже в Вандоме разгорелся конфликт между назначенными Жанной кальвинистскими заместителями и королевским доверенным лицом, которого протестанты обвиняли в гонениях на них. Однако Жанне пришлось оставаться в таком окружении несколько месяцев. Никто не хотел, чтобы она стояла на пути намечавшейся встречи в Байонне, на испанской границе.

Там Екатерина Медичи надеялась снова увидеть свою дочь Изабеллу – долгожданная личная и насущная дипломатическая встреча. Однако Филипп Испанский, раздосадованный толерантной религиозной политикой Екатерины, не только отказался сам ехать на встречу, но и отказал в разрешении отправиться туда своей жене, если там будут присутствовать Жанна д'Альбре и Конде; не желая, как он выразился, чтобы его супруга встречалась «с бунтовщиками и разжигателями бунтов».

Эта встреча была большим дипломатическим спектаклем и, несомненно, редким личным удовольствием и для Екатерины Медичи, и для ее дочери. Однако даже здесь наблюдался конфликт интересов. «Какой испанкой ты стала, моя дочь», – сказала Екатерина Изабелле,

отмечая, что дочь приняла не только испанское платье и манеры, но и взгляды Филиппа. Филипп отправил со своей супругой герцога Альбу, печально известного сторонника жесткого курса в политике и ревностного католика, чтобы заставить Екатерину ужесточить меры против гугенотов. Он не смог добиться от нее желаемого, но сам факт, что Екатерина встретила с ним, лидеры гугенотов восприняли как тревожный знак.

Сразу после встречи в Байонне Екатерина Медичи, как обычно, снова принялась успокаивать протестантских вождей. Летом 1565 года Жанне позволили уехать из Вандома в Нерак (столицу герцогства Альбре, давшего ей ее имя) и там встретить королевский двор на обратной дороге. Екатерина убеждала Жанну вернуться в католическую веру; Жанна использовала время, чтобы представить своего сына Генриха главным гугенотом. Когда королевская поездка наконец завершилась в Париже в начале лета 1566 года, Жанна д'Альбре была в свите, но (так сетовал испанский посол) по-прежнему оставалась непреклонной.

Летом 1565 года Мария, королева шотландцев, вышла замуж за своего родственника лорда Дарнли. То, что последовало, – одни из наиболее известных событий в британской истории, катастрофическая череда происшествий и ошибок. Была ли Мария Стюарт, подобно Жанне д'Альбре, бунтарем против того, что окружавшие ее люди считали законным порядком? Была ли она влюбленной дурочкой? Или она делала все, что могла, чтобы держать управление страной в собственных (и мужа) руках, пусть ее игра и оказалась ошибочной? С самого начала мнения современников категорически расходились.

Когда Мария Стюарт встретила и, судя по всему, сразу влюбилась в Генри, лорда Дарнли, она, казалось, соответствовала стереотипу, который использовал Джон Нокс для дискредитации всей идеи женского правления: поглупевшая от любви, жертва необузданного сладострастия. Она сказала английскому послу Рандольфу: «Принцы во все времена не имели собственной воли, но мое сердце неизменно принадлежит мне». Восемнадцатилетний Дарнли был высок (выше 1,8 м самой Марии), изящен, опытен в боевых искусствах и образован: все это придавало ему внешний лоск аристократической любезности, какой бы обманчивой она ни оказалась в будущем.

«Достоинство и любовь плохо сочетаются друг с другом»

Шотландия, 1565–1567 гг.

В феврале 1565 года, когда Мария отправилась встречать Дарнли на шотландское побережье, у будущей любовной истории существовал особенный подтекст. Английский парламент возражал против притязаний Марии на трон Англии на основании того, что она иностранка, а также женщина и католичка. Однако если она сможет объединить свои права с правами урожденной англичанки Маргариты Дуглас, дочери Маргариты Тюдор и матери Дарнли, или с правами ее сына, это станет совсем другой историей.

Возникает вопрос, почему же Елизавета Тюдор согласилась позволить Дарнли и его отцу Ленноксу отправиться в Шотландию, когда они просили разрешения год назад. Правдоподобная причина состояла в том, что Ленноксу требовалось управлять своими шотландскими владениями, но Елизавета явно должна была предполагать, что может произойти. Идея брака Марии с Дарнли родилась на свет давным-давно. Возможно ли, что Елизавета намеренно подносила Марии отравленную чашу, зная, что Дарнли станет для нее худшим из мужей?

Именно сама Елизавета Тюдор (непреднамеренно или умышленно) санкционировала этот роман. Мария Стюарт настаивала на каком-либо определенном решении Елизаветы относительно ее места в линии наследования английского престола. В середине марта ответ Елизаветы прибыл: «Ничего не будет определено, пока Ее Величество (Елизавета) не выйдет замуж или официально не объявит о своем решении никогда не вступать в брак». Неудивительно, что английскому послу Томасу Рандольфу понадобилось два дня, чтобы собраться с силами для передачи такого послания.

Несколько недель Мария и Дарнли открыто оказывали друг другу знаки внимания. Когда лорд заболел, Мария даже, презрев правила приличия, сама за ним ухаживала. Когда Елизавета прислала приказ, отзывающий Леннокса и Дарнли в Англию, Мария распорядилась,

чтобы они оставались в Шотландии. Решимость Марии укрепила поддержка Франции и ее бывшей свекрови Екатерины Медичи, которой в этот момент было выгодно оказывать давление на Елизавету.

Еще до бракосочетания Дарнли начал проявлять себя как «самодовольный, высокомерный и подозрительный», пьющий и жестокий человек. Вопрос в том, знала ли об этом Мария; не утихло ли уже ее страстное увлечение. Трокмортон, отправленный к шотландскому двору, чтобы доставить Дарнли домой, нашел королеву «охваченной любовью, более страстной, чем подобает» даже «простым людям». Однако Рандольф писал Роберту Дадли, 1-му графу Лестеру, что Мария так изменилась по характеру, что «имеет лишь облик женщины, которой была раньше». Влюбленная дурочка или человек, который уже видит, что любовь уходит?

«Что с ней станет, или как она будет жить с ним, я оставляю думать другим», – мрачно предсказывал Рандольф. Трокмортон цитировал Лестеру и Сесилу: «Достоинство и любовь плохо сочетаются друг с другом и недолго остаются на одном троне». Однако Рандольф был пристрастным свидетелем, а королевские браки заключались не для радости; и подготовка к этому браку продолжалась, кто бы что ни говорил. Марию не поколебало осуждение и ее единокровного брата лорда Джеймса (теперь уже графа Морей) и Мейтленда. Она, понятное дело, разочаровалась в их проанглийской политике, а непостоянный и честолюбивый граф Мортон, еще одна важная фигура в шотландских делах, был родственником Дарнли.

«Подобного празднества не было во времена папизма, какое наблюдалось в эту Пасху на воскресной и ее торжественной мессе, – мрачно доложил Рандольф Сесилу в конце апреля. – Теперь она не хотела ни труб, ни барабанов, ни флейт, ни волынок... В понедельник королева и разные ее фрейлины, одевшись как жены горожан, пешком прогуливались по городу и у каждого встречного брали какой-то денежный взнос на пиршество».

Мария была на подъеме.

Попытку Елизаветы Тюдор воспрепятствовать этому браку Мария Стюарт отбила с видом сознательного непонимания: Елизавета всегда говорила, что Марии нужно выйти за англичанина, разве не так? И сразу впадала в гнев. «Вы никогда не сможете убедить меня, что я разочаровала вашу госпожу, – говорила Мария Рандольфу, – скорее она

меня; а неудобства от потери моей дружбы наступят для нее так же, как для меня – от потери ее расположения».

Венчание состоялось 29 июля 1565 года в личной капелле Марии, невеста была одета в белое платье в знак ее вдовства. Церемония прошла по католическому чину, хотя Дарнли удалился до свадебной мессы. Герольды теперь провозгласили его королем Шотландии. «Эта королева теперь стала замужней, – писал Рандольф Лестеру, – а ее супруг сразу в день свадьбы сделался королем». Король, однако, «настолько надменный и жестокий, что больше похож на властелина мира, чем на человека, которого мы совсем недавно знали как лорда Дарнли».

Королевский титул Дарнли во многих отношениях оставался одним названием. Марии так и не удалось обеспечить ему супружескую корону, которая гарантировала бы его положение в качестве монарха Шотландии независимо от Марии, даже в случае ее смерти. Серьезная проблема правящих королей (статус консорта) стала для Марии ловушкой. Однако в западню попался и Дарнли.

В первые месяцы супружеской жизни Мария и Дарнли сумели воплотить все опасения в жизнь. Они мощными силами начали (а в случае с Дарнли в специально изготовленном позолоченном нагруднике) преследовать и наказывать тех лордов, которые под предводительством брата королевы графа Морея теперь перешли к открытому сопротивлению. Поскольку на самом деле боевых действий как таковых с ускользающим противником не было, кампания стала известна под названием «Рейд в погоню» (*Chaseabout Raid*). При этом Мария одержала верх, лояльные шотландцы присоединялись к ней, и с каждым днем сторонников становилось все больше.

Она известила Елизавету, что больше не желает вмешательства во внутренние дела Шотландии; она надеется, что они с кузиной снова могут стать лучшими друзьями, но только в том случае, если Елизавета объявит Марию своей наследницей, ее и Дарнли. Большинство лордов шотландская королева привлекла на свою сторону, а тех немногих, кто поддерживал Морея, разобщила. Когда, по приглашению Марии, граф Ботвелл вернулся в Шотландию и принял на себя командование армией, непокорные просто исчезли. Однако эта ситуация лишь сильнее проявила разногласия королевской четы.

С одной стороны, Дарнли настаивал не только на большей власти, но и на том, чтобы европейские правители признали его право держать в своих руках бразды правления страной. С другой – его несоответствие этой роли становилось яснее с каждым днем. (Его тщеславие и вспышки гнева напоминали поведение супруга Маргариты Тюдор Ангуса.) К тому же существовало еще два неучтенных обстоятельства. Одно состояло в том, что еще до конца 1565 года Мария Стюарт уже должна была знать о своей беременности. Второй – люди стали поговаривать о благосклонности, которую Мария выказывает своему пьемонтскому личному секретарю Давиду Риччо. «Прислушиваться к советам двух-трех иностранцев, игнорируя своих главных советников, не знаю, как это можно терпеть», – неодобрительно писал Рандольф, называя Риччо «подлым разрушителем семьи». Рандольф предупредил Лестера: «Горе мне за вас, если сын Давида станет королем Англии». Конечно, все эти слухи были безосновательной клеветой, однако отношение Марии к Риччо не может не говорить об изменении чувств к Дарнли.

13 февраля 1566 года Рандольф сказал Лестеру: «Теперь я знаю наверняка, что королева сожалеет о своем браке, что она ненавидит короля [Дарнли] и весь его род» и что Дарнли постарается найти причины этой ненависти. Дарнли (подстрекаемый шотландской фракцией недовольных) довел себя до бешеной ревности, убежденный в том, что Риччо – отец ребенка, которого теперь носила Мария.

«Я знаю, что, если дело примет намеченный оборот, Давиду с разрешения короля перережут горло в течение ближайших десяти дней», – предсказывал Рандольф. Потребовалось немного больше времени, но 9 марта 1566 года группа вельмож, среди которых был и Дарнли, ворвалась в комнату Марии и заколола Риччо до смерти почти на глазах у королевы.

В подписанном лордом Дарнли соглашении заявлялось:

Пусть знают все люди: Мы, Генри, милостью Божией король Шотландии и супруг Ее Величества королевы... сожалели, что королева страдает от обид и совращений определенных личностей, безнравственных и нечестивых, особенно от иностранца итальянского рода по имени Давид.

Соответственно, он с группой лордов «решил схватить причастных лиц, врагов Ее Величеству, нам, родовой знати и государству, чтобы наказать по их грехам, а в случае осложнений отсечь голову на месте...». В этом, как и во многих других делах, Дарнли являлся марионеткой более решительных людей. Однако за рамки обычного выходило нанесенное Марии оскорбление.

Мария собралась с силами, чтобы убедить Дарнли, что его жизнь, как и ее, в конечном счете окажется в опасности со стороны его соратников – чрезмерно могущественных подданных, которые осмелились убить слугу королевы практически в ее присутствии. Выскользнув из дворца Холируд, она сбежала, забрав Дарнли с собой. Отважная скачка верхом, несмотря на беременность Марии, напоминала гонку, предпринятую ее бабушкой Маргаритой Тюдор. Ботвелл без промедления встал на сторону королевы, и после триумфального возвращения в Эдинбург ей удалось восстановить определенную степень контроля над ситуацией.

Елизавета Тюдор неподдельно испугалась, узнав об оскорблениях, выпавших на долю Марии Стюарт. Английская королева сказала испанскому посланнику, что убийцы Риччо ворвались в покои Марии, «как будто они принадлежали публичной женщине». Если такое могло произойти с одной из двух королев на британском острове, второй становилось сложнее сохранить представление о неприкосновенности.

Предлагая Марии Роберта Дадли, Елизавета со смешанными чувствами обдумывала собственное бракосочетание с эрцгерцогом Карлом, сыном императора Священной Римской империи, хотя и готовилась к браку только «как королева, а не как Елизавета». Затем пришло предложение о французском браке, и всегда присутствовал Роберт Дадли. Даже когда Мария Стюарт уже заказала себе свадебный наряд, Елизавета Тюдор говорила испанскому послу, что вышла бы за Роберта, если бы он был «сыном короля», а император Священной Римской империи в это время посылал к ней новое доверенное лицо. Представляется вероятным, что в 1566 году Роберт уже должен был заподозрить тщетность надежд на брак с королевой, однако с ним и как минимум еще с одним претендентом брачная игра Елизаветы продолжалась.

Заманчивая возможность получить руку английской королевы стала одним из важнейших инструментов дипломатии Елизаветы Тюдор.

Почти 40 лет назад венецианский наблюдатель отметил, что англичане использовали юную принцессу Марию, как охотник применяет приманку, чтобы заманивать птиц. Елизавета пользовалась своей рукой таким же образом.

В Шотландии после гибели Риччо дела заметно пошли на лад. При том что Мария ждала ребенка Дарнли, иного не могло и быть. Однако в июне королева удалилась в родильную комнату, и это произошло в Эдинбургском замке, а не в каком-то другом из ее более удобных дворцов. Эдинбург, конечно, был центром шотландской истории, но также являлся местом, не раз доказавшим свою надежность.

9 июня Мария Стюарт призвала лордов заслушать ее завещание – разумная предосторожность для любой женщины, вступающей в роды. Роды были долгими и сложными; настолько тяжелыми, что Мария в родовых муках кричала, что если бы она знала, что это такое, то никогда бы не вышла замуж, а графиня Атолл пыталась «заклинаниями» переложить ее боль на другую женщину. Однако 19 июня рождение здорового младенца мужского пола, принца Якова, укрепило положение Марии как королевы.

Посол Шотландии в Англии позаботился сообщить Елизавете все кровавые детали рождения наследника шотландского престола, рассказав, что его госпожа «так жестоко мучилась, что желала никогда бы не выходить замуж». Он сделал это, по его словам, чтобы «внушить некоторый страх» перед собственным замужеством Елизаветы. Понятно, что шотландским интересам соответствовало, чтобы Елизавета Тюдор умерла незамужней, оставив Марии Стюарт (или сыну Марии) английский престол. Однако в октябре того года, когда Елизавета, чтобы получить ссуду, была вынуждена снова созвать парламент после трехлетнего перерыва, члены парламента вернулись в Лондон еще решительнее подойти к вопросу престолонаследия, чем это было, когда они разъезжались.

Когда Дарнли пришел увидеть сына, Мария при свидетелях объявила, что отец ребенка – он. Странно, что ей потребовалось делать такое заявление. Тем не менее летом 1566 года, когда королева взяла время на отдых, она сделала несколько попыток наладить отношения с супругом, но невыносимый Дарнли не пошел навстречу. В замке Тракуэр на следующий день для королевской четы планировалась охота на оленя, но Мария шепнула на ухо Дарнли, что она

предпочитает не выезжать. Уже существовала вероятность следующей беременности. Дарнли громко заявил, что ничего страшного, если она потеряет этого ребенка, потому что они могут сделать другого. Это был незначительный инцидент, но он усугублял затруднения Марии. Безжалостность супруга лишь заставляла ее благосклоннее смотреть на других, более готовых прийти на помощь, людей.

Осенью королева Мария отправилась в Джедборо председательствовать на выездной сессии суда. Это занятие являлось одним из дел, которые она выполняла регулярно, показывая, что стремится быть не просто миловидным лицом собрания. В середине октября королева верхом поехала в крепость Эрмитаж, где лежал больной лорд Ботвелл: его ранили пограничные налетчики. Впоследствии этот эпизод использовали, чтобы очернить имя королевы намеками на любовную связь между ними, но на самом деле Мария брала с собой большую компанию, включая своего единокровного брата Морейя. Обратный путь был омрачен: лошадь Марии сбросила ее в болото. На следующий день королева слегла, и вскоре ее жизнь оказалась под угрозой. Епископ Росский живо описал ситуацию: «Ее Величество омертвела: все части тела холодные, глаза закрыты, рот сжат, руки и ноги одеревеневшие и застывшие».

Скоро она вернулась к жизни. Однако интересно, что, когда она выздоровела, венецианский посол во Франции слышал, будто «болезнь была вызвана ее недовольством решением, которое принял король, ее супруг». Кому-то предстояло принять меры в отношении лорда Дарнли.

Когда Мария начала выздоравливать, она переехала с несколькими лордами в Крейгмиллар под Эдинбургом, и, возможно, именно там сложился заговор. А может быть, и несколько разных заговоров. Марию уговорили простить даже участников заговора против Риччо — теперь существовал только один настоящий враг. Когда королевского сына крестили 17 декабря в замке Стерлинг, Дарнли, хотя он и находился во дворце, не присутствовал на крестинах. Вместо него иностранных гостей приветствовал лорд Ботвелл, наращивающий свое влияние.

В первые недели 1567 года Дарнли заболел и лечился в Глазго, центральном районе владений его семейства. Болел Дарнли почти наверняка сифилисом, и тот факт, что Марию вскоре могут призвать

возобновить с ним супружеские отношения, укрепил решимость королевы стать свободной. Когда Мария приехала навестить супруга, существовали большие опасения по поводу ее безопасности. Давно ходили разговоры, что Дарнли может попытаться похитить младенца Якова и самостоятельно править в качестве регента, удерживая Марию в плену.

Как далеко завело Марию желание освободиться, являлось и является источником больших разногласий. Основные факты установить легко. В конце января королева Мария убедила Дарнли вернуться с ней в Эдинбург, где он по собственному выбору поселился в близлежащем доме Кирк-о-Фильд до полного излечения. Мария часто навещала его. 9 февраля она была у него с веселой компанией, хотя королева рано ушла, чтобы присутствовать на свадьбе пажа.

10 февраля в 2 часа утра Эдинбург содрогнулся от звука взрыва. Мария из Холируда сразу послала выяснить, что случилось, и вскоре узнала, что от Кирк-о-Фильда остались одни развалины. Однако при дневном свете тело Дарнли обнаружилось не в доме, а в саду, откуда он, по всей видимости, пытался бежать. Его задушили.

Убийству лорда Дарнли посвящены целые тома, но у нас нет возможности анализировать доказательства. Важны два обстоятельства: все стороны немедленно заподозрили Ботвелла в том, что он убрал с дороги соперника, а Марию многие обвиняли в соучастии. Возможно и третье: большинство современных историков сходятся во мнении, что она не знала, по крайней мере, точного плана действий, хотя одним из умений монархов Средневековья и начала Нового времени была способность выражать желание, чтобы было ликвидировано какое-то препятствие, и при этом оставаться в неведении, как это произойдет.

В Крейгмилларе Мейтленд предлагал развод или признание брака недействительным, но Марию беспокоило, что это может отразиться на законнорожденности ее сына. Когда Мейтленд, по всей видимости, сказал, что придется найти другой способ, она закричала, что ничего не должно быть сделано против ее репутации или чести. Факт, что впоследствии она не предотвратила задуманные ее лордами действия, о которых королева явно догадалась, если не преступная халатность, то, во всяком случае, глупый поступок. Однако из-за этой глупости большинство в итоге будет считать Марию Стюарт виновной.

Конечно, Мария в этот момент действительно действовала глупо. Сама ее неподготовленность к разрешению кризисной ситуации, возможно, свидетельствует о том, что королева не ожидала именно такого поворота событий. Вместо того чтобы соблюдать строгий траур как жена, а как королева дистанцироваться от подозреваемых в совершении этого преступления, Мария Стюарт проявляла непоследовательность. Она приказала задрапировать черной тканью свою комнату в Эдинбургском замке, но по дороге туда сделала остановку, чтобы присутствовать на еще одной свадьбе. Она несколько раз выезжала на непродолжительный отдых в близлежащий Сетон. Люди видели, как она развлекалась стрельбой из лука в компании вездесущего Ботвелла. Ее настроение было переменчиво, хотя она расстраивалась и раздражалась из-за картинок, обвиняющих Ботвелла в смерти Дарнли. На одной из картинок изобразили и саму Марию в виде русалки, известного символа распутства.

Елизавета с чрезвычайной горячностью писала ей из Англии:

Мои уши так шокированы, мой дух так взволнован, а сердце так потрясено ужасающим сообщением о гнусном убийстве вашего покойного супруга и моего кузена, что я до сих пор едва могу собраться с силами, чтобы писать об этом... Не буду скрывать от вас, что люди по большей части говорят, будто вы посмотрите сквозь пальцы на это деяние вместо того, чтобы отомстить за него... Я заклинаю вас, я советую вам, и я умоляю вас принять это дело так близко к сердцу, чтобы вы не боялись затронуть даже самого близкого к вам человека, если он имел отношение к убийству...

Елизавета явно опасалась, что действия Марии скомпрометируют сестринские отношения королев. Если Мария не сможет проявить такую прямооту «и благоразумие», чтобы весь мир назвал ее невиновной, писала Елизавета в другом письме, тогда она будет «заслуживать исключения из рядов принцесс, и чтобы этого не случилось, я пожелала бы вам лучше почетных похорон, чем постыдной жизни».

12 апреля Ботвелла официально оправдали в причастности к убийству на показательном судебном процессе. Вердикт не вызывал

сомнений и поскольку Эдинбург до такой степени был набит его людьми, что Леннокс, отец Дарнли, не осмелился появиться на слушаниях, и потому, что Мария отстранилась от разбора дела. Неделей позже Ботвелл пошел еще дальше, собрав лордов на ужин в таверне Эйнсли. Там он потребовал, чтобы они все подписали документ, призывавший королеву вступить в брак и выйти замуж за шотландца. А кто же лучше подходил на эту роль, чем сам Ботвелл?

Следующий шаг Марии можно назвать поступком и королевы, и матери. Она отправилась в Стерлинг, где воспитывался ее сын, в попытке забрать ребенка. Когда официальный опекун принца Якова отказался отдать младенца, Мария была вынуждена снова выступить в направлении Эдинбурга. 24 апреля она выехала из места своего рождения, Линлитгоу, чтобы возвратиться в столицу. Испанский посол Гузман де Сильва (в письме домой от 3 мая) описал, что произошло дальше:

В шести милях от Эдинбурга ее встретил Ботвелл с 400 всадниками. Приблизившись к королеве с мечами в руках, они выразили намерение взять ее с собой... Ее повезли в Данбар, куда она прибыла в полночь и где продолжает находиться до сих пор. Некоторые говорят, что она выйдет за него...

Что важно, продолжил посол: «Считается, что все дело было организовано так, чтобы, если получится со свадьбой, королева могла сделать вид, что ее заставили».

В этом отношении существуют неясности. Хотя первая реакция Марии (приказ своим солдатам скакать за помощью) говорит о том, что Ботвелл действительно неожиданно напал на нее, последующее ее поведение понять сложнее. Она оставалась в Данбаре 12 дней, к концу этого срока, по более поздним свидетельствам, она будет казаться беременной. Ботвелл отсутствовал часть времени, торопливо организовывая развод со своей женой, чтобы освободиться для более выгодного брака, и условия ее «плена» (если можно так выразиться) не были столь строгими, чтобы помешать Марии бежать, если она действительно хотела спастись.

Неясное подозрение, как сформулировал друг Мейтленда Керкольди из Грейнджа, состояло в том, что Мария «хотела спровоцировать

Ботвелла изнасиловать ее»; чтобы избежать последующих обвинений в открытом сближении с человеком, которого считали убийцей ее мужа, она помогла устроить то, что предполагалось выдать за похищение и изнасилование.

Возможно, более вероятный вариант трактовки событий в том, что Мария действительно была удивлена и возмущена похищением Ботвелла, но потом он ее уговорил. В конце концов, она в последние месяцы считала его единственным человеком в Шотландии, на которого можно по-настоящему положиться; он, похоже, отвечал ее отчаянной потребности в поддержке и защите. Если Ботвелл сказал ей, что был вынужден организовать похищение ради ее же безопасности, что единственная надежда королевы состоит в замужестве с ним, да еще показал ей соглашение, подписанное в таверне Эйнсли... Именно так изложила события сама Мария в письме к своему послу при французском дворе. Пространное детальное описание звучит достаточно убедительно:

...видя себя во власти Ботвелла, лишенную компании своих слуг и других людей, у кого мы могли бы спросить совета... оставшись одна, словно его добыча, многие вещи мы решили самостоятельно, но так и не нашли выхода. Однако он предоставил мне возможность все обдумать, постоянно оказывая давление непрерывными настойчивыми ухаживаниями. В итоге, потеряв надежду избавиться от него, поскольку ни один человек в Шотландии не делал никаких шагов, чтобы освободить нас, мы были вынуждены умерить свое раздражение и начать обдумывать то, что он предлагал.

...Хотя действия Ботвелла мы сочли грубыми, его речи и ответы были благородными. Вначале дерзостью выиграв первый этап, он не оставлял усилий, пока убеждениями и настойчивыми ухаживаниями, не без применения силы, он в итоге не довел до конца свое дело, начатое тогда и в той форме, какую он считал наилучшей для достижения своей цели...

Итогом, наилучшим образом служившим достижению цели Ботвелла, было бракосочетание с королевой, однако и она имела свои

причины согласиться на эту идею. Шотландию, «и без того разделенную группировками», писала Мария (наверное, так говорила ее бабушка Маргарита Тюдор), «невозможно содержать в порядке, если наша власть не поддерживается и не укрепляется мужчиной».

6 мая они въехали в Эдинбург, Ботвелл вел лошадь Марии. На улицах стояли мрачные толпы. 12 мая она официально простила его за похищение и пожаловала ему титул герцога Оркни. 15 мая они повенчались по протестантскому обряду.

И снова, как в браке с Дарнли, чувства Марии оказались очень противоречивыми. Уже через несколько дней французский посланник дю Крок писал Екатерине Медичи: «Супружество королевы слишком печально, и она уже начинает сожалеть». Мария послала за ним, после того как он стал свидетелем ее ссоры с мужем, и сказала: «Если вы видите меня в печали – это значит, что я не хочу веселиться и никогда не захочу быть веселой; я не хочу ничего, кроме смерти».

«Вчера, когда они оба находились в комнате, королева громко попросила дать ей нож, чтобы убить себя. Ее слова слышали люди в прихожей», – докладывал дю Крок. Ботвелл, как и Дарнли, но более сильный и одаренный, тоже вознамерился править как король. Однако королевский двор превращался в пародию, и каждый день такие люди, как Мейтленд, покидали королевскую чету.

6 июня, зная, что граф Мортон и лорды решили свергнуть его и планируют нападение, Ботвелл увез Марию из Эдинбурга в более безопасное место. Жарким днем 15 июня королевские войска и силы лордов встали друг против друга в Карберри.

Ботвелл был готов решить дело поединком. Именно Мария в итоге вмешалась, зная наверняка, что таким образом невозможно восстановить реальный контроль над страной. Стороны заключили сделку, по которой ее возьмут под почетную опеку, а Ботвеллу позволят уйти. Однако Мария была потрясена реакцией солдат и жителей Эдинбурга, когда ее ввели в город. В разорванном платье, то всхлипывая, то угрожая, она слушала крики толпы «Сжечь блудницу!». Не была ли искренняя любовь ошибкой; та любовь, которую не потеряла Елизавета за весь свой долгий брак с Англией?

17 июня королеву Марию увезли пленницей из Холируда в замок Лохливен на острове, где у нее практически сразу произошел выкидыш, по имеющимся сообщениям, двойней^[74]. 24 июня еще слабую Марию вынудили подписать документ об отречении от престола, и через пять недель ее маленького сына короновали как Якова VI. Регентом на время его малолетства стал брат Марии Стюарт Морей.

Королева Елизавета все равно опять писала своей «сестре-государыне»: «Все, что в наших силах сделать для вашей чести и безопасности, мы исполним [так], чтобы стало понятно, что вы имеете доброго соседа, дорогую сестру и верного друга». Елизавета осознавала, что удар, нанесенный одному монарху, к тому же монарху-женщине, наносит ущерб всем остальным государям. «Прямо объявите лордам, что если они предпримут что-либо для отрешения королевы, их верховной правительницы, от королевского положения... мы станем их противником, чтобы всем это стало уроком», – написала она своему посланнику в Шотландии.

Возможно, именно страх гнева Елизаветы удержал лордов Марии от перехода к фатальным мерам. Тем не менее, с точки зрения Елизаветы Тюдор, Мария Стюарт совершила непростительную ошибку. Из-за нее все женщины-правительницы выглядели глупыми – именно такими, какими их всегда считали мужчины типа Джона Нокса.

«Дщерь раздоров»

Нидерланды, Франция, Англия, 1566–1571 гг.

В континентальной Европе усугублялись религиозные противоречия. В Нидерландах Маргарита Пармская, действуя в качестве заместителя единокровного брата Филиппа Испанского, с самого начала столкнулась с ситуацией даже более сложной, чем та, которая мучила Марию Австрийскую в период ее правления за родного брата Карла V^[75].

Карл V, который вырос в Нидерландах, провел время своего правления главным образом в поездках по многочисленным огромным владениям. Филипп, хотя тоже ничуть не старался отдавать должное Нидерландам и культуре страны, был до мозга костей испанцем и решил править из Мадрида, а точнее, из громадного нового дворца Эскориал, строившегося неподалеку от испанской столицы. В результате Нидерланды были недовольны фактическим положением колонии, да и самим Филиппом, у которого было лишь поверхностное понимание 17 очень разных провинций, составлявших его северное владение. К тому же Маргарите Пармской, получившей гораздо меньше власти, чем ее предшественницы, приходилось выполнять распоряжения Филиппа, находившегося в нескольких неделях пути от страны.

Никто при этом не говорил о недовольстве в Нидерландах как о борьбе за независимость. Напротив, беспорядки рассматривались в религиозном аспекте. Государственный совет Нидерландов переходил под руководство штатгальтера Вильгельма Оранского, который значительное время воспитывался под присмотром Марии Австрийской. Она и сам Карл V очень доверяли Вильгельму. Теперь Вильгельм, оказавшись в союзе с германскими протестантскими принцами через брак с Анной Саксонской, подогревал совет, постоянно выражая несогласие с Филиппом по религиозному вопросу. Будучи католиком, он никак не мог согласиться с тем, что монарх имеет право определять религиозные убеждения своих подданных.

Испугавшись растущего влияния протестантов во Франции, Филипп еще раньше распорядился, чтобы Маргарита Пармская настаивала на строгом исполнении эдиктов Карла V, предусматривающих жестокие наказания еретикам. Вильгельм объявил совету, что «король заблуждается, если полагает, что Нидерланды, окруженные странами, где допускается свобода вероисповедания, могут бесконечно терпеть жестокие законы».

В апреле 1565 года Союз дворян, в котором заметную роль играл младший брат Вильгельма Людвиг, представил Маргарите Пармской петицию с требованием прекратить гонения на протестантов. В следующем году по Нидерландам прокатилась волна иконоборчества: протестанты различных конфессий разрушали католические изваяния во всей стране; такого рода новости, несомненно, ужасали Филиппа Испанского. Религиозное недовольство усугублялось тяжелой экономической ситуацией: как сформулировал один свидетель, «безрассудно навязывать соблюдение эдиктов, когда зерно стоит таких денег».

Интуиция подсказывала Маргарите, что следует соглашаться с требованиями Союза, пока его члены помогают ей в восстановлении порядка в стране. В Италии консультации основателя ордена иезуитов Игнатия де Лойолы помогли урегулировать проблемы брака Маргариты с Фарнезе, а ее покровительство сыграло решающую роль в формировании «Общества иезуитов» де Лойолы. Однако подобно Екатерине Медичи и Елизавете Английской, она, похоже, проводила различие между религиозными противоречиями и гражданским неповиновением. Тем не менее так же, как и Екатерине Медичи, ей будут мешать действовать в соответствии со своей позицией. Елизавета в Англии продержится дольше.

В отчете, отправленном Маргаритой Пармской Филиппу, звучали ноты безысходности. «Все так расстроено, что в большей части страны нет ни закона, ни веры, ни короля». Несмотря на панические настроения, она успешно предпринимала шаги, чтобы справиться со сложившейся ситуацией. Дворяне, довольные тем, что содержание их петиции передадут Филиппу, по большей части собрались под знамена регентши, страна успокоилась, и эффект ее слов явно оказался не тем, какого желала Маргарита. Именно в тот самый момент, когда Маргарита в ознаменование победы приказала отчеканить медаль,

изображающую ее на коне с мечом и оливковой ветвью, из Испании на север отправили жесткого герцога Альбу, чтобы подавить то, что Филипп посчитал мятежом. К тому же запрос пропустить через Францию к границам Нидерландов 10 000–20 000 испанских солдат послужил новым источником беспокойства для французских протестантов и Екатерины Медичи.

Сразу по прибытии в страну Альба учредил «Совет по делам о мятежах», полностью подконтрольный ему орган, призванный со всей строгостью обеспечить исполнение государственных законов Нидерландов, «Плакатов» (*Placarten*). В течение следующих пяти лет будет казнено более 3000 человек. В июне 1568 года 60 голландских дворян, включая кузена французского адмирала де Колиньи, были казнены на Гран-Плас в Брюсселе. Однако к тому времени (в сентябре 1567 года) Маргарита Пармская уже отказалась от должности регента.

Уход Маргариты был протестом против полномочий Альбы, которые значительно превышали ее, а возможно, и против его политики, хотя, наверное, будет ошибкой допускать, что ее побуждения носили гуманистический характер. Маргарита отправилась в Л'Акуилу в Италии, где ее назначили управлять областью Абруцци, однако ее по-прежнему отождествляли с суровым господством Испании. В историческом музее Берлина хранится картина 1622 года «17 нидерландских провинций перед герцогом Альбой». На ней Альба на троне вершит суд над 17 скованными цепью дамами, олицетворяющими нидерландские провинции. Кардинал Гранвелла качает мехи, чтобы раздуть ярость Альбы, а позади него Маргарита Пармская ловит ценные вещи в потоке крови^[76].

События в Нидерландах отозвались во всей Европе. В Англии в конце 1567 года известия о действиях испанцев в итоге положили конец плану бракосочетания Елизаветы с габсбургским эрцгерцогом, сыном императора Священной Римской империи. Кроме того, Вильгельм Оранский, бежавший в Германию, мечтал изгнать испанцев из Нидерландов. Чтобы собрать войска, он будет искать помощи не только немецких принцев, но и французских протестантов. Когда французский двор вернулся из большого путешествия по Европе, стало ясно, что значительным источником разногласий станет желание гугенотов (в частности адмирала де Колиньи, добившегося почти

отцовского влияния на молодого короля, Карла IX) поддержать своих единомышленников-протестантов за границей.

Религиозные преследования в Нидерландах затронули даже Жанну д'Альбре. Весь 1566 год, после возвращения французского двора, она оставалась в Париже, возможно, в собственном доме, а не в чуждой атмосфере королевского двора. Наблюдая сексуальную распущенность французских придворных, она с отвращением писала: «Здесь не мужчины соблазняют женщин, а женщины искушают мужчин». Здоровье Жанны ухудшалось, и она все чаще ссорилась с другими придворными дамами, особенно с Анной д'Эсте (бывшей герцогиней де Гиз) и соответственно с матерью Анны, Рене, в прошлом протеже Маргариты Наваррской. Однако ей позволяли брать сына Генриха в краткие, внешне безобидные поездки по ближайшим собственным владениям.

Екатерина Медичи явно изумилась, когда в середине февраля 1567 года испанский посланник рассказал ей, что Жанна с сыном ускользнула обратно на юго-запад и находится вне контроля французов. «Эта женщина самое бессовестное и необузданное существо на свете», – разозлилась Екатерина.

В своих «Воспоминаниях» Жанна д'Альбре писала, что часто молила о мире, а Екатерина и ее сын часто заманивали ее обратно ко двору «под предлогом оказать мне честь, сделав посредником между королем и его подданными реформатской веры». Однако путь Жанны лежал в ином направлении.

В сентябре 1567 года вожди гугенотов Конде и Колиньи, не доверяя обещанию французской короны блюсти религиозную терпимость, предприняли неудачную попытку захватить молодого короля. Было нанято 6000 швейцарских гвардейцев для сопровождения Екатерины с сыном в Париж, но Конде и Колиньи тогда начали осаду города. Их атаки результата не принесли, протестантов заставили отступить в южном направлении, однако неудивительно, что в мае 1568 года, всего через несколько недель после заключения мира с мятежниками, Екатерина Медичи серьезно заболела. Когда она выздоровела, обнаружилось, что Колиньи и Конде бежали. Екатерина намеревалась «отыскать их, победить и уничтожить». Распространялись ли ее намерения и на Жанну?

Той осенью, когда Конде и Колиньи скакали к цитадели гугенотов Ла-Рошель на юго-западном побережье Франции, где протестанты завоевали наибольшую поддержку, Жанна д'Альбре отправилась туда, чтобы встать на их сторону, со своей дочерью Екатериной и пятнадцатилетним сыном Генрихом. «Не думайте... что я легко решилась на это путешествие, – рассказала она в «Воспоминаниях», которые приказала писать примерно через восемь недель после приезда. – Поверьте, без борьбы не обошлось, как с другими, так и с самой собой... Мне пришлось сражаться не только с внешними врагами, внутри меня шла настоящая война. Даже мое своеобразие вступило в лигу против меня».

Ей придется пребывать в Ла-Рошели («лишенной радости находиться в собственном доме, но в истинном счастье пострадать за моего Господа») почти три года. Жанна, писала она Екатерине Медичи, «служила Господу и истинной вере». Однако Екатерина вряд ли смягчилась.

Жанна д'Альбре также написала Елизавете Английской, чью «добрую волю» она продолжала превозносить. К тому же она сочиняла пропагандистские брошюры и руководила органом под названием «Совет королевы Наваррской», на который возлагалось управление делами города и всеми не строго военными аспектами кампании. Она разместила войска, которые привезла для работ по укреплению оборонительных сооружений Ла-Рошели. В конце 1568 года испанский посол докладывал, что Жанна «продолжает делить лидерство» с Конде.

Затем в битве при Жарнаке 13 марта 1569 года принца де Конде взяли в плен, а потом убили. Номинальное командование делом гугенотов легло на пятнадцатилетних юношей: сына Жанны Генриха Наваррского и его кузена, сына Конде. Именно Жанна вывела мальчиков под приветственные восклицания солдат гугенотских войск. Именно Жанна написала мольбу Елизавете Английской «сохранить привязанность, которую вы испытываете к столь справедливому и законному делу... Из нас все, знатные и простые, решили не жалеть ни своей жизни, ни собственного состояния, служа борьбе Господа». Хотя Екатерина Медичи говорила, что Жанна «выступает с адмиралом», когда Колиньи с мальчиками отправились в поход, ее оставили в городе

заниматься уже 60 000 беженцев, поскольку люди просто хлынули в Ла-Рошель.

Большинство лидеров гугенотов уже думали о заключении мирного соглашения, но только не Жанна д'Альбре. Она фактически оказалась пленницей, наблюдавшей с городских стен возведение новых укреплений. С весны 1570 года именно решимость Жанны обеспечивала продолжение борьбы. А потом именно Жанна сделает условием мирного соглашения свободу богослужения, а не свободу вероисповедания – более расплывчатое и прагматичное предложение Екатерины, которое подразумевало внешний конформизм.

Жанна написала Екатерине Медичи:

Имея честь прежде хорошо знать чувства Вашего Величества, мне сложно убедить себя, что Вы можете желать видеть нас доведенными до полного отчаяния или вообще отказавшимися от всякой веры, что неизбежно случится, если нам откажут в открытом отправлении наших религиозных обрядов... Мы, все из нас, пришли к решимости скорее умереть, чем отказаться от веры в нашего Господа Бога, которого мы не в состоянии почитать без разрешения богослужений, как человеческое тело не может существовать без пищи и питья.

Война, во всех своих проявлениях, становилась все более ожесточенной. За пределами Ла-Рошели сын Екатерины Генрих, герцог Анжуйский, возглавлявший борьбу со стороны короны, действовал с ужасающей свирепостью. Ходили слухи, что Екатерина еще раньше пыталась убить Конде отравленным яблоком, как мачеха Белоснежку, и человек, которого арестовали по пути на службу к Колиньи, действительно нес упаковку яда, а испанский посол докладывал, что Екатерина пыталась избавиться от протестантских лидеров при помощи колдовства.

Екатерина очень горевала, когда ее дочь Елизавета, супруга Филиппа Испанского, умерла при родах в октябре 1568 года. Однако это событие также означало, что она больше не имела особого влияния на вдовца Елизаветы Филиппа Испанского, которого давно раздражала ее прагматичная религиозная позиция. Екатерина писала, что завидует Елизавете Английской, потому что «все ее подданные разделяют веру

королевы, а во Франции дело обстоит совсем иначе». При этом в действительности Елизавета Тюдор могла бы ответить на это: «Ах, если бы».

В начале мая 1568 года поднадзорная Мария Стюарт совершила побег из Лохливена из-под охраны своих лордов. 13 мая войска сторонников королевы потерпели поражение в битве при Лангсайте, и Мария бежала через границу в Англию.

Мария Стюарт верила торжественным заверениям Елизаветы Тюдор в сестринской солидарности; она думала, что Елизавета немедленно вернет ей шотландский престол. Во многих отношениях первый порыв Елизаветы был именно таковым: королева стояла на стороне королевы. Однако эта позиция не встретила понимания у большинства ее советников, особенно возражал Сесил. Личные чувства Елизаветы оказались смешанными. Когда Мария просила правительницу об участии «не как королевы, а как благородной дамы», Елизавета тайно злорадствовала по поводу приобретения знаменитого черного жемчуга Марии (25 жемчужин размера и цвета винограда), который она перехватила у Екатерины Медичи.

Мария Стюарт с неохотой согласилась на предложение Елизаветы провести расследование по поводу произошедшего и слухов относительно ее причастности к смерти своего супруга Дарнли. Судебное рассмотрение открылось в Йорке осенью того года. Шотландские лорды пытались обеспечить «обвинительный» приговор, предоставив следствию позорящие королеву «Письма из ларца». Если верить этим письмам, Мария предстает изменщицей и убийцей, однако они почти наверняка были поддельными. Даже при наличии этих сомнительных документов уполномоченные не смогли вынести сколько-нибудь определенное решение, позволив Марии оставаться «гостьей» своей «дорогой кузины и подруги» Елизаветы; в комфортной неволе на неопределенных условиях.

Это расследование привело и к результату совсем иного рода. Работу уполномоченных возглавлял Томас Говард, герцог Норфолк, родственник Елизаветы, первый пэр, а также человек, имеющий собственные виды на английский престол. Норфолка поначалу сильно напугали письма, которые, казалось, свидетельствовали о «бурной» любви Марии к Ботвеллу. В полученные Норфолком от правительства

Елизаветы инструкции входил пункт, что любой мужчина, замысливающий брак с Марией, «будет *ipso facto* (в силу самого этого факта) признан государственным изменником и приговорен к смертной казни». Тем не менее когда один из лордов Марии Стюарт намекнул Томасу Говарду, что лучший способ обезвредить Марию и обеспечить наследование английского престола – это жениться на ней самому, идея запала в голову герцога.

Восстание провалилось, а многих мятежников постигло самое жестокое наказание. Норфолка поместили под стражу в Тауэр, где он томился в течение нескольких месяцев. Однако что же Мария? Королева Шотландии писала Норфолку как своему будущему супругу; своими руками изготовила и отправила ему вышивку, изображающую плодоносную виноградную лозу (саму Марию) и руку, удаляющую бесплодную ветвь (Елизавету). Против Марии Стюарт не предприняли прямых репрессалий, но надзор над ней был усилен.

В феврале 1570 года папа римский издал буллу *Regnans in excelsis*, лишавшую Елизавету «ее мнимого права на королевство» и официально одобряющего любого католика, который попытается низложить английскую королеву. Этот документ резко повысил уровень напряженности в Англии, а также усилил и подчеркнул уязвимость Елизаветы. В поэме, написанной, по всей вероятности в 1571 году, Елизавета Тюдор написала о Марии Стюарт так:

И эта дочь раздоров, что сеет семя розни,
Желанной жатвы не пожнет, ее напрасны козни^[77].

Слова английской королевы окажутся пророческими.

Во Франции цель Екатерины Медичи состояла в смягчении напряжения, а не в его усилении. 8 августа 1570 года Сен-Жерменский договор наконец принес мир: свободу вероисповедания и право отправления кальвинистских богослужений, ограниченное определенными местами. Однако заключались и другие мирные договоры, но никакой из них не соблюдался сколько-нибудь продолжительное время. Жанна д'Альбре, например, во время

продолжительных переговоров назвала один такой документ «миром, слепленным из снега этой зимой, который следующим летом растает от жары». Теперь Екатерина имела план по закреплению мирного соглашения. Еще в мае 1569 года сэр Генри Норрис сказал Елизавете Английской, что Екатерина Медичи планирует «изловчиться нейтрализовать королеву Наварры», предложив свою дочь Марго в жены сыну Жанны Генриху. Брак всегда оставался излюбленным способом выходить из дипломатических затруднений.

Екатерина собиралась устроить еще одну свадьбу. Англия как никогда имела основания искать союза с Францией против растущей мощи и агрессивности Испании. Летом 1571 года «раскрыли» заговор Ридольфи (о котором министры Елизаветы могли на самом деле знать уже давно) посадить на английский трон Марию Стюарт и герцога Норфолка при поддержке Испании и армии вторжения во главе с герцогом Альбой.

Соответственно, королева Елизавета в декабре 1571 года благосклонно встретила предложение Екатерины выйти замуж за Франциска, герцога Алансонского, вместо его старшего брата, несговорчивого герцога Анжуйского. Франциск, как хладнокровно отметила его мать Екатерина, «менее придирчив», чем его брат, в религиозном вопросе; благожелателен даже к гугенотам. В общем, меньше «похож на осла», как восторженно присоединился посол Елизаветы, и «больше подходит, чем другой», для продолжения рода.

Англия и Франция заключили в Блуа договор, в котором постановили поддерживать друг друга в борьбе с испанским врагом. Теперь казалось как никогда желательным скрепить этот союз династическим браком. В июне пришло официальное предложение руки герцога Алансонского. Посол Елизаветы (а позже руководитель разведки) Фрэнсис Уолсингем опасался, что малорослый и рябой семнадцатилетний Алансон не пройдет решающее испытание, учитывая «щепетильность глаза Ее Величества». Тем не менее когда королевский двор отправился в ежегодную летнюю поездку по стране, этот брак по-прежнему казался реальной возможностью.

И Англия, и Франция столкнулись с трудностями, но обе страны теперь, по всей видимости, надеялись успешно их преодолеть. Эта надежда не оправдается.

Варфоломеевская ночь

Франция, 1572–1574 гг.

Королева Елизавета отдыхала в великолепном замке Роберта Дадли Кенилворт, когда ей доставили известие о событии, перевернувшем ее жизнь, одном из тех событий, которые реально меняют ход истории человечества, – о Варфоломеевской ночи. Поначалу казалось, что это дело Екатерины Медичи с Жанной д'Альбре, но в итоге последствия приняли такой масштаб, что затронули всех и каждого.

В первые месяцы 1571 года Вильгельм Оранский, изгнанный лидер нидерландских протестантов, прилагал усилия, чтобы организовать вооруженное вторжение в Нидерланды с немецких территорий. Хотя его брат находился с гугенотскими мятежниками в Ла-Рошели, Оранскому требовалось привлечь на свою сторону также французскую корону, вызывая старые антииспанские настроения, вероятно, по-прежнему более сильные, чем религиозные расхождения. Идея очень понравилась молодому королю, которому не терпелось проявить себя в сражении, и вскоре Карл IX уже сетовал, что Екатерина «слишком нерешительная». Карл недавно женился на Елизавете Австрийской, набожной юной дочери императора Священной Римской империи, и начинал тяготиться руководством своей матери^[78]. Всего через несколько дней после торжественного въезда в Париж, которым отметили его бракосочетание в марте 1571 года, Карл произнес речь в парламенте, поблагодарив Екатерину за «неустанный труд, энергию и мудрость» в заботе о государственных делах все время, пока он был слишком мал, чтобы делать это самостоятельно; подразумевалось, что такие дни подходят к концу.

По своей природе Екатерина Медичи отвергала дорогостоящие военные действия (еще один момент, по которому она сходилась во мнениях с Елизаветой Английской), но она была готова использовать возможность французской поддержки нидерландских протестантов в качестве средства, чтобы побудить Жанну д'Альбре согласиться на брак своего сына Генриха с дочерью Екатерины Марго. (Никого не

заботило нежелание Марго выходить замуж за еретика. Екатерина пригрозила сделать свою дочь «самой несчастной женщиной в королевстве», если она откажется, но сопротивление Жанны представляло собой совсем другое дело.)

Возможно, между Екатериной Медичи и Жанной д'Альбре по-прежнему сохранялась личная связь. В начале 1571 года Жанна писала Екатерине, что не хочет отпускать сына к французскому двору:

...У меня подозрительная натура, Мадам, как вам хорошо известно. Природа заставляет меня бояться, что, хотя ваши намерения добры – в чем я совершенно не сомневаюсь, – те, кто в прошлом смогли исказить их в отношении нас... продолжают пользоваться вашим доверием... Я бы опасалась этими словами вызвать ваш гнев, Мадам, если бы ваша доброта ко мне в годы юности не приучила меня к чести говорить с вами открыто и откровенно...

Она трогательно написала *je suis ung petit glorieuse* («я гордое существо», или «я имею некоторую гордость»). Жанна действительно была такой. Бирон, один из посланников, отправленных провести с ней переговоры об этом браке, говорил коллеге, что увидел перед собой «хмурое лицо». Один итальянец написал, что «нрав у этой королевы просто *molto fantastico* [фантастический]... Она часто меняется и ускользает от вас каждую минуту. В итоге она рассчитывает все сделать по собственному усмотрению».

Жанна д'Альбре оказалась под серьезным давлением, не в последнюю очередь со стороны собственных союзников. Главной целью адмирала де Колиньи было получить французскую поддержку для нидерландских протестантов, а Жанна стремилась сохранить свои наследные земли и место сына в престолонаследии Франции. 31 августа папский нунций доложил, что «между ними раздор, потому что королева [Жанна] желает вести свои дела самостоятельно, без вмешательства адмирала, а он пытается убедить ее подчиняться королю». Хотя она опасалась женить сына на католичке Марго, ее, по всей вероятности, пугали попытки Колиньи устроить Генриху другой брак; даже, в течение нескольких недель 1571 года, с Елизаветой Английской.

Той осенью Колиньи приехал ко двору на переговоры, его охранную грамоту подписали Карл IX, Екатерина Медичи и ее следующий сын герцог Анжуйский. Друзья Колиньи предостерегали его от поездки. Однако встреча прошла почти гладко. Колиньи даже сопровождал Екатерину на мессу, пусть и подчеркнуто не снял головной убор и не поклонился Святым Дарам. Молодой король Карл быстро снова подпал под влияние Колиньи. Испанский посол описал, как Колиньи сказал королю не обсуждать свои нидерландские планы с матерью, потому что «такие вопросы не обсуждают с женщинами и служащими. Когда королева-мать узнала об этом, она поссорилась с вышеупомянутым адмиралом...».

Еще больше давления оказывалось на Жанну с тем, чтобы она тоже появилась при французском дворе. Одной из не прямых форм шантажа было напоминание о ее раннем браке с Клеве, который мог бы поставить под сомнение супружество с Антуаном Бурбонским и таким образом бросить тень на законнорожденность ее сына Генриха. Летом 1571 года предлогом для задержки послужили проблемы с физическим состоянием Жанны: «Я никогда не найду достаточных слов, чтобы отблагодарить вас за честь, которую вы мне оказываете, желая видеть меня, — писала она Карлу, — но, к моему великому сожалению, монсеньор, я вынуждена уступить острым требованиям своего здоровья». Если она не могла больше на разумных основаниях оставаться в Ла-Рошели, она могла и действительно отправилась лечиться водами на курорт О-Шод.

На бесконечные заверения Екатерины Медичи в ее безопасности, если она вверит себя французскому королевскому двору, Жанна д'Альбре раздраженно ответила из Ла-Рошели:

Я не в состоянии вообразить, почему вы находите необходимым говорить, что хотите видеть меня и моих детей, если не для того, чтобы причинить нам вред. Простите мне, что я смеюсь, читая эти письма, потому что вы успокаиваете страх, которого я никогда не испытывала. Я никогда не думала, что вы питаетесь младенцами, как говорят другие.

В конце концов, как рассказал ее биограф Борденав, Жанна больше не могла отказываться. «Именно лидеры ее же веры больше других

убеждали ее приехать». Она «покорилась их воле, чтобы они не винили ее неуступчивость в том, что не делаются многие хорошие вещи».

Жанна объявила, что явится ко двору на определенных условиях. Одним из них являлись переговоры непосредственно с Екатериной. Не было ли это неким вариантом «Дамского мира»?

Разумеется, условия выдвигались и другой стороной. Папа римский поклялся, что скорее лишится последней капли крови, чем дарует необходимое разрешение на брак до того, как жених вернется в лоно католической церкви. Однако папские послы объяснили ему, что большинство французов, даже католики, желают этого брака, «сравнивая его с союзом Кловиса и Клотильды» (короля франков и его жены, убедившей супруга принять христианство), а Екатерина Медичи с предостережением напомнила о примере Генриха VIII.

В январе 1572 года в карете размером с дом, внутри которой горела печь, без особой спешки Жанна д'Альбре неохотно выехала, чтобы присоединиться к французскому двору в Блуа. Флорентийский посланник Петруччи 14 февраля написал:

Сегодня королева-мать [Екатерина] отправилась в Шенонсо встречаться с королевой Наварры. Они обменялись объятиями и приветствиями... и королева Наварры сразу попросила что-нибудь поесть. Немедленно после трапезы две королевы одни удалились в комнату.

Оставленные Жанной письма к сыну искренни, а подчас трогательны. Она расположилась к своей потенциальной невестке: «Если она примет нашу веру, я скажу, что мы самые счастливые люди на свете». Тринадцатилетняя дочь Жанны Екатерина де Бурбон тоже внесла свою маленькую лепту: «Я видела Мадам [Марго] и нашла ее очень красивой... Она была добра ко мне, подарила маленькую собачку, которая мне очень нравится».

Изначальные попытки Жанны сохранять оптимизм скоро закончились. Она заподозрила, что Екатерина со своим сыном королем пытаются обвести ее вокруг пальца, и, вероятно, была права. Современник-гугенот пишет, что Карл IX одаривал Жанну своим

вниманием на публике, а потом наедине спрашивал мать, хорошо ли он справился со своей ролью: «Доверь это мне, и я доставлю их в твою ловушку».

Один ревностный католик советовал Екатерине, как разговаривать с Жанной — «как женщина с женщиной: выведи ее из себя, а сама оставайся невозмутимой». Петруччи описал один долгий и сложный раунд переговоров, на котором Екатерина предложила поручить урегулирование их разногласий представителям сторон, но Жанна возразила, что может положиться только на себя. «Нет ни малейшего прорыва в переговорах из-за упрямства Наварры... никаких реальных договоренностей невозможно достичь без согласования с ней».

8 марта Жанна отправила сыну длинное взволнованное письмо:

Я в агонии, так мучительно страдаю, что если бы не готовилась к этому, то, наверное, не справилась бы... Мне не дают говорить ни с королем, ни с Мадам [Марго], только с королевой-матерью, которая провоцирует меня [*me traite a la fourche*]... Она обращается со мной настолько постыдно, что, можно сказать, терпение, которое мне удастся сохранять, превосходит терпеливость самой Гризельды... Я зашла так далеко, только полагая, что мы с королевой проведем переговоры и сможем прийти к соглашению. Однако она лишь глумится надо мной.

Даже Марго оказалась не такой, как ее преподносили: «Она ответила, что, когда эти переговоры начинались, нам было прекрасно известно о ее приверженности своей вере. Я сказала ей, что те, кто делал нам первые предложения, представляли дело совсем иначе...»

Другое письмо, написанное Жанной три дня спустя одному из своих советников, звучит еще более встревоженно. «Заверяю вас, что часто вспоминаю ваше предостережение не давать волю гневу». Она боролась за то, чтобы не допускать своего сына ко двору, пока дело не будет окончательно решено, старалась убедить скептически настроенных французских придворных в том, что он так же предан реформатской вере, как она.

«Что касается красоты Мадам Маргариты [Марго], то я признаю, что у нее хорошая фигура, но слишком туго затянутая в корсет. На ее лице чрезмерно много косметики, что мне неприятно...» Порочность

французского двора была постоянной темой. Все осознавали возможность шпионажа и мошенничества. Жанна клялась, что в стенах ее апартаментов высверлены отверстия, чтобы за ней шпионить.

Жанна д'Альбре верила в поддержку англичан, заявляя, что королева Елизавета заключит соглашение с Францией только в том случае, если французская корона должным образом поведет себя в отношении брака Генриха Наваррского. Жанне было важно чувствовать за собой вес мнения зарубежных протестантов, но международное протестантство тоже нуждалось в этом альянсе.

Действуя в качестве посла Англии во Франции, Фрэнсис Уолсингем оказался в весьма особых отношениях с Жанной. 29 марта он писал Сесилу, что «с согласия королевы-матери Жанна послала за нами как протестантами и послами христианской государыни, которую она по разным причинам уважает, чтобы посоветоваться с нами... по поводу определенных сложных моментов».

Жанна хотела обсудить с единоверцами некоторые запутанные вопросы доктрины относительно брака католички с протестантом, а также то, как будущие супруги смогут оставаться в лоне отдельных вероисповеданий. Выбранные эксперты посоветовали ей твердо отстаивать несколько позиций, но дело бракосочетания продвигать: «От успеха наваррского брака зависит процесс во Фландрии», – писал Уолсингем.

Ближе к концу марта король Карл пошел на уступки. Поскольку Генрих Наваррский приедет на брачную церемонию в Париж, он пойдет на все остальные условия. Даже священники, к которым Жанна обратилась с вопросом, будет ли брак законным, если бракосочетание состоится не перед кальвинистской паствой, заявили, что «учитывая настоятельную необходимость дела» считают такую процедуру допустимой.

Жанна ободряюще писала Генриху, как ему следует себя вести при французском дворе:

Будь любезным, но говори смело, даже когда король будет отодвигать тебя в сторону, потому что впечатление, которое ты произведешь по приезде, сохранится... постарайся зачесать волосы повыше и следи, чтобы в них не было вшей.

«У твоей сестры очень беспокоящий кашель, из-за него ей приходится оставаться в постели, Она пьет ослиное молоко, и называет маленького ослика братом», – мило добавила Жанна.

4 апреля было принято официальное решение заключить брак. На следующий день Жанна д'Альбре написала королеве Елизавете:

Хочу, Мадам, не теряя времени, известить вас об этом событии, чтобы порадоваться вместе с вами... Прошу простить, Мадам, мне смелость, которую внушает ваша доброта, если я отважусь очень искренне пожелать, чтобы вскоре иметь возможность поздравить и вас с вашей свадьбой.

В брачном контракте, подписанном 11 апреля, не упоминался религиозный вопрос, а устанавливалось лишь наследование различных земель. Это решение основывалось на убеждении французов, что Генрих, если не сама Жанна, вскоре вернется к Римской церкви. Епископ Маконский посчитал это победой Екатерины:

Королева-мать выбрала наилучший способ... она поправила заносчивость королевы Наваррской, преодолела ее неуравновешенность и заставила принять условия... скоро мы увидим возвращение принца [Генриха] в лоно Святой церкви.

Обессиленная Жанна поехала отдохнуть в Вандом, но вскоре необходимость готовиться к грядущему бракосочетанию заставила ее вернуться в Париж. Анна д'Эсте писала своей матери Рене Феррарской: «Королева Наварры здесь, не слишком здорова, но полна мужества. Она надевает больше жемчуга, чем когда-либо». Сама Жанна в конце мая написала отсутствовавшей Екатерине: «Я видела фонтаны в вашем Тюильри, когда де Рец приглашал меня на неофициальный ужин. Заметила много разного для нашей свадьбы в этом городе во время прогулок с ним. Я в добром здравии ожидаю вашего приезда». Последнее замечание было неправдой.

Жанна д'Альбре с детства имела слабое здоровье, и теперь оно ухудшалось; проблемы с легкими, от которых она страдала, несомненно, являлись симптомом туберкулеза. 4 июня, возвращаясь из поездки по магазинам, она почувствовала слабость и жар. Жанна легла в постель, а через два дня переписала свое завещание. Екатерина

Медичи, Марго и даже герцог Анжуйский приходили навестить ее, но она, казалось, покорила судьбе; в конце концов, она считала свою жизнь *fort ennuyeuse* (невыносимой).

Протестантские хронисты дают пространные идеализирующие описания ее предсмертных героических дней: «Когда боль усилилась, она не потеряла мужества, показывая поразительную непоколебимость в своем последнем сражении и спокойно готовясь к кончине». Как Екатерина Арагонская, пусть и на другой стороне религиозного раскола, она наставляла дочь «быть стойкой и верной на службе Господу, несмотря на свои юные годы», и Екатерина де Бурбон (как до нее Мария Тюдор) следовала этому завету самым преданным образом.

Свои последние дни Жанна провела, слушая толкования Священного Писания, читая псалом 31 и Евангелие от Иоанна. Окружавшие ее кальвинистские священнослужители с восторгом и облегчением отметили, что она перестала интересоваться суетными приготовлениями к свадьбе, которые полностью занимали ее раньше. «О, мой Спаситель, скорее освободи мою душу от невзгод земной жизни... – молилась Жанна, – и от тюрьмы этого страдающего тела, чтобы я не могла больше обижать Тебя и с радостью перешла к обещанному Тобой вечному покою, которого страстно жаждет моя душа... Наставь моего сына, что последнее желание моего сердца состоит в том, чтобы он оставался преданным вере, в которой его воспитали».

9 июня 1572 года Жанна скончалась. Разговоры, что Екатерина Медичи отравила ее при помощи пары надушенных перчаток, впервые пошли в 1574 году в ходе злобной атаки на Екатерину, но были реакцией скорее на события, которые произойдут после смерти Жанны. Об этих слухах не упоминает ни один реальный современник, тогда не говорилось даже о том, что состояние здоровья Жанны не давало оснований для естественной смерти. Однако совершенно верно, что кончина Жанны, как писал венецианский посол Кавалли, «вызвана крупнейшим возможным препятствием в деле гугенотов».

Папский посол благодарил Бога за смерть «столь важного врага Его Святой церкви», а испанский посланник получил из дома известия, что «весь Мадрид ликует, что дьявол наконец забрал ее!». Однако, наверное, Жанне д'Альбре повезло, что она не застала событий

следующих трех месяцев.

Екатерина Медичи прилагала активные усилия к тому, чтобы вывести своего сына Карла IX из-под влияния адмирала де Колиньи, который, как она опасалась, может вовлечь страну в вооруженное противостояние с Испанией. Королева-мать заявила, что уедет с герцогом Анжуйским в свои отдаленные имения или даже, как говорили, обратно во Флоренцию. Карл отступил (по воспоминаниям одного наблюдателя, он больше боялся матери и брата, чем гугенотов). Устраивая сцены «с оскорблениями и мягкими упреками вперемешку», он умолял свою мать не оставлять общественной жизни. На экстренном заседании Королевского совета 10 августа все единогласно проголосовали за мир. Однако, когда адмирал Колиньи предупредил, что Екатерина может пожалеть о содеянном, его слова, должно быть, звучали как угроза.

Екатерина с герцогом Анжуйским решили, что адмирал слишком вреден и влиятелен, и его следует убрать с дороги, или так заявил в своих «Воспоминаниях» (изданных его сыном 20 лет спустя) фанатичный католик маршал де Таванн, один из советников Екатерины. Он, однако, добавил, что «об этом замысле не сообщали королю». Тем не менее обычно практичной Екатерине нужно было сначала закончить с бракосочетанием и связанными с ним празднествами.

После похорон матери в Вандоме Генрих Наваррский приехал в Париж. Вероятно, вспоминая свою юность при французском дворе, он, казалось, прекрасно ладил с Карлом, пока они пережидали летнюю жару в городе, все больше наполнявшемся гостями на свадьбу, гонимыми засухой и голодом крестьянами близлежащих деревень, а также гугенотами.

Вернувшись из поездки к дочери Клод Екатерина Медичи обнаружила, что изливающие с кафедр гнев католические проповедники возбуждают ненависть протестантских гостей. Она также узнала, что испанский посол яростно вопрошает, почему 3000 гугенотских солдат заняли позиции у границы Нидерландов. Екатерине стало как никогда очевидно, что Колиньи требуется нейтрализовать.

Однако на первом месте был династический брак. 16 августа состоялась брачная церемония в Лувре, а два дня спустя – фактическая свадьба. Как было согласовано с Жанной д'Альбре, Генрих Наваррский не присутствовал на католическом венчании; его представлял брат невесты герцог Анжуйский. Предстояло преодолеть еще одно препятствие – получить согласие невесты.

В апреле Екатерина Медичи спрашивала официального согласия дочери. Позже Марго написала в своих мемуарах, что тогда «я не имела ни своей воли, ни выбора, существовала только воля матери». Однако она просила Екатерину помнить, что сильная католическая вера заставляет ее не желать супружества с еретиком. Кроме того, как многие другие королевские невесты – Маргарита Тюдор или Екатерина Арагонская, – она, должно быть, оправданно и пророчески опасалась союза, который в случае неблагоприятного развития событий поставит ее в конфликте на противоположную сторону от своей семьи.

Одетая в синее со «всеми драгоценностями французской короны» Марго искала убежища в пассивном сопротивлении – автоматически встала на колени рядом с Генрихом, но не отвечала, когда кардинал спросил ее, берет ли она Генриха в мужья. В конце концов Карл IX шагнул вперед и нагнул ее голову вниз, как будто она кивком головы выказывает согласие. (Впоследствии она использует отсутствие согласия в качестве основания для аннулирования брака; примерно так, как сложилось с браком Жанны д'Альбре и Клеве около 30 лет назад.) Планировалось четыре дня празднеств с королевским костюмированным балом. Главной частью бала-маскарада был *pantomime tournoi* (турнир-пантомима), в котором Карл с братьями сначала отправлял Генриха Наваррского и его товарищей в преисподнюю, а потом снова оттуда вызволял.

К 22 августа торжества завершились. В то утро возобновилась работа, и когда адмирал Колиньи возвращался к себе после заседания совета, у него развязалась лента на туфле, и он нагнулся, чтобы ее поправить. Как раз в этот момент прозвучал выстрел. Пуля, выпущенная, чтобы убить его, задела руку и почти оторвала один палец.

Екатерина Медичи сидела с герцогом Анжуйским за обеденным столом, когда ей сообщили об этом деле. Даже наблюдательный испанский посол не смог понять по ее невозмутимому лицу, что не

само покушение, а его провал сулил ей беду. Карл IX получил известие, когда играл в теннис; перед лицом своего нового зятя Генриха Наваррского и других ведущих гугенотов он пообещал провести полное расследование и запретил гражданам братья за оружие.

Когда Карл отправился навестить Колиньи, Екатерина и Анжуйский присоединились к нему, но адмирал дал понять, что будет говорить только наедине с королем. Как говорил герцог Анжуйский впоследствии, «королева моя мать из этого сделала вывод, что еще никогда не была в более критическом положении». Они не смогли выяснить, что сказал Колиньи, но на обратном пути в Лувр стало ясно, что Карл сильно на них рассержен.

Неудивительно, что герцог Анжуйский, придя к матери рано утром следующего дня, обнаружил, что она не спала всю ночь. Они решительно настроились, как он сам говорил позже, «покончить с адмиралом любыми доступными средствами. А поскольку мы больше не могли использовать уловки, нужно было сделать это открыто, но для этой цели требовалось привести короля к нашему решению».

На улицах выступали против короля и Екатерины Медичи; не из-за подозрений в убийстве, а за то, что они позволили окружить себя гугенотами. Гугеноты уже вооружились, намереваясь сразу после бракосочетания отправиться на войну в Нидерландах. Многие католики теперь решили, что им тоже нужно быть готовыми.

Мнения, в то время и теперь, широко расходятся по поводу того, кто был виноват в неудавшейся попытке убийства Колиньи. Венецианский посол писал: «Все полагали, что это было сделано по приказу герцога де Гиза в качестве мести за свою семью, потому что окно, из которого стреляли, находилось в доме его матери». Однако впоследствии он изменил свое мнение, узнав из различных бесед, что «все дело с начала до конца было работой королевы. Она задумала покушение, разработала план и воплотила его с помощью не кого-то другого, а собственного сына герцога Анжуйского».

Дочь Екатерины Марго, похоже, придерживалась такого же мнения: сначала обвиняли Гизов, но потом Карлу показали, что его брат и мать «внесли свою лепту в покушение». Екатерина Медичи и ее сыновья (а также Королевский совет) по меньшей мере поддержали идею убийства Колиньи, когда ее внесли, но остается неясным, являлось

семейство Гизов для них злым гением или козлом отпущения. Обладала ли Екатерина способностями Макиавелли в достаточной степени, чтобы осознавать, что если Гизы понесут всю вину за эти события, то она избавится не только от гугенотско-бурбонской угрозы, но также от другого великого аристократического Дома, который угрожал ее положению в качестве неофициальной правящей силы?

Вечером 23 августа Екатерина отправила одного из своих сторонников к королю, чтобы рассказать ему не только о том, что его мать и брат знали о готовящемся покушении на жизнь Колиньи, но и что теперь вся королевская семья находится в опасности. Карлу сказали также, что гугеноты планируют нападение этой же ночью.

Екатерина вступила в бой, снова и снова убеждая, что гугеноты не несут ничего, кроме проблем. Хотя поначалу Карл отказывался верить им, но в конце концов слабохарактерного молодого короля переубедили. «Тогда убейте их всех», – как говорят, закричал он. «Всех», то есть ведущих гугенотов из составленного Екатериной списка, который он теперь одобрил, а не всех гугенотов в Париже или, тем более, во Франции.

В 3 часа утра колокол Дворца правосудия должен был издать сигнал к началу нападения. К этому времени ополченцы были подняты по тревоге, все выходы из города закрыты, и сцепленные баржи перекрывали Сену. Герцог де Гиз лично руководил отрядом, который отправился к дому Колиньи, забил адмирала до смерти и выбросил его тело из окна.

С самого начала не вызывало сомнений, что никто не был достаточно знатен, чтобы избежать насилия. Новобрачная Марго находилась в покоях своей матери вместе с сестрой Клод, недавно приехавшей в Париж на бракосочетание, когда стало очевидно, что происходят какие-то приготовления. Однако «мне никто об этом ничего не говорил», написала она в своих «Воспоминаниях». «Гугеноты подозревали меня, потому что я католичка, а католики – потому что я вышла замуж за короля Наварры»:

...я была в *coucher* (спальных покоях) королевы-матери, болтая с моей сестрой герцогиней Лотарингии [Клод]. Она очень огорчилась, когда мать заметила меня и отправила спать... Сестра сказала, что несправедливо посылать меня, как будто

жертвенного агнца: если они [гугеноты] узнают что-либо, то явно направят свою месть на меня. Моя мать ответила, что, даст Бог, со мной не случится ничего плохого, но в любом случае мне нужно пойти, чтобы не возбуждать их подозрений... Я покинула комнату, сбитая с толку и оцепенелая, не зная, чего на самом деле боюсь.

В помещениях, где располагалась протестантская королевская свита, ее молодой супруг Генрих Наваррский отправил Марго в постель. Проснувшись от того, что кто-то колотил в дверь и звал ее мужа, она увидела раненого незнакомца, одного из камердинеров Генриха. Его преследовали четыре стрелка.

Чтобы спастись, он бросился на мою кровать и схватился за меня, а я кинулась в коридор, он за мной, не ослабляя хватки. Я не знала, кто он, намеревается ли он надругаться надо мной, или это его или меня преследуют стрелки. Мы оба кричали, одинаково напуганные.

Капитан гвардии прибыл как раз вовремя, чтобы удовлетворить просьбу Марго не убивать молодого человека, и сопровождал ее в комнаты Клод, куда она «пришла больше мертвой, чем живой». Она приказала перевязать дворянину раны и сменила свою окровавленную сорочку.

Если знатность не спасала от насилия, то и бедность не служила защитой. Гугенотов, которых легко узнавали по их черным с белым одеждам, жестоко убивали. Насилие против женщин многократно описано в ужасающих историях: о беременных женщинах со вспоротыми животами, о брошенных в Сену корзины с младенцами^[79]. Протестантские, и предположительно пристрастные, источники рассказывали о женщине, которая выпрыгнула из окна, чтобы избежать захвата, и при падении сломала обе ноги. Ее тащили по улицам за волосы, отрубив кисти рук ради золотых браслетов. Другую женщину в родах ударили в живот и выбросили на улицу, где она умерла с торчащей из тела головой ребенка. Убийцы после этого разграбили ее дом.

Даже герцог де Гиз был настолько потрясен масштабом убийств (а также тем фактом, что Екатерина возлагала вину на него одного), что защищал гугенотов на улицах и открыл свой дом, чтобы дать им убежище. Испанский посол наблюдал появление груды тел:

Пока я пишу, они вышвыривают их раздетыми и тащат по улицам, грабят дома и не щадят даже младенцев. Благослови, Господь, того, кто обратил французских государей на Божье дело. Да вдохновит Господь их сердца продолжить то, что они начали!

Священнослужители поощряли кровопролитие, но из 3000–4000 людей, убитых в столице, не все были гугенотами. Немало народа погибло скорее в результате чьей-то личной мести, чем из-за их религиозных убеждений, потому что разгул кровопускания набрал ужасающую динамику.

Важные жертвы из списка, составленного Екатериной Медичи и Карлом IX, были убиты в основном в первые два часа кровопролития. Однако, когда пламя разгорелось, унять его стало невозможно. Этого королевская партия не предусмотрела. Днем Карл отдал приказ прекратить убийства, но его совершенно проигнорировали.

Прошло еще четыре дня, прежде чем Париж успокоился; к тому времени, несмотря на новые приказы короля, насилие распространилось на провинции. Только в октябре эта буря покинула Южную Францию, и по всей стране (хотя оценки сильно разнятся) погибло до 30 000 человек. Королевская семья укрывалась в Лувре, пока продолжалось кровопролитие. Позже (согласно двум источникам) Екатерина восстановилась достаточно, чтобы, когда ей преподнесли голову, отсеченную от обезображенного и кастрированного тела адмирала де Колиньи, она забальзамировала ее и отправила в качестве подарка римскому папе.

С этого момента пути назад быть не могло. «Вы должны ясно понимать, что невозможно вполне разумно править при помощи лишь доброты и скромности», – говорила Анна де Божё три четверти века назад. Этот взрыв насилия разорвал Европу на части, и сделал разрыв совершенно очевидным.

Французский посол в Испании докладывал, что Филипп в буквальном смысле плясал от радости, получив известия о событиях во Франции. Он, конечно, написал поздравления Екатерине Медичи с «таким славным исходом», согласившись с послом Франции, что «обязан своими Нидерландами» поступку французов. Испанский генерал Альба действовал в Нидерландах все более жестко. В октябре того года он позволил своим солдатам разграбить и вырезать город Мехелен, где когда-то в роскоши жила Маргарита Австрийская. Римский папа приказал ежедневно петь *Te Deum* (благодарственный молебен), пока ему не сообщили, что кровопролитие заранее не планировалось, и первая попытка покушения была скорее политической, чем изначально религиозной историей.

Королева Англии, напротив, была шокирована. Как написала Елизавета Уолсингему, убийство предполагаемых гугенотских заговорщиков «без судебного разбирательства» само по себе недостойно:

Мы слышали, что это было сделано с поразительной злобой как ужасное и опасное предупреждение... Но когда добавилось большее – что одновременно убивали и бросали в реку женщин, детей, девушек и грудных младенцев... наше горе и скорбь неимоверно усилились.

Когда Елизавета в конце концов согласилась принять французского посла Фенелона, ни один придворный не хотел ни говорить с ним, ни смотреть на него, пока он шел в приемный зал. Там, как говорят, он обнаружил английскую королеву, ее фрейлин и членов Тайного совета – всех одетыми в траурные черные одежды. Слова королевы Фенелону были мягкими в сравнении с оценками советников. Сесил сказал ему, что совершено величайшее преступление со времен распятия Христа. Никто на английской стороне теперь не мог и думать о свадьбе с членами французской королевской семьи. Если король Франции был «автором и исполнителем этого Деяния, бесчестье и крах найдут его», – писал Лестер Уолсингему. То же самое, естественно, будет справедливо и в отношении его матери.

Другой брак, ставший искрой для ужасного злодеяния, был подтвержден. Генриха Наваррского (и его кузена Конде) забрали из

апартаментов, где так грубо нагрянули к Марго, и доставили к королю, который гарантировал им полную безопасность. Марго заявила, что мать спрашивала ее, конsumирован ли их брак, и если нет, то его можно аннулировать. Марго, боясь за жизнь Генриха, отказалась последовать прозрачному намеку, и сказала, что все произошло. Однако оба протестантских принца должны были официально вернуться в католическую церковь. Екатерина, наверное от чрезмерного перенапряжения, разразилась неприличным смехом, когда они осеяли себя крестным знаменем перед алтарем. Более того, Генриху пришлось вернуть в католичество Беарн. Жанна д'Альбре умерла окончательно.

Однако Екатерина Медичи тоже понесла потери – репутационные. Вскоре она осознала, какую огромную часть вины за это кровопролитие ей придется взять на себя. Одни памфлеты против Екатерины критиковали женское правление вместе с другими ее предполагаемыми беззакониями; другие – напоминали о ее флорентийских корнях и вспоминали, что Макиавелли посвятил свой труд «Государь» ее отцу^[80].

Посол Екатерины в Венеции докладывал, что убийство не только лидеров гугенотов, «но и такого огромного количества бедных невинных людей» означает, что венецианцы (хоть и сами католики) тем не менее «не принимают никаких оправданий, приписывая все, что было совершено, только вам и монсеньору Анжуйскому».

Кроме того, Екатерина потеряла шанс на мир во Франции. Гугеноты, считая, что заключение брака было ловушкой, теперь стояли перед суровым выбором, как сказала Елизавета Английская, «бежать или погибнуть». Находившиеся в Ла-Рошели уповали на защиту Елизаветы, теперь их «настоящей государыни на веки вечные». Когда королевские войска начали длительную жестокую осаду города, женщины Ла-Рошели поднялись на городские стены, чтобы бросать в них камни.

Некоторое время помощь Елизаветы протестантам на континенте оставалась частичной и нерешительной. Только в 1585 году ее наконец убедили отправить армию на поддержку протестантов в Нидерландах. Елизавета даже, хотя и не без пространных комментариев по поводу странности просьбы, согласилась стать крестной матерью дочери Карла IX, родившейся осенью того года. Она посчитала это

политическим делом, теперь, похоже, поверив уверениям французов, что король просто действовал против заговора гугенотов, а то, что последовало потом, было лишь трагической случайностью. Однако разговоры о ее возможном браке с младшим сыном Екатерины герцогом Алансонским были сняты с повестки дня, во всяком случае на ближайшее будущее.

Как у ее врага и союзника Екатерины Медичи, характер Елизаветы Тюдор (а до нее Марии Тюдор) сформировался на страхе. Это было одной из причин, почему они с Марией Стюарт, возвращенной как любимица всего французского двора, никогда не будут настоящими сестрами.

Другая королева тоже понесла потери. Одним из негативных последствий Варфоломеевской ночи, очевидно, стало возникшее единодушное согласие министров Елизаветы в отношении опасности, которую представляла собой Мария Стюарт. В марте 1571 года шпион Марии епископ Росс писал, что жизнь шотландской королевы находится в большой опасности, потому что Сесил и другие вельможи настаивают на ее казни.

Советники Елизаветы практически сходились во мнении, что Марию (как недавнее католическое знамя внутреннего восстания) следует исключить из наследников английского престола, если не реально убить. Пройдет еще 15 лет, прежде чем борьба между Елизаветой Тюдор и Марией Стюарт достигнет своей кульминации, однако итог схватки стал совершенно очевиден.

Часть VII

1572 г. и далее

И никакие подарки судьбы не бывают вечными или продолжительными; сегодня ты видишь людей, высоко вознесенных судьбой, а через два дня они уже жестоко повержены.

*Анна Французская (Анна де Божё)
«Наставления дочери»
(опубликовано в 1517–1521 гг.)*

Поворотный момент

Англия, Франция, 1572–1587 гг.

Первая половина 1570-х годов была поворотным моментом в истории женского правления в Европе. Вопрос о замужестве королевы Елизаветы потерял остроту, случился лишь один последний всплеск всеобщего интереса, прежде чем его окончательно сняли с повестки дня. «Королевские удовольствия», театрализованное представление, организованное при посещении Елизаветой в 1575 году дома Лестера Кенилворт, ознаменовали заключительный аккорд его долгих ухаживаний, а также стали попыткой Лестера добиться разрешения помочь окруженным протестантам Нидерландов. Елизавете Тюдор пошел пятый десяток, по стандартам того времени она была уже стара для рождения детей. Ее советники, должно быть, примирились с непоколебимым решением Елизаветы не выходить замуж.

Однако появление наследника престола, при всей важности вопроса, не являлось единственной задачей брака королевы. Подъем активности католиков на континенте заставлял Англию искать союзников. В середине 1570-х годов началось активное проникновение католиков в саму Англию, а Филипп Испанский внимательно следил за возможностями в католической Ирландии. К тому же давно существовала идея брачного союза с сыном Екатерины Медичи.

Некоторое время после резни Варфоломеевской ночи и гибели собственной репутации Екатерина занималась выборами своего любимого сына Генриха, герцога Анжуйского, на освободившийся трон Польши (несколько напоминает Луизу Савойскую и выборы императора Священной Римской империи), который он бы покинул, когда освободится французский престол. Ее умирающий сын Карл IX, все больше теряя силы, упрекал Екатерину: «Мадам, вы – причина всего! Всего!» Тем не менее, находясь на смертном одре, он приказал составить новый документ, обеспечивающий регентство своей матери, пока Генрих не вернется из Польши. Карл скончался 30 мая 1574 года,

держась за руку матери. Как впоследствии сказала Екатерина Медичи, «после Господа он признавал только меня».

Восшествие на престол Франции ее обожаемого Генриха стало для Екатерины одновременно и успехом, и проблемой. Она писала, что если потеряет его тоже, то «будет заживо погребена», и что его возвращение «принесет мне радость и счастье от удовлетворения», а он называл себя «ее любящим слугой». Секретарь английского посла в первые дни правления нового короля писал, что власть Екатерины «как всегда обширна». Однако не все были согласны с таким положением вещей. Когда после затянувшегося путешествия домой Генрих в итоге появился во Франции, Екатерина обнаружила, что мысли молодого человека не всегда соответствуют ее идеям. Она посоветовала, что в своей новой роли Генриха III он должен показать, кто здесь главный: тут же положили конец практике, когда государственные документы подавали сначала королеве-матери, хотя мать и сын по-прежнему давали совместные аудиенции, и наблюдатели, как раньше, имели основания говорить, что Екатерина «очень много руководит».

Религиозные противоречия и не думали затихать. Как младший брат Генриха III Франциск, герцог Алансонский играл в сближение с гугенотами. Генриху Наваррскому удалось уехать от французского двора. Он вернулся в собственные земли на юго-востоке и там отрекся от католической веры, в которую его вынудили обратиться после Варфоломеевской ночи. В нескольких южных провинциях Франции гугеноты фактически имели автономию. После подписания хрупкого мира именно Екатерине Медичи пришлось доставлять королевское послание на практически вражескую территорию. В ней по-прежнему нуждались, хотя вследствие расхождения взглядов отношения в семье стали очень напряженными^[81].

Вступление Генриха на престол надолго рассорило с семьей его брата Франциска, заставив продолжительно обдумывать идею своего брака как способа укрепить собственное положение. Он был недоволен как никогда^[82]. В 1578 году Франциск присоединился к мятежникам в Нидерландах, приняв от протестантов титул «Защитник свобод Нидерландов от испанской тирании».

Елизавета Английская потратила массу энергии, чтобы наладить отношения между голландскими протестантами и тем самым испанским тираном, а ее первым порывом было отправить слова

солидарности королю Филиппу. Право монарха всегда значило для нее больше, чем узы вероисповедания. Однако в конечном счете для англичан было важно сохранять хорошие отношения со всеми, кому принадлежали порты по другую сторону моря. Алансону же требовалось получить английских солдат и деньги. Кроме того, в любой игре с альянсами брак всегда оставался наилучшим из возможных сценариев.

Однако это последнее действие в брачной игре английской королевы было не полностью политическим, по крайней мере со стороны Елизаветы Тюдор. В 1579 году в Англию сначала прибыл личный представитель герцога Алансонского Жан де Симье, а затем и сам Алансон. Горячие ухаживания исполнялись всеми со своего рода радостной фантазией. Екатерина Медичи говорила о своем приезде в Англию, чтобы довести дело до конца, но этой встрече тоже не суждено было состояться. Продолжавшаяся несколько лет игра «да-нет» достигла наивысшей точки, когда Елизавета публично объявила Алансону, что выйдет за него, но уже на следующий день английская королева опять передумала.

Весной 1582 года Алансон наконец снова отправился в Нидерланды, с изрядной суммой английских денег. После смерти герцога в 1584 году Елизавета написала Екатерине Медичи, что даже ее скорбь как матери не может превзойти горя Елизаветы: «Мадам, если бы вы могли посмотреть на изображение моего сердца, то увидели бы портрет тела без души». Тем не менее в начале 1580-х годов королева Елизавета уже вновь позиционировала себя как вечная девственница. Ее все чаще будут изображать Дианой, целомудренной охотницей.

Оставшиеся правительницы продолжают до некоторой степени осознавать принадлежность к женскому роду как потенциальное ограничение. В 1578 году говорили, что Екатерина Медичи превозносила Елизавету Тюдор за христианскую любовь к миру: «Она тоже женщина и, согласно своему полу, ничего не желает больше, чем всеобщего спокойствия». В контактах с Елизаветой Тюдор Екатерина часто вела себя как родительница, пиущая ребенка, ровно так же, как поступала Елизавета в своих письмах к Марии Стюарт. В июне 1572 года Екатерина сказала Елизавете: «Я люблю вас, как мать любит свою дочь», и ее материнский тон снова возник в свете вероятного брака с герцогом Алансоном, почти сразу после Варфоломеевской ночи.

Кроме того, Екатерина финансировала публикацию 1570-х годов «Рассуждение о наследственном праве женщин» (*Discourse on the legitimate succession of women*), защиту женской верховной власти, изданную во Франции Скотом Дэвидом Чемберсом. Брантом впоследствии напишет о личной беседе с Екатериной Медичи, в которой она осуждала Салический закон и высказывала пожелание, чтобы ее дочь Марго могла наследовать королевство «по ее полному праву, как другие королевства тоже переходят в женские руки», поскольку Марго «так же способна править и даже больше, чем многие известные мне мужчины и короли». Сестринские отношения были идеалом и для Марии Стюарт, королевы Шотландии. Однако уже давным-давно они перестали быть характерными для отношений Елизаветы и Марии^[83].

Гарде

Фотерингей, 1587 г.

Любой, кто хоть раз стоял рядом с шахматной доской, знает, что, если вам удастся создать угрозу королю противника, вы делаете рыцарское предупреждение: «Шах». В последние годы XX столетия на уроках игры в шахматы меня научили сохранившейся части еще более старинной традиции: если игрок оказывается в позиции, когда его следующий шаг позволит взять королеву противника, тогда тоже нужно объявить: «Гарде». «Гарде» означает, что противник находится в угрожаемой позиции. Можно сказать, в позиции – забирай кто хочет.

В определенном смысле Мария Стюарт, конечно, находилась в угрожаемой позиции с того момента, как отдала себя в руки Елизаветы Тюдор. Однако опасность будет состоять в том, что ее действия – сам факт ее существования – заставлял и Елизавету чувствовать такую же уязвимость.

Заговоры Марии никогда не прекращались. Когда 1570-е сменились 1580-ми годами, после свержения и казни в Шотландии последнего из ее врагов, графа Мортон, Мария Стюарт надеялась, что скоро сможет вернуться в страну, возможно, править совместно со своим сыном Яковом VI, возможно, даже с согласия Елизаветы. Однако пока ничего из этого не происходило, она (или те, кто ее поддерживал) никогда не переставала внимательно следить за другим престолом – английским. И скоро уже никто не будет делать различий между самой Марией Стюарт и теми, кто считал, что действует в ее интересах.

В 1584 году после убийства Вильгельма Оранского в Нидерландах, после нескольких католических заговоров против Елизаветы появилась Клятва Ассоциации. Подписавшиеся клялись не только защищать королеву Елизавету, но и убить каждого, кто попытается навредить ей, а также любого, «ради кого» будет совершена такая попытка. По иронии судьбы подписать клятву предлагали даже самой Марии.

В документе, принятом парламентом следующей весной, изменили некоторые наиболее драконовские элементы Клятвы, потребовав, по

крайней мере, суда над обвиняемыми. Однако в том же месяце Яков VI Шотландский известил свою мать Марию Стюарт, что, учитывая ее пребывание в плену, ему остается только одна возможность – «отказаться от объединения себя с ней в качестве верховной власти Шотландии и рассматривать ее единственно как королеву-мать». Елизавету, напротив, посол Якова заверил, что король привязан к ней «будто побочный сын». В переписке они продолжали использовать риторику матери и ребенка, к тому же Елизавета приходилась Якову крестной матерью, а в XVI веке это было важным обязательством.

Мария восприняла известие очень остро. «Прошу тебя обратить внимание, что я твоя настоящая и единственная королева, – написала она сыну. – Больше не оскорбляй меня титулом королевы-матери... в Шотландии нет ни короля, ни королевы, кроме меня». Елизавете она заявила: «Без него я остаюсь и останусь по праву до конца своей жизни королевой и правителем... а вот он без меня слишком незначителен, чтобы думать о возвышении». Ее проигнорировали, и, когда годом позже Яков VI подписывал свой договор с Англией, она не стала даже пешкой, которой желала бы сыграть та или другая сторона.

Если жизнь Марии Стюарт потеряла ценность для других, то теперь и для нее самой она имела ценность лишь относительную. У Марии исчезли причины отказываться от участия в следующем заговоре. О задуманном молодым пламенным католиком Энтони Бабингтоном плане освобождения Марии хорошо знал начальник разведки Елизаветы Уолсингем, и марионетка оказалась под рукой. Это дело, как он написал Лестеру, если им «хорошо управлять, сломает шею всем опасным интригам». И интриганам.

Нет никаких сомнений, что Мария Стюарт была виновна, тем не менее, когда в августе 1586 года ей предъявили обвинение, она все равно заявила, что всегда проявляла себя как «настоящая сестра и друг» Елизаветы Тюдор. В октябре состоялся суд в замке Фотерингей, где содержали Марию. Она сначала заявила протест, что заседатели не имеют права судить ее, поскольку она миропомазанная королева, затем продолжила неубедительно настаивать на своей невинности: «Я никогда бы не погубила свою душу, замышляя убить мою дорогую сестру».

Крокодиловы слезы? Однако все равно казалось, будто она действительно почти в это верила. Неудивительно, что сама Елизавета

пришла в замешательство. Стражнику Марии она с яростью сказала, чтобы он «дал понять своей грешной госпоже, что, к большому сожалению, ее ужасные поступки вынудили отдать эти приказы, и от моего имени предложить ей молить Бога о прощении». При этом Елизавета также клялась:

Если бы это дело касалось только ее и меня, если бы Богу было угодно сотворить нас обеих молочницами с ведрами в руках, то тогда все осталось бы между нами; я знаю, что она действительно стремилась и будет стремиться уничтожить меня, но я все равно не могу согласиться на ее смерть.

Приговор «виновна» публично объявили 4 декабря. В прокламации королевы Елизаветы говорилось, что «в душе нам очень больно думать или представить себе, что такой противоестественный и чудовищный замысел против меня она могла или породить, или санкционировать, будучи урожденной принцессой нашего пола и крови». Однако Елизавете еще требовалось подписать приказ о приведении в исполнение вынесенного приговора – приказ о смертной казни.

В декабре Тайный совет был вынужден вручить Елизавете собственноручное письмо Марии с мольбой к кухне «оказать любезность своей ровне» – письмо, в котором перечислялись просьбы относительно судьбы ее слуг и захоронения ее тела, предназначенные, чтобы донести до сознания всю чудовищность предстоящей казни.

«Не обвиняйте меня в наглости, – писала Мария, – если, накануне ухода из этого мира и готовясь к лучшей жизни, я напоминаю вам, что однажды вам придется ответить за ваш приказ... и что моя кровь и страдания моей страны не забыты». Она подписалась: «Ваша сестра и кухня, неправомерно арестованная, *Marie, Roynе*».

Несколько лет назад она показала Елизавете готовность пролить свою кровь. Мария сказала испанскому послу Мендосе: она надеется, что Господь примет ее смерть как предложение, «сделанное мною по доброй воле, ради Его церкви». Однако такая готовность не означала, что она позволит Елизавете забыть хотя бы ничтожную часть всей омерзительности своего поступка.

Лестер писал Уолсингему: «Есть письмо от шотландской королевы, которое выдавливают слезы, но я надеюсь, никакого другого эффекта

не будет: хотя затягивание дела слишком опасно». Елизавета хранила молчание, пока год подходил к концу, но антиквар Уильям Кэмден сообщал, что можно было слышать, как она шептала: «Бей, или будешь бита, бей, или будешь бита». Ее родственник лорд Говард Эффингем наконец убедил ее прекратить мучительную проволочку. Она подписала приказ о смертной казни Марии, передав его со словами, достаточно неопределенными, чтобы впоследствии иметь возможность заявлять, что она никогда не имела в виду приводить приговор в исполнение. Однако ее советники, во главе с Сесилом, согласились принять на себя ответственность за исполнение приказа.

Макиавелли писал своему государю, что преступление, при необходимости, следует поручать другим. В этом отношении, да и в других, Елизавета, похоже, усвоила его уроки, как и советы Анны де Божё. Девизом Елизаветы было «Вижу, но храню молчание» (*Video et taceo*). Как писала Анна де Божё: «Ты должна иметь глаза, чтобы все замечать, однако ничего не говорить; иметь уши, чтобы все слышать, тем не менее ничего не знать; иметь язык, чтобы всем отвечать, но не произносить ничего, наносящего вред другим». Менее всего — наносящего вред твоей верховной власти.

7 февраля Марии Стюарт объявили, что следующим утром ее казнят. Она написала, что умрет как благонравная шотландка и настоящая француженка (такая удивительная двойная роль), но в первую очередь как истинная католичка. Ее правление на земле принесло несчастье, искупить которое (в традиционной модели роли королевы в качестве супруги) могли лишь вероятные успехи ее сына Якова. Однако она нашла себе роль мученицы на небесах.

Картина казни Марии Стюарт хорошо известна, со всем ее ужасом и пафосом. В посланном Сесилу докладе описано, как палачи помогали ее слугам снимать с нее украшения и верхние одежды и как она сама помогала им сделать все быстрее, «как будто стремилась к смерти». Она просила Елизавету разрешить ее слугам быть с ней рядом до конца, «в соответствии с честью и титулом, который мы обе носим, и нашим общим полом». Короче, лорды, сопровождавшие Марию на казнь, пытались запретить ее фрейлинам проводить королеву, но ее яростный протест победил.

Все время, пока они снимали ее одежды, она ни разу не потеряла присутствия духа, но с одобрительной улыбкой сказала, «что никогда не имела таких слуг для раздевания и никогда не раздевалась перед таким обществом»... нащупывая плаху, она наклоняла голову, пока не коснулась ее щекой и обеими руками, которые тоже оказались бы отрубленными, если бы их не заметили... Затем она очень спокойно лежала на плахе, один из палачей слегка придерживал ее рукой, и вынесла два удара топором другого палача, не издав почти ни звука и не сдвинув ни единой части тела с того места, где лежала: наконец палач отрубил ее голову (при этом маленький хрящик отлетел в сторону), поднял голову на обозрение всех присутствующих и выкрикнул: «Боже, храни королеву».

Губы Марии, как написали Сесилу, «шевелились еще четверть часа» после смерти королевы.

Теперь она была мертва, и континентальные европейские державы могли без опасений превозносить ее как католическую героиню. Екатерина Медичи сказала своему послу: «Я в высшей степени огорчена, что вы не смогли сделать большего для бедной королевы Шотландии. Прежде никогда не случалось, чтобы одна королева имела право судить другую, которая отдалась в ее руки ради собственной безопасности». (Намек на Жанну д'Альбре?) Филипп Испанский написал посланнику Мендосе: «Вы не можете себе представить, как мне жаль шотландскую королеву». Однако факт состоял в том, что теперь он мог продолжить подготовку к своему великому предприятию против Англии и строить свою армаду, не задаваясь вопросом, действительно ли он желает посадить на английский престол королеву, всей душой преданную Франции.

Когда ранним утром следующего дня Елизавете доложили о состоявшейся казни Марии Стюарт, она, по словам Кэмдена, «всецело предалась горю». Истерический и драматичный припадок был предназначен, чтобы убедить в ее невинности наблюдающую Европу, но, несомненно, исходил из сложного комплекса неподдельных эмоций.

Наверное, будет уместно сказать, что Елизавета Тюдор знала: идея сестринства королев тоже умерла в этот день. Могло ли все пойти по-

другому, если оглянуться в самое начало? Могла ли Елизавета на самом деле наставить Марию Стюарт? Скорее всего, нет: на пути к этому стояли различия в вероисповедании, со всеми их последствиями для права на английский престол. Было бы чрезмерным упрощением сказать, что религия положила конец реальной возможности сестринских отношений между могущественными женщинами Европы. В конце концов, существовало немало влиятельных женщин в пределах католической Европы, которые могли бы продолжать играть в эту игру. Однако, по всей видимости, такое нежное растение могло цвести только в очень благоприятных условиях. А к концу XVI столетия климат стал ухудшаться.

Эпилог

Что касается меня, то я всегда не столько соблазнялась славным титулом короля или королевской властью королевы, сколько радовалась тому, что Господь сделал меня Его инструментом... Никогда на моем месте не будет королевы, которая бы больше старалась для страны, заботилась о подданных и с большей готовностью рисковала бы своей жизнью ради вашего блага и безопасности, чем я.

*Елизавета Тюдор «Золотая речь»
(30 ноября 1601 года)*

Для Елизаветы Тюдор 18 месяцев после смерти Марии Стюарт представляли собой своего рода новый переломный момент. Возможно, разгром Непобедимой армады летом 1588 года в большей степени обусловили удача и скверная погода, чем умелое командование, и сама кампания стала тем, чего королева всегда боялась, – военным кризисом, в котором она как женщина не могла взять на себя непосредственное управление. Тем не менее речь королевы, которую она произнесла перед своими войсками в Тилбури, когда корабли Непобедимой армады находились в Ла-Манше, а сын Маргариты Пармской планировал вторжение из Нидерландов, стала самой знаменитой в ее карьере.

Я знаю, что имею тело всего лишь слабой беспомощной женщины, но у меня сердце и характер короля, к тому же короля Англии – и меня не пугает, что Парма или любой другой монарх Европы может осмелиться нарушить границы моего королевства. Я не позволю никакому бесчестью пасть на свою голову, я возьму в руки оружие и сама стану вашим генералом...

Как нередко и раньше, она играла на своей женской слабости, превращая ее в силу. В тексте под картиной того времени в Норфолкской церкви есть парафраз слов Елизаветы, в котором вопрос трактуется более энергично: «Враг может атаковать мой пол, поскольку я женщина, значит, я тоже могу осуждать их характер, потому что они всего лишь мужчины».

Она взяла за правило обгонять своих фрейлин и скакать среди солдат только с теми, кто нес перед ней державный меч: «иногда как Женщина, а иной раз с хладнокровием и аллюром Солдата», как сформулировал Кэмден два десятилетия спустя. Лестер, в дни перед приездом Елизаветы в Тилбури, говорил ей, что персона королевы «в этом мире самое священное и тонкое создание, о котором нужно заботиться, человек должен трепетать, когда думает о вас». Она одновременно взывала к отваге своих подданных и убеждала их в собственной силе. Пусть произошел большой провал в деле установления мира, к чему так часто стремились она и ее сестры-королевы, но она смогла принять образ воина, за который особенно ценили правителей мужского пола^[84].

Тем не менее последние годы 1580-х ознаменовали для королевы Елизавета I начало «второго правления», которое стало куда менее успешным, чем предыдущее. В более широком масштабе в 1570-е и 1580-е годы по всей Северной Европе шло эпическое сражение между католиками и протестантами; оно раскалывало Францию, угрожало Англии, укрепляло Испанию в стремлении выступить в защиту католицизма и простереть свои длинные щупальца за моря.

Давний фаворит и сторонник Елизаветы 1-й граф Лестер умер через несколько недель после разгрома Непобедимой армады, к ее глубокому личному горю. Королева будет терять и других важных советников в течение последующих нескольких лет. Когда в 1598 году ушел из жизни Уильям Сесил, дольше всех остававшийся рядом с ней, Елизавета назначила его сына Роберта преемником на посту первого министра, а Лестеру в качестве главного фаворита королевы наследовал его пасынок граф Эссекс. Такая связь представила в самом нелестном свете ее женское правление.

Елизавета долго потакала Эссексу, а он в итоге опустился до открытого восстания, причем оно было отмечено пренебрежением молодого воинственного мужчины к старой женщине. Говорили, что

однажды он непростительно бросил: «Требования королевы такие же кривые, как и ее скелет». В 1590-е годы, десятилетие экономических трудностей и неопределенности, двор Елизаветы также сотрясали скандалы сексуального характера, что не только скверно отражалось на ее авторитете, но и возрождало прежний стереотип о женщине-правительнице, окруженной распутниками.

Старение Елизаветы не означало, что попыткам запятнать ее репутацию пришел конец. В 1580-х годах католический полемист Николас Сандерс опубликовал свою оскорбительную историю Анны Болейн, своеобразный способ обрушить предполагаемые грехи матери на дочь, а в 1590-е печально известный мастер допроса Елизаветы Ричард Топклифф мог вслух фантазировать, что прикасался к ее ногам и животу. Когда, после кончины королевы, Роберт Сесил написал, что Елизавета была «больше чем мужчиной и на самом деле иной раз меньше чем женщиной», – это являлось обратной стороной медали в отношении идеи, что государь выше пола, на которой некогда основывалась верховная власть Елизаветы.

К королеве продолжали обращаться в выражениях куртуазной любви, но ее внешность давно увяла. Анна де Божё предупреждала дочь, что после 40 лет никакие наряды не смогут скрыть морщин на ее лице. Когда Сесил (преданный слуга, но человек, стремившийся обеспечить и собственное будущее, и наследование английского престола) вступил в переписку с Яковом VI Шотландским, он подчеркивал необходимость соблюдать строгую секретность, потому что Елизавета из-за ее возраста и немощи «разделяет ревнивость своего пола». Даже сама королева, упрекая венецианского представителя в том, что Венеция не смогла содержать посла при ее дворе, горько спрашивала, «не женский ли пол принес мне такое умаление?». Ей пришлось гневно сказать человеку, что ее пол «не в состоянии преуменьшить мой престиж».

В последние годы жизни Елизаветы Тюдор, даже после смерти Марии Стюарт, среди основных кандидатов на наследование английского престола было несколько женщин. Филипп Испанский настаивал, что главной католической претенденткой является его дочь, инфанта. В 1601 году, когда Сесил составил список претендентов с

Яковом VI Шотландским на первом месте, за ним следовала Арабелла Стюарт (дочь младшего брата лорда Дарнли), а Якова могли, возможно, лишить прав по причине иностранного происхождения. Для массы внимательных международных наблюдателей Арабелла представляла интерес главным образом потому, что ее можно было выдать замуж за человека, который бы принял на себя ее право: за любого – от самого Роберта Сесила до одного из внуков Маргариты Пармской.

Проблема заключалась в том (как докладывали следившие за ситуацией послы), что Англия на тот момент была сыта королевами. Католический комментатор наследования английского престола, публиковавшийся под псевдонимом Долеман, сформулировал так: женщину «не следует предпочитать, когда есть столько мужчин... было чересчур иметь на английском троне трех женщин подряд, тогда как до них на протяжении более тысячи лет не правило так много персон женского пола».

В итоге по почти всеобщему согласию Елизавете наследовал мужчина, сын Марии Стюарт протестантского вероисповедания Яков VI и I. В декларации пояснялось, что он имеет право на трон по женской линии, ведет род от «Маргариты [Тюдор]... и Елизаветы Йоркской». Однако Яков был человеком, у которого концепцию монархии полностью сформировали патриархальные понятия. Короли «сродни отцам семейств», как сказал он английскому парламенту, «потому что король поистине *parens patriae*, политический отец своего народа».

В конце концов, в юные годы Якова обучал Джордж Бьюкенен, протестант, сыгравший главную роль в очернении репутации Марии. Бьюкенен писал, что женщине так же не подобает «выносить судебное решение, собирать войска и командовать армией», как мужчине не подобает сучить шерсть и выполнять «другие работы слабого пола». Этому предстояло стать основной мыслью сочинений о женском престолонаследии (или, скорее, против него) на десятки лет вперед.

Если Елизавета являлась одной из двух великих фигур, сохранявших власть в конце XVI века, то второй, конечно, была Екатерина Медичи. Екатерину так потрясла смерть Марии Стюарт, кроме прочего, потому,

что ее мученичество за веру должно было придать импульс возглавляемой Гизами Католической лиге, которая фактически заняла место гугенотов в качестве внутренней угрозы^[85]. Когда в 1588 году Гизы напали на Париж и пытались похитить ее сына Генриха III, именно Екатерине пришлось разбираться с ними, сначала лазая по городским баррикадам, а потом оставшись в городе, чтобы поддерживать связь с членами Лиги, пока ее сын спасался бегством. Однако «власть и доброе имя» Екатерины в глазах ее сына теперь были почти разрушены.

Когда ее сын, по собственному порыву, за два дня до Рождества 1588 года приказал убить последнего герцога де Гиза, Екатерина сказала, что он «на пути к краху». Она была права. Всего семь месяцев спустя этого последнего выжившего, но бездетного сына самого убил доминиканский монах, возмущенный тем, что Генрих III вступил в союз с протестантом Генрихом Наваррским. Однако Екатерина не дожидаясь, чтобы увидеть, как сына Жанны д'Альбре, чье бракосочетание вызвало кошмар Варфоломеевской ночи, объявили королем Франции Генрихом IV. Она умерла уже через две недели после убийства Гиза. Генрих IV сделал ей эпитафию. «Что могла поделать бедная женщина, – вопрошал он, – с пятью детьми на руках после смерти мужа и двумя французскими семействами – нашим и Гизов, – старавшимися захватить корону? Разве она не была вынуждена играть странные роли, обманывать тех и других, но все равно, как она сделала, защитить своих детей, которые правили друг за другом при помощи мудрости столь одаренной женщины? Я удивляюсь, что она не сотворила худшего!»

В 1593 году Генрих IV вернулся в лоно Римско-католической церкви, объявив, даже если нельзя поручиться за подлинность этой знаменитой фразы, что Париж стоит мессы. Что на это сказала бы Жанна д'Альбре? Убийство Генриха в 1610 году приведет к власти в качестве регента Франции еще одну женщину, жену короля Марию де Медичи, родственницу Екатерины Медичи, а также ее преемницу. Однако попытки Марии управлять страной так и не стали успешными.

В заключительные годы XVI и начале XVII века оставались примеры женского правления. Филипп Испанский сделал свою дочь инфанту Изабеллу вместе с ее супругом совместными правителями

Испанских Нидерландов, это правление возвестило о наступлении золотого века Нидерландов. Королева Елизавета «говорит, что хочет считать меня своей дочерью; только представьте, как много пользы я получила бы от такой матери!» – двусмысленно сказала инфанта. Однако самая известная правительница XVII века, Кристина Шведская, откажется от своего трона, сказав, что «женщины не созданы, чтобы править». Такое мнение впоследствии повторит королева Виктория, она считала, что «мы, женщины... не приспособлены к верховной власти». Наверное, справедливо, что мечте о женском правлении, которая продвигалась на север в течение XVI столетия, следовало умереть в водах Балтийского моря.

По крайней мере в контексте Северной Европы, заманчиво спросить, не началось ли в конце XVI века сокращение женской независимости: сокращение числа женщин, управляющих своими странами; затихание гинеократической дискуссии по поводу того, следует ли обучать девочек так же, как мальчиков. Теперь королева амазонок в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и других произведениях изображалась укрощенной мужчиной и замужеством.

Действительно, Контрреформация получила одно из своих лучших орудий – обновленный культ Девы Марии, Царицы Небесной. Иезуиты поощряли использование молитв по четкам (а значит, «Аве Мария»), восстановили святыни и поддерживали братства, посвященные Богородице. Деву Марию объявили истинной героиней битвы при Лепанто, большого морского сражения 1571 года, в котором организованная папой Священная лига под руководством Испании разбила турок. Римский папа объявил день сражения, 7 октября, праздником Девы Марии Победительницы. Однако иезуиты, которые в начале своего пути так активно полагались на поддержку дворянок, теперь предпочитали развернуться к менее спорным покровителям мужского пола. Женские религиозные ордена процветали в это время, и продолжают процветать, но присоединившиеся к ним женщины все в большей мере ощущали себя отгороженными от мира.

Не лучше обстояло дело для женщин и в протестантском обществе, совсем не лучше. Протестанты (и их в основном женатое священство) долгое время противопоставляло идеал семьи во главе с отцом католическому идеалу девственности. Такое представление оставляло

мало места для образа девственницы-воина. В начале протестантской Реформации казалось, что она дает женщинам широкие возможности, однако теперь эти возможности, судя по всему, сокращались^[86].

Через сто лет после смерти Елизаветы I Англия снова имела на троне женщину; еще одну женщину, чья старшая сестра занимала престол до нее. Однако старшая сестра королевы Анны, Мария, заявила, что «женщинам не стоит заниматься управлением». Теоретически Мария правила совместно со своим супругом Уильямом, но фактически она передала все бразды правления в руки супруга. Хотя королева Анна, напротив, оттеснила мужа Георга Датского на вторые роли, обе сестры династии Стюартов правили страной, в которой монарху отводилось гораздо меньше власти, чем имела Елизавета.

В континентальной Европе женщины продолжали играть важную роль. Династия Габсбургов продолжала свою практику использования родственниц в роли регентов; во Франции мать и регент Людовика XIV Анна Австрийская (урожденная Габсбург) была единственной важной фигурой. Однако в середине XVIII века власть получила Мария Терезия, габсбургский монарх Австрии и Венгрии. Она успешно организовала избрание своего супруга императором Священной Римской империи, что дало ей титул «императрицы» и стало своего рода возрождением^[87]. Разумеется, также были императрицы, правившие Россией почти весь XVIII век: Екатерина I, Анна, Елизавета и Екатерина II – Екатерина Великая, однако они управляли внутри совершенно другой политической системы и играли по совсем иным правилам.

И Елизавета Тюдор, и Екатерина Медичи были шахматистками, как Изабелла Кастильская, Анна де Божё, Маргарита Австрийская и Луиза Савойская. Хотя Мария Стюарт тоже играла в шахматы, ее особо не связывают с этой игрой. Говорили, что Екатерина, которая научилась играть в Италии и пропагандировала шахматы, когда приехала во Францию, хотела посостязаться с великим итальянским шахматистом Паоло Бои. Елизавета, игравшая со своим знаменитым наставником Роджером Эшемом, в достаточной мере осознавала символизм шахмат, чтобы наградить сэра Чарльза Блаунта после успешного поединка

«шахматной королевой из золота, богато украшенной эмалью», которую он будет носить на нарукавной ленте.

Однако к началу XVII века женщины стали меньше играть в шахматы. Несметное количество средневековых картин, на которых мужчина и женщина играли друг с другом, пошло на убыль; в 1694 году Томас Хайд в работе о шахматах стенал, что в состязательной игре называть самую сильную фигуру королевой, конечно, «неуместно».

И все-таки, все-таки... Традиция женского правления, столь мощная, какой она была в XVI веке, не может (как бы впоследствии ее ни игнорировали) реально прекратиться. С того времени в западном мире хорошо известно, что женщины в состоянии управлять целыми странами, и некоторые из них правили очень эффективно. Теперь никто не может говорить, что такого не может быть.

Многие сражения, проведенные этими женщинами, по-прежнему сохраняют свое значение. Почти 30 лет назад Антония Фрейзер в своей новаторской книге «Колесница Боудикки» (*Boadicea's Chariot*) проследила линию «королев-воительниц» с древних времен до Железной леди Маргарет Тэтчер. Она выделила несколько моделей поведения, лежащих в основе женского лидерства: синдром девственности и синдром ненасытности, роль женщины в качестве благочестивой номинальной главы или примирительницы, проследив их использование от мифологии кельтов и Римской империи до влиятельных женщин нашего времени: Голды Меир, Маргарет Тэтчер, Индиры Ганди.

Женщины, правившие в Европе XVI века, соответствуют моделям Фрейзер почти полностью: от тех, кто «двулично» играет сразу две роли, что позволяло отнести их к разряду почетных мужчин, до тех, кто достигает власти при помощи того, что она назвала синдромом придатка – в качестве вдовы, матери или сестры облеченного властью мужчины. Один взгляд на газеты показывает, насколько эффективно эти модели работают по сей день.

Сражения, проведенные этими королевами и регентшами, обретают особую значимость, когда дело доходит до вопросов о женщинах, обретающих власть, и о том, могут ли женщины, участвующие в общественной жизни, использовать полученную власть иначе. Ни один

из вопросов пока не получил исчерпывающего ответа, но они не теряют своей актуальности. Эта книга писалась в период, когда в Америке женщина готовилась бороться за самый значительный пост, а в Европе Тереза Мэй, вторая по счету женщина на посту премьер-министра, вступила в переговоры с первым министром Шотландии Николой Стерджен и канцлером Германии Ангелой Меркель. Хотя поражение Хиллари Клинтон нанесло удар по мечте о новом наступлении Эпохи королев, мы все равно живем во времена, когда вопросы о женщинах во власти обсуждаются с возрастающей остротой. Это завоевание (и будущие победы, которые, вероятно, ждут нас впереди) частично являются наследием тех наших предшественниц.

Теперь скажите, женщины чего-то стоят или нет?
Или это было, но с нашей королевой ушло?
Нет, мужчины, вы долго нас так порицали,
Но она, даже мертвая, оправдает женщин.
Пусть те, кто говорит, что наш пол лишен Разума,
Теперь знают, что это клевета, а некогда считалось изменой^[88].

Энн Брэдстрит «В честь столь высокопоставленной и могущественной принцессы, светлой памяти королевы Елизаветы» (1643)

Комментарий к источникам

Общие и к Прологу

Своим появлением эта книга в особенности обязана трем другим – кроме, конечно, упомянутой в Прологе работы Гарретта Маттингли «Разгром испанской Армады» (Garrett Mattingly, *The Defeat of the Spanish Armada, Jonathan Cape, 1959*). Мои знания о роли, сыгранной в XVI веке женщинами, которые правили за пределами берегов Британии, расширила книга Уильяма Монтера «Возвышение женщин-монархов в Европе 1300–1800 годов» (William Monter, *The Rise of the Female Kings in Europe 1300–1800, Yale University Press, 2012*), а еще она заставила меня осознать, что наша англоцентричная популярная история не торопилась обращаться к этой теме. Я давно интересовалась концепцией наследования от матери к дочери и, еще только начиная разбираться в этом вопросе, с восторгом обнаружила, что тема глубоко исследована в книге Шэрон Янсен «Грандиозный женский полк: женщины-правительницы в Европе раннего Нового времени» (Sharon L. Jansen, *The Monstrous Regiment of Women: Female Rulers in Early Modern Europe, Palgrave Macmillan, 2002*). У меня сложилась система, несколько отличная от той, что изложила Янсен, проследившая линии наследования королевских семейств на четырех разных территориях – однако ее книга – исключительно ценный труд сама по себе и оставила заметный след в науке.

Те же слова, конечно, следует сказать и о революционной книге Антонии Фрейзер «Колесница Боудикки: королевы-воительницы» (Antonia Fraser, *Boadicea's Chariot: The Warrior Queens, Weidenfeld & Nicolson, 1988*). Я перечитывала эту работу, заканчивая свою книгу, и снова восхищалась блистательной виртуозностью, с которой Антония анализирует модели женского правления от древней истории до сегодняшнего дня. С госпожой Антонией я впервые познакомилась много лет назад, но не по поводу исторических изысканий – мы вместе мёрзли на трибуне во время матча по крикету в один холодный весенний день. Тогда я была ей очень благодарна за великодушное предложение сделать глоток из ее согревающей фляжки; теперь моя благодарность ей бесконечно глубже.

Было бы несправедливо также не высказать общей признательности научным работам в этой области, выпущенным прежде всего в серии

издательства Palgrave Macmillan *Queenship and Power* под редакцией Кэрол Левин и Чарльза Бима (Carole Levin and Charles Beem), а также серии, одним из плодов которой является книга Шэрон Л. Янсен. К другим наиболее значимым названиям в этих сериях принадлежат собственная работа Бима «Львица рычит: Проблемы женского правления в истории Англии» (Charles Beem, *The Lioness Roared: The Problems of Female Rule in English History*, 2008) и книга Э. Вудакр «Королевские матери и их правящие дети: Обладание политической властью от Античности до раннего Нового времени» (Elena Woodacre, *Royal Mothers and their Ruling Children: Wielding Political Authority from Antiquity to the early Modern Era*, 2015). Однако все, что в них вышло, вносит ценный вклад в эту вечно благодатную область знания. Среди массы других книг, обращающихся к этой теме, я бы хотела выделить еще одну: Жаклин Броуд и Карен Грин, «История женской политической мысли в Европе 1400–1700 гг.» (Jacqueline Broad and Karen Green, *A History of Womens Political Thought in Europe, 1400–1700*, Cambridge University Press, 2009).

Мне также хотелось бы напомнить читателю о работах, представленных иначе, – в Интернете. Особая ценность Сети в том, что правители XVI века поставлены здесь в широкий контекст могущественных женщин по всему миру и вглубь веков: рядом с современниками «моих» правительниц, я всегда буду сожалеть, что раджпут Рани, которая вступала в битву на собственном боевом слоне, осталась за рамками этой книги.

Несколько рекомендаций для дальнейшего чтения

Пролог

Мое представление об изменениях в шахматной игре сформировала книга Мэрилин Ялом «Рождение шахматной королевы» (*Marilyn Yalom, Birth of the Chess Queen, Pandora Press, 2004*). Богатую информацию о материале XVI века в гинеократической дискуссии можно найти в примечаниях упомянутой выше книги Шэрон Янсен, в частности на стр. 229–231.

Часть I. 1474–1513 гг

Я уже писала о событиях в Англии тех лет в книге «Сестры по крови: Женщины, стоящие за войной Алой и Белой розы» (*Sarah Gristwood, Blood Sisters: The Women Behind the Wars of the Roses, Harper Press, 2012*). О Маргарите Тюдор (и ее преемниках в Шотландии) захватывающий рассказ см. в: Linda Porter, *Crown of Thistles: The Fatal Inheritance of Mary Queen of Scots, Macmillan, 2013*. О Маргарите и ее сестре Марии см. в: Maria Perry, *Sisters to the King, Andre Deutsch, 1998*.

Авторитетная биография Изабеллы Кастильской на английском языке – Peggy K. Liss, *Isabel the Queen: Life and Times, Oxford University Press, 1992*. См. также статью Барбары Вайсбергер (Barbara F. Weissberger) в сборнике: Anne J. Cruz and Mihoko Suzuki eds, *The Rule of Women in Early Modern Europe, University of Illinois, 2009*. Джулия Фокс (*Julia Fox*) написала серьезную двойную биографию *Sister Queens: Katherine of Aragon and Juana, Queen of Castile, Weidenfeld & Nicolson, 2011*. Екатерина Арагонская также стала героиней нескольких персональных биографий, см.: Giles Tremlett, *Catherine of*

Aragon: Henry's Spanish Queen, Faber and Faber, 2010 и Patrick Williams, *Katharine of Aragon*, Amberley, 2013.

Маргарита Австрийская – героиня трех сравнительно недавних биографий на английском языке: Eleanor E. Tremayne, *The First Governess of the Netherlands: Margaret of Austria*, Methuen & Co, 1908; Jane de Iongh, *Margaret of Austria: Regent of the Netherlands* trans. M.D. Herter Norton, Jonathan Cape, 1954; Shirley Harrold Bonner, *Fortune, Misfortune, Fortifies One: Margaret of Austria, Ruler of the Low Countries, 1507–1530*, Amazon, 1981. О Чарльзе Брэндоне см.: Steven, Gunn, *Charles Brandon: Henry VIII's Closest Friend*, Amberley, 2015. Переписка Маргариты опубликована в: Ghislaine de Boom, *Correspondance de Marguerite d'Autriche...*, Bruxelles, 1935; см. также: André J. G. Le Glay, *Correspondance de l'Empereur Maximilien I et de Marguerite d'Autriche*, Paris, 1839.

Многие из французских женщин королевской крови не имеют отдельных биографий на английском языке, но книга Полин Матарассо «Супруг королевы: три влиятельные женщины Франции накануне эпохи Возрождения» (Pauline Matarasso, *Queen's Mate: Three Women of Power in France on the Eve of the Renaissance*, Routledge, 2001) – серьезное исследование фигур Анны де Божё, Анны Бретонской и (в ее ранние годы) Луизы Савойской. О последующей жизни Луизы Савойской см. в: Dorothy Moulton Mayer, *The Great Regent: Louise of Savoy 1476–1531*, Weidenfeld & Nicolson, 1966). Наставления дочери Анны де Божё переведены на английский язык и изданы Шэрон Янсен (Sharon L. Jansen, *Anne of France: Lessons for my Daughter*, L. D. S. Brewer, 2004. Дневник Луизы Савойской, изданный М. Петито в *Collection complète des memoires relatifs à l'histoire de France*, Paris, 1826, можно найти в интернете.

Я должна также выразить особую благодарность Патриции Ф. и Рубену С. Чолакьян за развитие идеи об автобиографичности отдельных фрагментов «Гептамерона» в книге «Маргарита Наваррская» (Patricia F. and Rouben C. Cholakian, *Marguerite of Navarre*, Columbia University Press, 2006): см. ниже. Я использовала перевод «Гептамерона» Маргарита Наваррской П. А. Чилтон (*Marguerite of Navarre, The Heptaméron*, trans. P. A. Chilton, Penguin, 1984). См. также: *Lettres de Marguerite d'Angoulême*, ed. F. Genin, Paris, 1841; *Nouvelles*

Lettres, Paris, 1842; Pierre, Jourda, Marguerite d'Angoulême, Duchess d'Alençon, Reine de Navarre, Paris, 1930. Работы Брантома о Маргарите см. в: Pierre de Bordeilles Brantôme, *Oeuvres complètes, Paris, 1864–1882.*

«Два длинных письма, подписанные одной буквой «М»: Экземпляры, хранящиеся в *The British Library's Cotton MS (Titus B. i. ff 142)*, принадлежат перу сэра Ричарда Вингфилда, отправленного послом в Нидерланды для переговоров о предлагаемом браке племянника Маргариты Австрийской Карла с младшей дочерью Генриха VIII Марией. Они написаны по-английски, по всей видимости, переведены Вингфилдом с французского оригинала, и Британская библиотека готова допустить, что «возможно» подпись «М» может обозначать Маргариту. Однако по доказательствам, лежащим в самом документе, – местам действия, обстоятельствам, долгим разговорам с королем – сложно предположить, что кто-либо иной мог скрываться под буквой «М». Более того, Вингфилд приписал, что письма написаны из *Loivain* – Лёвена, владения Маргариты, и касаются «тайных дел герцога Саффолка» (*Secret matters of the Duke of Suffolk*). См. также: John Gough Nichols, ed., *The Chronicle of Calais in the Reigns of Henry VII and Henry VIII to the Year 1540, Camden Society, Vol. XXXV, London, 1846.*

«Гептамерон... в определенной мере автобиографичен»: см.: *the Cholakians, op. cit., p. 21–38.* Писатели и прежде говорили о возможности связи Маргариты с Бонниве, но в выражениях своего времени. Франсис Хакетт в биографической книге 1934 года о Франциске I пишет, что Бонниве смотрел на Маргариту «с осторожным интересом, а она, наставница монахинь, трепетала от его внимания. Она поощряла насильственные действия Франциска тем, как допускала и терпела это». Хакетт, как биограф Луизы Савойской Майер, тоже разделял предположение, что Луиза, «хитроумная и опытная матрона», одобряла эту любовную связь, поскольку Бонниве мог дать Маргарите ребенка, а ее супруг нет. О сексуальных нравах и вероятном автобиографическом элементе в произведениях Маргариты см. также: *Broad and Green op. cit., p. 70–71, 79–89.* Чилтон, предваряя «Гептамерон» (*The Heptaméron*), отмечает, что «в моменты, когда женщины проявляют признаки уверенности в себе, возникает

соответствующая озабоченность проявляемым в их отношении насилием»: возможно, Маргарита реагировала на общую атмосферу агрессивности.

Часть II. 1514–1521 гг

Кроме биографий, упомянутых выше, см.: *Antonia Fraser, The Six Wives of Henry VIII, Weidenfeld & Nicolson, 1992; David Starkey, Six Wives: The Queens of Henry VIII, Chatto & Windus, 2003); Alison Weir, The Six Wives of Henry VIII, Bodley Head, 1991; Glenn Richardson, The Field of Cloth of Gold, Yale University Press, 2013.*

Часть III. 1522–1536 гг

Загадочная Анна Болейн вызвала появление огромного количества литературы, но единственной наиболее всесторонней и заслуживающей доверия ее биографией остается работа Эрика Айвза: Eric Ives, *The Life and Death of Anne Boleyn, Blackwell, 2004*. Более дискуссионный взгляд на события представлен в книге Дж. У. Бернарда, главного сторонника теории, что Анна, по крайней мере в некоторой степени, была виновна: G. W. Bernard, *Anne Boleyn: Fatal Attractions, Yale, 2010*, а также в: Retha M. Warnicke, *The Rise and Fall of Anne Boleyn: Family Politics at the Court of Henry VIII, CUP, 1989*. Книга Alison Weir, *The Lady in the Tower: The Fall of Anne Boleyn, Jonathan Cape, 2009* – увлекательный юридический анализ обстоятельств, которые привели к казни Анны; работа Трейси Борман: Tracy Borman, *Thomas Cromwell: The Untold Story of Henry VIII's Most Faithful Servant, Hodder & Stoughton, 2014* показывает другую сторону этой истории; исследование Сюзанны Липскомб: Suzannah Lipscomb, *1536: The Year That Changed Henry VIII, Lion, 2009* анализирует год краха Анны. Мне также очень понравилась книга Николы Шульман: Nicola Shulman, *Graven with Diamonds, Short Books, 2011*, в которой поэт Томас Уайетт служит призмой, через которую рассматривается придворная культура периода гибели Анны.

О великом религиозном противостоянии, в котором история Анны была лишь отдельным фрагментом, написана прекрасная работа: *Diarmaid MacCulloch, Reformation: Europe's House Divided 1490–1700, Allen Lane, 2003.*

«...брат не хочет ее возврата к переговорам»: Возможно, именно возвращаясь домой, упавшая духом Маргарита написала брату недатированное, странное и безысходное письмо. Она, кажется, неистово хочет знать, пошлет ли за ней Франциск; ее мучает мысль, что он может сделать; она боится, что он может «сойти с правильного пути», или опасается, каких действий он может потребовать от нее в качестве «доказательства подчинения». Письмо, которое Маргарита умоляет своего брата сжечь, дышит либо стыдом, так часто мучившим ее, либо запуганным пониманием необходимости соблюдать секретность. Главный издатель произведений Маргариты в XIX веке, Женен (*Génin*), не сомневался в том, чего требовал Франциск, к ужасу сестры: он хотел, чтобы она сделала их отношения близкими не только в эмоциональном, но и в физическом смысле. Однако в наше время сложно понять, что в этом письме наталкивает на столь радикальный вывод, который несомненно едва ли сочетается с неоднократными предложениями Маргариты приехать к брату немедленно. (Кроме того, инцест – излюбленный жупел для писателей первой половины XIX века.) Барбара Стефенсон в книге «Власть и покровительство Маргариты Наваррской» (*Barbara Stephenson, The Power and Patronage of Marguerite of Navarre, Ashgate, 2004, p. 119*) убедительно доказывает, что это письмо могло быть написано другой «Маргаритой».

«Письма Генриха VIII Анне Болейн...»: Существует столько же (в буквальном смысле слова) версий хронологической последовательности писем Генриха, сколько было людей, писавших на эту тему, но я лишь поверхностно затрагиваю эту тему, а потому не чувствую необходимости включать свою версию. Мне представляется убедительной позиция Эрика Айвза по поводу первых трех писем этого ряда, но в отношении остальных я не совсем согласна с построенной им последовательностью.

«Если точны воспоминания»: письмо, приписываемое Жанне, полностью цитируется в: *Nancy Lyman Roelker, cited below, p. 127.*

Я пишу сказать тебе, что до сего дня следовала по стопам почившей королевы, моей уважаемой матери – прости ее, Господи – в вопросе колебаний между двумя религиями. Названную королеву предостерегал ее покойный брат король Франциск I... не увлекаться новыми вероучениями, чтобы не попасть в смешное положение. Более того, я прекрасно помню, как давно покойный король [Наварры], мой самый уважаемый отец... неожиданно появился, когда покойная королева молилась в своих покоях со священниками Русселем и Фарелем, и как он с большим раздражением ударил ее по правой щеке и категорически запретил вмешиваться в вопросы религиозных догматов. Он выпорол меня, что стоило мне много горьких слез и держало меня в страхе и покорности, пока они оба не умерли.

К сожалению, вопросы по поводу аутентичности этого письма существовали прежде и сохраняются до сих пор, см.: *Broad and Green, op. cit., p. 111, 112.*

Часть IV. 1537–1553 гг

Биографию Марии Австрийской см. в: Jane de Iongh, *trans. M.D. Herter Norton, Mary of Hungary: Second Regent of the Netherlands, Faber & Faber, 1959*; биографию Марии де Гиз: Rosalind K. Marshall, *Mary of Guise, Collins, 1977*. Самые последние биографии Марии Тюдор: блестящая работа Энн Уайтлок: Anna Whitelock, *Mary Tudor: England's First Queen, Bloomsbury, 2009*, за ней Linda Porter, *Mary Tudor: The First Queen, Portrait, 2007* и Judith Mary Richards, *Mary Tudor, Routledge, 2008*. Основным биографическим исследованием Жанны Дальбре на английском по-прежнему остается Nancy Lyman Roelker, *Queen of Navarre: Jeanne d'Albret, Harvard University Press, 1968*.

Части V–VII

Я уже дважды писала о правлении Елизаветы I в: *Elizabeth & Leicester, Bantam, 2007* и *Arbella: England's Lost Queen, Bantam, 2003*. В библиографии этих книг даются более пространные списки литературы для чтения и справок, но с тех пор появились новые книги, которые я нашла очень полезными. К работам *Alison Weir, Elizabeth the Queen, Jonathan Cape, 1998* и *Anne Somerset, Elizabeth I, Weidenfeld & Nicolson, 1991* добавилась книга *Lisa Hilton, Elizabeth: Renaissance Prince, Weidenfeld & Nicolson, 2014*, в которой, с моей точки зрения, особенно ценен европейский контекст. Произведение Джона Гая (*John Guy, My Heart is My Own, HarperCollins, 2004*) остается выдающимся описанием жизни Марии Стюарт, королевы шотландцев^[89].

О Екатерине Медичи см.: *R. J. Knecht, Catherine de' Medici, Routledge, 1998* и *Leonie Frieda, Catherine de Medici, Weidenfeld & Nicolson, 2003*. Корпус литературы об этой незаурядной правительнице пополнила работа *Nancy Goldstone, The Rival Queens: Catherine de' Medici, her Daughter Marguerite de Valois, and the Betrayal that Ignited a Kingdom, Weidenfeld & Nicolson, 2015*. Несколько французских основных источников теперь доступны в интернете: *Lettres de Catherine de Médicis, Paris, 1880*, *Mémoires et poésies de Jeanne d'Albret, Paris, 1893*, *N. de Bordenave, Histoire de Bearn et Navarre, Société de l'Histoire de France Paris, 1873*; *Mémoires et Lettres de Marguerite de Valois, Paris, 1842*.

Хотя Кристину Датскую следовало бы внести в длинный список европейских женщин, о которых нет современных книг на английском языке, однако в Сети есть такая биография, см.: *Julia Cartwright, Christina of Denmark: Duchess of Milan and Lorraine 1522–1590, New York, 1913*.

К особенно полезным научным исследованиям, с моей точки зрения, принадлежат следующие: *Carole Levin, Debra Barrett-Graves and Jo Eldridge Carney, eds., High and Mighty Queens of Early Modern England: Realities and Representations, Palgrave Macmillan, 2003*; *Rayne Allinson, A Monarchy of Letters: Royal Correspondence and English Diplomacy in the Reign of Elizabeth, Palgrave Macmillan, 2012*; *Anne J. Cruz and*

Mihoko Suzuki, eds., The Rule of Women in Early Modern Europe, ed. Anne J. Cruz and Mihoko Suzuki, University of Illinois 2009; прежде всего статьи Кэрол Левин (Carole Levin) о Елизавете, Мэри Экман (Mary C. Ekman) о Жанне д'Альбре и Михоко Сузуки о Елизавете и Екатерине де Медичи. Об этом см. также эссе Сюзанны Доран (Susan Doran) в: Glenn Richardson (ed.), The Contending Kingdoms: England and France 1420–1700, Ashgate, 2008.

Благодарности

Эта книга, наверное, никогда не обрела бы своей теперешней формы без поддержки одного человека – моей старинной подруги (и неофициального редактора!) Маргариты Гаскин, которая, как очень часто бывало и раньше, пришла мне на выручку и провела долгие часы, помогая мне привести в порядок зачастую весьма сложный необработанный материал. Ее способности компенсировали мои недостатки – спасибо тебе, Маргарита! Есть еще человек, благодарить которого у меня возникают основания с каждой выпущенной мной книгой, – историк Элисон Уэйр. Ее поддержка и энтузиазм никогда не иссякают для друзей.

Несколько других историков тоже согласились мне помочь, читая текст или отвечая на мои вопросы. Я безмерно благодарна доктору Э. Вудакр Винчестерского университета, которая собрала целую группу научных специалистов для чтения фрагментов текста, чтобы свести до минимума количество ошибок в этой достаточно широкой по охвату событий книге. Я глубоко признательна докторам Джанатану Спэнглеру (*Dr Jonathan Spangler*) и Люсинде Дин (*Dr Lucinda Dean*), Кэтлин Сартти (*Cathleen Sarti*), Росио Мартинес Лопес (*Rocio Martinez Lopez*), Эстель Паранке (*Estelle Paranque*), Уне Маклвенни (*Una McIlvenny*) и Эйслинн Мюллер (*Aislinn Muller*). Я также очень благодарна профессору университета Небраски в Линкольне Кэрол Левин, чья собственная работа явилась для меня источником воодушевления, к тому же она познакомила меня с цитатой *The New York Times*, которая стала ключом к моему Прологу. Спасибо также докторам Трейси Борман (*Dr Tracy Borman*) и Линде Портер (*Dr Linda Porter*), Николе Таллис (*Nicola Tallis*), доктору Саре Вольфсон (*Dr Sara Wolfson*) и профессору Луизе Вилькинсон (*Professor Louise Wilkinson*) за их работу по организации конференции на тему «Премодернистское правление королей и дипломатия в Европе», состоявшейся в Кентерберийском университете Крайст-Черч в сентябре 2014 года, которая мне в высшей степени помогла. Не стоит и говорить, что все оставшиеся в книге ошибки – полностью моя ответственность.

Еще я хочу выразить благодарность моим агентам Питеру Робинсону в Великобритании и Джорджу Лукасу в США, а также

моим издателям. В Великобритании в издательстве *Oneworld* – Фионе Слейтер за удивительный энтузиазм при заказе книги, Сэму Картеру за дружелюбие при приеме работы и особенно Джонатану Бентли-Смиту за практическую помощь и терпеливость, выходящую за пределы чувства долга. В США в издательстве Basic Books – Ларе Хеймерт и Лие Стечер за остроту ума и преданность делу. Благодаря им всем, я надеюсь, книга получилась достойной.

Больше информации о гинократической дискуссии и ее значимости для женщин нашего времени, а также о влиятельных женщинах, лишь слегка затронутых в этой книге, пожалуйста, см. веб-сайт: gameofqueensbook.com

Фотоматериалы

1. Анна де Божё (фрагмент триптиха Муленского собора, ок. 1498–1501 гг.). Фактически правила Францией как регент при малолетнем брате Карле VIII. © *Wikimedia Commons*

2. Изабелла I Кастильская (Хоакин Домингес Беккер, 1859 г.). © *Wikimedia Commons*

3. Маргарита Австрийская (приписывается голландскому художнику Питеру ван Конинксло, ок. 1500 г.). © *Wikimedia Commons / Hampton Court Palace*

4. Мартин Лютер вешает 95 тезисов на двери Замковой церкви в Виттенберге, 1517 г. (Фердинанд Паувелс, 1872 г.). Реформация стала одной из причин, по которым женщины обрели более прочные позиции именно в эту эпоху. © *Wikimedia Commons*

5. Кристина Датская (Франсуа Клуэ, 1558 г.). © *Wikimedia Commons*

6. Поле золотой парчи, 1520 г. (автор неизвестен, 1545 г.). © *Wikimedia Commons*

7. Тридентский собор, 1545–1563 гг. (картограф Маттиас Бурглехнер, XVI в.). Считается началом Контрреформации. © *Wikimedia Commons / Wolfgang Sauber*

8. Разгром Непобедимой армады в 1558 г. (Филипп Якоб Лютербург, 1796 г.). © *Wikimedia Commons / National Maritime Museum, Greenwich Hospital Collection*

9. Екатерина Медичи (Жермен Ле Маннье, XVI в.). © *Wikimedia Commons / Palazzo Pitti*

10. Игра в шахматы (Софонисба Ангишола, 1555 г.). © *Wikimedia Commons / National Museum in Poznań*

11. Варфоломеевская ночь, 1572 г. (Франсуа Дюбуа, XVI в.). ©
Wikimedia Commons / Cantonal Museum of Fine Arts

18+

Увлекательное чтение,
проливающее свет
на эпоху Ренессанса
— Элисон Уэйр —

ИГРА КОРОЛЕВ

Женщины, которые
изменили историю Европы

— САРА ГРИСТВУД —

Примечания

1

Перевод В.С. Ржевской. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

2

¹ В России, куда изменения пришли позже, только в XVIII веке во время царствования Екатерины Великой шахматная королева взяла верх над ферзем. Первое появление шахматной королевы в начале тысячелетия также совпало, если можно так сказать, с кратким расцветом женской власти. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. авт.*

[Вернуться](#)

3

И позже тоже. В качестве свидетельства может послужить, например, Международная женская мирная конференция 1915 года, участницы которой надеялись положить конец Первой мировой войне.

[Вернуться](#)

4

В России эта фигура сохранила мужской пол, и такой вариант гамбита называется ферзевым. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

5

¹ Богослужебные часы, или оффиции – богослужения суточного цикла в Римско-католической церкви. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

6

Английский посол нередко наблюдал, как племянницы и племянники Маргариты бегали на воздухе вокруг костра, а зимой катались на санях, снаряженных как корабли.

[Вернуться](#)

7

В герцогство Бургундия входила не только южная территория, которую мы в настоящее время считаем Бургундией, но и значительная часть современных Бельгии и Нидерландов. Поскольку изначальная «Бургундия» практически немедленно отошла Франции по условиям брачного договора Маргариты Австрийской, будет удобнее сразу говорить о «Нидерландах». Сами Нидерланды к концу XVI века разделятся на католические Испанские Нидерланды и семь независимых провинций.

[Вернуться](#)

8

Через несколько недель после восшествия Изабеллы на престол Кастилии был подписан Сеговийский договор, по которому ее герб будет стоять выше герба ее супруга на всех правовых документах, однако его подпись пойдет первой – символический и эффективный компромисс. Договор не избежал критики со стороны тех, кто считал, что Фердинанд – сам правнук кастильского короля – должен теперь быть правителем Кастилии, «потому что он мужчина».

[Вернуться](#)

9

Многие женщины в этой книге будут считать разумным по меньшей мере публично ссылаться на наследие отца, а не матери.

[Вернуться](#)

10

Однако накладывают ли эти предполагаемые добродетели на женщин ограничения сами по себе, остается вопросом по сей день.

[Вернуться](#)

11

Пост императора Священной Римской империи – несмотря на то что в течение последнего столетия его занимали члены рода Габсбургов – был выборным, за него могли состязаться все европейские правители. Созданный для Шарлеманя, Карла Великого, в 800 году, он играл важнейшую роль в католической церкви и нес за нее особую ответственность; император являлся светским аналогом религиозного авторитета папы. Так же важно, что он не только имел верховную власть в группе церковных и светских княжеств, составлявших Германию, но и постоянно меняющуюся степень влияния в некоторых других территориях, прежде всего в Италии. Священная Римская империя просуществовала до Наполеоновской эры.

[Вернуться](#)

12

Этим приемом впоследствии воспользуются несколько других королей, получивших образование во Франции.

[Вернуться](#)

13

Ее дневник сначала был скорее заметками (возможно, составленными из астрологических соображений), но впоследствии она стала описывать все значимые события, случившиеся в отдельные дни года.

[Вернуться](#)

14

И снова будет удобнее говорить «Испания», хотя официальное объединение испанских королевств произойдет только в XVIII веке.

[Вернуться](#)

15

Третью дочь Марию, после ранней смерти Изабеллы, призвали заменить сестру и, в свою очередь, выйти замуж за Мануэля.

[Вернуться](#)

16

Лемер со временем перейдет со службы у Маргариты к Анне Бретонской; таким образом, сознательно или нет, взаимосвязь между женщинами могли поддерживать их служащие.

[Вернуться](#)

17

Настойчивость Маргариты в желании хранить при себе сердце Филиберта напоминает поведение ее золовки Хуаны, объявленной безумной.

[Вернуться](#)

18

Невозможно не вспомнить, в сравнение и в отличие, о «сердце и характере короля» Елизаветы I в Тилбури.

[Вернуться](#)

19

Один хронист XVII века сообщал, что «в какой-то момент» Анна де Божё сама намеревалась захватить корону.

[Вернуться](#)

20

Шотландский историк XVI века Джон Лесли говорил, что рассматривалась и другая возможность: если мужская линия Генриха когда-либо прервется, то на английский престол взойдут наследники Маргариты. В таком случае тоже будет неплохо, поскольку «не Англия войдет в Шотландию, а Шотландия войдет в Англию», – сказал Генрих пророчески. Однако в тот момент, когда оба сына Генриха были живы и здоровы, подобное развитие событий казалось маловероятным.

[Вернуться](#)

21

Тебя, Господи [*хвалим*] (лат.). – Прим. ред.

[Вернуться](#)

22

Там она вырастит не только своего племянника Карла, но и трех его сестер. Младший брат Карла Фердинанд, однако, воспитывался в Испании у деда, в честь которого назвали мальчика, а младшая сестра Екатерина, рожденная после возвращения Хуаны в Испанию, делила с матерью заключение.

[Вернуться](#)

23

Он сам платил тем, кто позволял удалять себе зубы, а не наоборот; наверное, в наше время он пользовался бы большой популярностью.

[Вернуться](#)

24

Трогательно, что Фердинанд говорил дочери, что «хорошо выйти замуж – самое большое блаженство в мире... и источник всех остальных ипостасей счастья», это косвенная дань Изабелле Кастильской.

[Вернуться](#)

25

Приграничный городок Камбре впоследствии был местом собственного триумфа Маргариты, и его название будет то и дело появляться в этой книге.

[Вернуться](#)

26

Когда четырнадцатилетнего Франциска оторвали от материнской заботы, чтобы тот жил при дворе, Луиза стенала в своем дневнике, что его отъезд «оставил меня в одиночестве», хотя Маргарита была с ней. На ум приходит Генрих VIII, который тоже имел здоровую дочь, но считал себя бездетным.

[Вернуться](#)

27

Годы спустя Анна Болейн, уже арестованная, будет тешить себя надеждой, что Генрих просто хочет проверить ее.

[Вернуться](#)

28

Маргарита всю жизнь занималась учреждением больниц и организацией попечения для детей-сирот, поэтому сложно не вспомнить о другой «народной принцессе», которая возмещала недостаток любви в семье, любя весь мир в надежде, что он ответит ей взаимностью.

[Вернуться](#)

29

Когда помолвка Элеоноры с престолонаследником Португалии ни к чему не привела, ее выдали замуж за его отца, самого короля Португалии Мануэла, который до этого уже два раза женился на ее испанских родственницах, дочерях Изабеллы Кастильской. Неудивительно, что результаты близкородственных браков Габсбургов станут печально известными.

[Вернуться](#)

30

Давно обсуждается вопрос, была ли Анна Болейн принята ко двору королевы Клод и оставалась там все время ее пребывания во Франции, или ее перевели ко двору Маргариты, которая кажется более подходящей наставницей. Однако включение Маргариты во двор брата делает это разграничение излишним, и мы можем допустить, что Анна по меньшей мере прекрасно знала о делах этой харизматичной фигуры.

[Вернуться](#)

31

Парижский парламент безоговорочно являлся самым влиятельным из семи французских парламентов – он был не столько законодательным собранием, сколько архиепископским судом. Голосом Франциска в этом органе служил его канцлер Дюпра, давнишний союзник Луизы.

[Вернуться](#)

32

Ее внучка Мария тоже будет убеждена, что женщине невозможно править самостоятельно, без поддержки «решительности мужчины». Ее выбор окажется столь же неудачным.

[Вернуться](#)

33

Этот младенец, леди Маргарита Дуглас, вырастет и станет матерью лорда Дарнли, а ее единоутробный брат Джеймс будет отцом жены Дарнли Марии, королевы шотландцев, так что Маргарита Тюдор – дважды основательница объединенной британской монархии.

[Вернуться](#)

34

Это может казаться странным, учитывая будущую историю Генриха.

[Вернуться](#)

35

Существовало убеждение, что индульгенция дает христианам право купить – в буквальном смысле купить, за деньги – сокращение времени пребывания души в чистилище. Высокая стоимость нового здания базилики Святого Петра в Риме стала причиной выпуска папской буллы о новой индульгенции в 1515 году.

[Вернуться](#)

36

Речь, вероятно, идет о том, что, в отличие от обычной практики официального маскарадного танца, мужчины и женщины танцевали вместе.

[Вернуться](#)

37

Традиционно ни один государь не имел формального права именоваться императором Священной Римской империи, пока его не коронует в Риме папа римский. Однако предшественник Карла Максимилиан нарушил эту традицию, добившись от папы права называть себя избранным императором. Карл в конечном итоге будет коронован папой (и станет последним обладателем этого титула), но лишь через десяток лет.

[Вернуться](#)

38

Он также решил проблему с положением своего брата Фердинанда, предоставив ему контроль над наследными австрийскими землями Максимилиана и назначив его регентом германских территорий в отсутствие Карла. Это решение ознаменовало начало разделения дома Габсбургов на две ветви: испанскую, главой которой являлся Карл (а впоследствии сын Карла Филипп), и австрийскую.

[Вернуться](#)

39

Перевод Г. Кружкова. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

40

Формально Марии не пожаловали титул принцессы Уэльской, но это не являлось знаком личной немилости. Как женщина она могла считаться наследницей только предположительной, а не несомненной, поскольку ее отец (если не от Екатерины, тогда от какой-то другой будущей жены) мог еще получить законнорожденного мальчика. Такая же проблема обсуждалась в 1940-х годах, когда встал вопрос, может ли будущая Елизавета II стать принцессой Уэльской, и было решено, что, к сожалению, не может. Ситуация изменилась только с изменением закона о престолонаследии в XXI веке.

[Вернуться](#)

41

Многовековое движение, «в сравнении с которым эпоха Возрождения просто рябь на поверхности литературы», как писал К. С. Льюис.

[Вернуться](#)

42

Ни одно письмо Генриха VIII к Анне Болейн не датировано, среди историков также нет согласия по поводу последовательности его писем [см. *Комментарий к источникам*]. Письма Анны к королю не сохранились.

[Вернуться](#)

43

Хотя этот термин появился немного позже, реальный факт уже существовал во Франции. Франциск вовсе не сходил с ума от любви, но Анна де Писле, фаворитка, ради которой он покинул Франсуазу де

Фуа после возвращения из Павии, открыто появлялась рядом с ним по торжественным случаям.

[Вернуться](#)

44

Возможно, на создание поэмы повлияла борьба Изабеллы Кастильской с «Бельтранихой», ее соперницей за трон Кастилии. Однако произведение по-прежнему сохраняло свое значение и во времена дочери Изабеллы.

[Вернуться](#)

45

Или, скорее, регентом самой западной части Венгрии, остававшейся под правлением Габсбургов. Одна часть страны оказалась во власти турок, а остальные районы стали отдельным княжеством Трансильвания, где правила известная Изабелла Ягеллон, внучатая племянница Катерины Сфорца. Изабелла Ягеллон будет первым правителем, издавшим эдикт о всеобщей религиозной терпимости.

[Вернуться](#)

46

Генрих также унаследовал обширную прилегающую территорию Беарна, и хотя Наварра даст Маргарите, а в свое время и ее дочери титул королевы, Беарн был более богатым достоянием.

[Вернуться](#)

47

Признание законнорожденности в любом случае оставалось во власти папы римского. Ребенка можно было считать законнорожденным, как, например, дочь Маргариты Тюдор,

Маргариту Дуглас, даже после развода или аннулирования брака, если его родители вступали в брак должным образом.

[Вернуться](#)

48

Мария Тюдор, бывшая госпожа Анны Болейн, тоже отсутствовала. Она действительно болела; Мария умрет в течение этого года под разговоры, что ее убило «горе» видеть, как ее брат Генрих бросил свою жену. Однако ее враждебности не разделяла другая сестра Генриха, Маргарита Тюдор в Шотландии, которая обращалась к Анне, когда та стала королевой, «наша дражайшая сестра» и радовалась, что ее дочь Маргариту Дуглас пригласили ко двору Анны.

[Вернуться](#)

49

Хотя и Цвингли, а к этому моменту и Лютер отвергали идею, что хлеб и вино, освящаемые священником во время мессы, в буквальном смысле становятся плотью и кровью Христа, Лютер по-прежнему говорил о «реальном присутствии» Христа на мессе, что отрицалось Цвингли и его последователями-сакраменталистами.

[Вернуться](#)

50

В последовавшей войне Маргарита (которая инспектировала войска и докладывала об их состоянии, участвовала в допросах шпионов) сожалела, что не может делать больше, поскольку беззаконий императора достаточно, чтобы «все женщины захотели быть мужчинами». «Поскольку я, будучи женщиной, не в состоянии оказать вам помощь, как хотелось бы, я не перестану собирать поле битвы молящихся», — написала она в выражениях, которые отзовутся в плане Терезы Авильской по восстановлению церкви при помощи армии молящихся.

[Вернуться](#)

51

Часто вставал вопрос, был ли плод деформирован («бесформенная масса плоти» в одном из последующих сообщений), что человека XVI столетия могло бы навести на мысль о черной магии или сатанистских практиках. Хотя в XV веке обвинения в колдовстве выдвигались нескольким знатым дамам, в частности вдове Генриха IV Жанне Наваррской и матери Елизаветы Вудвилл Жакетте, во времена Анны такого не происходило, и в представленных ей официальных обвинениях не шло речи о колдовстве.

О роли, которую сыграл страх колдовства в XVI веке в том числе, по всей видимости, и в упадке женской власти в конце столетия см.: *MacCulloch D.* Op. cit. P. 561–570. Говорилось, что «Эпоха королей» также породила великую эру охоты на ведьм. С 1400 по 1800 год в Европе и колонизированной Северной Америке умерло 40–50 тысяч людей по обвинениям в колдовстве, это количество росло с 1560 года, когда стали сжигать меньше еретиков. Колдовство рассматривалось в качестве естественного продолжения ереси, с той лишь разницей, что его особо (хотя далеко не всегда) связывали с женщинами. В трактате «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), опубликованном в 1487 году, конкретно утверждалась женская сущность чародейства, а папская булла 1484 года одобряла действия против ведьм. В 1532 году закон Карла V *Lex Carolina* установил смертную казнь и еретикам, и ведьмам. Крестовый поход против ведьм являлся частью усилий Испании установить порядок в Нидерландах в 1560-е годы.

[Вернуться](#)

52

При Елизавете I Паркер станет архиепископом Кентерберийским.

[Вернуться](#)

53

Печаль от смерти Ричмонда усугублял тот факт, что за несколько недель до того стало известно о тайной помолвке с Томасом Говардом племянницы короля Маргариты Дуглас (дочери Маргариты Тюдор и еще одной наследницы английского престола), и девушку отправили в Тауэр.

[Вернуться](#)

54

Диана имела за спиной долгую карьеру при королевском дворе. Она тоже частично выросла при Анне де Божё, затем служила и женам короля Франциска, и его матери Луизе Савойской. С Екатериной Диана была связана родством через общего предка из семейства Ла Тур д'Овернь.

[Вернуться](#)

55

Маргарита также инструктировала французского посла в Англии Марильяка вступить от имени Анны Клевской, теперь все-таки родственницы.

[Вернуться](#)

56

Впоследствии Кальвин будет наиболее известен своей реформатской деятельностью в Женеве и доктриной предопределения, по которой все события жизни человека и судьба всех душ предопределена Господом Богом.

[Вернуться](#)

57

Реформация в Англии породила мучениц с обеих сторон: Элизабет Бартон, «святую деву из Кента», пророчествовавшую против брака Генриха VIII с Анной Болейн, повесили; протестантку Энн Аскью сожгли на костре, предварительно подвергнув страшным пыткам.

[Вернуться](#)

58

Когда в октябре 1551 года Мария де Гиз посетила двор Эдуарда, возвращаясь домой из Франции, Марию приглашали помочь ее принимать. К сожалению, принцесса отклонила предложение, сославшись на плохое здоровье; наверное, побоялась усиления давления. Одна из немногих встреч в нашей истории, о которой можно было бы только мечтать.

[Вернуться](#)

59

Супруга короля, однако, могла иметь статус *femme sole*; то есть замужней женщины с независимым состоянием, способной вести финансовые и юридические дела по собственному праву, не прибегая к покровительству мужчины.

[Вернуться](#)

60

Военный аспект роли монарха был не единственной проблемой правительниц. Как и ее предшественники мужского пола, Мария Тюдор будет настаивать на «прикосновении» для излечения золотухи и других болезней. Прикосновение монарха считали целительным, и ему придавалось огромное символическое значение. Французы использовали предполагаемую целительную способность правителя в качестве одного из подтверждений обоснованности Салического закона, поскольку она представляла монарха в полусвященнической роли, что, само собой разумеется, было недоступно для женщин.

[Вернуться](#)

61

В XII веке Генрих I, стараясь обеспечить наследование трона своей дочерью Матильдой, пытался издать указ, по которому ее страна не будет подвластна ее супругу.

[Вернуться](#)

62

Как окажется, сын Карла Филипп получит Испанию и ее территории в Новом Свете, а также Нидерланды. Священная Римская империя и австрийские земли отойдут семейной ветви брата Карла Фердинанда. Это не было изначальным планом Карла; он хотел, чтобы Филипп стал его преемником на посту императора Священной Римской империи. Составленный Марией подробный меморандум о будущем распределении власти и защите интересов Габсбургов показывает, какие серьезные распри сеял этот вопрос.

[Вернуться](#)

63

Выданной замуж за своего двоюродного брата Жуана, наследника португальского престола, Хауне после его смерти досталось принять регентство в Испании всего через три недели после рождения ее единственного сына. Она оставила ребенка заботам своей бабушки Екатерины, младшей дочери Хуаны Безумной, бывшей инфанты Испании и регентши Португалии. Карл V написал сыну, что инструкции Хуане должны основываться на тех, что были даны Марии Австрийской: «но поскольку [Хуана] более активна по характеру... настаивай на том, чтобы она и ее советники... воздерживались от новых толкований инструкций, что они иной раз делали». Хуана основала в Мадриде монастырь *Descalzas Reales* (босоногих

принцесс), к тому же считается, что ее приняли в орден иезуитов под псевдонимом Матео Санчес.

[Вернуться](#)

64

Это тоже ляжет в основу знаменитого пацифизма Елизаветы Тюдор.

[Вернуться](#)

65

До этого Нокс провел несколько лет на французских галерах по приговору за участие в антифранцузском восстании, сей факт явно способствовал ужесточению его взглядов.

[Вернуться](#)

66

Она нарушила традицию, одевшись в белое, которое ей было очень к лицу. Во французской королевской семье белый, весьма пророчески, являлся цветом для траура, а не свадьбы.

[Вернуться](#)

67

Амбиции Кристины в другом направлении тоже наткнулись на препятствия. После смерти в тюрьме отца Кристиана Датского его права перешли к старшей сестре Кристины Доротее. Однако Доротею, как бездетную женщину в годах, убедили уступить права Кристине. Ей так и не удалось найти помощь, чтобы вернуть трон, и с 1561 года Кристина именовала себя королевой Дании, Норвегии и Швеции. Ее дочери тоже станут влиятельными женщинами: старшая будет правительницей Сиены, а младшая – регентом Тироля.

[Вернуться](#)

68

Менее радостно, но пронизательно он писал Жанне: «У тебя природная склонность изводить своего мужа и всех, кто тебя любит», – проверять их, говоря языком современной популярной психологии.

[Вернуться](#)

69

Опасения сословий состояли в том, что в случае смерти Жанны Антуан не должен становиться их правителем, а только дети Жанны должны наследовать престол. Именно это различие в статусе между королем и королем-консортом приводило в досаду Марию и Филиппа в Англии и не позволит получить матримониальную корону супругу Марии Стюарт лорду Дарнли.

[Вернуться](#)

70

Эйлмер в своем трактате незабываемо противопоставил Елизавету основной массе женщин: «увлекающихся, глупых, развратных, легкомысленных... отупевших от отбросов дьявольской помойки».

[Вернуться](#)

71

Жанна заказала Борденаву написать историю ее территорий. Она также заказала написать для нее от первого лица том *Mémoires* («Воспоминания») – или, точнее, 120 страниц самооправданий. Две строки особенно остаются в памяти: «Если бы я хотела взять на себя защиту женского рода, то нашла бы массу примеров»; и первая строка: «Я всегда считала, что если особа сама не довольна собой, то хорошее мнение о ней других составляет лишь половину ее сознания».

[Вернуться](#)

72

На протяжении большей части правления Елизаветы все возможные кандидаты на наследование престола были женского пола. Сестры Грей и Маргарита Клиффорд происходили от сестры Генриха VIII Марии; Маргарита Дуглас и ее внучка Арабелла Стюарт – от сестры Генриха Маргариты.

[Вернуться](#)

73

Она будет использовать его в качестве фона, на котором сможет продемонстрировать свое непоколебимое целомудрие. Как написала об этом Анна де Божё: «Представьте себе прекрасный замок, настолько хорошо укрепленный, что его никогда не штурмуют, – тогда его не за что восхвалять, как и рыцаря, который никогда не проявлял себя, чтобы говорить о его доблести. И наоборот, больше всего хвалят ту вещь, что побывала в огне, но не сгорела...»

[Вернуться](#)

74

Этот факт использовали в качестве доказательства, что она действительно имела интимные отношения с Ботвеллом (как утверждали ее враги) до Данбара, поскольку в противном случае плод не смог бы достаточно развиться, чтобы стало ясно, что это двойня.

[Вернуться](#)

75

Маргарита Пармская отличалась от других правительниц тем, что ее второй супруг Оттавио Фарнезе в этот момент здравствовал. Однако он остался в Италии управлять собственным герцогством Парма, а их сын Алессандро отправился с Маргаритой в Нидерланды.

[Вернуться](#)

76

Впоследствии Маргарита будет советником своего младшего незаконнорожденного единокровного брата дона Хуана, назначенного наместником Нидерландов в 1576 году, и своего сына Алессандро Фарнезе, который стал его преемником. Ее попросили работать в качестве сорегента сына и заниматься гражданским администрированием, пока он, гениальный военачальник, заботится о ведении к этому времени ставшей полномасштабной военной кампании, однако мать и сын не смогли работать вместе, и Маргарита снова ушла в отставку.

[Вернуться](#)

77

Перевод А. Петровой. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

78

Императором Священной Римской империи уже был не Фердинанд (он скончался в 1564 году), а его сын, нареченный Максимилианом в честь деда.

[Вернуться](#)

79

В этом резня в Варфоломеевскую ночь явилась предшественницей событий 1789 года, когда происходило жесточайшее сексуальное насилие, например в отношении принцессы Ламбаль.

[Вернуться](#)

80

20 лет спустя Кристофер Марло в своей трагедии «Резня в Париже» отведет Екатерине Медичи роль главного злодея: «Все те, кто мне противится, умрут: / Пока живу, не уступлю я власти». *(Перевод Ю. Корнеева)*

[Вернуться](#)

81

Однако Генрих Наваррский заметил ей, наверное, проницательно: «Проблемы радуют и питают вас – на покое вы бы не знали, как дальше жить».

[Вернуться](#)

82

Когда Генрих унаследовал трон, Алансон сам стал герцогом Анжуйским. Однако ради ясности я буду продолжать называть его Алансоном.

[Вернуться](#)

83

В эти последние годы Елизавета вступила в переписку с Сафийе-султан, супругой албанского происхождения правителя Османской империи Мурада III, которая после его смерти в 1595 году возвела на престол их сына Мехмеда III, и сама обладала такой властью, что английский посол имел основания докладывать, что Мехмедом «полностью управляет старая султанша». Мурад, которому вести собственную переписку с Елизаветой мешали статусные сложности, нередко находил письма от своей жены полезным способом наладить контакт с человеком, по его мнению, более слабого пола. Активно поддерживая хорошие отношения с Англией, Сафийе описывала

Елизавету («редкостную среди женского пола мира») как идущую по стопам Девы Марии. Дамы обменялись подарками. Сафийе прислала Елизавете «платье, пояс, два вышитых золотом банных полотенца, три шейные косынки и диадему с рубинами и жемчужинами». Елизавета отправила султанше карету, в которой, к ужасу местных жителей, Сафийе обычно покидала гарем и ездила по улице. Обсуждались даже совместные военные действия Мурада и Елизаветы, так же, как это было у деда Мурада Сулеймана и Луизы Савойской. Была ли Луиза еще одним аутсайдером, который в поисках союзников желал выйти за пределы клуба европейских правителей-мужчин?

[Вернуться](#)

84

Ее нидерландские союзники, создавая медали с изображением тонущих испанских кораблей, по имеющимся сведениям, добавляли надпись: «Совершено предводительницей».

[Вернуться](#)

85

Герцогиня де Монпансье (дочь Франсуа, герцога де Гиза, убитого в 1563 году, и таким образом двоюродная сестра Марии Стюарт) была особенно фанатичной. Она всегда носила на поясе ножницы, которыми грозилась выстричь королю тонзуру и отправить его в монастырь.

[Вернуться](#)

86

Чтобы вновь открыться в Англии времен нового кризиса — во времена Гражданской войны. Антония Фрейзер в книге «Слабый пол: Положение женщин в Англии XVII века» 1984 года (Antonia Fraser, *The Weaker Vessel: Woman's Lot in Seventeenth-Century England*) подробно описывает важность деятельности женщин обеих сторон конфликта. Как замечает Диармайд Маккалох в труде «Реформация» (*Diarmaid*

MacCulloch, Reformation, p. 657): «Самоутверждение женщин было возможно в периоды неопределенности и кризиса... Когда времена успокаивались, происходило постепенное сокращение возможностей для женщин, вместе с переписыванием истории».

[Вернуться](#)

87

Мария Терезия надиктовала автобиографическое описание своей деятельности под названием в стиле Анны де Божё «Наставления заботливой матери для особой пользы своего потомства». Говоря сыну, что «плохой мир всегда лучше хорошей войны», она тем не менее отпраздновала возвращение Праги в 1743 году представлением, известным как «дамская карусель», в котором сражалась на рыцарском поединке с другой аристократкой.

[Вернуться](#)

88

Now say, have worth women? or have they none?
Or had they some, but with our Queen is't gone?
Nay Masculines, you have thus taxt us long,
But she, though dead, will vindicate our wrong.
Let such as say our sex is void of Reason,
Know tis a slander now, but once was treason.

[Вернуться](#)

89

Гай Дж. «Мое сердце принадлежит мне»: Жизнь и судьба Марии Стюарт. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.

[Вернуться](#)